

ВЕСТНИК

**КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН**

ВЕСТНИК КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

Издается с 1963 г.
ISSN 2075-7794

Журнал зарегистрирован 1 июля 2009 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Рег. номер ПИ № ФС77-36765

№ 2, 2011
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
канд. полит. наук *Н. Г. ОЧИРОВА*

Заместители главного редактора:
д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*,
канд. фил. наук *Э. У. Омакаева*

Редакционный совет:
акад. РАН *Г. Г. Матишов* (председатель),
чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов*,
акад. РАН *Г. Г. Гамзатов*, чл.-кор. РАН *В. М. Гацак*, д-р экон. наук *О. В. Иншаков*,
д-р ист. наук *И. Ф. Попова*

Редакционная коллегия:
чл.-кор. РАН *Б. В. Базаров*, д-р фил. наук *Т. Г. Басангова*,
канд. юр. наук *Л. В. Батиев*, канд. фил. наук *Е. В. Бембеев*,
д-р филос. наук *Б. А. Бичеев*, д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*,
д-р ист. наук *К. Н. Максимов*, д-р экон. наук *Э. И. Мантаева*,
канд. фил. наук *В. В. Куканова* (отв. секретарь), д-р ист. наук *У. Б. Очиров*,
д-р фил. наук *Г. Ц. Пюрбеев*, канд. пед. наук *Б. К. Салаев*,
канд. ист. наук *В. П. Санчиров*, д-р ист. наук *В. В. Трепавлов*

Адрес редакции и издателя:
358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8;
тел. (84722) 3–55–06, (84722) 3–55–39; факс (84722) 2–37–84
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
Сайт: www.kigiran.com

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	<p><i>Кукеев Д. Г.</i> К вопросу о новых тенденциях в современной китайской историографии по Джунгарскому ханству 7</p> <p><i>Тепкеев В. Т.</i> Первые контакты калмыков с органами управления и населением Астрахани в начале 30-х годов XVII века 11</p> <p><i>Максимов К. Н.</i> Донские калмыки в составе казачьих полков в походах и войнах России в начале XIX века 17</p> <p><i>Команджаев А. Н., Мацакова Н. П.</i> Правительственная политика по отношению к калмыцкой знати во второй половине XIX века 22</p> <p><i>Мацакова Н. П.</i> Общественный строй калмыков в XIX веке: историографический аспект 25</p> <p><i>Убушаев Е. Н.</i> Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи в Калмыкии (1920–1930-е гг.) 29</p> <p><i>Волосухина Н. И.</i> Денежная реформа 1922–1924 гг.: проблема формирования бюджета (на материалах губерний Нижнего Поволжья) 33</p> <p><i>Бадугинова М. В.</i> Роль «красных кибиток» в системе охраны здоровья населения Калмыкии в 1927–1931 гг. 37</p> <p><i>Сартикова Е. В.</i> Религиозное образование у народов Поволжья в начале XX века 42</p> <p><i>Федин С. А.</i> Частное предпринимательство и борьба государства с ним в 1945–1953 гг. (на материалах Нижнего Поволжья) 46</p> <p><i>Виноградов С. В.</i> Рыбная промышленность Волго-Каспийского бассейна в 1918–1991 гг. (опыт анализа эффективности партийно-государственного руководства отраслью) 49</p> <p><i>Марзаева М. Б.</i> Русская православная церковь Калмыкии (1990–2010 гг.) 56</p> <p><i>Самбуудаваа М.</i> Становление многопартийной системы в современной Монголии 59</p>
АРХЕОЛОГИЯ	<p><i>Кольцов П. М.</i> Тюркский период в этнической истории Северо-Западного Прикаспия по данным археологии 64</p>
ЭТНОЛОГИЯ	<p><i>Бакаева Э. П.</i> Калмыки-цаатаны: к проблеме происхождения этнической группы и этимологии этнонима 68</p> <p><i>Бичеев Б. А., Кукеев А. Г.</i> О религиозных представлениях древних тюрков и монголов 75</p> <p><i>Манджиева Б. Б.</i> Традиционные способы сидения калмыков (по полевым материалам) 78</p>
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ	<p><i>Команджаев Е. А.</i> Правовой статус калмыцкой знати в XIX веке 81</p> <p><i>Лиджеева К. В.</i> История становления и развития дореволюционного патентного права в России 83</p> <p><i>Лиджеева К. В., Насунова Б. Б.</i> Правовое положение автора как субъекта интеллектуальных прав 88</p> <p><i>Буринова Л. Д.</i> Конституционно-правовые основы субъектного парламентаризма и его особенности 92</p> <p><i>Кекеев Б. А.</i> Принятие Степного Уложения (Конституции) и начало деятельности Народного Хурала (Парламента) РК в 1993–1995 гг. 96</p>
ЯЗЫКОЗНАНИЕ	<p><i>Рассадин В. И., Трофимова С. М.</i> Сравнительное исследование звукового строя языка дербетов Калмыкии и Монголии 99</p>

	<i>Бадгаев Н. Б.</i> Основные проблемы сравнительного изучения лексики монгольских языков: история вопроса и перспективы исследования	107
	<i>Очирова Н. Ч.</i> Об устаревшей лексике в калмыцком художественном тексте (на материале прозы К. Эрендженова)	111
	<i>Монраева Э. М.</i> Антропотопонимы Синьцзяна (на материале географических названий Баингол-Монгольского и Бортала-Монгольского автономных округов)	115
	<i>Омакаева Э. У.</i> Категориальный аппарат современного калмыцкого синтаксиса и семантики в свете функциональной теории	117
	<i>Радионов А. В.</i> Функционирование вокативов в семейном дискурсе (на примере ойратского и английского языков)	122
	<i>Куприянова С. К.</i> Калмыцкие паремии о речевом поведении в свете современной лингвопрагматики	127
	<i>Куканова В. В.</i> Лейтмотив «метаморфозы» в поэтических произведениях Р. М. Ханиновой	132
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	<i>Ханинова Р. М.</i> Об антропологической поэтике русской прозы 1920-х гг.	140
	<i>Очирова Э. Б.</i> Йорял в сборнике М. Хонинова «Байрин дуд»	142
	<i>Зумаева Д. Ю.</i> Проблема нравственной памяти в повести О. Л. Манджиева «Дорога в один дун»	145
ФОЛЬКЛОРИСТИКА	<i>Убушиева Д. В.</i> Текстологический анализ песен из репертуара сказителя Мукебюна Басангова	150
	<i>Горяева Б. Б.</i> Сюжет «Волшебник и его ученик» (АТ 325) в калмыцкой сказочной традиции	153
	<i>Михайлова Н. Д.</i> Художественные особенности калмыцких народных благопожеланий	156
СОЦИОЛОГИЯ	<i>Бадмаева Н. В.</i> Применение социальных технологий в управлении миграционными процессами в регионе: к постановке проблемы . . .	160
	<i>Иджаева Б. В.</i> Измерение политической активности городской молодежи (на материале анкетного опроса)	163
	<i>Намруева Л. В.</i> Региональное телевидение как механизм этнической социализации (на примере Калмыкии)	167
	<i>Шарманджиев Д. А.</i> О ценностных представлениях населения Республики Калмыкия: поколенческие предпочтения (по материалам социологических опросов)	172
ЭКОНОМИКА	<i>Мантаева Э. И., Голденева В. С., Чудидов В. А.</i> Модели взаимодействия государства и бизнеса в реализации социальной ответственности	176
	<i>Кудайназаров С. В., Шураева К. В.</i> Особенности формирования инвестиционной политики в регионах	181
	<i>Куркудинова Е. В., Авадаева И. В.</i> Кластерный подход в развитии экономики региона: теоретический аспект	185
ЭКОЛОГИЯ	<i>Габуницина Э. Б.</i> Деградационные процессы в Северо-Западном Прикаспии	189
РЕЦЕНЗИИ	<i>Кринко Е. Ф., Мининков Н. А.</i> Обобщающий труд по истории Калмыкии с древнейших времен до наших дней	195
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	199
АННОТАЦИИ СТАТЕЙ	203
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	213

CONTENT

HISTORY	<i>Kukeev D.</i> Towards New Tendencies in Modern China Historiography about Dzungar Khanate	7
	<i>Tepkeev V.</i> First Contacts of Kalmyks with Public Authorities and Population of Astrahan in the Beginning of the 30-s of XVII Century	11
	<i>Maksimov K.</i> Don Kalmyks in the Cossack Regiments in Campaigns and Wars of Russia in the Beginning of the XIX Century	17
	<i>Komandzhaev A., Matsakova N.</i> Government Politics towards Kalmyk Nobility in the Second Part of the XIX Century	22
	<i>Matsakova N.</i> Social System of Kalmyks in the XIX Century: Historiographical Aspect	25
	<i>Ubushaev E.</i> Peasant Committees of Social Mutual Aid in Kalmykia (1920–1930)	29
	<i>Volosukhina N.</i> Monetary Reform of the 1922–1924: Problem of Forming Budget (based on materials of Guberniyas of the Lower Volga Region)	33
	<i>Baduginova M.</i> Role of «Red Kibitkas» in Healthcare System of Population of Kalmykia in the 1927–1931	37
	<i>Sartikova E.</i> Religious Education of the Peoples of the Volga Region in the Beginning of the XX Century	42
	<i>Fedin S.</i> Private Enterprise and Fight of the State in the 1945–1953 (on the materials of the Lower Volga Region)	46
	<i>Vinogradov S.</i> Fishing Industry of the Volga-Caspian Bassin in the 1918–1991 (analysis of the efficiency of the Party and State control over the industry)	50
	<i>Marzaeva M.</i> Russian Orthodox Church of Kalmykia (1990–2010)	56
	<i>Sambuudavaa M.</i> Formation of Multiparty System in Modern Mongolia	59
ARCHEOLOGY	<i>Koltsov P.</i> Turkic Period in the Ethnic History of the North-West Caspian from Data of Archeology	64
ETHOLOGY	<i>Bakaeva E.</i> Tsaatan Kalmyks: towards One Problem of Origin of the Ethnic Group and Ethymology of the Ethnonim	68
	<i>Bicheev B., Kukeev A.</i> About Religious Ideas of the Ancient Turkey and Mongols	75
	<i>Mandzhieva B.</i> Traditional Ways of Sitting of Kalmyks (based on field material)	78
JURISPRUDENCE	<i>Komandzhaev E.</i> Legal Status of the Kalmyk Nobility in the XIX Century	81
	<i>Lidzheeva K.</i> History of Formation and Development of Pre-revolutionary Patent Law in Russia	83
	<i>Lidzheeva K., Nasunova B.</i> Legal Position of Author as a Subject of Intellectual Law	88
	<i>Burinova L.</i> Constitutional and Legal Basis of Subject Parliamentarism and its Peculiarities	92
	<i>Kekeev B.</i> Adoption of Stepnoy Ulozheniye (Constitution) and Beginning of Activity of Narodnuy Khural (Parliament) of RK in the 1993–1995	96
LINGUISTICS	<i>Rassadin V., Trofimova S.</i> Comparative Research of Sound Structure of the Language of the Dörbets of Kalmykia and Mongolia	99

	<i>Badgaev N.</i> Main Problems of Comparative Study of Vocabulary of Mongolian Languages: Background and Research Prospects	107
	<i>Ochirova N.</i> About the Out-of-dated Lexicon in the Kalmyk Artistic Text (based on material of K. Erendzhenov's prose)	111
	<i>Monraeva E.</i> Antropotoponyms of Xinjiang (based on material of geographical names Baingol-Mongolian and Bortala-Mongolian Autonomous Okrugs)	115
	<i>Omaeva E.</i> Category Apparatus of Modern Kalmyk Syntax and Semantics in the Light Functional Theory	117
	<i>Radionov A.</i> Functioning of Vocatives in the Family Discourse (based on Oirat and English languages)	122
	<i>Kupriyanova S.</i> Kalmyk Paremiyas of Speech Behavior in the Light of Present-day Linguopragmatics	128
	<i>Kukanova V.</i> Leitmotif «Metamorphosis» in the Poetic Texts of R. M. Khaninova	132
LITERATURE STUDIES	<i>Khaninova R.</i> On Anthropological Poetics of Russian Prose of the 1920-s	140
	<i>Ochirova E.</i> Blessing (yoryal) from «Songs of Joy» by Mikhael Khoninov	142
	<i>Zumaeva D.</i> Problem of Moral Memory in O. L. Mandzhiev's Story «Doroga v Odin Dun»	145
FOLKLORISTICS	<i>Ubushieva D.</i> Textual Analysis of Songs from Storyteller Mukebjun Basangov's Repertoire	150
	<i>Goryaeva B.</i> «Vizard and his Pupil» Plot (AT 325) in Kalmyk Fairy-tale Tradition	153
	<i>Mihajlova N.</i> Art Peculiarities of the Kalmyk Blessings	156
SOCIOLOGY	<i>Badmaeva N.</i> Usage of Social Technology in Management of Migration Processes in Region: towards the Raising of a Problem	160
	<i>Idzhaeva B.</i> Measuring of Political Activity of Urban Young People (based on questionnaire)	163
	<i>Namrueva L.</i> Regional TV as a Mechanism of Ethnic Socialization (based on Republic of Kalmykia)	167
	<i>Sharmandzhiev D.</i> About Valuable Ideas of Population of Republic of Kalmykia: Generation Preferences (based on materials of sociological survey)	172
ECONOMICS	<i>Mantaeva E., Goldenova V., Chudidov V.</i> Models of Interaction of State and Business in Realization of Social Responsibility	176
	<i>Kudajazarov S., Shuraeva K.</i> Peculiarities of Forming of Investment Politics in Regions	181
	<i>Kurkudinova E., Avadaeva I.</i> Cluster Approach in Development of Economy of Region: Theoretical Aspect	185
ECOLOGY	<i>Gabunshchina Э.</i> Degradation Processes in the North-Western Pricaspiy	189
REVIEWS	<i>Krinko E., Mininkov N.</i> Generalized Work about History of Kalmykia since the Ancient Times	195
SCIENTIFIC LIFE	199
SUMMARIES	203
INFORMATION ABOUT AUTHORS	215

УДК 94
ББК 63.3 (5)

К ВОПРОСУ О НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПО ДЖУНГАРСКОМУ ХАНСТВУ

Д. Г. Кукеев

Известно, что в настоящее время в китайской исторической науке идет процесс становления современной историографии, имеющей под собой мощный фундамент, который был создан многими поколениями китайских историков. Среди различных аспектов жизни Цинской империи в XVIII в. особое место занимает вопрос о границе и приграничных народах, при изучении которого китайские ученые используют концепцию «да и тун» («Великое единение»), выдвинутую в 1960-х гг. в исторической науке КНР. В связи с этим изучение истории Джунгарского ханства (1635–1758) в современной китайской историографии относится к числу наиболее важных тем исторической науки Китая (КНР), связанных с образованием многонационального государства на основе указанной концепции.

Поскольку ранее мы частично уже рассматривали классическую работу по истории ойратов, именуемую «Мин ши» [Кукеев 2008], то в данной статье мы попытаемся осветить новые тенденции в работах китайских историков, посвященных Джунгарскому ханству: их концептуальный подход, активную переводческую деятельность, сходство и расхождения между традиционной и современной китайской историографиями.

Исследователи отмечают, что XVIII век — это начало радикальных перемен в развитии человечества, импульс которым дали буржуазные революции в Европе. Китайские историки в 90-е гг. XX в. исходили из того, что XVIII век был для Китая «эрой процветания», периодом наивысшего развития не только империи Цин, но и императорского Китая вообще.

В этот период цинский Китай достиг блестящих результатов в самых разных областях, но особое значение имели «расширение границ и освоение территорий» («кай цзянь то ту»), масштабы которых были бес-

прецедентны, а также образование единой многонациональной страны. Достижения этого периода, как отмечают ученые, заложили основы для развития современного Китая. Как важное свидетельство расцвета Китая в середине XVIII в. историки указывают на демографический взрыв, приходившийся на этот период [Доронин 1996: 168].

Еще Р. В. Вяткин пытался рассмотреть концепцию «да и тун», дающую «основание» для фактического отрицания территориальной экспансии Китая, а также монгольского и маньчжурского завоеваний. Она продолжает разрабатываться в ряде работ с великоханьских позиций. Все завоевательные походы и войны Китая против национальных меньшинств внутри страны и против соседних народов за последние две тысячи лет рассматриваются как «справедливые», как столкновения «в одной общей семье». Р. В. Вяткин приводит, к примеру, тезис китайского историка Чэнь Шичжи: «Когда Китай осуществлял оборону или карательные походы, направленные против непрерывных бесчинств главарей национальных меньшинств, то это в плане защиты развития культуры и экономики Центральной равнины [т. е. — Китая: здесь и далее комментарий автора — Д.К.] и его ускорения, без сомнения, *всегда носило справедливый характер* [выделено нами. — Д. К.]» [Вяткин 1981: 60].

В ряде статей на указанные темы целые народы (сюнну, кидани, тангуты, чжурчжэни, монголы и маньчжуры) и их государственные образования (государства Ляо, Цзинь, Си-Ся, Монгольская империя и маньчжурское государство до завоевания Китая), существовавшие веками самостоятельно на своей территории, превратились во «внутренние» национальности ханьского государства, в членов «одной ханьской семьи» [цит. по: Вяткин 1981: 60].

Наиболее обстоятельно, по мнению современных китайских историков, рассматривает проблему границ директор Центра по изучению проблем границ при Академии общественных наук Китая проф. Ма Дачжэн. Он считает, что идея «Великого единения» была ведущей в истории Китая, тысячелетиями она пронизывала мысли и чувства китайского народа и выступала как неосознанная, но весьма мощная сила, сыгравшая огромную роль в процессе формирования Китая как единой многонациональной страны. Временем полного торжества этой идеи стал, по мнению Ма Дачжэна, XVIII век. Под «Великим единением» он, прежде всего, понимает завершившееся в середине XVIII в. формирование границ империи Цин, а также включение в ее состав новых обширных территорий, населенных неханьскими народами, организацию управления этими территориями и многое другое. Ма Дачжэн выделяет четыре этапа осуществления цинскими правителями консолидации территории империи: подавление императором Канси восстания «трех вассалов-князей» («сань фань») и включение в состав Китая Тайваня; осада Албазина и Нерчинский договор; завоевание Джунгарии; установление контроля цинских властей над Тибетом. В результате образовалась единая территория многонационального государства, идея «Великого единения» восторжествовала, центр и периферия интегрировались в единое целое и страна обрела политическое единство и стабильность. Ма Дачжэн подчеркивает, что, хотя и основы своей политики в данном вопросе цинские власти заимствовали из прошлого, многое было впервые в истории императорского Китая разработано ими самими (например, система управления приграничными территориями, идеологическое обеспечение и пр.) [Доронин 1996: 169]. Китайские ученые Ма Дачжэн и Ма Жухэн являются главными специалистами не только по проблемам приграничной политики Цинов [Ма Жухэн, Ма Дачжэн 1994], но и по истории народов, проживавших на этих территориях, в частности ойратов [Ма Дачжэн 1981; 1984].

В трудах исследователей современной китайской исторической науки по Джунгарскому ханству активно разрабатывается антироссийская тема. По их мнению, целью русских являлась экспансия, выразившаяся в использовании Амураны для установления контроля над Джунгарией. Отмечается,

что сибирские губернаторы внимательно следили за развитием событий в Джунгарии и что у русских здесь была довольно активная агентура. Известно, что русские, действительно, наблюдали, но не вмешивались непосредственно в джунгарские дела. Тем не менее китайские авторы утверждают, что «...восстание Амурсаны не было военным восстанием, а было попыткой расколоть национальности, поддержанной русскими (миньцзу фэньле паньлуань)» [Ма Жухэн, Ма Дачжэн 1994: 107]. Китайские авторы также цитируют каноническое утверждение Мао Цзэдуна: «Наша страна — это большая и густонаселенная нация, состоящая из множества различных национальностей <...> династия Цин была периодом, когда наша объединенная нация, состоящая из множества национальностей, становилась все более единой и развитой. Подавление Цяньлуном восстания Амурсаны говорит о том, что продолжалась политика Канси и Юнчжэна [императоров], которые защищали единство нации и вели справедливую войну... Это не только усиливало и развивало единство многонационального государства, но также совпадало с требованиями единения национальностей и их общим желанием противостоять расколу. Поэтому победа над восстанием в этой войне стала неизбежной» [цит. по: Ма Жухэн, Ма Дачжэн 1994: 107].

В целом понятие «идея единства» используется довольно часто. Так, директор Института истории Цин при Народном университете проф. Чэн Чундэ в своем докладе «Окончательное утверждение границ Китая в XVIII в.» на состоявшейся в июне 1995 г. в Пекине Международной конференции «Китай и мир в XVIII в.» отметил огромную роль этой идеи в пятитысячелетней истории Китая, но основное внимание уделил некоторым новым аспектам пограничной проблемы [Доронин 1996: 196]. По его мнению, региональные режимы малых народов, проживавших в приграничных районах, как правило, *имели даннические отношения*¹

¹ Говоря о специфике «даннических отношений», необходимо отметить, что для традиционного китайского церемониала приема иностранных посольств характерно то, что *сам факт появления посольства от любого государства автоматически объявлялся изначальным признанием вассальной зависимости* от Китая. Отношения с иностранными государствами с китайской (маньчжурской) стороны велись через Лифаньюань — Палату внешних сношений, т. е. через министерство, ведавшее «внутренними» делами китайской империи и к тому же имевшее чисто формальное значение, поскольку над ним стояло по край-

с империей и никогда не ставили себя вне «большого китайского единства» («чжунхуа да и тун»), всегда являлись частью большой китайской нации, поэтому консолидация всех этих территорий стала процессом вполне естественным. В рамках «Великого единения» в империи Цин сложилось тесное взаимодействие центра и периферии, что создало благоприятные условия для формирования многонациональной китайской культуры [Доронин 1996: 169]. В таких условиях система внешнеполитических органов, действовавшая на основе китаецентристских принципов, препятствовала тому, чтобы дипломатическая традиция была приведена в соответствие с реальностью [Воскресенский, Лузянин 2003: 306].

Отечественными востоковедами выявлены две тенденции в развитии концепции «единого многонационального Китая». Одна тенденция заключается в стремлении построить научную модель формирования нынешнего «единого многонационального Китая»; ее приверженцы признают, что современный Китай сформировался в результате длительного и сложного процесса исторического развития [Воскресенский 2001: 51]. Другая тенденция представляет более раннюю историографию, представители которой безапелляционно выдвигали тезис о том, что Китай издревле существовал как единое многонациональное государство, поэтому территории всех народов, живших по соседству с ханьцами, рассматривались как территории Китая. Взаимоотношения цинского Китая, например, с Россией трактовались с позиций негативной оценки последней как потенциального агрессора, стремившегося расколоть «единство многонационального Китая» [Намсараева 2003: 43].

Китайская историография свидетельствует о хорошем знакомстве ученых с трудами коллег — российских и японских историков². В КНР историки-монголоеды

ней мере еще две инстанции: Цзюньцзичу (Высший государственный совет) и сам император.

² Помимо этого, существуют и переводы на китайский язык трудов японской историографии, которые затрагивают непосредственно и опосредованно историю Джунгарского ханства. Имеется целый ряд трудов японских исследователей, которые внесли определенный вклад в изучение истории Монголии и Центральной Азии в целом и истории Джунгарии в частности. Эти работы используются китайскими историками, о чем свидетельствуют ссылки в их трудах. Интерес исследователей к последней кочевой империи центральноазиатских степей XVIII в.

знакомы с трудами советских исследователей. На китайский язык переведены труды таких ученых, как Б. П. Гуревич, И. Я. Златкин, В. С. Кузнецов³.

Значительное внимание уделяется исследованиям истории приграничных народов и территорий в КНР. Не составляет исключения и история Джунгарии. В Хух-Хото был издан труд Дзунко Мияваки «Последняя кочевая империя» [Гунсе Гунцзы⁴ 2005], переведенный с японского на китайский язык, что и представляет собой новое веяние в современной историографии, кото-

(Джунгарскому ханству) имеет место и по сей день. Современная историография, исследующая Джунгарское ханство, имеет некоторые особенности и испытывает влияние политической конъюнктуры. «Политизация» при исследовании истории Джунгарского ханства объясняется стремлением обосновать свое право на наследование оставшихся после его разгрома территорий историками тех государств, с которыми непосредственно граничило Джунгарское ханство и к которым перешли его территории. В современной китайской историографии довольно часто упоминаются исследования японского историка 30-х гг. XX в. Вада Сэи (на китайском языке Хэ Тяньцин). Эти идеи нашли свое отражение в ряде трудов [Wada Sei 1959; Хэ Тяньцин 1984], которые впоследствии были поддержаны японскими и китайскими учеными. Можно предполагать, что его политическим взглядам не противоречит позиция Хидэхиро Окада и Дзунко Мияваки, склонных видеть в Джунгарском ханстве XVII–XVIII вв. не ханство, а «хунтайджийство», которое в своей основе предполагает отсутствие системы «государственности» и лишь наличие брачно-союзных отношений между правителями ойратских племен [Miyawaki 1982]. Таким образом, активное использование термина «княжество» («хунтайджийство») в востоковедной исторической науке Японии по отношению к Джунгарии взамен принятого в западном и российском востоковедении термина «ханство» является определенной особенностью японского ойратоведения современного периода.

³ См.: 1) статья И. Я. Златкина на китайском языке «Освободительное движение монголов в 1754–1758 гг. против Цинов и разгром Джунгарского ханства» в «Справочных материалах по изучению истории монголов» («Мэнгуши яньцзю цанькао цзыляо») (вып. 18) [Мэнгусюэ цзыляо соинь 1987: 169]; 2) статья Б. П. Гуревича и В. А. Моисеева на китайском языке «Взаимоотношения Цинского Китая и России с Джунгарским ханством в XVII — XVIII вв. и китайская историография» в «Материалах по истории Северо-Запада» («Сибэй лиши цзыляо»), 1980 г. [Мэнгусюэ цзыляо соинь 1987: 170]; 3) статья В. С. Кузнецова на китайском языке «Из истории завоевания Цинским Китаем Джунгарии» в «Справочных материалах по изучению истории монголов» («Мэнгуши яньцзю цанькао цзыляо»), 1975 г. (вып. 18) [Мэнгусюэ цзыляо соинь 1987: 172]; 4) статья И. Я. Златкина на китайском языке «Архивные материалы об Амурсане» в «Минцзюши ивэньцзи», 1983 г. (вып. 11) [Мэнгусюэ цзыляо соинь 1987: 175] и др.

⁴ На китайском языке Гунсе Гунцзы.

рая уже не пытается ограничиваться только источниковой базой цинской историографии и трудами китайских историков.

В «Сведениях и материалах по монголоведению за 1985 г.» («Мэнгусюэ цзыляо юй циньбао») (Вып. 3 и 4) опубликована переведенная на китайский язык статья японского монголоведа Ханэда Акира «История джунгаров XVI–XVII вв. и расцвет ойратов» [Мэнгусюэ цзыляо соинь 1987: 169]. В этом же сборнике (1985) опубликована статья другого японского ученого Вакамацу Хироси «Калмыки и Восточный Туркестан в середине XVII века» [Мэнгусюэ цзыляо соинь 1987: 170]. Другая его работа «Продолжительность жизни Хара-Хулы», изданная в «Справочных материалах по изучению истории монголов» («Мэнгуши яньцзю цанькао цзыляо») вызывает интерес уже своим названием [Мэнгусюэ цзыляо соинь 1987: 170]. Еще И. Я. Златкиным отмечалось, что источники сообщают очень мало сведений о перемещениях, происходивших в те годы в юго-восточной группировке ойратов. Можно только уверенно утверждать, что в 20–30-х гг. XVI в. непрерывно росли сила и влияние чоросского дома, возглавлявшегося Хара-Хулой [Златкин 1964: 149]. И. Я. Златкин утверждал это, исходя из сведений, содержащихся в русских архивных материалах; для реконструкции исторических событий, происходивших в юго-восточной группировке ойратов, которую представлял чоросский Хара-Хула, необходимо обращаться к восточным источникам, что и было сделано японским ученым.

Вакамацу Хироси фигурирует в том же сборнике (Вып. 3 и 4) с работой «Процесс формирования Джунгарского княжества». Здесь также не используется словосочетание «Джунгарское ханство», а ойратское государство именуется, как мы видим, «княжеством». Если верить китайскому источнику, то термин «Джунгарское княжество» использует и упомянутый выше Ханэда Акира (см. [Мэнгусюэ цзыляо соинь 1987: 170])⁵.

Событиям ожесточенного противостояния между Цинской империей и Джунгарским ханством, а также трагической гибели последнего посвящен труд другого японского исследователя Тиба Мунэо с громким названием «Черный смерч: похоронный звон

джунгаров» [Chiba Muneo 1986]. Его труд, по-видимому, содержит богатый фактический материал, среди которого имеются ранее неизвестные российскому монголоведению сведения о важнейших исторических событиях в джунгарском обществе. Примером может служить упоминание Тиба Мунэо о том, что в 1745 г., когда джунгарский правитель Галдан-Церен умер, вспышки оспы стали причиной беспорядков у джунгаров и причиной смерти около 30 % населения ханства [Perdue 2005: 48].

Традиционная китайская историография Средневековья имеет свою специфику. В последнее же время при активной переводческой деятельности в стране китайские историки все шире используют переводы научных трудов на китайский язык с японского и русского языков для более дальнейшего обоснования концепции «да и тун» в современной китайской историографии. Что касается ойратского направления в исследовательской деятельности китайских коллег, то оно базируется на традиционном описании, выработанном еще во времена правления династии Цин. Концепция «да и тун» активно используется китайскими исследователями при изучении истории Джунгарского ханства в период его наивысшего могущества. Она лежит в основе и цинской политики XVIII в., и современной внешней политики КНР, которые направлены на достижение двух основных целей: сохранение и поддержание порядка на западной границе бывшей Джунгарии и Восточного Туркестана по Памиру и устойчивого равновесия между различными народами, населявшими регион, таким образом, чтобы ханьцы могли управлять ими всеми, как это делали маньчжуры при династии Цин.

Литература

- Воскресенский А. Д. Пограничные проблемы Китая в работах китайских исследователей конца XX века // Граница Китая: история формирования. М.: Памятники историч. мысли, 2001. 470 с.
- Воскресенский А. Д., Лузянин С. Г. Политика Китая в Центральной Азии // Южный фланг СНГ. Центральная Азия — Каспий — Кавказ, 2003. С. 301–335.
- Вяткин Р. В. Историческая наука в КНР // Историческая наука в КНР. М.: Наука, 1981. С. 3–72.
- Гунсе Гунцзы. Цзуйхоу ды юмудиго (Последняя кочевая империя). Хух-Хото: Нэймэнгу жэньминь чубаньшэ, 2005. 226 с.
- Доронин Б. Г. Китай и мир в XVIII веке // Восток. 1996. № 5. С. 168–172.
- Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: Наука, 1964. 470 с.

⁵ Не является исключением статья Сагути Тору «Обзор истории и общественной экономики джунгаров» [Мэнгусюэ цзыляо соинь 1987: 171].

- Кукеев Д. Г. Комментированный перевод 328 цзюани «Мин ши» — «Ойраты» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 2. С. 24–31.
- Ма Жухэн, Ма Дачжэн. Циндай ды бяньцзын чжэнцэ (Приграничная политика династии Цин). Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1994. 508 с.
- Ма Дачжэн. Сулянь шисюэ цзе лион Эго данань яньцзю чжунгээр лиши гайшу (Очерк по истории Джунгарии, исследуемой советскими историками с использованием русских архивных материалов) // Чжунгээр ши луньвэньцзи (Сборник статей по истории Джунгарии): в 2-х тт. Синин: Цинхай жэньмин чубаньшэ, 1981. Т. 2. С. 15–30.
- Ма Дачжэн. Элутэ мэngu ши яньцзю цуншу (Обзор исследований по истории ойрат-монголов) // Миньцзю яньцзю дунтай (Ситуация в изучении национальностей: в 2-х тт. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэань миньцзю яньцзюсо, 1984. Т. 2. 32 с.
- Мэнгусюэ луньвэнь цзыляо соинь (1949–1985) (Указатель статей по монголоведению (1949–1985). Хух-Хото: Нэймэнгу дасюэ чубаньшэ. 1987. 746 с.
- Намсараева С. Б. Институт наместников цинского Китая в Монголии и Тибете в XVIII веке: дис. ... на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 2003. 246 с.
- Хэ Тяньцин. Миндай мэngu ши луныцзи (Очерки по истории Монголии во времена династии Мин). Пекин: Шану иньшугуань, 1984. 480 с.
- Chiba Muneo. Jungaru no Chosho // Kara buran: Kuroi suna-arashi, 2 vols. Tokyo: Kokushokankokai, 1986. 200 p.
- Chiba Muneo. Tenzan ni habataku // Kara buran: Kuroi suna-arashi, 2 vols. Tokyo: Kokushokankokai, 1986. 196 p.
- Miyawaki J. The Nomadic Kingship based on marital alliances: The case of the 17–18th Century Oyrat // Proceedings of 35th Permanent International Altaistic Conference. Taipei, 1982. P. 361–370.
- Perdue P. C. China Marches West: the Qing conquest of Central Eurasia. London: The Belknap press of Harvard University press. 2005. 725 p.
- Wada Sei. Studies on the history of the Far East (Mongolia) by Dr. Wada Sei. Tokyo: Toyo bunko. 1959. 650 p.

УДК 94(470.47)

ББК 63.3 (2)46

ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ КАЛМЫКОВ С ОРГАНАМИ УПРАВЛЕНИЯ И НАСЕЛЕНИЕМ АСТРАХАНИ В НАЧАЛЕ 30-Х ГОДОВ XVII ВЕКА

В. Т. Тенкеев

История Астрахани в XVII столетии тесно связана с историей калмыков, которые появились в степях Северного Прикаспия на рубеже 1620–1630-х гг. Монголо-ойратские войны второй половины XVI и начала XVII в. стали основной причиной исхода большей части ойратов с территории Восточного Алтая в степи Юго-Западной Сибири. Столкнувшись с оборонительной линией Московского государства на сибирском направлении и находясь в условиях затяжного военного противостояния с монголами и казахами, некоторые калмыцкие улусы не смогли обеспечить себя здесь привольными и безопасными кочевьями. Более успешными оказались их действия при продвижении в юго-западном направлении — в степи Эмбо-Яицкого и Волжского бассейнов. На этих путях калмыки инициируют контакты с крупнейшим торговым и опорным пунктом России в Северном Прикаспии — Астраханью.

Осенью 1630 г. улусы Хо-Урлюка перекочевали на зимовку с территории сибирских городов в Приаральские Каракумы и далее на Эмбу. Здесь они вошли в тесный контакт с алтыульскими татарами мирзы

Салтаная, предложившего им свои услуги для совместного набега на ногайские улусы под Астраханью [Богоявленский 1939: 67]. Салтанай оставался непримиримым противником астраханских властей и «промоковски» настроенных ногайских мирз, а появление калмыков на Эмбе стало для него еще одной возможностью навредить своим врагам. По мнению В. П. Санчирова, междуречье Эмбы и Яика служило своего рода плацдармом для продвижения калмыков к берегам Волги [Санчиров 2008: 12].

Поскольку отряд был небольшой и действовал двумя группами, при подготовке, видимо, упор делался на фактор внезапности, и алтыульцы в конечном итоге смогли незаметно в обход застав провести калмыков к окрестностям Астрахани. 27 декабря 1630 г. (по новому стилю — 6 января 1631 г.) ногайские улусы были атакованы калмыками. Наибольшие людские и материальные потери понесли улусы князя Каная, Кара-Кельмаммет Урмаметева и мирз Алея и Шейдяка [Новосельский 1948: 227; РГАДА. Ф. 127 (Ногайские дела). Оп. 1. 1631 г. Д. 3. Л. 11–12]. Калмыки так же неожиданно скрылись, как и появились. Стрелецкий го-

лова Иван Болтин с отрядом из стрельцов и ногаев в двух днях пути от Астрахани сумел настигнуть калмыков в урочище Саразман, где бился с ними целый день, в результате чего отбил только часть захваченного скота и пленных. В ходе боя стрельцы захватили в плен трех калмыков, сообщивших на допросе, что набег совершили улусные люди Хо-Урлюка. Но даже этот небольшой военный успех не смог исправить положения. Ногайские мирзы открыто признались астраханским воеводам, что против калмыков они бессильны, и просили воевод срочно отправить к калмыкам посланцев с требованием не нападать на их улусы и вернуть полон [Богоявленский 1939: 67; Новосельский 1948: 224].

Очередной калмыцкий набег вызвал панику среди ногаев и татар. Масса ногайских семей начала срочно переправляться на «крымскую сторону» Волги. Несмотря на попытки астраханских воевод вернуть к городу ушедших ногаев, Канай-мирза и Янмамет-мирза упрекнули власти за недостаточное обеспечение безопасности своих улусов. Возле Астрахани оставались в основном только юртовские татары и едисаны, жившие под охраной астраханского гарнизона. В тот же момент из Астрахани срочно была отправлена грамота Хо-Урлюку, где сообщалось, что подобные действия против царских подданных и дружба с изменниками (алтыульцами) не допустимы. Но протест остался без ответа [Богоявленский 1939: 67; Новосельский 1948: 224].

В мае 1631 г. к ногайским мирзам Хо-Урлюк прислал своих послов Хара-Мергена и Мейдалу. Тайша предложил мирзам приехать к нему для выкупа своих людей. Астраханский воевода князь Ф. С. Куракин отправил к Хо-Урлюку посланцев с напоминанием о том, что ногаи являются подданными Русского государства и нападать на них нельзя. Он требовал от калмыков немедленно отпустить пленных в Астрахань без всяких условий, а самим отойти за Яик и Эмбу. Посланцы прибыли первоначально в улус Дайчина на Эмбе, а затем отправились в улус его отца Хо-Урлюка, находившийся в 5 днях от Ургенча. Выяснилось, что в последнем набеге на астраханских ногаев участвовали люди Дайчина, получив одобрение его отца. Тайши признались в содеянном, сказав, что поступили так, «не ведая» о том, что ногаи «холопи твоего царского величества». Четверо дней у тайшей проходил

съезд, на котором они договорились и решили вернуть ногайский ясырь в Астрахань [РГАДА. Ф. 119 (Калмыцкие дела). Оп. 1. 1640 г. Д. 3. Л. 1–9].

В августе калмыцкие послы прибыли в Астрахань от тайшей без писем, объясняя это тем, что «они кочевные люди, грамоте никакой не умеют» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1640 г. Д. 3. Л. 10]. Астраханцы обратились через них к тайшам с просьбой не трогать на контролируемой калмыками территории купеческие караваны, направляющиеся сухопутным маршрутом из Бухары и Ургенча в русские города и обратно. Тайши через послов обещали вернуть захваченных в плен ногаев и впредь на них войной не ходить [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1640 г. Д. 3. Л. 14]. Хара-Мерген 12 (22) сентября 1631 г. принес шерть. Приведем полный текст шерти, поскольку он еще не публиковался исследователями:

Урлюк тайше да сыну ево Дайчи тайше и Урлюк тайшиным братьям и детям и племянником и улусным калмыцким людям тебе великому государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу Всея Руси самодержцу и твоим царским детям служить и прямити и во всем добра хотети и быть под твоею царскою рукою в холопстве во веки неотступным. И кочевать им, где ты великий государь укажешь. И твоих государевых русских людей нигде ни в которых местах не побивать, и на нагайские улусы, которые кочуют твоего царского величества у отчины Астрахань или в иных местах учнут кочевать под твоею царскою высокою рукою, войною не приходить и не побивать, и не грабить, и в полон не имати, и у себя не держать, и ни в которые государства не продовати.

От твоей царские высокие руки Урлюк тайше з братею и з детьми и м племянники не отступить, и тебе, великому государю, не изменить. В Крым и в Казыев улус, и в Азов, и в горские черкасы, и в Юргенч, и в Бухары, и в Казачью орду, и в иные ни в которые государства, и за Яик, и на Эмбу к алтыульским мурзам не отъехати. И с твоими государевыми непослушники и с изменники ни с кем ни о чем не ссылатца.

А как торговые люди из Бухар или из Юргенч пойдут с товары с своими в твою государеву отчину в Астрахань и к Караганской бусной пристан, и им их не побивать и не громити, а от сторонних воинских людей оберегати и дорогу очистить по своей

вере и утверждению [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1640 г. Д. 3. Л. 15–18].

Послам зачитали текст шерти, и они дали клятву по своей вере: «секли сабаку жолтую да прошли меж сабли и пищали, и ножовое острие лизали» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1640 г. Д. 3. Л. 18]. Послам вернули ранее захваченных пленных калмыков и выдали жалованье. Обратно в улусы с ними отправили боярского сына Гаврилу Русакова и толмача Кузьму Артемьева [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1640 г. Д. 3. Л. 22].

Но, как показали дальнейшие события, в действительности это было всего лишь дипломатическим прикрытием истинных намерений тайшей. Калмыки продолжали наносить удар за ударом по ногайским улусам, которые все чаще откатывались за Волгу. Московское правительство, понимая, что уход ногаев лишит пограничные уезды необходимого заслона от агрессивных соседей, всячески пыталось вернуть их на левобережье Волги. В преддверии надвигавшейся войны с Речью Посполитой Москва также не была заинтересована в увеличении численности войск Малого Ногай и Крымского ханства за счет ушедших кочевников из Большой орды, поэтому астраханские воеводы делали все от них зависящее, чтобы вернуть ногаев под Астрахань.

В начале апреля 1633 г. около 1 800 калмыков неожиданно появились на реке Камыш-Самара и двинулись на ногайские улусы с северо-востока. Примерно 13 (23) апреля улусы князя Каная и мирз Урусовых, кочевавших в урочище Тепкире, подверглись нападению, и часть их была захвачена. Для преследования калмыков в Астрахани был сформирован отряд под командованием Ивана Аристова. Несмотря на тяжелые условия ночной погони, 22 апреля (2 мая) астраханцы нагнали калмыков на реке Большая Узень. Перед боем тайши попытались договориться о мире и прислали в лагерь астраханцев алтыульского татарина. Но парламентар был убит, что и стало сигналом к началу боя [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1633 г. Д. 1. Л. 106, 112, 139].

Это было первым значительным военным столкновением русских с калмыками в Северном Прикаспии. Число калмыков доходило до 5 тыс. человек, астраханцев было почти вдвое меньше. Местность была открытая, но более успешно ее ландшафт использовали калмыки, чему способствовал сильный восточный ветер. Лишь с на-

ступлением ночи сражение прекратилось: астраханцы сумели отбить все атаки калмыков, которые, расставив вокруг русского лагеря заставы, отошли на предельное расстояние. Утром стрельцы обнаружили, что полностью окружены калмыками [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1633 г. Д. 1. Л. 108–109, 116–118].

Считая продолжение борьбы при таких условиях бесполезной потерей своих людей и не желая напрасно гибнуть из-за татар и ногаев, стрелецкий голова А. Шушерин вступил с тайшами в переговоры. Тайши охотно пошли на встречу и заверили, что «им до государевых ратных воинских людей дела нет, и с ними биться не хотят, а приходили де войной на улусы по досаде на князя Каная и мурз» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1633 г. Д. 1. Л. 110, 118]. По заключенному соглашению тайши обязались возвратить без выкупа 900 человек ногайского ясыря, а стрелецкие головы поклялись впредь не препятствовать тем ногаям, кто пожелает добровольно кочевать с калмыками. На этих условиях обе стороны присягнули по своей вере. Мирзы также шертовали на Коране в том, что они со своими улусами будут кочевать с калмыками. Позже они привели под Астрахань захваченный калмыками ясырь численностью в 1 052 человека [Богоявленский 1939: 69; Новосельский 1948: 226].

Бой на Узени, по мнению С. К. Богоявленского, не мог не умалить престиж русской власти и поднять славу калмыцкого оружия, а Дайчин, который и раньше невысоко оценивал силу астраханского гарнизона, теперь стал считать себя хозяином приволжских степей [Богоявленский 1939: 69]. И хотя по возвращении в Астрахань стрелецкие командиры не осмелились признать воеводам в заключении невыгодного договора с тайшами, но таким образом в русско-калмыцких отношениях был создан подобный прецедент.

В мае в Астрахани прошел слух о поездке к Дайчину Борис-мирзы Янарасланова, который, якобы, дал шерть, что присоединится к тайше, и поэтому имеет возможность выкупить у калмыков свой же ясырь «дешевой ценой». Дайчин в последующем предложил ногайским мирзам, «чтоб они с ними [с калмыками — В. Т.] помирились и были с ними в миру и в дружбе, кочевали по своим старым кочевным местам, где их нагайских и едисанских мурз отцы и деды по Узени и по Камыш Самаре кочевали» [РГА-

ДА. Ф. 127. Оп. 1. 1633 г. Д. 1. Л. 95–96, 144]. Позже в Астрахани Борис-мирза всячески отрицал подобные слухи [Новосельский 1948: 226].

Таким образом, торгутские тайши начали не только планомерное освоение нового для себя региона, но присоединение к своим владениям подданных из числа ногаев. Этот факт опровергает устоявшееся в историографии мнение о намеренном вытеснении калмыками ногаев с их исконной территории. Захваченный в набегах ногайский «полон» тайши в основном продавали обратно приезжавшим в калмыцкие улусы астраханским мирзам, что служило определенной формой их зависимости от тайшей. Дайчин всячески подчеркивал на переговорах с царскими представителями главенство своего отца над всеми торгутами, а себя называл его преемником: «Урлюк тайша славен во всех ордах, а отец де ево, Урлюк тайша, в их землях царь, да и он де Дайчин тайша вскоре учинитца царь же» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1633 г. Д. 1. Л. 144].

Одним из немногих, кто всячески противился усилению власти калмыков в регионе, оставался ногайский князь Канай. В мае 1633 г. он предложил московским властям проект по созданию коалиции и просил незамедлительно отдать приказ волжским и сибирским воеводам, а также башкирским мирзам и тайшам «дальних калмыков» одновременно ударить по улусам Хо-Урлюка и его сыновей. У Каная была информация о планировании Дайчином и Салтанаем нового набега под Астрахань уже ближайшей осенью [Богоявленский 1939: 68]. В ноябре из Москвы в Тюмень, действительно, пришла инструкция об отправке военного отряда против Хо-Урлюка, Дайчина, Лузана и Салтаная. Поводом послужила отписка в центр астраханского воеводы Ивана Салтыкова о тяжелом положении его гарнизона и невозможности защитить подвластных ему ногаев и татар. Астраханскому воеводе оставалось только обнадеживать Каная, что правительство обязательно предпримет все меры и по торгутским улусам будет нанесен удар воинскими силами из всех сибирских городов [Миллер 2000: 475–476].

Очевидно, что успешные действия калмыков в Северном Прикаспии заставили даже непримиримых ногайских феодалов задуматься о смысле дальнейшего сопротивления тайшам. Они видели неспособность русских властей их защитить по причине

наличия более чем скромных военных сил у астраханского гарнизона. Бегство на правобережье Волги также не являлось для них выходом из ситуации, поскольку тайши не планировали ограничиваться только волжскими рубежами в своем продвижении на запад, да и с Малым Ногаем у астраханских мирз существовали натянутые отношения. Канай даже отослал обратно небольшой отряд стрельцов, размещенный в его улусе для защиты его от калмыков. Однако другие мирзы продолжали усиленно просить о присылке стрельцов для своей защиты [Богоявленский 1939: 68].

По слухам, дошедшим до астраханских воевод, Дайчин очень образно подчеркивал контраст между военной мощью калмыков и слабостью астраханского гарнизона: «Такие де у них, калмыков, люди есть, что, пришед под Астрахань среди лета, и заметут ее снегом» [цит. по: Богоявленский 1939: 68]. С. К. Богоявленский утверждал, что Дайчин дальнейшие отношения представлял себе как военный союз калмыков, татар и русских [Богоявленский 1939: 69]. Но ногаев и татар тайша рассматривал не как равноправных союзников, а как предполагаемых своих подданных, которые во многом могли увеличить численность его войска. Свое политическое видение относительно их будущего Дайчин пытался навязать и русским властям, противившимся развитию подобного сценария.

Дайчин продолжал твердо держаться своей позиции относительно заключенных «узенских» соглашений. Повсюду в междуречье Яика и Волги действовали его разведывательные отряды в поисках еще неприсоединившихся ногайских улусов. Зачастую эти отряды вступали в вооруженные стычки со стрелецкой разведкой, пытавшейся также выяснить обстановку в междуречье и не допустить ухода ногаев и татар к калмыкам. 9 (19) января 1634 г. калмыки совершили новый погром ногаев и с большой добычей вернулись за Яик. Канай немедленно отправил к Дайчину двух своих людей с сообщением о разорении калмыками его улуса, что лишило его возможности оставаться под Астраханью. Но отъехать немедленно к калмыкам он также не мог, опасаясь, как он указывал, находившихся всюду и следивших за ним стрелецких застав. Эти события послужили последним толчком, который вынудил ногайские улусы больше не оставаться у Астрахани. По мнению В. В. Тре-

павлова, фактически с этого времени государственная территория была утрачена ногаями, а левый берег Волги, именовавшийся «ногайская сторона», они сами стали называть «калмыцкой стороной» [Трепавлов 2002: 407].

Однако столкновения с калмыками были не единственной причиной откочевки ногаев из-под Астрахани. Мирзы вспомнили все обиды, перенесенные ими от представителей царской власти: разные должностные лица, прибывавшие в улусы из Астрахани, отнимали у татар лошадей и скот, а многие мирзы находились на Аманатном дворе в качестве заложников и т. п. [Новосельский 1948: 227]. Ногайские мирзы объясняли свои действия тем, что подобная политика местных царских чиновников просто вынуждала их бежать к калмыкам. Появление калмыков долгое время преподносилось в исторической литературе как единственная причина ухода ногаев с Волги. Однако В. В. Трепавлов отмечает, что подобная односторонняя информация о ногаях поступала от астраханских наместников, а те были заинтересованы в том, чтобы подчеркивать калмыцкую первопричину ногайской миграции в 1634 г., что впоследствии и утвердилось в исторической литературе [Трепавлов 2002: 408].

В конце 1633 и начале 1634 гг. ногаи начали уходить из-под Астрахани. Одна их часть ушла к калмыкам, другая — на запад. Правительство начало искать виновных: стрелецких командиров арестовали, воевод и дьяков сместили, а других вызвали в столицу для объяснений. Однако ногаи в большинстве своем, не веря гарантиям государственной защиты, не желали возвращаться назад [Трепавлов 2002: 409]. Чтобы сдержать ногайскую миграцию, местные власти начинают прибегать к более жестким мерам. В Астрахани насильно удерживались в заложниках ногайские владельцы: князь Канай сидел в «калмыцком деле» за то, что ссылаясь с калмыками, мирзы Алей Урмаметев и Чубармаммет Тинмамметев — за связи с Крымом, Ак-мирза Байтереков — за попытку уйти в Крым, мирза Борис Янарасланов — за связи с калмыками. Дополнительно были приняты серьезные оборонительные меры вокруг мест обитания остатков едисан и юртовских татар [Новосельский 1948: 228].

Калмыки по существу стали полными хозяевами заволжских степей. В январе 1635 г.

Дайчин во главе 10-тысячного войска вновь появляется под стенами Астрахани. Предварительно тайша вместе с алтыульцами охотился за сайгаками в Карадуванских песках и уже с урочища Кигач направился в сторону Астрахани. Получив полную информацию о расположении едисанских улусов и поставив лагерь за рекой Бузан, Дайчин для угона скота и захвата ясыря отправил отряды «загонщиков» в морские косы, где едисаны чувствовали себя со своими стадами в относительной безопасности. С астраханского направления их прикрывал 4-тысячный отборный калмыцкий отряд [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 10–11].

Оборону Астрахани возглавили Афанасий Аристов и Савва Горохов. В срочном порядке против калмыков были отправлены конные сотни молодых дворян, стрельцов и татар, которые так и не решились вступить в бой с более многочисленным противником. В Астрахани срочно был сформирован обоз из телег, верблюдов и быков, дополнительно были выделены отряд пеших стрельцов и 6 пушек. Выставив обоз против основных сил калмыков, астраханцы не спешили переходить к активным действиям. Дайчин спокойно стоял от обоза в двух верстах и наблюдал за русским отрядом. Когда тайша со своими основными силами направился к Бузану, астраханский обоз в виде тележного городка начал также постепенно перемещаться вслед за калмыками. Затем Дайчин перешел на учуг Камызяк, приказав на возвышенности развести большие костры, служившие своего рода маяками для возвращающихся обратно калмыцких «загонщиков» с захваченными трофеями. Скот и ясырь Дайчин велел направить вперед, а сам с войском шел сзади, прикрывая их с тыла. Возвращались калмыки обратно в улусы той же дорогой. Астраханский отряд численностью в 500 человек, державший оборону в тележном городке, просто наблюдал за тем, как калмыки прогоняли мимо них захваченный скот и пленных. Отправив вперед трофеи на Яик, калмыки также организованно и беспрепятственно отступили [Богоявленский 1939: 71; Новосельский 1948: 227; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 1–4, 6–7, 12–13].

Позже в Астрахани началось расследование по «делу» стрелецких командиров, не принявших должных действий во время последнего калмыцкого набега. Выяснилось, что только командир А. Тарбеев пытался

активно переломить ситуацию и, собрав добровольцев, совершил вооруженную вылазку из обоза, навязав бой калмыцкой стороне. Однако во время сражения, когда он отправил человека в обоз за подкреплением, А. Аристов и С. Горохов не вышли к нему на помощь. Последние объясняли впоследствии, что полагали: пусть лучше калмыки побьют татар, зато они сохраняют жизни своим людям [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 15].

Это был очередной удар по политическому престижу астраханских воевод, а в их лице и Московского государства, только недавно потерпевшего поражение в Смоленской войне 1632–1634 гг. Астрахань снова и снова просила у Москвы подкрепление, особенно в виде конных стрельцов, поскольку имеющихся сил было недостаточно для охраны татар и ногаев. Местные воеводы вынуждены были признать свое бессилие перед лицом многочисленных, хорошо вооруженных и организованных кочевников. Эту ситуацию, наводившую на определенные мысли, видели и еще не присоединившиеся к калмыкам ногаи и татары. Москва пригрозила «царской опалой» А. Аристову и С. Горохову за преступное бездействие и потребовала немедленно отправить «добрых» послов к Дайчину, чтобы напомнить ему о прежних шертях, заключенных тайшами в Уфе и сибирских городах [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 16, 33–34].

Силы Дайчина в Северном Прикаспии увеличивались с каждым днем. Хо-Урлюк, кочевавший в это время за Эмбой и находившийся в военном походе против Ургенча и Хивы, выделил старшему сыну в помощь для проведения последней военной операции под Астраханью дополнительно 3 тыс. воинов [Богоявленский 1939: 71; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 13]. Дайчин полностью теперь переключил свое внимание на западный берег Волги, где кочевали еще не подчинившиеся ему ногайские улусы. Калмыцкие тайши благодаря хорошо организованной разведке были достаточно информированы о состоянии дел среди ногаев на правобережье. Пока его послы пред-

лагали мирзам «мир и совет», он усиленно готовил на 1636 г. новую военную экспедицию. Но этот план пришлось ненадолго отложить в связи с резким изменением международной ситуации в Центральной Азии, что было обусловлено наметившейся консолидацией ойратского сообщества на востоке.

В дальнейшем продвижение калмыков в этот район становится все более настойчивым, поскольку здешние степи представлялись весьма удобным местом для кочевков, а главным образом по причине их слабой заселенности. Попытки московского правительства противостоять продвижению калмыков на запад и удержать ногаев на левобережье Волги успеха не имели. Однако, не получив официального разрешения от русских властей, калмыки не могли считать себя здесь полноправными хозяевами, и около четверти века положение их здесь оставалось неопределенным. В начале 30-х гг. XVII в. калмыки так и не смогли окончательно закрепиться в волжском регионе, а кратковременные калмыцкие набеги на астраханских ногаев и татар в 1631, 1633, 1635 гг. можно рассматривать не как приход на Волгу, а лишь эпизодические появления в этих местах, что имело место и ранее. Основной ареал обитания торгутов в тот период все еще находился в районе между Яиком и Приаральскими Каракумами.

Источники

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Литература

- Богоявленский С. К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века // Исторические записки. М., 1939. № 5. С. 48–102.
- Миллер Г. Ф. История Сибири: в 3-х тт. Т. II. М.: Вост. лит., 2000. 796 с.
- Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948. 448 с.
- Санчилов В. П. На пути к Волге: ойратские этнополитические объединения 20–30-х гг. XVII в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста, 2008. № 2. С. 2–23.
- Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М.: Вост. лит., 2002. 752 с.

УДК 94(470)

ББК 63.3 (2Рос=Калм)

**ДОНСКИЕ КАЛМЫКИ В СОСТАВЕ КАЗАЧЬИХ ПОЛКОВ
В ПОХОДАХ И ВОЙНАХ РОССИИ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА***К. Н. Максимов*

В условиях сложной международной обстановки, связанной с притязаниями Наполеона на мировое господство, Россия вынуждена была присоединиться в конце XVIII в. к антифранцузской коалиции. Павел I начал свое правление с нейтралитета в отношении Франции, который осуществлялся недолго. В 1798 г. он активно поддержал европейскую коалицию против Франции и к западной границе направил 22 донских полка численностью 22 934 человека, в их числе было свыше 500 калмыков (калмыки, являясь равноправными, несли службу наравне с казаками), под командованием атамана Войска Донского генерала В. П. Орлова. Из этих полков 10 были переданы в состав корпусов Розенберга (вскоре вместо него был назначен А. В. Суворов) и А. М. Римского-Корсакова, ускоренным маршем двигавшихся на европейский театр военных действий. Казачьи полки А. К. Денисова 6-го, И. К. Краснова, Молчанова, И. И. Грекова 8-го, Семерникова, З. Е. Сычева 2-го, О. Поздеева 1-го и М. О. Поздеева 2-го (их личный состав 4 162 человека, среди них около 150 калмыков) в группе союзной русско-австрийской армии под командой А. В. Суворова отличились в Северной Италии, особенно в сражениях на берегах рек Адда, Тидон, Треббиа, у городов Бергамо, Милан, Маренго и Нови. Затем пешим 500 донским казакам и отряду егерей под руководством П. И. Багратиона в авангарде пришлось непосредственно участвовать в знаменитом альпийском переходе А. В. Суворова через Сен-Готардский перевал. Впоследствии А. К. Денисов вспоминал, что донским полкам пришлось участвовать «во всем трудном движении войск А. В. Суворова через горы, Сен-Готард, к Альторфу» [Записки донского атамана 1999: 92]. Донские казаки, по его воспоминаниям, бились «в жестоких боях с неприятелем в долине Мутень, у Швандена, Глариса, участвовали в бедственном переходе через гору Ринген-Копф, в спуске к Планцу и движении к Фельдкирху» [Записки донского атамана 1999: 138].

Основные силы указанных 8 полков численностью свыше 4 тыс. казаков во главе с походным атаманом А. К. Денисовым оставались у подножья, прикрывая тыл армии, но затем они были оперативно переброшены в авангард наступающего войска А. В. Суворова. В результате этого сражения были не только разгромлены французы, но и спасен русский армейский корпус А. М. Римского-Корсакова, в составе которого находились 3 донских казачьих полка (Ф. Н. Астахова 4-го, Кумчатского и Курнакова) численностью до 1 тыс. человек, в том числе до 40 калмыков. Казаки, прибывшие из этого похода на Дон, на целый год были освобождены от службы [Казачий Дон 2007: 58–59; Гордеев 2007: 323, 325].

Павел I, прервав дипломатические отношения с Великобританией и поддерживая идею сближения с Францией, решился на фантастический поход. 12 января 1801 г. он писал атаману Войска Донского В. П. Орлову: «Англичане приготавливаются сделать нападение флотом и войском на меня и на союзников моих — шведов и датчан; я готов их принять, но нужно их самих атаковать и там, где удар и может быть чувствительнее и где меньше ожидают. От нас ходу до Индии от Оренбурга месяца три, да вас туда [от Дона до Оренбурга] месяц, итого четыре. Поручаю всю сию экспедицию вам и войску вашему <...> Соберите войско к задним станциям, и тогда, уведомив меня, ожидайте повеления идти к Оренбургу, куда пришел, опять ожидайте, другого — идти далее» [Отечественная война 2004: 252].

Вместе с донскими казаками в поход должны были выступить осевшие на Дону калмыки «самоисправными лошадьми и оружием, невзирая на очередь». Вскоре, в феврале 1801 г., по указу Павла I из оставшихся 757 человек от службы служилых (всего по списку 1 793) донских калмыков 510 человек «о дву конь», с оружием и запасами провианта на полтора месяца вместе с 22,5 тыс. казаками (41 полк и 2 роты артиллерии), собранными почти поголовно (свободных служилых казаков числилось

24 210, на внешней и внутренней службе 15 813 чел.), приняли участие в так называвшемся «восточном» походе (на Индию), длившемся в зимний (февраль–март) период почти месяц, под руководством донского атамана генерала В. П. Орлова [Савельев 2007: 468–470; Казин 1912: 53].

Казачий экспедиционный корпус, разделенный на 4 части во главе с генерал-майорами М. Платовым, А. Денисовым, Бокковым и Кузиным, двигался в сторону Оренбурга ускоренным маршем — по 80 км в сутки. Артиллерией командовал полковник Карпов. С восшествием на престол Александра I поход был прерван, и в апреле того же года по указу императора казаки и калмыки возвращены на Дон [Павел I ... 2010: 250–251].

Реформы Александра I по высочайшему указу Правительствующему сенату от 29 сентября 1802 г. внесли существенные изменения в военное устройство Войска Донского. К сентябрю 1802 г. в Войске Донском состояло способных к службе лиц: генералов — 15, штаб-офицеров — 177, обер-офицеров: есаулов, сотников, хорунжих и квартирмейстеров — 902; 40797 урядников и казаков, «полагая в то число и 1 157 калмыков» [Сборник областного Войска Донского ... 1915: 67, 68–69]. Указом императора устанавливалось иметь в Войске Донском 60 комплектных полков, в них 60 полковников, есаулов — 300, сотников — 330, хорунжих — 300, квартирмейстеров — 60. Однако численность личного состава полка в августе 1803 г. была увеличена до 578 человек (в каждом полку служило 15–20 калмыков), а Лейб-гвардейского Казачьего и Атаманского полков — до 1 тыс. (в них служили соответственно 10 и 19 калмыков) [Кеппен 1861: 298]. В штат казачьего полка входили: командир — 1, есаулы — 5, хорунжие — 5, сотники — 5, квартирмейстер — 1, писарь — 1; урядники: старшие — 5, младшие — 5; казаки — 550, 561 строевая и 561 выючная лошадь. В личный состав донской конноартиллерийской роты входили 257 человек, в том числе штаб-офицер — 1, обер-офицеры — 6, старшие урядники — 14, младшие урядники — 12, казаки — 224 (в их числе 10 калмыков-казаков) [Столетие Военного министерства 1902: 235]. В указе императора отмечалось: «Те из них, которые не на походной службе будут находиться, могут быть употреблены, как и отставные, нести могущих внутреннюю службу, в при-

сутственные места и в другие должности» [РГВИА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 193. Л. 51].

Россия в начале XIX в. втянулась в войну: на юге в Закавказье — с Персией и Турцией, на западе — в группе коалиции с Францией, а также со Швецией в 1808–1809 гг. В отряде П. И. Багратиона российского армейского корпуса под начальством М. И. Кутузова, двигавшегося в октябре 1805 г. на соединение с австрийской армией генерала К. Макка, находились три донских казачьих полка — № 2 А. Г. Сысоева на правом крыле, № 3 В. Е. Ханженкова и А. И. Исаева 3-го — на левом крыле [Михайловский-Данилевский 1844: 168–169]. Однако до подхода М. И. Кутузова французы принудили австрийцев капитулировать. При вынужденном отступлении российского корпуса 4 ноября при Шёнграбене произошло сражение отряда П. И. Багратиона с французами, где отличились указанные донские полки [Михайловский-Данилевский 1844: 209]. Они, находясь в арьергарде отряда, смогли захватить в плен 3 офицеров и 50 рядовых. Всего в боевых действиях в первой войне (1805 г.) с Францией участвовали 10 донских казачьих полков: Лейб-гвардии Казачий, полковника П. М. Гордеева 1-го, подполковников П. Г. Денисова 14-го, А. И. Исаева 3-го, А. Г. Сысоева 1-го и В. Е. Ханженкова, войсковых старшин Т. А. Малахова 1-го, Д. М. Киселева 2-го, Ф. Ф. Мелентьева 3-го и др. В этих полках служило и участвовало в походах и сражениях до 200 калмыков-казаков [Михайловский-Данилевский 1844: 253]. По сведениям, сохранившимся в Государственном архиве Ростовской области, одним из калмыков в составе полка А. Г. Сысоева 1-го служил Петись Зундугинов из 4-й сотни Нижнего улуса. В боях 1805 г. он был ранен ружейной пулей в левую руку. Умер в 1854 г. в возрасте 73 лет [ГА РО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 357. Л. 2, 3; Ф. 309. Оп. 3. Д. 35. Л. 35].

За подвиги, проявленные 4 ноября 1805 г. у Шёнграбена при выходе из окружения французской армии под командованием маршала И. Н. Мюрата, и за соединение отряда П. И. Багратиона с основными частями армии М. И. Кутузова император Александр I пожаловал 6 полкам, в том числе донским А. Г. Сысоева 1-го и В. Е. Ханженкова 1-го, награды — Георгиевские знамена с надписью «За подвиги при Шёнграбене 4 ноября 1805 г. в сражении пятидесяти тысячного корпуса с неприятельским, состоявшим из 30 тысяч».

5 офицеров полка А. Г. Сысоева 1-го были удостоены орденов Св. Анны 3-й степени, сам А. Г. Сысоев — ордена Св. Владимира 4-й степени с бантом. Помимо этого, казаки в награду от императора получили еще по 2 рубля. Всего на службе в российской армии в это время находились 32 донских казачьих полка и 2 конноартиллерийские роты. В каждом полку служили более 20 и в артиллерийской роте — 3–4 калмыка-казака [Сапожников 2007: 15–16].

Донские казачьи полки А. Г. Сысоева 1-го, А. И. Исаева 3-го, Т. А. Малахова 1-го, П. М. Гордеева 1-го, находясь в авангарде 3-й колонны соединенной армии союзников, приняли 8 и 16 ноября 1805 г. участие в сражениях при Раценице (Русинове) и Вишау. В составе австрийского авангарда под командованием фельдмаршала-лейтенанта М. Кинмейера находились донские полки войскового старшины Ф. Ф. Мелентьева 3-го и подполковника А. Г. Сысоева 1-го. В первую колонну авангарда генерал-лейтенанта Д. С. Дохтурова входил полк подполковника П. Г. Денисова 14-го, в отряд П. И. Багратиона — донские полки войскового старшины Д. М. Киселева 2-го, подполковников Т. А. Малахова и В. Е. Ханженкова, в отряд Л. Й. Лихтенштейна — полки полковника П. М. Гордеева 1-го и подполковника А. И. Исаева 3-го [Мезинцев 2008: 151, 159].

В составе союзных войск, принявших участие в последнем сражении кампании 1805 г. под Аустерлицем 19–20 ноября, находились 13 сотен и 3 казачьих полка, которые составили арьергард отступающей русской армии. Российский армейский корпус в этой битве потерял 21 тыс. убитыми, ранеными и пленными, а всего в первую французскую войну — 26 840 человек. В докладной генерал-майора В. Т. Денисова 7-го, составленной в июне 1806 г., указывалось, что из отправленных в мае 1805 г. в заграничный поход вернулись на Дон 10 казачьих полков. В каждом полку осталось до 12 офицеров и урядников, 260 казаков и 20 калмыков, т. е. потери личного состава составили до 50 % [Мезинцев 2008: 169].

Всего на Дону в 1806 г. в казачьем войске числилось 11 генералов, 26 полковников, 35 подполковников, 98 майоров и войсковых старшин, 1 034 есаулов, хорунжих и сотников, 1 301 урядник, 45 850 служилых казаков, из них в строевых полках и командах находились 29 599 человек. В состав

казачьего войска входили 1 422 калмыка, из них служили в строевых полках и командах 1 064 (с этого времени 91 человек в Атаманском полку), в невоенных полках — 358 человек [Мезинцев 2008: 171].

Наполеон, захватив Австрию, Пруссию, всю свою агрессивную политику направил против России. В сложной международной обстановке Россия, понимая военную угрозу со стороны Франции, начала предпринимать меры мобилизационного характера. Александр I высочайшим манифестом от 30 ноября 1806 г. объявил о формировании в стране народного ополчения. 13 февраля 1807 г. главный пристав калмыцкого народа А. И. Ахвердов созвал съезд владельцев, духовенства и зайсангов, на котором решили выставить в ополчение по одному калмыку от двух кибиток, снабдив ополченца имеющимся дома оружием. Калмыки-ополченцы Астраханской губернии выступили в поход «о дву конь», собрав на каждые 10 человек одного вьючного верблюда, на одного воина двух баранов на продовольствие. Калмыцкое ополчение в составе 5 196 человек (10 полков), 11 тыс. лошадей, 520 верблюдов, отары 10 500 овец, имея на вооружении 1 620 ружей, 517 сабель, 1 318 пик и т. д., в апреле 1807 г. отправились через Дон к месту сбора — в Орловскую и Курскую губернии. После Тильзитского мира, заключенного в июне 1807 г. между Францией и Россией, 15 донских полков перебросили на Дунай, где с 1806 г. шла война с Османской империей. Калмыцкое ополчение было отправлено в свои улусы. По имеющимся сведениям, при возвращении ополченцы Малодербетовского улуса Э. Тундутова потеряли 8 человек и 289 лошадей [Русско-калмыцкий календарь 1912: 35–38].

К войне 4-й антифранцузской коалиции в 1806 г. в разных соединениях русской армии предполагалось использовать одну конноартиллерийскую роту и 14 донских казачьих полков: полковников А. Е. Грекова 9-го и И. Ф. Чернозубова 4-го, подполковников Г. Д. Иловайского 9-го, В. Е. Попова 5-го, Т. А. Малахова, Д. Р. Андропова, А. Г. Сысоева 1-го (с февраля 1807 г. войскового старшины В. А. Сысоева 3-го), И. Т. Карасева и Х. П. Кирсанова, войсковых старшин О. В. Иловайского 10-го, В. И. Ефремова 3-го, А. Н. Папузина, Т. Д. Грекова 18-го и Д. М. Киселева 2-го. В личном составе указанных полков числилось до 252 калмыков-казаков. По боевому расписанию русской

армии на 1806 г. эти полки были включены в корпус генерала от кавалерии Л. Л. Беннигсена. Еще шесть донских казачьих полков: полковников П. М. Гордеева 1-го и М. И. Родионова 2-го, подполковников И. И. Андриянова 2-го и Ф. А. Кутейникова 4-го, майоров С. И. Пантелеева 2-го и Воронина (Слюсарева 2-го) находились на границе с Пруссией. Три донских полка (полковника А. Е. Грекова 4-го, войскового старшины И. В. Грекова 21-го и майора Ф. Ф. Мелентьева 3-го) несли службу в других регионах страны [ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1729. Л. 163].

В войне 4-й антикоалиции впервые в ноябре 1806 г. с французами при г. Ловиче столкнулся донской полк В. Е. Попова 5-го, входивший в 6-ю дивизию генерал-майора А. К. Семдморяцкого. В январе 1807 г. 8 донских полков (Иловайского 9-го, Андропова 1-го, Сысоева 1-го, Малахова, Грекова 18-го, Ефремова 3-го, Киселева и Папузина) были сведены в корпус под командованием атамана М. И. Платова. Полки корпуса, в составе которых воевало более 150 калмыков, отличились в сражениях 26–27 января (7–8 февраля) 1807 г. при городе Прейсиш-Эйлау и захватили в плен 550 солдат противника [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 168. Л. 1].

В начале 1807 г. в списке личного состава Войска Донского значились 12 генералов, 25 полковников, 33 подполковника, 97 майоров и войсковых старшин, 1 013 есаулов и хорунжих, 1 468 урядников, 46 042 казака, из них в полках и командах служили 36 680 человек. В этом же списке были учтены 1 420 служилых калмыков-казakov, из них 1 009 человек проходили службу в военных полках и командах, 173 человека занимали различные военные должности [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 168. Л. 2].

В феврале 1807 г. русская армия под командованием генерала Л. Л. Беннигсена пополнилась еще 13 донскими полками (генерал-майоров П. Д. Иловайского 2-го, И. Д. Иловайского 4-го, Н. В. Иловайского 5-го и В. Т. Денисова 7-го, Атаманским, подполковников С. А. Белгородцева и С. Д. Иловайского 8-го, полковников И. А. Карпова 1-го и Д. Е. Кутейникова 2-го, войскового старшины С. С. Сулина 7-го, майоров Ф. А. Барабанщикова, Н. С. Сулина 9-го и И. А. Селиванова 2-го) общей численностью 6 464 человека, в том числе 541 офицер (в Атаманском полку 124 офицера, в артиллерийской роте 35 офицеров)

и 5 923 представителя нижних чинов. Лейб-гвардии Казачий полк под командованием П. А. Чернотубова 5-го постоянно находился в авангарде корпуса генерала П. И. Багратиона и участвовал в крупных сражениях при Гутштатде, Фридланде. Таким образом, в этой войне против французов приняли непосредственное участие 28 донских полков, в личном составе которых находилось более 500 калмыков-казakov (в полках 16–20 чел.), и 2-я донская конноартиллерийская рота войскового старшины Ребрикова 5-го, а 6 донских полков дислоцировались на границе с Пруссией [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 168. Л. 6].

В боях с марта по июнь 1807 г. под Ортельсбургом, Малге, Гутштатом, на Гейльсбергской позиции, при Веласу и Битенен, у Юргайчана донские казаки взяли в плен 5 обер-офицеров и 48 унтер-офицеров, 351 человек нижних чинов, захватили обоз и походную канцелярию маршала М. Нея. В этих сражениях самое активное участие принимали и решали их исход донские полки Атаманский (только в его составе 91 калмык), Лейб-гвардии Казачий, Иловайского 2-го, Иловайского 4-го, Иловайского 5-го, Карпова 1-го (погиб 13 марта, полк принял Ф. Н. Астахов 4-й), С. Д. Иловайского 8-го, Г. Д. Иловайского 9-го, Д. Р. Андропова (И. И. Исаева 2-го), В. А. Сысоева 3-го, Грекова 9-го. Грекова 18-го, В. И. Ефремова 3-го, Иловайского 10-го, Селиванова 2-го, Белгородцева, Сулина 7-го и А. К. Денисова 6-го. В составе этих названных донских полков сражалось с врагом более 300 калмыков-казakov, не считая успевшего принять участие в этой войне Ставропольского калмыцкого полка [Казин 2010: 56, 104, 105].

Всего в войне 1806–1807 гг. донцы взяли в плен французов: штаб-офицеров — 9, обер-офицеров — 130, нижних чинов — 4 196 человек. Донские казачьи полки потеряли убитыми: штаб-офицеров — 3, обер-офицеров — 21, урядников — 34, казаков — 397, в том числе до 20 калмыков. За эту военную кампанию 30 августа 1811 г. император Александр I пожаловал Войску Донскому Георгиевское знамя с надписью «Верноподданному Войску Донскому, за оказанные заслуги в продолжение кампании против французов 1807 года» [Чуйкевич 1902: 58–59].

В затяжной русско-турецкой войне 1806–1812 гг. на берегах Дуная в общей сложности активные боевые действия проводили

15 донских полков (Атаманский, Л. К. Денисова 4-го, А. К. Денисова 6-го, В. Т. Денисова 7-го, И. А. Карпова, Гордеева, Иловайского 8-го, Т. Д. Иловайского 11-го, Ф. А. Кутейникова 4-го, П. М. Грекова 8-го и др.) численностью личного состава 7 961 человек, в том числе до 350 калмыков, и 1 артиллерийская рота под общим командованием атамана М. И. Платова. Из них 6 полков под командованием генерал-майора А. К. Денисова 6-го находились в корпусе генерала А. Ф. Ланжерона (в октябре 1808 г. его сменил генерал С. М. Каменский). Русские войска нанесли туркам ряд крупных поражений в 1809, 1810 и 1811 гг., особенно при сражениях под Гирсово, Силистрии, Россевато, Рущуком и Ахалкалаки, в которых отличились донские полки под командованием М. И. Платова. В мае 1812 г. война с Турцией закончилась подписанием в Бухаресте мирного договора [Сапожников 2007: 16–28].

В эти же годы (1808–1809) 4 донских казачьих полка (Лейб-гвардии Казачий, подполковников И. Н. Лащилина 1-го и И. И. Исаева 2-го, войскового старшины Д. М. Киселева 2-го, в личном составе которых были до 70 калмыков) участвовали в войне со Швецией. Особо отличился Лейб-гвардии Казачий полк В. В. Орлова-Денисова (в командование вступил в июле 1808 г.) в сражениях при Гельсингфорсе, Каскэ и деревне Эмос. После удачных походов и овладения Аландскими островами и городом Умео русскими войсками под командованием Барклая де Толли война завершилась в сентябре 1809 г. подписанием мирного договора со Швецией [Казачество великое ... 2008: 239].

Историк А. И. Попов, анализируя песенный фольклор донских калмыков, в которых отражена их военная служба, писал, что «очень красиво звуча по-калмыцки, говорит эта песня о многотрудной службе калмыка-казака»: «От Перми до Тавриды, от Финских хладных берегов до пламенной Колхиды» [Богачев 1919: 302].

Таким образом, к концу XVIII в. на Дону сложилось стабильное калмыцкое население, инкорпорированное в казачье сословие Войска Донского, со своим административным устройством и управлением. В соответствии с новым положением существенно трансформировалась социальная структура донского калмыцкого населения — утвердилось военное сословие — служилые калмыки-казаки. С увеличением калмыцкого

населения на Дону и возрастала численность служилых калмыков-казаков. В 1810 г. в списке 48 919 служилых донских казаков (в том числе офицеров — 1 349, урядников — 1 801) уже числилось 1 754 калмыка, из них в строевых частях — 1 133 (в Атаманском полку — 91), на разных военных должностях — 173 человека [ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1729. Л. 163; ГА РО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 472. Л. 1]. В начале XIX в., как и в предыдущие периоды, калмыки вместе с донскими казаками принимали активное участие в походах и войнах, которые вела Россия. В последующем калмыки, сражаясь в составе Атаманского, Лейб-гвардии Казачьего, донских строевых и ополченских полков, конноартиллерийских рот в грозные дни Отечественной войны 1812 года и участвуя в заграничных походах, прославились вместе с казаками.

Источники

Государственный архив Ростовской области (ГА РО).
Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

Литература

Записки донского атамана Денисова. Серия: Литературные памятники казачества. СПб.: ВИРД, 1999. 256 с.

Казачий Дон: Пять веков воинской славы / отв. ред. А. А. Озеров, А. В. Венков. М.: Яуза, Эксмо, 2010. 414 с.

Гордеев А. А. История казачества. М.: Вече, 2007. 672 с.
Отечественная война 1812 г.: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2004. 880 с.

Савельев Е. П. Древняя история казачества. М.: Вече, 2007. 480 с.

Казин В. Х. Казачьи войска (хроника гвардейских казачьих частей). СПб.: Тип. В. Д. Смирнова, 1912. 462 с.

Павел I без ретуши / сост., авт. предисл., авт. коммент. Е. И. Лелина. СПб.: Амфора, 2010. 415 с.

Сборник Областного войска Донского Статистического комитета. Вып. 13. Новочеркасск, 1915. 174 с.

Кеппен П. Хронологический указатель материалов для истории инородцев европейской России. СПб., 1861. 521 с.

Столетие Военного министерства. 1802–1902: в 13 тт. / гл. ред., ген.-лейт. Д. А. Скалон Т. IV. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 2. Организация, расквартирование и передвижение войск. Вып. 1. (Период 1801–1805 гг.) / сост. шт.-кап. А. Т. Борисевич. СПб.: Тип. товарищества М. О. Вольф, 1902. 512 с.

Михайловский-Данилевский А. И. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году. СПб., 1844. 300 с.

Сапожников А. И. Казачество в наполеоновских войнах // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. VI: Сб. мат.-лов. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. / Труды ГИМ.

- Вып. 166. М., 2007. С. 7–108.
- Мезинцев Е. В. Война России с наполеоновской Францией в 1805 году (действия русской армии в составе 3-й антифранцузской коалиции). М.: ИРИ РАН, 2008. 366 с.
- Русско-калмыцкий календарь на 1912 год. Астрахань, 1912. 81 с.
- Чуйкевич П. А. Подвиг казаков в Пруссии. Новочеркасск, 1902. 112 с.
- Казачество великое, бесстрашное. СПб.: Славия, 2008. 660 с.
- Богачев В. В. Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск, 1919. 537 с.

УДК 323.313

ББК 63.3 (2Рос=Калм)

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К КАЛМЫЦКОЙ ЗНАТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

А. Н. Команджаев, Н. П. Мацакова

В ходе проведения экономических, социальных и политических преобразований в стране немаловажное значение имеет анализ прошлого, в особенности изучение исторического опыта реформирования. Во второй половине XIX в. началом важных изменений в экономической и социально-политической жизни России стала отмена крепостного права в 1861 г., которая повлекла за собой ряд других реформ, в том числе ликвидацию зависимых отношений в национальных районах.

В калмыцком обществе в рассматриваемый период существовали отношения, характеризовавшиеся зависимым положением калмыков-простолудинов от нойонов и зайсангов и называвшиеся «обязательными». Процесс разработки закона об отмене этих отношений занял довольно длительное время (более тридцати лет). За этот период было создано пять различных по составу комиссий, разработано несколько проектов, проведен ряд дополнительных подготовительных мероприятий на местах. Реформа 1892 г. стала очередным шагом российского правительства в распространении основ реформы 1861 г. на национальные районы империи и стала ярким проявлением его унифицирующего курса и политики по отношению к национальным элитам в данный период.

Административно-политический курс правительства в Калмыкии в целом соответствовал национальной политике государства и был тесно связан, прежде всего, с вопросом изменения правительственной политики по отношению к калмыцкой знати. Так, лояльность последней и сотрудничество с ней обусловили в период вхождения

калмыков в состав Российского государства первоначальное невмешательство центральной власти в существовавшие в калмыцком обществе социальные отношения.

Однако затем в поисках оптимального режима отношений с местной знатью правительство стало балансировать между двумя противоположными политическими векторами. С одной стороны, оно усиливало традиционные механизмы легитимизации и придавало калмыцкой элите дополнительную устойчивость в отношениях с подвластным населением. Характерными актами в данном случае являются манифест от 16 ноября 1737 г. и указы от 12 мая 1744 г. и 27 июня 1785 г. [ПСЗ РИ I. Т. X, № 7438; Т. XII. № 8941; Т. X. № 3517]. С другой стороны, русское правительство встало на путь постепенного ограничения прав калмыцкой знати и постепенного подчинения калмыков русской администрации. Проведенные в первой половине XIX в. преобразования (упразднение Зарго и Ламайского духовного правления, расширение полномочий главного попечителя, замена единоличного управления улусом в лице нойона или правителя коллегиальным органом) еще раз свидетельствовали об ограничении автономных начал в управлении калмыками и постепенном подчинении их правительственной администрации. Очевидны были также попытки ограничить власть и влияние двух ведущих социальных групп калмыцкого общества: владельчества и духовенства [Бурчинова 1973: 65–66].

Данная политика осуществлялась в рамках правительственного курса на административную интеграцию национальных окраин в состав империи, который с 1863 г.

стал всеобщим и форсированным. Одна из причин принятия этого курса, по мнению Б. Н. Миронова, заключалась «в необходимости <...> унифицировать все части империи в административном, культурном, правовом и социальном смыслах, интегрировать общество по вертикали — через прежние сословные барьеры и по горизонтали — через национально-региональные границы, укрепить связи между всеми частями государственного аппарата независимо от их местоположения и всеми жителями страны независимо от их сословной и национальной принадлежности» [Миронов 1999: 37, 41].

Положения 1834 и 1847 гг. примечательны тем, что они затронули многие стороны внутренней жизни калмыцкого общества [ПСЗ-II. Т. X. Отд. 2. Т. IX. № 7560-а; ПСЗ-II. Т. XXII. Отд. 1. № 21144]. Так, был изменен принцип наследования улусов и аймаков: Положение 1834 г. узаконило принцип майората (порядок наследования старшим сыном без дробления). К тому же после принятия Положений 1834 и 1847 гг. калмыцкую знать ввели в единую социальную структуру, определили ее место в зависимости от положения и должности по Табелю о рангах 1722 г. Тем самым население Калмыкии было четко разграничено не только по занимаемой должности, но и по социальной структуре. В итоге на протяжении второй половины XIX в. стало непрерывно расти количество безаймачных зайсангов. По переписи 1868 г., числилось 835 аймачных зайсангов вместе с членами семейств, а безаймачных зайсангов насчитывалось 2 609 чел. [Костенков 1869: 156].

Далее был точно и ясно определен круг повинностей в пользу владельцев, определены размер албана, права и обязанности нойонов и зайсангов по управлению улусами и аймаками. Определенные льготы устанавливались в случае изъявления ими желания перейти в православие и к оседлому образу жизни [ПСЗ РИ II. Т. XXII. Отд. 1. № 21144].

Во второй половине XIX в. отражение правительственного отношения к калмыцкой знати можно увидеть в проектах комиссий и главных попечителей, занимавшихся подготовкой проектов ликвидации владельческой зависимости калмыков-простолюдинов и реорганизации системы управления.

Особенно следует отметить труды К. И. Костенкова, руководителя Кумо-

Манычской экспедиции 1860–1861 гг., главного попечителя калмыцкого народа, принявшего активное участие в этой работе. Он в ходе подготовки проектов заинтересовался прошлым калмыцкого народа и составил подробный исторический очерк. К. И. Костенков подробно охарактеризовал сословное деление калмыцкого общества, показал взаимоотношения людей «черной» и «белой» кости, права и привилегии калмыцких привилегированных сословий, истоки происхождения которых, как он установил, уходят в древнюю историю монголов. Нойоны, по его мнению, первоначально были предводителями или правителями калмыков-простолюдинов, а зайсанги были ошибочно отнесены к привилегированному сословию. Главный попечитель признал фактическое существование крепостного права в Калмыкии, происхождение которого объяснил как «незаконно» насажденное русским правительством явление [Костенков 1870: 42–48].

Как отметила Л. С. Бурчинова, соображения К. И. Костенкова о правовом статусе калмыцких привилегированных сословий учитывались в работе последовавших затем министерских комиссий при подготовке проектов об освобождении калмыков-простолюдинов от владельческой зависимости [Бурчинова 1988: 120]. Очевидно, это связано с тем, что он в общем отразил правительственный взгляд на суть социальных отношений в калмыцком обществе. Признание крепостнического характера этих «обязательных отношений» приводило к мысли о необходимости их ликвидации по примеру отмены крепостного права в 1861 г.

Практически во всех проектах реформы, кроме Комиссии 1861 г., содержится единое мнение о сущности владельческих прав нойонов и зайсангов: они, не касаясь земельных отношений, ограничивались только правами на денежный сбор с подвластных калмыков. Таким образом, отношения, установившиеся между нойонами и другими владельцами, с одной стороны, и калмыками-простолюдинами, с другой стороны, были признаны правительством взаимно-обязательными, т. е. нойоны и владельцы имели права и обязанности по управлению калмыками-простолюдинами, а последние *обязаны* были платить албан. Очевидно, использование дефиниции «обязательные отношения» применительно к калмыкам объясняется тем, что правительство видело

некоторое отличие этих отношений от крепостных и соответственно считало необходимым подчеркнуть эту особенность общественного устройства калмыцкого народа.

Практически все участники подготовки реформы признали, что поскольку владельческие права нойонов и зайсангов носили характер имущественных прав и были признаны законом, они не могли быть отменены без соответствующей компенсации. При этом духовенство, в услужении у которого находилось фактически значительное количество калмыков, не признавалось владельческим сословием [Леджинова 2006].

При составлении и рассмотрении проектов ликвидации обязательных отношений в калмыцком обществе большое внимание было уделено вопросам определения размеров этой компенсации и источника, из которого следовало ее произвести. Из двух обсуждаемых способов — капитализация действительных доходов и выплата суммы албана за 5 лет — в закон был включен последний. Все министерские комиссии и Департаменты Госсовета пришли к заключению, что вознаграждение необходимо осуществить из общественного калмыцкого капитала, который был предназначен для устройства быта калмыков.

Что касается недоимок по сбору албана, то при принятии закона было решено, что сумма выплат компенсирует недополученный сбор [Научный архив КИГИ РАН. Ф. 4 Оп. 2. Д. 309. Л. 41об., 42].

Активно обсуждался вопрос о будущем правовом положении бывших владельцев: останется ли оно в привилегированном статусе или подлежит уравниванию в правах и обязанностях с простолюдинами. Комиссия 1870–1872 гг. во главе с князем Д. А. Оболенским считала несправедливым освобождать нойонов, зайсангов и духовенство от платежа налога. Такое же мнение было высказано на заседании соединенных Департаментов 23 ноября 1891 г., поэтому было решено обложить все калмыцкое население без исключения 6-рублевым сбором в доход казны, что впоследствии вызвало недовольство знати и духовенства [ПСЗ РИ III. Т. XII. № 8429].

Кроме этого, например, Н. О. Осиповым, который также в свое время занимал пост главного попечителя калмыцкого народа, предлагалось ограничить социальную активность привилегированных сословий.

Он считал, что нойонов, зайсангов и духовенство надо устранить от участия в общественных делах. Таким образом, отмена обязательных отношений была продолжением курса правительства на ограничение прав и привилегий калмыцких феодалов.

Начиная с комиссии Д. А. Оболенского, обсуждалось предложение выдать мелким владельцам и зайсангам, признанным особенно нуждающимися, небольшие пособия. Как нам представляется, этот факт является свидетельством процессов, происходивших в среде мелких калмыцких феодалов на протяжении XIX в., факт разорения большинства которых не укрылся от «правительственного взора». Главные попечители К. И. Костенков и Н. О. Осипов отмечали, что многие безземельные зайсанги и зайсанги, владевшие небольшим количеством семей, сами занимались работами по найму и находились почти в одинаковых условиях с простолюдинами [Костенков 1869: 157; НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 115. Л. 78].

Таким образом, можно сделать заключение, что практически во всех законопроектах нашло отражение стремление правительства ввести Калмыкию в общеимперскую систему управления, усилить чиновничий аппарат и способствовать переходу калмыков к оседлой жизни.

Закон об отмене обязательных отношений в калмыцком обществе был принят 16 марта 1892 г. Его главное содержание составляли три основных положения: отмена владельческих прав калмыцких феодалов и освобождение калмыков-простолюдинов (за вознаграждение); частичная реорганизация управления калмыцким народом (функции попечителей были расширены в результате передачи им обязанностей нойонов) и судопроизводства; налогообложение всего калмыцкого населения в пользу государства [ПСЗ РИ III. Т. XII. № 8429].

Правительственная политика в отношении калмыцкой знати во второй половине XIX в. была направлена на дальнейшее ограничение прав и привилегий калмыцкой знати, что проявилось в реформе 1892 г. Отменой обязательных отношений обуславливались дальнейшие изменения в жизни калмыцкого населения, что также было связано с общероссийскими преобразованиями 60-70-х гг. XIX в. По мнению Л. С. Бурчиновой, задачей всех комиссий, занимавшихся разработкой проектов отме-

ны обязательных отношений у калмыков, было найти практически приемлемый путь и способ распространения на Калмыцкую степь буржуазных реформ. Весь смысл намечавшихся перемен должен был означать реорганизацию всех сторон жизни ее населения с учетом общегосударственных преобразований и местных особенностей [Бурчинова 1988: 121].

Источники

- Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (НА КИГИ РАН).*
Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).
Полное собрание законов Российской империи. 1-ое собрание. 1649–1825 гг. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
Полное собрание законов Российской империи. 2-е собрание. 12 декабря 1825 — 28 февраля 1881 г. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
Полное собрание законов Российской империи. 3-е собрание. 1 марта 1881 — 1913 гг. СПб.: Государственная типография, 1885.

Литература

- Бурчинова Л. С.* Из истории управления калмыцким народом (XIX век) // Труды молодых ученых Калмыкии / КНИИИЯЛИ. Элиста, 1973. Вып. 3. С. 59–67.
Бурчинова Л. С. К историографическому изучению истории подготовки и проведения буржуазных реформ в Калмыкии // Калмыковедение: вопросы историографии и библиографии / КНИИИФЭ. Элиста, 1988. С. 112–122.
Костенков К. И. Результаты переписи калмыцкого народа, произведенной в декабре месяце 1868 года // Труды Астраханской губернии статистического комитета. Астрахань, 1869. Вып. 1. С. 148–163.
Костенков К. И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб.: Тип. С. Нусвальта, 1870. 170 с.
Леджинова Н. П. Подготовка реформы 1892 г. в Калмыцкой степи Астраханской губернии // Востоковедные исследования в Калмыкии: сб. науч. тр. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. Вып. 1. С. 55–69.
Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2-х тт. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. 568 с.

УДК 316.443

ББК 63.3 (2Рос=Калм)

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ КАЛМЫКОВ В XIX ВЕКЕ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н. П. Мацакова

Определение характера общественно-го строя калмыцкого общества является необходимым элементом в изучении истории Калмыкии. В той или иной мере эта проблема рассматривалась многими авторами, прежде всего, в связи с проблемой феодализма в кочевом обществе. На наш взгляд, для решения этого вопроса необходимо рассмотреть все многообразие мнений и взглядов, существующих на данный момент в литературе.

В историческом калмыковедении можно найти различные точки зрения по поводу определения характера общественного строя калмыков накануне реформы 1892 г. Исследователи XIX в. (Н. А. Нефедьев [1834], Ф. А. Бюлер [1846], П. И. Небольсин [1852], К. И. Костенков [1870], И. А. Житецкий [1892] и Я. П. Дуброва и др.) считали калмыцкое общество патриархально-родовым. Например, Я. П. Дуброва утверждал, что калмыки «до сих пор не пережили родового быта», а «привилегированное калмыцкое сословие с правами господ над рабами есть продукт искусственного создания» рус-

ского правительства, рассчитывавшего тем самым подчинить калмыцкий народ своей власти [Дуброва 1998: 158].

И. А. Житецкий охарактеризовал взаимоотношения нойонов с подвластными калмыками как «патриархально-рабовладельческие с правом власти высшего сословия не только над имуществом, но и над жизнью простонародья» [Житецкий 1892: 92]. Однако использование дефиниции «рабовладельческие отношения» в этом случае, по мнению А. Н. Команджаева, объясняется стремлением автора более рельефно показать своеобразие и особенности общественных отношений у калмыков [Команджаев 1988: 108].

Первым из советских историков, который считал, что характер отношений между классами у калмыков носил феодальный характер, был Г. З. Минкин, подходивший к данной проблеме с марксистских позиций. Он отрицал господство патриархально-родовых отношений в калмыцком обществе, так как это ставило под вопрос «наличие

классов и классовую борьбу в Калмыкии вплоть до революции», но признавал наличие пережитков родовых отношений в быту, обычаях, воззрениях калмыков. Он подчеркивал, что отсутствие частной собственности на землю не являлось аргументом для отрицания феодализма, главная особенность которого в Калмыкии заключалась в том, что он основывался на кочевом хозяйстве. Г. З. Минкин выделил в структуре калмыцкого общества два основных класса (феодалы и крестьяне) и отметил наличие крепостной зависимости последних, которая, по его мнению, существовала еще до прихода калмыков на Волгу [Минкин 1968: 7].

В целом в советской калмыковедческой литературе утвердилось мнение о том, что в XIX в. в экономике и социальной структуре калмыцкого общества господствовали феодальные отношения. Так, в «Очерках истории Калмыцкой АССР» говорится: «Во второй половине XIX в. в Калмыкии сохранялись феодальные отношения. Царское правительство, проводя крестьянскую реформу 1860-х гг., не коснулось калмыцких улусов. Калмыцкие нойоны, зайсанги и высшее буддийское духовенство сохраняли свое положение феодалов, а масса рядовых калмыков продолжала находиться от них в феодальной зависимости» [Очерки истории Калмыцкой АССР 1967: 171]. Причем социальные отношения «носили отчетливо выраженный феодальный характер, хотя и с пережитками дофеодального, патриархально-родового строя», и в XVII–XVIII вв. [Очерки истории Калмыцкой АССР 1967: 288–289].

Такой же точки зрения придерживался У. Э. Эрдниев, который полагал, что «по своему характеру общественные отношения в Калмыкии были феодальными. И в то же время они были переплетены с остатками патриархальных традиций и обычаев, которые сохранились от более ранней стадии развития» [Эрдниев 1985: 93]. Пережитками феодально-патриархальных отношений он называл сословность, общинные формы землепользования, огромное влияние буддийской религии на многие стороны жизни калмыцкого народа, приниженное положение женщин и др. [Эрдниев 1985: 93].

Некоторые историки XIX в., как и большинство уже советских ученых, давали свои характеристики общественному строю на основе толкования монголо-ойратских законов 1640 г. Условно их можно разделить на две группы. К первой относятся исследователи,

интересовавшиеся историко-юридической стороной источника, — Ф. И. Леонтович [1879], К. Ф. Голстунский [1880], И. Я. Гурлянд [1904]. Они считали «Ики Цааджи» памятником «первобытнообщинной, кочевой культуры», общественный строй кочевников представляли «патриархально-родовым», в котором сохранялись военно-дружинный принцип организации и наличие исключительно общинной формы собственности на землю [Леонтович 1879: 27]. Так, Ф. И. Леонтович полагал, что содержание законов «квалифицируется основными началами, присущими патриархально-родовой жизни народов кочевого типа» [Леонтович 1879: 27]. Такими, по его мнению, были «принципы родовой иерархии и подчинения, теократической силы и могущества жречества, интересы родового хищничества и самообороны с развивающимся на этой почве хищничества военно-дружинным устройством племен, наконец, примитивные, хищнические же порядки и обычаи экономического и социального быта» [Леонтович 1879: 27].

Ученых, представляющих вторую группу большинство. Еще Б. Я. Владимирцов считал, что памятники монгольского права 1640 г. отражали «степное феодальное право, получившее санкцию закона» [Владимирцов 1934: 22]. По мнению И. Я. Златкина, с которым был согласен крупный советский исследователь «Великого уложения» С. Д. Дылыков, одна из главных целей съезда 1640 г. заключалась в укреплении феодального строя и власти князей над крепостными — аратами [Их Цааз. «Великое уложение» 1981: 4]. Г. З. Минкин в своих выводах также опирался на анализ «Ики Цааджи», являвшегося, на его взгляд, «кодексом феодальных отношений, юридически подтверждающим неограниченные права феодалов-кочевников в отношении народа» [Минкин 1968: 7–8].

Такого же мнения придерживаются и многие калмыцкие историки, в частности А. Н. Команджаев, полагаящий, что данным сводом законов были легализованы обязательные отношения, т. е. отношения зависимости от феодалов [Команджаев 1999: 151], причем В. Т. Самохин считал монголо-ойратские законы 1640 г. источником «обязательственного права»: «Нормы „Ик Цааджи“ указывают на ряд существовавших правоотношений, названных обязательствами» [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 2.

Д. 109. Л. 287]. Такими законами было признано право частной собственности, одним из главных объектов которой был скот [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 109. Л. 286–290].

Следует отметить, что в кочевниковедении до сих пор ведется дискуссия по вопросу об общественном строе кочевых народов. Ряд ученых считает, что в кочевых обществах преобладали родовые отношения, их оппоненты полагают, что у кочевников были классовые феодальные отношения, но при этом по-разному оценивают их уровень развития и степень зрелости. Например, М. М. Батмаев утверждает, что калмыцкое общество XVII–XVIII вв. было социально стратифицированным, и воздерживается от высказываний о том, что социальные отношения «носили отчетливо выраженный феодальный характер, хотя и с пережитками дофеодального, патриархально-родового строя. <...> так называемые „пережитки“ не являются на самом деле пережитками у кочевников нового времени, будучи перманентно присущей особенностью, служащей <...> в первую очередь для маркировки этносоциального статуса человека кочевого общества, для сохранения единства этнополитических объединений» [Батмаев 2002: 327].

Он также не разделяет мнения, что «феодальная собственность на землю по-прежнему составляла основу общественных отношений у калмыков», «земля, используемая как пастбище, являлась главным средством производства кочевников-калмыков», а «феодальная земельная собственность выступала у них в завуалированной форме хотонного землепользования» [Батмаев 2002: 327]. На его взгляд, отношения неравенства и эксплуатации у калмыков XVII–XVIII вв. не могли базироваться на частной собственности на землю и скот, так как первой у них не существовало, а скотом владели и албату. Эти отношения «покоились на личной зависимости, вытекавшей из социальной принадлежности; последний фактор главенствовал и в хозяйственно-экономической сфере, позволяя верхним слоям эксплуатировать подчиненных через неравноправное использование пастбищных территорий, отдачу скота на выпас, сбор податей, употребление для услуг по дому и хозяйству — и все это фактически полностью через прямое внеэкономическое принуждение» [Батмаев 2002: 328].

Ученый отмечает, что «кочевые народы, находясь в составе большого государства, основное население которого является осед-

лым, промышленно-земледельческим, неминуемо подвергаются на различных этапах разному всестороннему влиянию социально-экономических и политических реалий, присущих этому государству. Экономические, политические и демографические факторы российской действительности, которые эволюционировали в сторону усложнения, формирования капиталистического уклада, становления абсолютизма, хотя и медленно, но безостановочно и поступательно деформировали основные устои кочевого образа жизни. Однако, даже находясь в составе мощного Российского государства и испытывая разнообразные влияния, калмыцкое кочевое общество сохраняло свои основные самобытные устои» [Батмаев 2002: 328–329].

По вопросу о том, на какой основе происходила эксплуатация, в литературе о кочевниках также имеются различные мнения. Одни авторы основной эксплуатацией считали поземельную зависимость рядовых кочевников, а другая группа исследователей — собственность на скот [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 109. Л. 286–287].

Не принимая утверждения Г. Е. Маркова о том, что «кочевничество не знало крепостного права» [Марков 1976: 303], М. М. Батмаев полагает, что основой эксплуатации непосредственных производителей в калмыцком обществе XVII–XVIII вв. являлась их личная зависимость от нойонов-владельцев улусов. Вопреки мнению некоторых исследователей о том, что у кочевников не было личной зависимости, он убежден в том, что нойоны владели своими подвластными, так как «исходили из предпосылки принадлежности улусных людей их нойонскому роду на правах, так сказать, частной собственности» [Батмаев 2002: 234].

По его мнению, калмыцкое общество XVII–XVIII вв. правильнее будет называть не классовым, а сословным, т. е. состоящим из сословий и сословных групп. Исходя из анализа сословной структуры, социальных отношений и форм эксплуатации у калмыков в данный период, он делает вывод, что «они более всего соответствуют тому строю, который принято называть феодальным, и, соответственно, социальные отношения — феодальными отношениями» [Батмаев 2002: 234–235].

Согласившись с М. М. Батмаевым по вышеприведенным соображениям, мы считаем, что в XIX в. калмыцкое общество носило сословный характер и было социально страти-

фицированным, т. е. состоящим из нескольких сословий, иерархия которых выражалась в неравенстве их положения и привилегий.

Таким образом, отношения в калмыцком обществе накануне реформы 1892 г., «деформированные» различными факторами российской действительности, носили в целом феодальный характер, имели элементы крепостничества и выражались, прежде всего, в личной зависимости простолюдинов от владельческого сословия. Причем данные отношения в исторической литературе называются не крепостными, а «обязательными». Этот термин появился, видимо, неслучайно во второй половине XIX в. в официальных документах, прежде всего в проектах министерских комиссий и главных попечителей, занимавшихся подготовкой проектов ликвидации владельческой зависимости калмыков-простолюдинов и реорганизации системы управления.

Практически во всех этих проектах реформы, кроме Комиссии 1861 г. [Деев 2003], содержится единое мнение о сущности владельческих прав нойонов и зайсангов. Признавалось, что отношения между нойонами и другими владельцами, с одной стороны, и калмыками-простолюдинами, с другой стороны, стали взаимно-обязательными. Другими словами, нойоны и владельцы имели права и обязанности по управлению калмыками-простолюдинами, а последние должны были платить албан. Думается, правительство дифференцировало эти отношения от крепостных и соответственно считало необходимым подчеркнуть эту особенность общественного устройства калмыцкого народа, причем, на наш взгляд, нельзя отождествлять эти отношения с классическим феодализмом, под которым традиционно понимается общественно-экономический строй европейского средневековья с определенными особенностями в поземельно-личностных отношениях в разных странах.

Источники

Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (НА КИГИ РАН).

Литература

- Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 400 с.
- Бюлер Ф. А. Кочующие и оседло-живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт // Отечественные записки. СПб., 1846. Т. 47–49. № 7. С. 28; № 8. С. 59–125; № 10. С. 58–94; № 11. С. 2–44.
- Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: АН СССР, 1934. 223 с.
- Голстунский К. Ф. Монголо-ойратские законы 1640 г. Дополнительные указы Галдан-хунтайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб.: Имп. Акад. наук, 1880. 144 с.
- Гурлянд И. Я. Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие // ИОАИЭ. Т. XX. 1904. 112 с.
- Деев С. Ю. Проекты общественного, административного и судебного устройства калмыков Астраханской губернии (1860–1882 гг.) // Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований. 2003. № 1. С. 164–165.
- Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 г. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 181 с.
- Житецкий И. А. Астраханские калмыки (наблюдения и заметки). Астрахань, 1892. 185 с.
- Житецкий И. А. Астраханские калмыки (наблюдения и заметки) // Сборник трудов членов ПОИАК. Астрахань, 1892. 185 с.
- Их Цааз. («Великое уложение»): Памятник монгольского феодального права / Ойратский текст, транслит. сводн. ойрат. текста, реконстр. монг. текста и его транслит., пер., введ. и коммент. С. Д. Дылыкова. М.: Наука, 1981. 148 с.
- Команджаев А. Н. И. А. Житецкий о калмыцком кочевом хозяйстве конца XIX в. // Калмыковедение: вопросы историографии и библиографии / КНИИИФЭ. Элиста, 1988. С. 103–111.
- Команджаев А. Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX — начале XX века: исторический опыт и современность. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 262 с.
- Костенков К. И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб.: Тип. С. Нусвальта, 1870. 170 с.
- Леонтович Ф. И. К истории права русских инородцев. Древний Монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин Бичик). Одесса, 1879. 282 с.
- Леонтович Ф. И. К истории права русских инородцев. Монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий. Цааджин Бичик. Одесса: Г. Ульрих, 1879. 282 с.
- Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1976. 320 с.
- Минкин Г. З. Об общественном строе Калмыкии и колониальной политике царизма / ред. Наберухин А. И.; КНИИИЯЛИ. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968. С. 7–28.
- Небольсин П. И. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.: Тип. К. Крайя, 1852. 192 с.
- Нефедьев Н. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб.: Тип. К. Крайя, 1834. 290 с.
- Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период / гл. ред. Н. В. Устюгов, И. Я. Златкин, Е. Н. Кущева и др. М.: Наука, 1967. 479 с.
- Эрдниева В. Э. Калмыки (конец XIX — начало XX вв.): историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 312 с.

УДК 94 (47) 084.6
ББК 63.3 (2Рос=Калм)

КРЕСТЬЯНСКИЕ КОМИТЕТЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ В КАЛМЫКИИ*

Е. Н. Убушаев

Большевики пришли к власти в условиях общенационального кризиса, во многом обусловленного Первой мировой войной. Советской власти досталось весьма непростое наследие в социально-экономической сфере. Справиться с проблемами только силами государственных структур не представлялось возможным. В этих условиях, когда резко ухудшилось положение основной части населения, система общественной взаимопомощи приобрела большое значение.

Создание крестьянских комитетов взаимопомощи (ККОВ) вытекало непосредственно из общей экономической политики Советской власти. Задача обеспечения во чтобы то ни стало неимущих групп населения в момент перехода от продразверстки к продналогу и уничтожению системы принуждения в области перераспределения продуктов среди крестьянского населения обусловила необходимость создания и организации системы взаимопомощи [НА РК. Ф.Р-29. Оп. 1. Д. 68. Л. 4]. В этих целях по декрету Совета Народных Комиссаров «Об улучшении постановки дела социального обеспечения рабочих, крестьян и семейств красноармейцев», принятому в мае 1921 г., создается и новая организация в лице комитета крестьянской взаимопомощи [Нелидов 1962: 665].

Основными направлениями деятельности крестьянских комитетов общественной взаимопомощи должны были стать: организация взаимопомощи крестьянства в случае стихийных и социальных бедствий (пожары, наводнения, неурожай, падежи скота, военные разорения, бандитизм, набеги и т. п.); забота о своевременном и полном обеспечении проживающего в районе деятельности комитета крестьянского населения, сирот, вдов, больных, инвалидов, семейств красноармейцев и прочих нуждавшихся в помощи; организация всесторонней помощи и защита хозяйственных и правовых интересов семейств красноармейцев, мобилизован-

ных на трудовую повинность, инвалидов, граждан, впавших в нужду (контролировать справедливое наделение их лесными и луговыми угодьями, следить за невыселением с занимаемых ими помещений, за своевременной обработкой их полей и т. п.); содействие государственным органам в устройстве учреждений социального обеспечения [НА РК. Ф.Р-29. Оп. 1. Д. 68. Л. 33об., 34].

Для выполнения возложенных на крестьянские комитеты обязанностей им предоставлялось право: проводить добровольное и обязательное внутреннее самообложение крестьянства как через кооперацию, так и самостоятельно; производить сборы и устанавливать отчисления при товарообмене; распределять предоставленные крестьянам денежные средства, продукты питания и предметы потребления государственными органами и комитетами для осуществления их целей; организовывать общественно трудовую помощь нуждающимся; наблюдать за исполнением должностными лицами и гражданами законов, постановлений и распоряжений советской власти в области социального обеспечения и возбуждать судебные преследования против виновных за их нарушения; организовать, с разрешения органов Народного комиссариата социального обеспечения (Наркомсобес), учреждения социального обеспечения временного и постоянного типов, а также возбуждать ходатайства об отпуске, о необходимых для этого субсидиях (как денежных, так и натуральных) и наблюдать за использованием труда, организации производства и сбыта, согласно общим инструкциям и директивам органов Наркомсобеса; входить в договорные отношения с местными кооперативными организациями; принимать не воспрещенные законами меры по развитию деятельности комитетов [НА РК. Ф.Р-29. Оп. 1. Д. 68. Л. 34].

Практическая работа крестьянских комитетов должна была состоять из самооб-

* Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Социальные мероприятия Советского государства у кочевых народов в 20–30-е гг. XX в. (на примере Калмыкии)», № 10-01-36103а/Ю.

ложения, сборов, трудовой повинности и других работ, для осуществления всей этой деятельности создавался денежный и материальный фонд. Проводиться обложение могло по постановлению сельского схода, а также волостных съездов комитетов взаимопомощи, где устанавливался размер фонда, который должен быть не обременительным и легко выполнимым для каждого крестьянина. Для отдельных лиц этот размер сокращался или повышался, а в некоторых случаях от него освобождали. Получившие помощь привлекались на общественные работы внутри села, характер которых зависел от каждого конкретного случая.

Целью трудовой помощи было оказание помощи «рабочими руками, живым и мертвым инвентарем» [НА РК. Ф.Р-29. Оп. 1. Д. 68. Л. 35]. В случае, если хозяйство было не в состоянии выполнять эту работу, все работы внутри деревни должны были проводиться в рамках трудовой повинности. Ответная помощь выражалась либо в форме отчисления в общественный фонд доли продуктов с обрабатываемого поля помогавшему в его обработке, либо в форме общественной работы помогавшему гражданину.

К другим видам работы крестьянских комитетов относились учет всего нетрудоспособного населения (вдов, стариков, сирот, больных, инвалидов) и забота об обеспечении их всем необходимым. В целях недопущения угнетения и эксплуатации детей организовывались дома ребенка. Крестьянским комитетам взаимопомощи давалось право участвовать в распределении государственной помощи среди населения и содействовать органам социального обеспечения.

Таким образом, основными направлениями деятельности крестьянских комитетов общественной взаимопомощи являлись оказание индивидуальной помощи, социальная взаимопомощь и правовая помощь.

В результате были организованы в течение 1922 г. крестьянские комитеты общественной взаимопомощи в Калмыцком Базаре, Багацохуровском и Икицохуровском улусах [НА РК. Ф.Р-15. Оп. 6. Д. 2. Л. 1].

Вместе с тем Наркомсобес отмечал, что органы социального обеспечения во многих районах, охваченных голодом, чрезвычайно вяло проводили кампанию по строительству в указанных районах крестьянских комитетов общественной взаимопомощи и местами были склонны отложить их организацию на неопределенный срок. Поэтому Нарком-

собес обращал внимание губернских органов социального обеспечения на недопустимость задержки в этом деле и, кроме того, подчеркивал важность и срочность организации комитетов взаимопомощи именно в районах, охваченных неурожаем, где они могли и должны были сыграть значительную роль в борьбе с голодом. В документах отмечалось, что методы работы комитетов в таких районах будут совсем другие, чем в местах, где не было голода [НА РК. Ф.Р-29. Оп. 1. Д. 68. Л. 61].

1. Необходимы были органы самодеятельности крестьянских масс для наилучшей организации и постановки на местах помощи, которая поступала в «голодные» районы извне (как от государственных, так и от общественных организаций). Заинтересованность таких органов будет выражаться в том, что они будут не только выполнять указания вышестоящих органов, но и будут непосредственно заинтересованы в скорейшем преодолении критической ситуации. По мнению руководителей Наркомсобеса, такими органами могли стать только комитеты взаимопомощи, которые при поступлении, например, в деревню продуктов для распределения их между нуждающимися не просто будут их раздавать, а организуют в приспособленном помещении столовую, которая даст во много раз больше результатов, чем простая раздача продуктов.

2. Всякого рода продукты и материалы, выделяемые для распределения среди пострадавшего деревенского населения, попадут в руки действительно нуждавшихся в них только в том случае, если это дело будет сосредоточено в органе самодеятельности крестьянской массы — в Комитете взаимопомощи.

3. Даже в голодных районах, хотя бы в самом небольшом (сельском) масштабе, необходимо было создание местных фондов для оказания помощи местным «социально-ослабленным элементам» (инвалидам, семьям красноармейцев и проч.), обреченным без этой помощи на гибель и голодную смерть. Таким образом, во главу угла работы комитетов взаимопомощи ставились не сборы и самообложение, хотя подобная работа предполагалась.

4. Комитеты взаимопомощи наилучшим образом должны были организовать трудовую помощь маломощным хозяйствам по обработке их полей, имевшую существенное значение в борьбе с голодом.

5. Комитеты взаимопомощи рассматривались как органы, выполнявшие в деревне не только задания органов социального обеспечения (собесов), но содействовавшие в той или иной степени работе всех органов Советской власти, в том числе и отдела здравоохранения по борьбе с эпидемией, земельного отдела по распределению семенного материала и по переселениям, продовольственного комитета по вопросам снятия натурального налога с пострадавших хозяйств и т. д.

6. Отмечалось, что местные органы социального обеспечения в голодавших губерниях должны были незамедлительно направить инструкторов для организации на местах комитетов взаимопомощи [НА РК. Ф.Р-29. Оп. 1. Д. 68. Л. 61].

В результате проведенных мероприятий к началу 1924 г. в Калмыцкой области крестьянские комитеты общественной взаимопомощи имелись в разных административно-территориальных единицах. Так, в Ремонтненском уезде имелась одна улусная секция крестьянского комитета. В Ремонтненской, Заветинской, Элистинской, Киселевской и Кормовской волостях было по одному волостному комитету и по одному сельскому комитету в селах (Ремонтное, Валуевка, Киша, Большое Ремонтное, Заветное, Федосеевка, Торговое, Ямансальское, Кичкиновское, Элистинское, Троицкое, Кормовое, Кресты, Приютное, Бислюрта), а также четыре сельских комитета в Киселевской волости. В Яндыко-Мочажном улусе была организована одна секция крестьянских комитетов, в Багутовском, Батутовском, Багацохуровском, Долбанском, Харахусовском, Икибагутовском и Багацатановском аймаках — по одному аймачному крестьянскому комитету, в Калмбазаринском улусе — два сельских комитета, в Эркетеневском улусе — одна улусная секция и три волостных комитета, в Хошеутовском улусе — один улусный комитет, в Большедербетовском улусе — одна улусная секция, в аймаках Багатугтуновском, первом Икичносовском и втором Икичносовском, Бюдермис-Кебютовском и Багабуруловском — по одному аймачному комитету, в Багацохуровском улусе — один улусный и два сельских, в Икицохуровском улусе — одна улусная секция и 6 аймачных, в Малодербетовском улусе — одна секция и 8 аймачных комитетов, в Манычском улусе — одна улусная и

10 аймачных ККОВ [НА РК. Ф.Р-29. Оп. 1. Д. 277. Л. 12].

Создание крестьянских комитетов общественной взаимопомощи на протяжении нескольких лет в Калмыкии объясняется тем, что на территории Калмыцкой автономной области действовали противоправные объединения (банды), которые лишали возможности вести эту работу, а также имелись другие специфические обстоятельства местного характера: а) отсутствие на местах опытных работников; б) неналаженность путей сообщения; в) отсутствие четких инструкций и указаний; г) тяжелое экономическое положение.

Основная деятельность крестьянских комитетов общественной взаимопомощи сводилась к распределению поступающих продуктов. Так, в апреле 1923 г. от областного земельного отдела было получено Яндыко-Мочажным, Манычским, Малодербетовским, Большедербетовским крестьянскими комитетами по 1 пуду ржи, Ремонтненским — 1,5 пуда, Икицохуровским — 750 пудов, Багацохуровским — 350 пудов, Хошеутовским — 400 пудов. Комитетам крестьянской взаимопомощи тоже было отпущено 11 060 пудов муки на общественные работы и 14 240 пудов безвозмездной ссуды беднякам хозяйствам [Бадмаева 2006: 130].

Областная комиссия по борьбе с последствиями голода (последгол) совместно с областной секцией комитета крестьянской взаимопомощи разработала план самообложения зажиточного слоя населения, по которому один зажиточный кормил 10 голодных. Такой эксперимент проводился в Ремонтненском, Манычском, Икицохуровском улусах. Из незначительных запасов этим трем улусам было выделено: пшеницы — 6 534 пуда, муки — 10 310 пудов, пшена — 2 069 пудов, мяса — 741 пуд, проса — 7 350 пудов, масла — 35 пудов, риса — 107 пудов, ржи — 2 090 пудов и 8 813 аршинной мануфактуры [Бадмаева 2006: 130].

По данным Яндыко-Эркетеневского улускома РКП(б), в местный ККОВ в 1923 г. поступило деньгами 167 582 рубля, натурой (мукой) — 725 пудов. Израсходовано было на содержание комитетов, школ и лечебниц, а также на выдачу пособий нуждающимся 97 548 рублей и муки — 486 пудов 30 фунтов, осталось средств 70 034 рубля и муки 238 пудов 100 фунтов [НА РК. Ф.Р-29. Оп. 1. Д. 5. Л. 45об., 46].

Кроме того, Калмыцко-Базаринский и Багацохуровский крестьянские комитеты осуществляли общественный засев, распашку земли и выдачу семенного картофеля беднякам, организовали сельскохозяйственный кооператив «СЕРП», распахиляли землю семьям красноармейцев, выдавали дополнительную зарплату служащим местных учреждений и школ и т. д. [НА РК. Ф.Р-29. Оп. 1. Д. 5. Л. 45об., 46]

Выступая на III съезде крестьянских комитетов общественной взаимопомощи, М. И. Калинин говорил: «Комитеты крестьянской взаимопомощи — это арена, на которой не только формируется новая крестьянская общественность, но и которая является первой социалистической ячейкой, так как по существу в комитеты взаимопомощи вложено ядро социализма» [Калинин 1925: 388].

По РСФСР в 1925 г. было зарегистрировано более 46 тыс. сельских и волостных крестьянских комитетов [Пять лет крестьянской взаимопомощи 1926: 27–28]. На 1 октября 1926 г. в Калмыцкой области имелся Областной крестьянский комитет общественной взаимопомощи, в который входили 9 улусных комитетов, объединяющих 97 сельских комитетов [НА РК. Ф.Р-29. Оп. 1. Д. 296. Л. 1].

В последующие годы, несмотря на значительный рост материальной базы, увеличение масштабов помощи и увеличение членства, общее отношение крестьянства к крестьянским комитетам общественной взаимопомощи, на наш взгляд, продолжало оставаться собесовско-потребительским.

Так, в Калмыцкой области в 1930 г. помощь была оказана 2 006 семьям красноармейцев, инвалидам и прочим гражданам продовольствием всего на сумму 1 129 710 рублей, а также было вспахано и засеяно 199 десятин земли для получения урожая в фонд крестьянских комитетов, а в период с января по июль 1931 г. помощь продуктами получили 344 семьи всего на 772 412,5 рублей, была вспахана и засеяна 191 десятина земли [НА РК. Ф.Р-29. Оп. 1. Д. 180. Л. 12].

Крестьянские общества взаимопомощи за десятилетие своей деятельности оказали существенное влияние на развитие социальной истории. Задуманные как органы общественного социального обеспечения,

они постепенно превратились в социально-политические организации, направлявшие значительные усилия на поддержку политики государства в деревне, и ушли в тень с созданием колхозного строя.

Таким образом, крестьянские общества взаимопомощи в социальной поддержке сельского населения отражали деятельность самых многочисленных организаций социального обеспечения. Крестьянские общества взаимопомощи являлись организациями, создававшимися для оказания помощи нуждавшимся жителям деревни в условиях тяжелого экономического положения, которое сложилось в России в начале 1920-х гг. Они сочетали государственную и общественную помощь, аккумулируя средства сельского населения и государства. Основной доход крестьянским комитетам приносили обработка собственного земельного надела и эксплуатация собственных и арендуемых предприятий.

Помощь крестьянских комитетов общественной взаимопомощи оказывалась по нескольким направлениям. Нуждающиеся крестьяне могли получать единовременные денежные или натуральные пособия для восстановления своего хозяйства. Для инвалидов и семей красноармейцев предназначались постоянные выплаты, схожие с пенсиями органов социального обеспечения. Кроме материальной помощи, практиковалась и трудовая помощь, она выражалась в обработке полей необеспеченных инвентарем жителей села.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Литература

- Бадмаева Е. Н. Калмыкия в начале 1920-х годов: голод и преодоление его последствий / отв. ред. Г. Ш. Дорджиева. Элиста: НПП «Джангар». 2006. 182 с.
- Бадмаева Е. Н. Нижнее Поволжье: опыт и итоги реализации государственной политики в социально-экономической сфере (1921–1933 гг.) / отв. ред. К. Н. Максимов. Элиста: НПП «Джангар». 2010. 544 с.
- Калинин М. И. О крестьянских обществах взаимопомощи: речи, статьи, доклады. М.: Профиздат. 1925. 466 с.
- Нелидов А. А. История государственных учреждений: 1917–1936 гг. (Учебное пособие). М.: МГИАИ, 1962. 752 с.
- Пять лет крестьянской взаимопомощи. 1921–1926. М., 1926. 126 с.

УДК 947.084.51

ББК 63.3(2)6

**ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА 1922–1924 гг.:
ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ БЮДЖЕТА
(на материалах губерний Нижнего Поволжья)**

Н. И. Волосухина

Основной задачей первых лет советской власти было восстановление финансово-экономической сферы. Эксперимент с вводом безденежного хозяйства показал всю свою несостоятельность. В условиях гражданской войны, когда практически полностью были нарушены экономические связи центра и периферии и финансовая система стремительно обесценивавшейся валютой была не в состоянии обеспечить и части потребностей молодого государства, переход к новой экономической политике и построение системы хозяйствования, основанной на материальном стимулировании труда, были невозможны без их возврата к товарно-денежным отношениям. Масштабы инфляции валюты были катастрофическими, «Россия ... пришла к тому, что у нее денег как орудий измерения ценностей, обмена и сбережений нет» [Тарновский 2008: 38]. В сложившейся ситуации представлялось «логически правильным лишить обращающиеся в стране денежные знаки права именоваться деньгами, заменив это название соответственным наименованием „расчетный знак“» [Тарновский 2008: 38]. Необходимо было срочно сокращать эмиссию, что в свою очередь было невозможно без формирования твердого (бездефицитного) бюджета: «Наши денежные знаки обесцениваются вследствие непрекращающихся новых выпусков их (роста эмиссии) для покрытия государственных расходов. Следовательно, пока бюджет наш будет дефицитным, стабилизация курса рубля (хотя бы на внутреннем рынке) недостижима. Итак, надо начинать денежную реформу с ликвидации бюджетного дефицита» [Сокольников 1991: 65].

К 1921 г. опыт бюджетной работы у большевиков уже был, хотя его все же нельзя назвать удачным. Так, первый бюджет был составлен на первое полугодие 1918 г. и являлся, безусловно, дефицитным: были запланированы расходы на 17 603 млн руб., а поступления в казну были оценены на сумму всего в 2 853 млн руб. [Дьяченко 1978: 43]. Но даже эта незначительная доля доходов по сравнению с общей суммой расходов оправдалась

лишь на треть. Объяснялось это в первую очередь переоценкой реальных возможностей советской промышленности, и меры по восстановлению крупной промышленности в течение нескольких месяцев, безусловно, оказались безрезультатными. Кроме того, еще одним препятствием стало почти полное отсутствие финансово-экономической дисциплины: массовая децентрализация местных органов власти сводила на нет все попытки центральных властей по сокращению расходов. Несмотря на то, что всем ведомствам предписывалось подавать сметы по предстоящим расходам и доходам с объяснительными записками, а дополнительные кредиты можно было выдавать только по рекомендации Совнаркома, бюджетную дисциплину все же наладить не удалось: практически все национализированные предприятия продолжали расходовать доходы от реализации своей продукции на собственные нужды в обход государственной казны, а присылаемые центральными властями деньги, как правило, расходовались исключительно на усмотрение местных исполнительных комитетов, которые распределяли их между своими отделами независимо от того, были ли они запланированы Центром или нет.

К тому же по Конституции 1918 г. местные и государственные бюджеты разделялись, фактически все местные расходы финансировались общегосударственным бюджетом, поэтому решением II сессии ВЦИК 18 июня 1920 гг. общегосударственный и местные бюджеты были объединены [Архипкин 2006: 67].

Новый этап в истории советского бюджета начинается с переходом к новой экономической политике, когда решение задачи оздоровления государственного бюджета, т. е. сокращения его дефицита, рассматривалось как необходимое условие для успешного проведения последующих финансовых преобразований. Выполнение этой задачи планировалось достигнуть следующим способом: «...борьба с дефицитом должна идти в двух плоскостях: во-первых, в плоскости сокращения доходов, во-вторых, увеличения дохо-

дов» [Сокольников 1991: 65], поэтому работа по составлению государственного бюджета на три месяца в 1921 г. началась с полного учета доходных и расходных бюджетных статей, и на основе их анализа открывались те или иные кредиты. Наркомфин предоставил данные о предполагаемых доходах в предстоящий период, затем эта сумма делилась между комиссариатами, распределявшими в свою очередь их уже по своим отделам. То, что этот бюджет был далек от настоящих затрат, выяснилось практически сразу: расходы были сильно занижены, а доходы, напротив, завышены, в некоторых случаях уже открытые комиссариатам кредиты не покрывали полностью затрат, средств не хватало даже на первоочередные нужды [Юровский 2008: 144–145]. Стало ясно, что следовать утвержденному бюджету в условиях обесценивавшейся валюты нельзя, но и остановить инфляцию без сокращения эмиссии было невозможно, что в свою очередь требовало создание бездефицитного бюджета. В итоге размер бюджета постоянно корректировался в зависимости от изменений курса валюты.

Важной мерой в области сокращения бюджетных средств стало снятие с государственного финансирования основной части промышленности, т. е. ее перевод на хозрасчет (такие предприятия получали право самостоятельно реализовывать свою продукцию на рынке, при этом средства на все расходы они должны были изыскивать самостоятельно). На государственном же снабжении оставались только наиболее важные хозяйственные объекты.

Заметим, что сохранение за государством крупной промышленности можно рассматривать именно как способ экономии бюджетных средств, но говорить об этих предприятиях как о реальном источнике доходов не приходится, поскольку требовались значительные денежные средства на ремонт, закупку сырья, оборудования, топлива и т. д., чтобы все эти предприятия заработали на полную мощь и приносили реальные доходы. Отдельно стоит рассмотреть затраты на выплату жалования рабочим: отказавшись от принудительной трудовой повинности военного коммунизма, власти решили добиваться повышения производительности труда с помощью материального стимулирования рабочих, напрямую зависевшего от количества произведенной продукции. При этом было установлено «натуральное» премирование, что в условиях инфляции было намного вы-

годнее, поскольку зарплата рассчитывалась в товарных рублях, а выплачивалась в свою очередь совзнаками по текущему курсу. Но, так как выдача заработной платы сильно задерживалась, то зачастую к моменту ее выплаты совзнак уже успевал обесцениться в несколько раз, а реальный доход рабочих оказывался далеко за чертой прожиточного минимума. Это привело к резкому сокращению числа квалифицированных рабочих на крупных государственных предприятиях, поскольку на мелких и средних частных промышленных заведениях, а также в кустарных и ремесленных производствах уровень заработной платы был в несколько раз выше. Для обеспечения минимального прожиточного минимума государству приходилось ежемесячно увеличивать оклады рабочих в несколько раз. Так, за период 1921–1922 гг. заработная плата выросла в 26 тыс. раз [Борисова 2006: 165]. В итоге снятие с государственного снабжения части предприятий, безусловно, позволило сократить бюджетные расходы, но переход к рыночным отношениям заставил государство искать денежные ресурсы для оборота средств предприятий, поскольку закупка сырья и топлива происходила не по твердым, а по рыночным ценам. Кроме того, постоянно росли расходы на выплату жалования рабочим.

В октябре 1921 г. декретом ВЦИК было отменено объединение государственного и местных бюджетов, с этого момента все местные расходы оплачивались из последних [Дьяченко 1978: 128]. Решая проблему на общероссийском уровне, советское руководство поставило местные власти практически в безвыходное положение, запретив проведение самостоятельных налогов на местные нужды и передав на их обеспечение часть промышленных предприятий, для работы которых требовались немалые материальные ресурсы. Помимо того, на их плечи ложились обязанности по содержанию административного аппарата, коммунальные расходы, расходы на образование, здравоохранение, ветеринарию и т. д. Пытаясь сбалансировать расходную и доходную части бюджета, местные власти до минимума сократили их материальное снабжение¹. Мест-

¹ Ср.: «... дальнейшее сокращение отпуска кредитов Центром по всем наркоматам, когда нам пришлось наполовину взять на свое содержание школьных работников, помогать милиции, которая разбегалась, выдавать пособия и авансы целому ряду других государственных учреждений ... когда даже ведомства, поставленные на хозяйственный расчет, требуют от нас

ные руководители довольно быстро смирились с подобным положением, прямо указывая на бессмысленность составления бюджетов и их заведомую неосуществимость: «Теперь даже государство не живет целиком по утвержденному бюджету; губернские центры давно нарушили все сметные предположения, уезды — тоже... Теперь они [бюджеты] закон, который подлежит исполнению. Такова их правовая сущность, но в реальной действительности — они только общие схемы, только указательные вехи, используемые для того, чтобы классифицировать собираемые доходы и расходы» [Воскресенский 1924: 53]. Конечно, реформа по разделению бюджетов в той форме, какой она была проведена в 1921 г., стала суровой мерой в отношении местного хозяйства, но, не давая дополнительных источников доходов и переложив часть расходов на местные власти, удалось существенно сбалансировать государственный бюджет. Более значимым результатом стало быстрое восстановление финансовой дисциплины на местах; понимая всю сложность своего положения, губернские власти стали более жестко регулировать финансовые отношения внутри своих районов, нежели в предыдущий период. На это, например, указывал заведующий астраханским губернским финансовым отделом П. А. Городничев: «в настоящее время бюджет находится в прескверном положении, так как только лишь недавно удалось провести соответствующую финансовую дисциплину, направленную к искоренению бескредитных выдач и обязательного составления смет на каждый месяц <...> распоряжение накопленных средств было возложено на бюджетную комиссию, которая с

поддержки (например, почтово-телеграфное ведомство), и когда, наконец, весь отдел здравоохранения в период громадного развития эпидемии всей своей тяжестью навалился на местный бюджет, а военком просит (и мы как революционеры не имеем морального права отказать) оборудовать ему сборный пункт, ибо военное ведомство отказывает в средствах, и, кроме всего этого, когда мы и юридически, и морально обязаны, чувствуя необходимость, выплачивать всей этой массе служащих, переведенных на местные средства, реальный прожиточный минимум, то естественно весь наш построенный в начале операционного года хозяйственный план затрещал по всем швам... Центр, не спросив места о их ресурсах и не позаботившись о пополнении этих ресурсов, хотя бы путем перевода части государственных поступлений или просто путем изменения декрета от 10 декабря, свалит на местный бюджет почти полностью все государственные расходы по главнейшим отраслям народной жизни» [Карпов 1994: 127–128].

июня месяца ввела расходование средств путем предоставления ежемесячных смет, это дало возможность регулировать бюджет» [ГА АО. Ф. 338. Оп. 1. Д. 277 Л. 37].

В ходе борьбы с уменьшением государственных расходов важная роль отводилась сокращению госаппарата. Так, в период военного коммунизма на государственном обеспечении находилось 35 млн чел., к началу 1922 г. — 6 млн государственных служащих и рабочих, служащих Красной армии, а уже к октябрю 1922 г. эта цифра сократилась до 3 млн чел. [Справка ... 2008: 223]. Безусловно, что существенно уменьшились расходы и по их содержанию. Сокращение управленческого аппарата произошло не только в центре, еще более ярко и масштабно этот процесс проявился в регионах. Например, в Астраханском ГСНХ (Губернском совете народного хозяйства) в 1920 г. работало 772 служащих, в 1921 — 230, в марте 1923 г. — 146 чел. [Коммунист 1924]. «Ввиду сдачи в аренду парикмахерских Саратова, парикмахерская секция при губкоммунотделе была ликвидирована, а все служащие этой секции с 15 октября 1921 г. были уволены, кроме одной машинистки и счетовода» [ЦДНИ СО. Ф. 905. Оп. 2. Д. 21. Л. 387]. Таких сообщений в газетах нижеволжских городов в конце 1921 г. и в начале 1922 г. было множество. Всего же в Саратове в результате перестройки промышленности управленческий аппарат сократился в 10 раз [Виноградов 1996: 38]. В Царицыне к марту 1923 г. управленческие штаты были сокращены на 34 % [ЦДНИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 101. Л. 22].

Но все мероприятия по сокращению расходов не имели смысла без наличия существенных источников дохода, поскольку промышленные предприятия находились в удручающем состоянии и не только не могли сыграть решающей роли в пополнении бюджета, но и, наоборот, требовали крупных капиталовложений для восстановления и закупки сырья. В сложившихся условиях единственным реальным источником государственного дохода могли стать лишь налоговые поступления. Если в период военного коммунизма никакого дохода от денежных налогов не было, поскольку по дороге от налогоплательщика в казну дензнаки успевали в несколько раз обесцениться, а государство больше тратило на организацию их сбора и доставки, то с началом проведения денежной реформы и снижением темпа их обесценивания денежные налоги стали реальным средством пополнения госбюджета.

В целях максимального сокращения сроков и увеличения сумм налоговых поступлений основная налоговая тяжесть была перенесена на косвенное обложение: доходы от прямых налогов не могли даже частично покрыть расходы государства, кроме этого, их сбор требовал четкой и слаженной работы налогового аппарата, практически полностью ликвидированного в годы военного коммунизма. В результате в 1921 г. на доходы от косвенных налогов пришлось 66,3 % от всей суммы налоговых поступлений [Россия нэповская 2002: 153].

Прямые налоги были представлены следующими видами: промысловым, подоходно-имущественным, общегражданским, сельскохозяйственным, на сверхприбыль, военным и т. д. Характерной чертой налоговой системы первой половины 1920-х гг. являлось наличие огромного количества налогов. Особенно ярко это прослеживается в сельской местности: так, за период 1921–1922 гг., кроме единого натурального налога, собирався трудгужналог, подворно-денежный, общегражданский и ряд локальных налогов.

К концу первой половины 1920-х гг. была полностью восстановлена налоговая система советского государства, прямые и косвенные налоги сыграли главную роль в пополнении государственного бюджета, а, следовательно, и в нормализации денежного оборота, создав таким образом материальную базу для дальнейшего проведения денежной реформы.

Существенной статьёй государственного дохода стало восстановление платы за государственные услуги, в период военного коммунизма являвшиеся бесплатными. Отныне платными становились железнодорожные перевозки, услуги почты и телеграфа, восстанавливалась плата за коммунальные услуги. Все тарифы дифференцировались по классовому признаку, впрочем, несмотря на это, тарифные ставки были высокими и для представителей пролетариата, например процентное соотношение заработной платы служащего государственного учреждения к оплатам по тарифам: 30 % на уплату пайка и 70 % на оплату за коммунальные услуги. Последние в свою очередь возрастали в среднем на 200–300 % ежемесячно, в то время как оклад поднимался лишь на 30% [ГА АО. Ф. 338. Оп. 1. Д. 170. Л. 2]. Подобная тарифная политика центральных и местных властей вызывала небеспокойное недовольство людей, но в то же время давала реальные доходы как для общегосударственного,

так и местных бюджетов, для многих из которых эти поступления являлись самым крупным источником доходов.

Общим итогом проведенных в финансовой сфере преобразований стало существенное сокращение бюджетного дефицита 1924 г. (5,5 %). Кроме этого, в 1923 г. в экономике страны произошли положительные сдвиги, промышленное производство увеличилось на 35–40 % [Денежная реформа 1921–1924 гг. ... 2008: 27]. Укрепились товарно-денежные отношения и связь между городом и деревней. Относительно хороший урожай 1922 г. и незначительность экспорта хлеба в 1923 г. привели к резкому падению цен на продукты сельского хозяйства. Значительно расширился рынок сбыта промышленных изделий.

Источники

- Государственный архив Астраханской области (ГА АО).
Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИ ВО).
Центр документации новейшей истории Саратовской области (ЦДНИ СО).

Литература

- Архипкин А. В. Восстановление и преобразование системы местных бюджетов в годы нэпа и социалистической индустриализации // Финансы и кредит. 2006. № 1. С. 67–73.
Борисова Л. В. Трудовые отношения в советской России (1918–1924 гг.) М.: Собрание, 2006. 288 с.
Виноградов С. В. НЭП: опыт создания многоукладной экономики / ред. В. С. Лельчук. М.: Голос, 1996. 175 с.
Воскресенский Ф. Ф. Вопросы местного хозяйства (из материалов по обследованию Саратовской губернии) // Нижнее Поволжье. 1924. № 3. С. 51–57.
Денежная реформа 1921–1924 гг.: создание твердой валюты. Документы и материалы М.: РОССПЭН, 2008. 863 с.
Дьяченко В. П. История финансов СССР (1917–1950 гг.). М.: Наука, 1978. 492 с.
Карпов С. Г. НЭП в восприятии современников: письмо руководителей Грязовецкого уезда // Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: Русь, 1994. С. 124–131.
Коммунист. 1923. 4 марта.
Россия нэповская / под ред. акад. А. Н. Яковлева. М.: Новый хронограф, 2002. 446 с.
Сокольников Г. Я. Новая финансовая политика: на пути к твердой валюте. М.: Наука, 1991. 336 с.
Справка о деятельности Наркомфина РСФСР // Денежная реформа 1921–1924 гг.: создание твердой валюты. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2008. С. 221–227.
Тарновский В. В. Доклад, июнь 1921 г. // Денежная реформа 1921–1924 гг.: создание твердой валюты. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2008. С. 37–52.
Юровский Л. Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927). М.: Экономика, 2008. 586 с.

УДК 94
ББК 63.3 (2Рос=Калм)

РОЛЬ «КРАСНЫХ КИБИТОК» В СИСТЕМЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ КАЛМЫКИИ В 1927–1931 гг.

М. В. Бадугинова

После Октябрьской революции 1917 г. в Калмыцкой степи произошли коренные изменения. Такие важные социальные сферы, как культура, образование, здравоохранение перешли на государственное финансирование. Именно с этого периода у калмыцкого народа появляется возможность бесплатного обучения, получения медицинской помощи и многого другого, что до 1917 г. не было доступно для большинства людей. Тем не менее перемены, произошедшие в системе здравоохранения Калмыцкой степи с приходом советской власти, не смогли решить многих проблем, в том числе таких значимых для населения, как качество медицинского обслуживания и, самое главное, его доступность. Несмотря на то, что увеличение штата медицинских работников и медицинских учреждений с 7 врачей и 1 больницы в 1922 г. до 36 врачей и 14 больниц в 1928 г. [Команджаев 2009: 584] являлось значительным прогрессом, система здравоохранения региона по-прежнему не предоставляла своевременную медицинскую помощь всем жителям Калмыцкой области. Эта проблема решалась различными путями, в том числе и при помощи «красных кибиток», которые появились во второй половине 20-х гг. прошлого века и стали не только культурно-просветительным учреждением, но и внесли заметный вклад в развитие здравоохранения, пополнив и улучшив методы лечебно-профилактической и санитарной работы. Следует отметить, что тема истории возникновения и работы «красных кибиток» недостаточно изучена [Команджаев 2009; Сусеев 2006; Беликов, Оглаев 1970; Ташнинов, Джимгиров, Трошин 1970; Дойникова, Сусеев 1967]. В данной работе мы сфокусируемся на изучении вклада в охрану здоровья населения Калмыкии, осуществленного посредством функционирования «красных кибиток».

Идея «красной кибитки», зародившаяся в партийном женотделе Калмыцкой области, была не нова. Подобный опыт работы до этого был проведен в Казахстане и других районах страны с кочевым населением, и, как отмечает А. С. Майорова, «вполне себя оправдал» [Майорова 1927: 114]. Основной

целью создания «красных кибиток» были пропаганда советской идеологии, привлечение в ряды коммунистической партии новых членов, расширение круга сторонников существующего политического строя, что трудно было осуществить среди населения, которое вело кочевой образ жизни. «80 % населения Калмыцкой области ведет кочевой образ жизни, слишком разбросано, кочует мелкими группами в 4–5 кибитки, а чаще всего отдельными семьями, далеко уходящими от культурных центров, что крайне затрудняет охватить женщин кочевниц привычными формами и методами работы [имеются ввиду политсобрания. — М. Б.], <...> и партия в лице Центрального отдела работников выдвинула новый метод работы среди кочевниц — передвижную красную кибитку и передвижного женорганизатора» [Майорова 1927: 114].

Несмотря на то, что главной задачей мобильных агитбригад было проведение политико-просветительной (идеологической) работы среди женщин степи, передвижные «красные кибитки» вместе с этим привнесли много практического и действительно необходимого в жизнь кочевниц. «Калмычек обучали элементарным нормам санитарной культуры: уходу за детьми, стирке белья, пользованию мылом, хлебопечению, приготовлению из молока сметаны и творога¹. Нередко организовывались общественные бани. Акушерка оказывала женщинам помощь, осматривала их, консультировала, принимала роды, лечила больных» [Сусеев 2006: 71–72]. Кроме этого, краснокибиточницы «разъясняли равенство прав женщин с мужчинами, <...> приучали женщин и девушек к кройке и шитью, разъясняли вредность суеверий и старых обычаев в быту, организовывали чтение книг и газет, агитировали за ликвидацию неграмотности и за оседлый образ жизни» [Ташнинов, Джимгиров, Трошин 1970: 254].

От идеи организации «красных кибиток» до начала их непосредственной работы прошло более полугода. Осенью 1926 г. при

¹ Здесь имеется в виду обучение работе с сепаратором.

составлении сметы обложенотделом предполагалось организовать 9 «красных кибиток» по одной на каждый улус. При ней должны были работать заведующая кибиткой, фельдшерица-акушерка и технический работник. Передвижные кибитки укомплектовывались сепаратором, маслобойкой и «волшебными фонарями»², выставками детской и женской одежды, акушерскими сумками, выставками по охране матери и ребенка, небольшими библиотеками [Шенина 1927: 79], плакатами по санитарии и гигиене, комплектами показательной столовой посуды, эмалированными тазами для стирки белья, утюгами [Ташнинов, Джимгиров, Трошин 1970: 254].

В связи с тем, что из 22 186 рублей, запрошенных на содержание и оборудование «красных кибиток», Центральный отдел работниц выделил только 8 тыс. рублей, пришлось сократить количество кибиток с 9 до 7. В итоге окончательная смета составила 12 900 рублей, из них 8 тыс. было получено из центрального отдела, а недостающие 4 900 рублей были с трудом выкроены из местного бюджета [Шенина 1927: 80].

К практической деятельности все 7 красных кибиток приступили 20–25 июня [Шенина 1927: 80]. Их штат фактически состоял из 2 человек: заведующей-женщины и рабочего [НА РК. Ф.Р–112. Оп. 1. Д. 228. Л. 11об.]. Как отмечает В. Шенина, «плохо обстояло дело с подбором медперсонала для кр. кибиток. Калмычек со средним медицинским образованием совсем нет, за исключением одной в Маныче, и то больной. А среди русских фельдшериц-акушерок в степь ехать охотников не находилось. Облздравотдел завербовал несколько фельдшериц-акушерок и послал на места, но все они вернулись обратно» [Шенина 1927: 80]. Впоследствии медицинские работники все же приняли участие в работе красных кибиток, обслужив большое количество людей, нуждавшихся в помощи.

Сроки пребывания «красной кибитки» в одном районе были ограничены двумя неделями. Тем не менее «опыт красной кибитки дал вполне удовлетворительные результаты» [НА РК. Ф.Р–112. Оп. 1. Д. 228. Л. 12], и по итогам работы первых передвижных кибиток с июня по сентябрь 1927 г. 9-я Облпартконференция, проходившая в ноябре

1927 г., «нашла необходимым увеличить число красных кибиток, срок пребывания в одном месте, усложнить задачи просветительной работы в кибитках, увеличить персонал, пригласив акушерку для обслуживания женского населения медицинской помощью» [НА РК. Ф.Р–112. Оп. 1. Д. 228. Л. 12], позже это было учтено в дальнейшей работе «красных кибиток».

Весной 1927 г. в газете «Красная степь» была опубликована статья, в которой говорилось о начале работы «красных кибиток»: «Кочевые районы Калмыцкой области до сих пор еще слабо охвачены работой таких учреждений, как больница, изба-читальня, справочные уголки и проч. Все эти учреждения слишком далеко отстоят от населения и матери калмычки, которые особенно нуждаются в медицинской помощи, не имели и не имеют возможности ею пользоваться в кочевых районах. Поэтому в обложенотделе зародилась мысль приблизить к трудовой калмычке некоторые из этих учреждений»³ [Статья в газете... 1963: 134]. В статье также сообщалось, что «при каждой кибитке будет работать фельдшерица-акушерка с полным комплектом всех принадлежностей для обслуживания родов и для оказания помощи трудовой женщине. Фельдшерица-акушерка будет принимать рожениц и выезжать к роженицам на дома для проведения родов» [Статья в газете... 1963: 134].

Многие жительницы степи, посетившие «красную кибитку», впервые узнали о сепараторе и маслобойке: «Нужно было видеть, с каким вниманием разглядывали калмычки каждый винтик, каждую тарелочку этой невиданной доселе машины» [Шенина 1927: 80]. Передвижная красная кибитка Хошеутовского улуса наглядно показала его жительницам разницу в работе сепаратора и традиционной ручной арьянки (ср.: «кибитка за все время работы пропустила через сепаратор 32 978 фунтов молока, масла получено 1 615 фунтов. Из этого же количества молока через арьянку можно получить 368 фунтов масла. Разница в 1 250 фунтов поразила степнячек» [Шенина 1927: 80]). Стоит отметить, что во всех улусах организованный пропускной молочный пункт при «красной кибитке» бесплатно перерабатывал для женщин молоко на сливки и масло, существенно облегчив работу многих калмычек [Статья в газете... 1963: 135].

² Проектор с динамомашиной и набором диапозитивов и кинолент по вопросам санитарного просвещения.

³ Здесь и далее в цитатах сохраняются авторская орфография и пунктуация.

Несмотря на многие трудности, такие как нехватка или отсутствие медработников, финансовые затруднения, работа, проводимая «красными кибитками», была значительна. Ниже приведены приблизительные показатели работы в 1927 г., многие цифры отчетов занижены, а по некоторым «красным кибиткам» отчеты отсутствуют [Шенина 1927: 80]:

- Манычская кибитка — 5 хотонов, посетили 1 131 женщина и 328 мужчин (01.06.–01.09.1927);
- Хошеутовская кибитка — 4 хотона (76 дворов), посетили 400 женщин и 200 мужчин (12.06.–20.09.1927);
- Багацохуровская кибитка — 4 хотона (80 дворов), посетили 180 человек (18.07.–18.09.1927). Кроме того с 9 августа здесь работала фельдшер-акушерка, которая приняла 400 человек больных, из них первичных 250 и повторно 150;
- Яндыко-Мочажная кибитка — 14 хотонов (440 дворов), посетили 1 125 женщин и 300 мужчин;
- Эркетеневская кибитка — 4 хотона, посетило до 500 человек.

Широта охвата населения степи «красными кибитками» постоянно увеличивалась: уже в 1928 г. в Калмыцкой автономной области работало 11 передвижных кибиток [НА РК. Ф.Р-112. Оп. 1. Д. 228. Л. 12], в период 1929–1930 гг. — 12, а в 1930–1931 гг. — 13 [Социально-культурное строительство 1930: 23].

Работа кибитки проходила следующим образом: созывалось общее собрание жителей, где знакомили их с задачами «красной кибитки» и ее планом работы. На следующий день начиналась непосредственная работа [Шенина 1927: 81]. Из доклада заведующей Хошеутовской «красной кибиткой» Бактуевой с 12 июня по 10 октября 1927 г.: «Работа красной кибитки должна была заключаться: 1. Обслуживание хотонов сепаратором для проработки молочных продуктов; 2. Обслуживание по охране матмлада; 3. Обслуживание волшебным фонарем; 4. Устраивать громкое чтение» [НА РК. Ф.Р-18. Оп. 1. Д. 18. Л. 3]. Кроме этого, в населенных пунктах Хошеутовского улуса женорганизатором были проведены собрания на темы значения «красной кибитки», раскрепощения женщин и задач партии, гигиены, организации коллективной покупки сепаратора, организации пуховязальной артели, старого и нового быта, борьбы с камзолом,

а также громкое чтение о кустарных организациях и огородничестве, охране материнства и младенчества» [НА РК. Ф.Р-18. Оп. 1. Д. 18. Л. 3-3об.] (ср. с докладом заведующей Хошеутовской кибиткой в мае-октябре 1928 г. Буршовой: «По приезде разъясняли значение кибитки, устроили выставку по охране мать и младенчества, продемонстрировали при помощи диапозитивного фонаря картину “История красной армии” и “История возникновения земли” [НА РК. Ф.Р-18. Оп. 1. Д. 18. Л. 27об.]).

Одной из целей работы «красной кибитки» была агитационная кампания среди женского населения степи о вреде камзола (камзала). Старинная одежда кочевниц, узкая в области грудной клетки, способствовала развитию заболеваемости туберкулезом легких. «С самых ранних лет <...> девушка подвергнута одному из вредных явлений быта в ущерб здоровью — ношению комзола (грудной корсет). Комзол стягивает и не дает развиваться грудной клетке в угоду существующего понятия среди населения, что узкая и не развитая грудь девушки — есть ее красота <...> калмычки, имея впалую и не развитую грудь, болели туберкулезом, рожая слабых детей, которые умирали в малом возрасте» [Майорова 1927: 111]. Этот вопрос был настолько важным, что он заслушивался на заседаниях областной комиссии по улучшению труда и быта трудящихся женщин при президиуме Облисполкома вместе с вопросами о вступлении новых членов в компартию: «Проведено 25 бесед среди девушек по бытовым вопросам, в результате чего вовлечено 7 девушек в комсомол, 157 девушек сняли камзол, 50 женщин научились разбирать сепаратор. Летом при красной кибитке было организован ликпункт [пункт ликвидации безграмотности. — М. Б.] из 38 чел., из них: женщин 15, девушек 12 и мужчин 6 и зимой тоже на 27 чел., из них: женщин 10, девушек 13, мужчин 4. Кроме того, при красной кибитке организованы разные кружки, занятия которых проводятся регулярно. Акушеркой проведено 54 разных бесед по вопросам санитарии и гигиены. В день 8-го марта приняты в комсомол еще 3 девушки и 2 мужчин и 45 девушек сняли камзол» [НА РК. Ф.Р-3. Оп. 2. Д. 1250. Л. 400].

Свои отчеты о работе в «красной кибитке» готовили и фельдшера-акушерки. Например, отчет в Калмженотдел при ВКП(б) акушерки М. Аванкиной, работавшей в передвижной кибитке Северного аймака Эрке-

теневого улуса в 1928 г. Самым большим вопросом для нее стало «вовлечение калмычки», многие степнячки стеснялись приходить на собрания. Вместе с заместителем заведующей «красной кибиткой» Васкеевой им удалось заинтересовать женщин и даже несколько мужчин, прочитав доклад «Роль акушерки в деревне». «С того дня калмычки стали посещать красную кибитку. Больше и чаще приходили больные, приходили по всем болезням, кроме гинекологических заболеваний, это потому, что здесь женщины стесняются сказать о себе акушерке, даже в самых тяжелых случаях они предпочитают лучше болеть, чем показаться врачу или акушерке» [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 228. Л. 18]. Далее в отчете приводятся количественные данные: «за вторую половину марта месяца всего посетило красную кибитку по всем вопросам 108 человек, из которых больных 63 чел. и мужчин и женщин и детей. В апреле всего посетило по всем вопросам 78 человек, из них больных 38 чел. При кибитке в апреле были 1 роды. Женскую консультацию посетила лишь одна женщина-калмычка...» [НА РК. Ф.Р-112. Оп. 1. Д. 228. Л. 18, 18об.].

Предназначенная в основном для женского населения области, «красная кибитка» обслуживала также по лечебным вопросам мужчин и детей. В акте обследования работы Хошеутовского УИКа Калмыцкой АО с 14 декабря 1928 г. по 9 января 1929 г. в разделе «Работа среди женщин» отмечается деятельность передвижной кибитки: «Через красную кибитку прошло амбулаторных больных: мужчин — 26, женщин — 39 и детей 27 человек <...> средняя посещаемость красной кибитки 7 человек в день» [НА РК. Ф.Р-3. Оп. 2. Д. 1191. Л. 8].

Тем не менее проблем в работе «красных кибиток» оставалось немало. Например, в Икицохуровском улусе при родах умерла женщина, и акушерка «красной кибитки», которая их принимала, могла потерять доверие местного населения. Из докладной записки волженска-организатора УК ВКП(б) Икицохуровского улуса М. Ткачевой в Калмобком ВКП(б): «на собрании акушеркой был сделан информационный доклад о причинах смерти женщины-калмычки при кибитке, при чем выяснилось следующее с умершей: были очень сложные патологические роды, от которых даже при хорошей больничной обстановке женщина с трудом выживает, болезнь так называемая

„эпилепсия“ <...> посещаемость акушерки имеется по-прежнему и женщины с большим доверием относятся к ней» [НА РК. Ф.Р-17. Оп. 1. Д. 34. Л. 10]. Иногда работе передвижной «красной кибитки» мешали стихийные бедствия. Так, разлив р. Волги в августе 1928 г. изолировал передвижную кибитку Хошеутовского улуса, она не смогла поехать за откочевывавшим хотоном и вынуждена была работать с оставшимися несколькими дворами [НА РК. Ф.Р-18. Оп. 1. Д. 18. Л. 27].

Остро стояла проблема кадров, которую даже через 3 года после начала работы «красных кибиток» так и не смогли решить. Председатель комитета УТБЖ при Облисполкоме Сергеев в своем отчете от 22 апреля 1931 г. в комитет УТБЖ при Президиуме ВЦИКа писал, что: «Одним из недостатков в работе красных кибиток является отсутствие недостаточного⁴ количества медицинских сестер, без которых работа этих кибиток, безусловно, представляется односторонней. Через Облздравотдел мы возбуждали ходатайство перед Краем о возможности присылки к нам медсестер и т. д., но вопрос каждый раз решается отрицательно. Из имеющихся в Области 13-ти красных кибиток, из коих 11 в районе и 2 в Области, имеет одну медсестру только одна красная кибитка и это при том условии, когда заведывающие красными кибитками в большинстве своем совершенно малограмотные выдвигенки, прослушавшие краткосрочные курсы» [НА РК. Ф.Р-3. Оп. 2. Д. 1576. Л. 44, 44об.].

Существовали проблемы и с финансированием вплоть до 1931 г. Например, 13 мая 1931 г. заместитель председателя КУТБ при Президиуме ВЦИК Баранова отвечала комитету по улучшению труда и быта при Калмыцком Облисполкоме: «В ответ на Ваше ходатайство об отпуске средств на организацию в Вашей области красных кибиток, Комитет УТБ при Президиуме ВЦИК сообщает, что в 1931 году Вам уже переведено 8 000 рублей на организацию красных кибиток. Несмотря на то, что организация кибиток в Вашей области имеет актуальное значение, все же больше этой суммы, за неимением специальных средств, КУТБ ВЦИК отпустить не может. Вам надлежит принять все меры, чтобы нужные на организацию кибиток средства были бы изысканы на месте в виде встречных сумм, привлекая к этому

⁴ Опечатка Сергеева в документе, правильное — достаточного.

делу общественность и самодеятельность населения» [НА РК. Ф.Р-3. Оп. 2. Д. 1576. Л. 49(47)].

Как отмечают многие работники «красных кибиток», одной из главных трудностей в начале работы была низкая заинтересованность населения степи, очень часто собрания срывались, многие не хотели в них участвовать. Впоследствии этот вопрос был решен следующим образом: краснокибиточницы варили чай, пекли борцоки и приглашали всех в гости [Шенина 1927: 81].

Отсутствие подготовленных кадров, нехватка в финансировании, незаинтересованность и настороженное отношение местного населения, трудные условия работы, от всего этого вряд ли можно было ожидать положительных результатов в работе «красных кибиток». Но искренняя заинтересованность в судьбе малограмотной степной женщины, желание помочь ей, облегчить трудные условия быта давали свои первые положительные подвижки: «По пребывании кибитки [красной кибитки] кочевницы стали чище содержать свои кибитки, мыть посуду, купать детей и вообще держать себя в чистоте» [Майорова 1927: 115]. Фельдшера-акушерки делали прививки от оспы, лечили больных, женорганизаторы и заведующие кибитками шили одежду населению, совместно с жителями хотонов, аймаков проводили вечера самодеятельности, выпускали стенгазеты, ставили спектакли [НА РК. Ф.Р-3. Оп. 2. Д. 1543. Л. 34], проводили консультации для беременных женщин по санитарной гигиене и уходу за грудными детьми [НА РК. Ф.Р-18. Оп. 1. Д. 18. Л. 4об.], обучали неграмотных, а также женщин оказанию первой медицинской помощи [НА РК. Ф.Р-18. Оп. 1. Д. 18. Л. 27], учили хлебопечению, читали лекции о социальных болезнях — сифилисе, кори, туберкулезу, чесотке, трахоме и т. д. [НА РК. Ф.Р-3. Оп. 2. Л. 1543. Л. 24] (ср.: «организованы кружки по шитью, вязанию, вышивке, что очень интересовало женщин. Работал справочный стол по всем обращающимся ... главным образом по вопросам об алиментах, побоях» [НА РК. Ф.Р-18. Оп. 1. Д. 18. Л. 4]).

Передвижные кибитки прекратили свою деятельность в связи со сплошной коллективизацией и образованием оседлых колхозных и совхозных поселков, когда миновала острая надобность в передвижных формах работы [Ташнинов, Джимгиров, Трошин 1970: 254].

Тем не менее трудно переоценить роль «красных кибиток». Приезжая в самые отдаленные уголки степи, они оказывали большое влияние на развитие быта, культуры кочевого народа, незнакомого со многими достижениями большого мира. Благодаря деятельности передвижных кибиток в 1927–1931 гг. было затронуто, выявлено и решено множество проблем в области здравоохранения, образования, улучшения качества жизни населения степи.

В 20-х гг. прошлого века находящаяся в начале своего становления система здравоохранения Калмыкии была не в силах обеспечить проведение полноценных мероприятий по лечебно-профилактической и санитарной работе. Своей деятельностью «красные кибитки» внесли свой определенный вклад, став первой передвижной медицинской службой по распространению санитарно-профилактических знаний среди калмыков, что существенно помогло в деле охраны здоровья степного народа и развития здравоохранения региона в целом.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Литература

- Беликов Т. И., Оглаев Ю. О. Хозяйственное строительство в 1926–1928 гг. // Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. М: Наука, 1970. С. 137–151.
- Дойникова Е. А., Сусеев П. Н. На страже здоровья // 50 лет под знаменем Октября. Элиста: Калмиздат, 1967. С. 160–186.
- Команджаев А. Н. Формирование советской системы здравоохранения в 1917–1943 годах // История Калмыкии с древнейших времен и до наших дней: в 3 тт. Т. 3. Элиста: Изд. дом «Герел», 2009. С. 581–591.
- Майорова А. С. Женское движение // Калмыцкая область за 10 лет Октябрьской революции. Астрахань: Калмиздат, 1927. С. 110–116.
- Ташнинов Н. Ш., Джимгиров М. Э., Трошин И. И. Ликвидация неграмотности и политико-просветительная работа среди населения // Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. М: Наука, 1970. С. 251–257.
- Социально-культурное строительство // 10 лет Автономной Калмыцкой области. 1920–1930. Астрахань: Калмиздат, 1930. С. 19–33.
- Статья в газете «Красная степь» об организации работы красных кибиток (3 марта 1927 г.) // Первые десять лет Калмыцкой областной комсомольской организации (1921–1931 гг.): Документы, статьи, воспоминания. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1963. С. 134–135.
- Сусеев П. Н. К истории здравоохранения Калмыкии // Очерки истории здравоохранения Калмыкии (Воспоминания министра). Элиста: НПП «Джангар», 2006. С. 58–76.
- Шенина В. Удавшийся опыт // Калмыцкая степь. № 2. Астрахань: Калмиздат, 1927. С. 79–82.

УДК 294.3

ББК 86.2/3

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ У НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА*Е. В. Сартикова*

Просвещение нерусских народов в российском Поволжье в начале XX в. осуществлялось в очень непростых этноконфессиональных условиях. Народы, населявшие в этот период данный регион, исповедовали языческие культы (мордва, мари, удмурты, чуваша), ислам (татары), буддизм (калмыки). Полиэтническая, многоконфессиональная ситуация в Поволжском крае порождала необходимость введения нетрадиционных форм учебной и воспитательной работы с нерусскими учащимися, специфичных психолингвистических принципов организации учебного процесса, подготовки учителя и переводческой деятельности [Очерки истории ... 2001: 61].

Государственная школьная политика царского правительства была направлена на развитие сети церковных школ. Особенно отчетливо это прослеживалось в конце XIX в., когда резко возрастали правительственные ассигнования «на устройство и содержание церковно-приходских школ и школ грамоты» [Куршева 2007: 22]. Вместе с тем правительство стремилось подорвать авторитет земской школы в народе, а также уменьшить ее образовательное значение. Однако попытки властей не увенчались успехом. Самодержавие не смогло сдерживать развитие как земской, так и церковной школ в общей системе образования.

Так, в 1914–1915 гг. в Казанской губернии из 1 243 начальных школ 686 были церковно-приходскими, в них училось 32 563 ученика из 115 494 учащихся начальных школ [Горохов, Рождественский 1958: 5]. Мусульманское духовенство создавало конфессиональные школы (мектебе и медресе). Мектебе ставили своей задачей обучение арабской грамоте и основам магометанского вероучения. Целью медресе была подготовка мусульманского духовенства. Если в 1895 г. в Казанской губернии имелось 647 мектебе и медресе с 33 907 шакирдами (учащимися), то к 1911 г. число мектебе и медресе достигло уже 1 822, а количество учащихся в них увеличилось до 132 тыс. человек. Как видим, произошел их рост в 3–4 раза. Такая же картина наблюдалась и

в других районах компактного проживания татар и башкир. Так, в Уфимской губернии в 1911 г. насчитывалось 1 500 мектебе и медресе с 83 тыс. учащихся, в Оренбургской губернии — 378 мусульманских учебных заведений и 16 044 шакирда соответственно. В общей сложности в губерниях Поволжья и Приуралья было около 4 тыс. мектебе и медресе, и в них обучалось около 250 тыс. шакирдов. По обеспеченности школами и учителями татары в начале XX в. занимали одно из первых мест в стране [Рашитов 2001: 191].

В медресе, в которых следовали традиционной методике обучения, изучались история ислама, религия, философия, языки (арабский, турецкий, персидский), география, медицина и другие дисциплины. Медресе, в которых использовалась новая методика, были несколько иного характера. В их учебных планах были такие предметы, как арифметика, правописание, устная беседа, черчение, рисование, пение. На более высоких ступенях обучения вводились более сложные дисциплины (например, алгебра, геометрия, физика, астрономия, философия). Для «новометодных» мектебе и медресе были написаны десятки учебников и методических пособий. Обучение в таких медресе длилось от 9 до 12 лет. Первые подобные школы были открыты в Бахчисарае Исмаилом Гаспринским в 1884 г. и в Касимове в 1887 г. Переходили на новую методику обучения и в других регионах, хотя не так быстро, как в Казани. Горячими сторонниками и пропагандистами такой методики были выдающиеся педагоги, просветители Галимджан Баруди (Галлиев), Мусса Бигиев, Ризаэтдин Фахретдинов, Зыя Камали, Габдулла и Губайдулла Буби (Нигматулины) и другие [Рашитов 2001: 191].

Циркуляром от 30 июня 1892 г. Министерство народного просвещения поставило открытие новых мектебе и медресе в непосредственную зависимость от директоров народных училищ [Саматова 2010: 24–26]. Постепенно в практику вошли выборочные ревизии мусульманских школ инспекторами народных училищ, что не

исключало формирования статистических сведений о мусульманских учебных заведениях через уездных исправников.

В Поволжье «мусульманский школьный вопрос» сводился к «татарско-мусульманскому школьному вопросу», что объяснялось многочисленностью татар в данном регионе, разветвленной сетью традиционных школ. Необходимость распространения русского языка обозначила мектебе и медресе в качестве конкурентов русско-татарских учебных заведений. Конфессиональные школы стали восприниматься как институты, противодействующие властям.

Вмешательство властей в сокровенную для мусульман область религиозного образования, использование административного давления на местных жителей при учреждении русско-татарских учебных заведений были, как правило, ответной реакцией на нежелание татарских общин открывать школы нового типа. Установление образовательного ценза для кандидатов на мусульманские духовные должности вызвало глухое недовольство татар и способствовало усилению недоверия к школам нового типа, которые учреждались, как правило, за счет государства и местных органов самоуправления [Саматова 2010: 26].

После утверждения «Правил о церковно-приходских школах» количество этих учебных заведений на территории Мордовии стало быстро расти, однако их «выживаемость» была невелика: многие из них после открытия прекращали свое существование. Основной причиной столь быстрого закрытия школ являлось отсутствие финансовых средств на их содержание. Наряду с финансовыми затруднениями, церковной школе на первых порах пришлось столкнуться с отсутствием хорошо подготовленных педагогических кадров. Контингент учителей церковных школ состоял в основном из служителей культа, многие из которых не имели представления о методике преподавания [Куршева 2007: 23]. Г. А. Куршева отмечает, что епархиальное начальство было серьезно обеспокоено этой проблемой и всячески стремилось ее устранить. Однако предпринимаемые меры не решали проблем церковной школы [Куршева 2007: 24].

В начале XX в. религиозная школа в основном сохранила тот темп развития, который ей был задан ранее. Однако церковно-школьное дело в уездах Мордовии развивалось неравномерно. Если одни уездные

отделения (например, Ардатовское) стремились к увеличению числа школ, то другие (Саранское) ориентировались на качественное улучшение уже существовавших. В период 1904–1907 гг. произошел спад численности церковно-приходских школ вследствие «замораживания» казенных ассигнований на содержание церковных школ из-за русско-японской войны и революционных событий 1905–1907 гг. В 1907–1911 гг. церковная школа активно отстаивала свою независимость и равноправное участие в создаваемой школьной сети, что в конечном итоге ей удалось, и она начала активно участвовать в реализации проекта введения всеобщего начального обучения на территории Мордовии. Но значительное количество церковных школ числилось лишь на бумаге и занятия в них не проводились, а те, которые считались действующими, владели жалкое существование [Куршева 2007: 24]. Царское правительство использовало школы как одно из орудий русификации «инородцев». Этому способствовала система Н. И. Ильминского¹. Среди нерусских народов Поволжья распространялись так называемые «братские школы», которыми руководило Казанское миссионерское общество «Братство святого Гурия». Обучение в них велось на русском языке и родном языке учащихся и носило религиозный характер

¹ С проведением в жизнь новых методов в христианизации связано имя Николая Ивановича Ильминского (1822–1891). Он создал определенную систему воспитания, образования и обучения, согласно которой первоначальное обучение детей нерусских народностей должно было проводиться на родном языке учителями, подготовленными из среды своего народа, хорошо знавшими русский язык. Начиная со 2–3-го года обучения преподавание продолжалось на церковнославянском языке, а затем — на русском.

Н. И. Ильминский и его единомышленники при поддержке царского правительства, синода и министра просвещения Д. А. Толстого развернули активную деятельность по созданию миссионерских школ. С целью подготовки учителей для них была создана Казанская инородческая учительская семинария (1872), в которой было два отделения: татарское и монгольское. На монгольском отделении получали образование калмыки и буряты. Его еще называли и калмыцким. В монгольской группе студенты овладевали монгольским и калмыцким языками, этнографией «монгольских племен» [Иванов 1991: 54]. В целом система Н. И. Ильминского оказала положительное влияние на развитие просвещения нерусских народов: способствовала повышению уровня их грамотности, ускорению процесса их аккультурации [Иванов 1991: 142]. Многолетний опыт убедил самих миссионеров в бесплодности их усилий, и в начале XX в. миссионерская деятельность в калмыцких улусах была почти свернута.

[История Мордовской АССР 1979: 291]. В Мордовии «братских школ» не было: система Н. И. Ильминского «к мордве ... совсем не применялась, так как последняя считалась совершенно обрусевшей» [История Мордовской АССР 1979: 295]. Однако влияние этой системы сказалось и на обучении мордвы.

Начало школьного образования на территории расселения удмуртов связано с распространением христианства. В удмуртских уездах Вятской губернии более доступными были церковно-приходские школы. Они ставили своей целью заучивание молитв, внушение детям религиозных чувств и обучение элементарным навыкам чтения и письма. Преподавание в ряде школ велось на удмуртском языке. Для этого на северном и южном его диалектах издавали переводы религиозных книг, буквари, задачки и книги для чтения. Учителей для удмуртских школ готовила открытая по инициативе Н. И. Ильминского Казанская учительская инородческая семинария [Народы Поволжья 2000: 490].

Значительную часть учебных заведений в Марийском крае составляли церковно-приходские, миссионерские учебные заведения и школы «Братства святителя Гурия». Они были преимущественно одноклассными (с двухлетним сроком обучения). Двухклассных церковно-приходских школ было совсем немного. Школы «Братства святителя Гурия» занимались переводом и распространением церковных книг, учебников и организацией школ [История Марийской АССР 1986: 259].

Калмыки традиционно исповедовали буддизм. В монастырях действовали хурульные школы, в которых получали образование священнослужители. О точном количестве хурульных школ сказать достаточно трудно. В 1907 г. их число составило 75 (учеников — 382). В 1914 г. насчитывалось 79 хурульных школ, в которых обучалось 673 ученика. В 1917 г. — 86 хурульных школ (757 учеников) [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 201. Л. 47–49, 60].

Хурульные школы при сложившейся в них религиозно-схоластической системе воспитания и образования, свойственной в принципе любому церковному учебному заведению, давали специфическую подготовку, стремились сформировать у учеников особый характер, что отмечали и наблюдатели-современники. Тем не менее в их за-

мечаниях порой явно чувствуется и непонимание специфики национальной культуры калмыков, основанное на узко догматически воспринятых нормах православной религии².

В процессе обучения в хурульной школе происходило механическое заучивание незнакомых текстов на непонятном тибетском языке, вследствие чего учение для многих оказывалось непосильно трудным занятием. Как писал исследователь Н. А. Нефедьев [Нефедьев 1834: 212], в силу того, что «... просвещеннейшим между калмыками классом было духовенство», и оно имело, как подчеркивал профессор А. М. Позднеев, «громдное нравственное влияние на массу калмыцкого народа», все дело первоначального просвещения калмыков долгое время находилось в его руках. Высшей ступенью в получении духовного образования были богословские школы-цаннид — Чееря [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2670. Л. 11], которые готовили кадры для калмыцких хурулов.

В высших богословских школах Чееря главнейшее место отводилось изучению тибетского языка, на котором в хурулах совершалось богослужение. Организация учебного дела и программы были аналогичны установленным в тибетских и монгольских Чееря [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2670. Л. 43].

В учрежденных в 1907–1908 гг. в малодербетовской и икицохуровской школах Чееря русский язык по причине необязательности его изучения не преподавался. При рассмотрении данного вопроса выяснилось, что «исключение русского языка из учебной программы отнюдь не обуславливалось знанием разговорной русской речи поступающих в эти училища учеников, скорее, объяснялось нежеланием или, вернее сказать, опасением перед новшеством невежественной массы духовенства, усмотревшего

² Вот характерный пример такого критического отзыва, где верные наблюдения сталкиваются с непониманием «устава чужого монастыря»: «Хурульное образование не только не образует человека, а, напротив, портит его, набивая голову его всякими бреднями и сказками, не давая человеку никаких положительных знаний. Вот, например, калмыцкое рисование, которым занимались зурачи (живописцы). Оно основывалось на изображении человека в неестественном положении, ограничиваясь рисованием калмыцких богов. Многие боги, имеющие вид человека, рисовались вместо зубов с клыками, вместо одной головы с 2-мя, вместо ног с звериными лапами...» [Львовский 1893: 28–27]. Эти рассуждения о рисовании являются не столько критикой уровня образования, сколько непониманием автором менталитета и эстетических норм другой культуры.

в данном случае стремление к русификации этих школ, сокращению таким путем числа духовных лиц. Уже вскоре после предварительных совещаний старших бакшей (учителей) относительно вопроса изучения русского языка со стороны последних при поддержке Ламы калмыцкого народа, высказавшегося против обучения русскому языку, последовало заявление о невозможности изучения буддизма наряду с посторонними науками. Тем не менее русский язык все больше проникал в среду духовенства, которое насчитывало уже довольно большое число своих представителей, не только прекрасно владевших разговорной русской речью, но и вполне знакомых с русской письменностью. Таким образом, некоторые слои духовенства пришли к мысли о необходимости изучения русского языка [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2670. Л. 3].

Преподавателей сначала приглашали из других буддийских центров. Так, в икицохуровской школе Чееря в должности экзаменатора «шунлай-ба» состоял тибетский лама Шакджа Джалцан, а занятия в ней вели монгол Хаян-Ирбэ и бурят Д. Буянтаев [Бакаева 1994: 43].

Учреждение высших богословских школ Чееря явилось первым примером организации специальных учебных заведений, имевших задачу, прежде всего, подготовить кандидатов для занятия духовных должностей в буддийских монастырях. В Калмыкии высшие богословские школы Чееря появились на полстолетия позже, чем в Бурятии, и имели национально-региональные особенности. Но в целом их открытие находилось в русле общих тенденций развития буддизма в России [Бакаева 1994: 44].

Калмыцкое духовенство ходатайствовало также о получении разрешения свободно открывать богословские школы, хурулам иметь свои литографии и различные приспособления для печатания богослужебных книг, приобретать за границей предметы для печатания книг и провозить их из-за границы без отсылки на цензуру в Петербург. Открывать богословские школы в хурулах было разрешено, но преподавание буддийского вероучения в светских школах было под запретом.

Уже в последней четверти XVII в. царское правительство начало активно распространять среди калмыков православие. Основным направлением в деятельности православного миссионерства в России стало

просвещение и обращение в христианство нерусских народов, т. е. каждый раз оно было адресовано определенной этнической группе. С учетом этнических особенностей того или иного народа соответственно и строилась вся работа миссионеров: устройство миссионерских станций, пунктов, школ, училищ для новообращенных, обучение русской грамоте, подготовка священнослужителей и миссионеров из числа представителей коренного населения и т. д. [Орлова 2006: 3–4].

Таким образом, образовательная политика России в начале XX в. осуществлялась во многом посредством религиозного просвещения. Особое место в этой политике принадлежит русификации нерусских народов Поволжья. Государство и церковь внедряли систему Н. И. Ильминского посредством миссионерских и так называемых «братских школ», в которых обучение велось на русском языке и родном языке учащихся и носило религиозный характер. Система Н. И. Ильминского сыграла определенную положительную роль в просвещении нерусских народов Поволжья, так как умение читать и писать по-русски давало возможность учащимся знакомиться с литературой на неродном языке.

Конфессиональное многообразие в крае порождало различные подходы к просвещению мусульман, язычников, буддистов. В частности, использовались следующие методы: в отношении татар-мусульман — противодействие развитию исламского регионального социума; в отношении языческих народов (чувашей, мари, мордвы, удмуртов) — поощрение их этнической консолидации, прежде всего через развитие элементов национального образования. Это рассматривалось как фактор, способный противостоять процессу исламизации [Очерки истории... 2001: 61].

Особой проблемой образовательной политики России в Поволжье были взаимоотношения с исламом и его системой конфессиональных учебных заведений. Число татар в 11 губерниях Казанского учебного округа в 1866 г. составляло около 1,2 млн. Казанские татары как этнокультурная общность представляли собой достаточно влиятельную силу, способную не только противостоять религиозной экспансии православия, но и привлекать на свою сторону язычников [Очерки истории... 2001: 71]. Вместе с тем в межконфессиональном противостоя-

янии с православием мусульманская школьная система демонстрировала свою эффективность и популярность в народе благодаря тому, что формировала в воспитанниках твердую религиозную убежденность [Очерки истории... 2001: 72].

Деятельность буддийского духовенства, с одной стороны, способствовала сохранению национальной культуры, с другой — была связана с самым многочисленным слоем привилегированной части населения в Калмыкии. Естественно, что влияние буддийского духовенства на местное население было колоссальным. Российское правительство достаточно трезво оценивало силу калмыцкого духовенства. Царское правительство, местные власти и даже высшие представители православной церкви проводили линию на сотрудничество с высшим калмыцким духовенством, считая это важным фактором общегосударственной политики.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).
Ф. И-9 — Управление калмыцким народом
(1836–1917 гг.). Оп. 1, 5.

Литература

Бакаева Э. П. Буддизм в Калмыкии: историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 127 с.
Горохов В. М., Рождественский Б. П. Развитие народного образования в Татарской АССР. Казань:

Татар. ин-т усоверш. учителей, 1958. 80 с.

Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX — нач. XX вв. М.: Ин-т истории СССР, 1991. 392 с.

История Марийской АССР. Т. 1. Йошкар-Ола: Марий. кн. изд-во, 1986. 300 с.

История Мордовской АССР. Т. 1. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1979. 320 с.

Куриева Г. А. Общество, власть и образование в России в конце XIX — первой половине XX в. (на примере Мордовского края): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Чебоксары, 2007. 50 с.

Львовский Н. Образование при хурулах // Православный благовестник. 1893. № 2. С. 25–29.

Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М.: Наука, 2000. 579 с.

Нефедьев Н. А. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб.: Тип. К. Крайя, 1834. 277 с.

Орлова К. В. История христианизации калмыков: середина XVII — начало XX вв. М.: Вост. лит., 2006. 207 с.

Очерки истории образования и педагогической мысли в Мордовском крае (середина XVI — начало XX в.) / Росс. гуман. науч. фонд; МГПИ им. М. Е. Евсевьева; под ред. чл.-корр. РАО Е. Г. Осовского; сост. С. В. Грачев. Саранск: Тип. «Красн. Окт.», 2001. 208 с.

Рашистов Ф. А. История татарского народа. Саратов: Регион. приволжск. изд-во «Детская кн.», 2001. 287 с.

Саматова Ч. Х. Школьная политика самодержавия в отношении татар-мусульман во второй половине XIX — начале XX вв. (на примере Казанского учебного округа): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2010. 27 с.

УДК 347.97 (470.46)«1945»

ББК 67.623

ЧАСТНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И БОРЬБА ГОСУДАРСТВА С НИМ В 1945-1953 гг. (на материалах Нижнего Поволжья)

С. А. Федин

Поддержка малого и среднего бизнеса является одним из перспективных направлений развития российской экономики в настоящее время. Однако на протяжении десятилетий существования Советского государства частный сектор в экономике рассматривался как враждебная целям социалистического общества структура, которая подлежала ликвидации.

С окончанием Великой Отечественной войны частный сектор как параллельная экономика продолжал процветать, вызывая неудовольствие властей. Как выразился Н. В. Романовский, частник был для госу-

дарства постоянным источником беспокойства (ср.: «„О крупных извращениях в отношении частника...“, „О проникновении частника в кооперацию и предприятия местной промышленности“, — эти постановления властей свидетельство проторыночных настроений и экономических установок отдельных групп и лиц, стимулируемых неспособностью системы на институциональном уровне удовлетворять повседневные запросы людей в продовольствии, одежде, жилье, медицинском обслуживании, городском транспорте и т. д.» [Романовский 1998: 38]).

Обращаться к частнику потребителей заставляли длительные сроки и низкое качество выполнения работ в мастерских артелей промкооперации. Выполнение же заказов частниками производилось быстрее, дешевле и качественнее. Нерегистрируемая деятельность давала возможность обойти уплату налогов, что позволяло им значительно снижать стоимость товаров и услуг по сравнению с промартелями [Чуваев 2009: 197]. В результате многие потребители делали свой выбор в пользу частников.

Сначала прокуратура не видела в их нелегальной деятельности ничего предосудительного. Однако в 1946–1947 гг. Генеральной прокуратурой СССР было направлено в секретариат ЦК ВКП(б) несколько докладных записок о ситуации в кооперации и местной промышленности, где утверждалось, что на предприятиях легкой промышленности, в кооперативной и государственной торговле процветала незаконная частная предпринимательская деятельность. Следовательно, одну из главных причин недостатков в работе указанных учреждений партийные и советские органы увидели в развитии частного предпринимательства.

Борьба с частниками в Нижнем Поволжье началась в ноябре 1947 г. в Саратовской области после приказа Министерства торговли СССР «Об извращениях в торговле и производственной деятельности торговых организаций». В ходе массовых проверок магазинов и ларьков, предприятий общественного питания и бытового обслуживания, организованных главными инспекторами по торговле в г. Саратове и области, были обнаружены случаи «проникновения частников в государственные организации» и использования их в своих интересах [ГАНИ СО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 273. Л. 76–80].

Главными видами частнопредпринимательской деятельности в Саратовской и Астраханской областях считались организация производства на частных квартирах (что позволяло уйти от контроля налоговых служб), допуск частной собственности на основные средства производства и получение в связи с этим дополнительной выручки, применение наемного труда в кооперативах, скупка на рынках фондовых товаров, похищенных с государственных предприятий, перепродажа материалов по повышенным ценам и т. п. [Кузнецова 2002: 118].

В архивах Астраханской области имеется значительное количество материалов, характеризующих частнопредпринимательскую деятельность. Одним из примеров является дело о вскрытых фактах частной практики судостроения. Областной прокуратурой были установлены обстоятельства постройки, ремонта судов и разного инвентаря частными лицами для отдельных предприятий и колхозов. Только частному подрядчику Мартынову с мая 1945 по март 1946 гг. колхозами «Искра», «Кзыл-Казах», рыбозаводом Мосспецторга, Наримановским райдоротделом и другими организациями было выплачено 518 000 рублей за постройку разных судов [ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 6. Д. 19. Л. 126].

Строительство и ремонт судов частными подрядчиками производились из материалов, похищенных с государственных предприятий и баз Главснаблеса, Камлесосплава, Касплесрыбтреста и других. Договоры и соглашения, заключенные с частными лицами, заключались в Астраханской городской нотариальной конторе. В результате проверки лица, занимавшиеся частной практикой судостроения, разбазариванием государственных средств и хищением материалов, были привлечены к уголовной ответственности [ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 3. Д. 19; Д. 20. Д. 68].

В феврале 1948 г. инспекцией Главного управления кооперации выявлены подобные факты в промышленной кооперации и кооперации инвалидов Астраханской области, о чем немедленно информировали обком ВКП(б). В итоге были привлечены к партийной и административной ответственности руководители трех артелей, а цехи с производством, не предусмотренным уставом, были закрыты [ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 5. Д. 5; Д. 83. Л. 52].

Параллельно с Генеральной прокуратурой проводила широкомасштабную проверку Комиссия государственного контроля. По ее мнению, «частник не только возродился из своего тайного бытия, но и настолько обнаглел, что в массовом порядке начал внедряться в разнообразные звенья социалистической экономики. Почти больше половины страны оказалось под тлетворным влиянием дельцов-спекулянтов» [ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 5. Д. 5; Д. 83. Л. 52]. Изучив отчет комиссии, многие ответственные работники Министерства финансов предложили легализовать некоторые виды торговли и кустарной промышленности.

После оживленных дебатов правительство сделало выбор в пользу жесткости и репрессий.

В результате появилось Постановление Совета министров СССР от 14 апреля 1948 г. «О проникновении частника в кооперацию и предприятия местной промышленности», где утверждалось, что «в результате политической слепоты, а подчас и сращивания с частниками руководителей проверенных кооперативных организаций, дельцы-спекулянты вступали в артели с принадлежащим им промышленным оборудованием и крупными денежными средствами, превращая артели промысловой кооперации и кооперации инвалидов в лжеартели. Эти средства и оборудование незаконно зачислялись артелями в долгосрочные спецвклады частников, продолжая оставаться их собственностью» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 27. Л. 9–14].

Серьезной критике подверглось Министерство финансов СССР. «Местные финансовые органы часто допускали грубые нарушения в практике выдачи патентов на право осуществления деятельности кооперативных организаций, что облегчало проникновение частников в кооперацию» [Козлова, Мочек 1956].

На «позициях сползания» оказались и органы прокуратуры, которые «во многих случаях не вели борьбы с извращениями советских законов в кооперативных организациях и предприятиях местной промышленности, не привлекали к ответственности руководителей лжеартелей, необоснованно отказывали в возбуждении уголовного дела против частников-спекулянтов и при расследовании дел допускали волокиту» [Козлова, Мочек 1956].

Вскоре после издания Постановления по стране было закрыто около 15 тыс. частных подпольных предприятий, а около 18 500 «предпринимателей» приговорены к заключению в исправительно-трудовые лагеря [Чуваев 2009: 198].

Однако уголовным законодательством наказания по этим новым формам преступной деятельности не были предусмотрены, в связи с чем суды за такого рода деяния применяли либо закон о мошенничестве, либо об ответственности за лжекооперацию. Отсутствие правовых норм об ответственности за указанные деяния отрицательно сказалось на состоянии борьбы с преступлениями такого рода и в значительной степени

способствовало частнопредпринимательской деятельности, совершению хищений и других злоупотреблений.

Исправить этот правовой пробел должно было постановление Пленума Верховного суда СССР от 25 июня 1948 г. «О квалификации преступлений, связанных с проникновением частника в кооперацию и предприятия местной промышленности», где отмечено, что «преступные элементы, лишенные при социалистической системе хозяйства возможности свободно развивать частнопредпринимательскую деятельность, пытаются приноравливаться к создавшимся условиям и путем различных комбинаций, облеченных в форму внешней показной законности, предоставить простор своей преступной, хищнической, спекулятивной деятельности» [Козлова, Мочек 1956]. Пленум Верховного суда СССР указывал привлекать лиц, занимавшихся частнопредпринимательской деятельностью под вывеской кооперативных и государственных организаций, к уголовной ответственности по ч. 1 и ч. 2 ст. 129-а Уголовного кодекса (Расхищение государственного или общественного имущества, в частности путем заключения невыгодных сделок, лицом, руководящим государственным или общественным учреждением или предприятием, совершенное по соглашению с контрагентами этих учреждений или предприятий). Она предусматривала лишение свободы на срок не ниже одного года с конфискацией имущества или без таковой. Этим указанием судебные и следственные органы руководствовались до принятия в 1960 г. нового уголовного законодательства.

В течение 2,5 месяцев после принятия постановления Правительства от 14 апреля 1948 г. суды Астраханской области рассмотрели 28 дел о частнопредпринимательской деятельности, приговорив 50 % подсудимых лиц к исправительно-трудовым работам и оправдав остальных [Кузнецова 2002: 117].

Поскольку постановление Правительства выполнялось недостаточно и судебные решения были довольно мягкие, бюро Астраханского обкома ВКП(б) 13 июля 1948 г. потребовало от руководителей кооперативных организаций, местной промышленности, финансовых органов и прокуратуры исправить положение. С этой целью прокуратурой были осуществлены повторные проверки с привлечением спе-

циалистов из управления промкооперации, облместпрома, облфинотдела, работавших в этих системах коммунистов и с участием работников райкомов ВКП(б) и райисполкомов. Итогом этих проверок, охвативших 537 предприятий и артелей из 577, стали новые факты о частном предпринимательстве [ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 5. Д. 85. Л. 35, 100]. Аналогичные меры предпринял Саратовский обком партии, уделивший особое внимание проверке работы 339 объектов местной и кооперативной промышленности [ГАНИ СО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 727. Л. 27–28].

В результате проверок с января по сентябрь 1948 г. в народные суды было передано в Астраханской области — 61, а в Саратовской — 70 дел [Кузнецова 2002: 118]. В ряде случаев следственные органы отказывались возбуждать уголовные дела ввиду отсутствия юридических оснований. В обеих областях были заменены отдельные председатели артелей, закрыты частные цехи, надомники переведены на предприятия. По мнению партийных органов, кампания дала возможность в значительной мере очистить промысловую кооперацию и местную промышленность от частнопредпринимательских элементов, повысить трудовую дисциплину, улучшить выполнение производственных планов [ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 5. Д. 84. Л. 37; ГАНИ СО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 727. Л. 30]. Фактически же кампания не имела экономического эффекта и носила ярко выраженный политический характер.

В Сталинградской области, где местная и кооперативная промышленность находились в стадии возрождения, факты, подобные вскрытым в соседних областях в 1947–1948 гг., не были обнаружены. Отдельные случаи частнопредприниматель-

ской деятельности были выявлены лишь в 1950 г. в Камышине, Калининском районе и кооперации инвалидов [ЦДНИ ВО. Ф. 113. Оп. 33. Д. 1. Л. 76; Д. 52. Л. 7].

Попытка путем силового воздействия победить частника оказалась безрезультатной (частный уклад в советской экономике нелегально существовал вплоть до перехода к рыночным отношениям на рубеже 1980–1990-х гг.) и негативно отразилась на промысловой кооперации: количество создаваемых артелей резко сократилось. У рядовых граждан стало еще меньше легальных возможностей реализовать идущую снизу экономическую инициативу, играя по установленным государством правилам.

Источники

- Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИ СО).
Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСД АО).
Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИ ВО).

Литература

- Козлова И. О., Мочек Ю. И. Борьба с хищениями и злоупотреблениями в государственной торговле и кооперации: Сб. док. М.: Изд-во Госюриздат, 1956. 72 с.
Кузнецова Н. В. Восстановление и развитие экономики Нижнего Поволжья в послевоенные годы (1945–1953). Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2002. 292 с.
Романовский Н. В. Наше непредсказуемое прошлое // Россия и современный мир. 1998. № 3(20). С. 35–47.
Чуваев Н. А. Симбиоз и конкуренция: частный кустарь-одиночка и промысловая кооперация в послевоенной экономике Алтая (1945–1953 гг.) // Исторический ежегодник: сб. науч. тр. / Институт истории СО РАН. Новосибирск: Рипэл, 2009. С. 191–202.

УДК 947.084.51

ББК 63.3(2)6

РЫБНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВОЛГО-КАСПИЙСКОГО БАССЕЙНА В 1918–1991 гг.

(опыт анализа эффективности партийно-государственного руководства отраслью)

С. В. Виноградов

Со времен Октябрьской революции началось мощное вмешательство государства в развитие рыбного хозяйства страны. Новая власть в 1918 г. национализировала рыбные промыслы. Согласно декрету II-го Всероссийского съезда Советов рабочих,

солдатских и крестьянских депутатов «О земле» и декрета ВЦИК от 27 января 1918 г., частная собственность на воды отменялась, и водные угодья передавались в исключительное распоряжение Советской власти [Декрет Второго Всероссийского съезда;

Декрет ВЦИК ... 1918]. По решению СНК РСФСР в октябре 1918 г. было образовано Центральное управление рыбными промыслами в России «Главрыба», а на местах, в том числе в Астрахани, — Областные управления по рыболовству и рыбной промышленности («Областьрыба»). С данного момента Советское государство начинает централизованное руководство этой сферой хозяйства [РГАЭ. Ф. 764. Оп. 1. Д. 2. Л. 98].

Рыбные промыслы были национализированы сначала на Волго-Каспии, а затем и в других рыболовных бассейнах по мере установления Советской власти. Многочисленные рыбопромышленные фирмы были закрыты, частная торговля рыбой запрещалась, на рыбных промыслах были введены институты политкомов и троек [Виноградов 2010: 140].

Одновременно вводилась продразверстка в рыбной промышленности, выражавшаяся в принудительном изъятии всей добытой рыбы и передачи ее Наркомпроду «для распределения в порядке госснабжения». Все вольные ловцы были объявлены государственными ловцами и переводились на паек. На речных промыслах, где было сосредоточено рыболовство в годы гражданской войны, «Областьрыба» стала заниматься объединением ловцов в совхозы [Виноградов 2010: 141].

Рыбная промышленность Волго-Каспийского бассейна стала полигоном для апробирования «военно-коммунистических» методов руководства отраслью. Положение усугублялось тем, что в период революции к руководству этой сферой пришли люди малокомпетентные в рыбном деле, но считавшие себя профессиональными революционерами. От непонимания многих особенностей организации рыбных промыслов Волго-Каспия социальные эксперименты периода «военного коммунизма» весьма болезненно сказались здесь на состоянии рыбного дела.

Серьезный удар по рыболовческому хозяйству был нанесен разделением его на три категории по классовому признаку: бедняк, середняк и кулак. Помощь оказывалась, прежде всего, первой категории, т. е. речному ловцу, имевшему плохое снаряжение и дававшее не очень много продукции на рынок. Наиболее продуктивная группа морских ловцов, которых партийные идеологи посчитали кулаками, осталась без государственной поддержки, без которой невозмож-

жен был рыбный промысел в тех условиях [Кисилевич 1924: 21].

Несмотря на все усилия, партийному руководству Астраханской губернии и «Областьрыбе» не удалось переломить ситуацию в рыбной промышленности. Проводимые «военно-коммунистические» меры не приносили желаемых результатов. В 1919 г. улов составил 153 тыс. тонн, в 1920 г. — 113 тыс. тонн. Это был уровень 60-х гг. XIX в. [ГАСД АО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 18].

С 1921 г. формы и методы развития рыбной отрасли определялись в соответствии с общим направлением политики Советского государства в этот период, т. е. в рамках нэпа. Возрождение различных экономических укладов вело к их постоянному взаимодействию и конкурентной борьбе, в особенности это проявилось в тех сферах хозяйственной деятельности, где достигались высокие прибыли, в частности в рыбной промышленности Волго-Каспийского бассейна [Виноградов 2010: 141].

Отказ от всеобщей монополии государства на эксплуатацию рыболовных угодий означал отказ от методов хозяйственной политики периода «военного коммунизма». Он предполагал налаживание иных взаимоотношений между государством и рыболовческим населением на основе определенной свободы товарооборота. Ловцы снимались с положения государственных рыбаков (рыбак — несвободный ловец — С.В.) и могли распоряжаться уловом по своему усмотрению. Государство оказывало помощь рыболовческим хозяйствам в виде различных займов и кредитов по льготным ценам, продавало ловцам рыболовное снаряжение [Виноградов 2010: 141]. Получил развитие в рыбной промышленности в этот период и частный капитал (в 1925 г. доля частного капитала в уловах на Волго-Каспии составляла 30 %) [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 44. Л. 59].

Восстановление рыболовческих хозяйств, укрепление государственного сектора, деятельность частных предпринимателей, их взаимодействие и конкуренция между собой способствовали быстрому восстановлению рыбной отрасли в конце 1920-х гг. Многочисленные данные (архивные документы, пресса тех лет, свидетельства современников) показывают, что нэп способствовал быстрому восстановлению рыбного хозяйства Волго-Каспийского бассейна. Уже в 1926 г. рыбная промышленность бассейна достигла довоенного уровня.

ня, гораздо раньше общесоюзных показателей [Собгайда 1926].

В то же время опыт развития рыбной промышленности Волго-Каспийского бассейна 1920-х гг. показывает, что результаты деятельности частного капитала во многом зависят от целей государства в экономической сфере. Если существуют законодательная база, соответствующий инвестиционный климат, долгосрочные гарантии со стороны государства, то частный капитал станет мощнейшей созидательной силой, быстро двигающей экономику страны, обеспечивающей занятость значительного количества населения и питающей науку и культуру. Но если лишь слегка приоткрыть «экономическую дверку» как это было сделано партийно-государственным руководством СССР в 1920-е гг., не давая ни каких гарантий, при этом угрожать со страниц средств массовой информации, то, конечно, частный капитал не станет двигателем прогресса.

В этом случае предприниматели будут заинтересованы осуществлять краткосрочные вложения в те области, в которых прибыль будет максимальной, а оборот денег быстрым. В 1920-е гг. такими «привлекательными местами» для нэпманов стали скупка и перепродажа рыбы. Естественно, что такая деятельность частного капитала не могла принести большой общественной пользы и способствовала обогащению самих нэпманов и коррумпированных чиновников [Виноградов, Батрашев 2008: 130].

Не имея гарантий долгосрочной деятельности со стороны государства, частный капитал, облагаемый большими налогами, был вынужден уходить в сферу теневой экономики. Ее развитие сопровождалось коррупцией среди государственных чиновников и партийных функционеров, а также руководителей государственных предприятий [Ишин 2001: 260].

Именно это и происходило в Астрахани во второй половине 1920-х гг., поэтому, когда с 1927 г. руководством страны был взят курс на вытеснение частного капитала из промышленности и торговли СССР, в рыбной промышленности Волго-Каспийского бассейна его позиции оставались крепкими.

Имея опыт проведения «Шахтинского дела», «вскрытия смоленского гноиника» и др., сталинское руководство решило провести громкий политический процесс в

Астрахани, центре рыбной промышленности Волго-Каспия, в результате чего можно было одним ударом вытеснить частного из рыбной промышленности и наказать коррумпированных чиновников. Таковы были истоки громкого политического процесса, начавшегося в Астрахани весной 1929 г. и получившего название «Астраханщина».

Таким образом, этот процесс представляется как конфликт между укреплявшей свои позиции и стремившейся к полному подчинению экономики страны центральной властью, с одной стороны, и обогатившимися на спекулятивных операциях с рыбой частным капиталом и астраханским чиновничеством, с другой стороны, за контроль над самым мощным рыболовным бассейном страны [Виноградов, Батрашев 2008: 130].

В ходе борьбы с «Астраханщиной» вся рыбная промышленность Волго-Каспия (ведущего в то время рыболовного бассейна страны) была поставлена под контроль государства. С весенней путины 1929 г. частный капитал больше не допускался к рыбному промыслу [Ишин 2001: 260].

Отстранение частных предпринимателей из рыбного промысла было достаточно болезненным процессом, поскольку ушли опытные профессионалы своего дела. Это не могло не отразиться на функционировании рыбной промышленности Волго-Каспия. На расчищенной от частного капитала «ниве» Волго-Каспийского рыбного промысла летом 1929 г. началась работа по коллективизации рыболовецких хозяйств.

В начале 1930-х гг. произошли кардинальные изменения в жизни ловецкого населения Волго-Каспия, связанные с коллективизацией. Как и в сельском хозяйстве, коллективизация этой группы людей была связана с многочисленными перегибами и необоснованными репрессиями. Все ловецкое население было разделено на четыре категории: батраки, бедняки, середняки и кулаки. Как и в годы «военного коммунизма», под категорию кулачества попадал самый производительный морскойловец — ловец-стоечник.

Необоснованные репрессии, несправедливость и перегибы вызывали ответную реакцию: широко были распространены в ловецких селах различные формы пассивного сопротивления (порча ловецкой посуды и ловецкого снаряжения, умышленно бесхозяйственное его хранение, отсутствие

подготовки к весенней путине по ремонту флота и снаряжения, разборка и снятие моторов владельцами паромоторных и грузовых судов, агитация к подобным действиям других ловцов). В местах проживания ловецкого населения Волго-Каспия весной 1930 г. произошел ряд вооруженных выступлений, самым крупным из которых было Енотаевское восстание, жестоко подавленное властями.

«Астраханщина» 1929 г. и коллективизация 1930–1931 гг. привели к радикальным изменениям в рыбной промышленности Волго-Каспийского бассейна. Во-первых, был ликвидирован частный капитал. Во-вторых, в ходе коллективизации была отстранена от лова наиболее мощная часть морских ловцов, объявленных кулаками [Виноградов, Батрашев 2008: 133]. После этого основными «добытчиками» на Волго-Каспии стали мелкие и средние ловцы, объединенные в рыболовецкие колхозы (им принадлежала большая часть улова в Волго-Каспийском бассейне) и государственная рыбная промышленность, объединенная Волго-Каспийским государственным рыбным трестом. Он объединял государственные рыбные промыслы, всю рыбоперерабатывающую промышленность и рыболовный флот.

Окрепшему к концу 1920-х гг. государству понадобилась единая, мощная рыбная промышленность, что и было сделано с восстановлением в 1930 г. единого отраслевого управления «Союзрыба» и передачей всего рыбного хозяйства из разных ведомств в ведение Наркомата внешней и внутренней торговли СССР [Свод законов и распоряжений 1930].

В 1930-е гг. рыбная отрасль СССР в целом и рыбная промышленность Волго-Каспия в частности стали объектом крупных государственных инвестиций: были построены крупные рыбоперерабатывающие предприятия (например, крупнейший в отрасли Астраханский рыбоконсервный комбинат им. А. И. Микояна и др.), рыболовный флот насыщался сейнерами, плавучими рыбозаводами и т. д. [Сысоев 1977: 41–42]. Поскольку индустриализация вызвала огромный рост городского населения, становится понятным стремление государства развивать рыбную промышленность как источник дешевого белкового продукта для населения растущих городов и строек первых пятилеток.

Вместе с тем необходимо отметить, что уже в 1930-е гг. в СССР был взят стратегический курс на усиленное промысловое освоение открытых водоемов. Особенно перспективным в этом отношении представлялось развитие рыбной промышленности Севера и Дальнего Востока. Так увеличение вылова в 1930-е гг. в СССР происходило в результате возросшей добычи в открытых водоемах.

В годы войны с потерей части рыболовных районов на западе Волго-Каспийский бассейн являлся основным поставщиком рыбной продукции для фронта и всей страны, несмотря на то, что в 1942 г. боевые действия велись в непосредственной близости от рыбных промыслов и центров переработки рыбы. Вместо ушедших на фронт рыбаков их нелегкий труд взвалили на себя жены, родители и дети. Именно благодаря их самоотверженной работе рыбная промышленность бассейна успешно справлялась с государственными заданиями по производству рыбной продукции.

Как показывает анализ документов, в период войны резко ухудшились условия жизни работников рыбной промышленности [ГАСД АО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 33]. В рыбацких селах часто отсутствовали товары первой необходимости, а введенные с начала войны талоны отоваривались с большим трудом. Положение усугублялось многочисленными нарушениями в системе Рыболовпотребкооперации, отвечавшей за снабжение рыболовецких колхозов. Вопросы снабжения рыбаков Волго-Каспия необходимыми продуктами в годы войны и в первые послевоенные годы постоянно вызывали недовольство среди рыбаков, которые требовали наведение порядка в этом вопросе.

Период 1955–1958 гг. стал поворотным в истории Волго-Каспийской рыбной промышленности. После 1958 г. уловы в бассейне (за исключением кильки) стабильно уменьшались, что привело к переориентации экономики регионов, прилегавших к Волго-Каспийскому бассейну, и крупным социальным изменениям. Волго-Каспий окончательно перестает быть одним из ведущих рыболовных бассейнов страны.

С начала 1930-х гг. в результате изменений общеклиматических условий и резкого увеличения хозяйственного изъятия воды из впадающих в Каспий рек уровень его упал почти на 2,5 м. Обсыхание и об-

меление больших и наиболее продуктивных участков моря ухудшили условия миграции, нереста и нагула рыбы, что неизбежно вело к уменьшению поголовья ценных рыб.

Уже с конца 1920-х гг. известные ученые-ихтиологи, например К. С. Кисилевич, В. Г. Собгайда и другие, которые с тревогой следили за нарастающей добычей рыбы в бассейне, говорили о необходимости строгого лимитирования вылова рыбы [Виноградов 2010: 142]. Однако руководители рыбной промышленности Волго-Каспийского бассейна пренебрегали этими предостережениями и продолжали наращивать объемы уловов. Тем более все правила рыболовства были смягчены в период Великой Отечественной войны.

Но так долго продолжаться не могло. В послевоенный период добыча рыбы в Волго-Каспийском бассейне все чаще давала сбои. Так было в 1945, 1947, 1950, 1952 гг. и т. д. Чтобы каким-то образом компенсировать недоловы красной рыбы и частиковых в конце 1940 и начале 1950-х гг., промышленники обратили свое внимание на кильку, которая стала последним крупным резервом Каспия [Лепилов 1996: 179].

На наш взгляд, серьезные геополитические изменения, произошедшие в мире после победы СССР над фашистской Германией, имели прямое влияние на успешное развитие рыбодобывающего комплекса страны. В результате Победы влияние СССР в мире резко возросло. Главное содержание развития страны первых послевоенных лет — это приобретение Советским Союзом статуса «сверхдержавы» [Данилов, Пыжиков 2001: 269]. Рыболовный флот «сверхдержавы» с 1947 г. вышел во все океаны мира, и началось освоение гигантских возможностей океанского рыболовного промысла.

Наличие современного промыслового флота с большой автономностью плавания в условиях действия принципа свободы рыболовства в открытом море позволило советским рыбакам успешно развивать активный морской и океанический лов в различных районах мирового океана. По количеству добываемой рыбы Советский Союз в 1950-е гг. стал одним из мировых лидеров, наряду с такими странами, как США, Япония, Перу.

В послевоенный период рыбная промышленность существенно укрепила свои позиции СССР на Балтике за счет присоединения Прибалтийских республик и Ка-

лининградской области. Это были районы с давними традициями рыболовства, наличием удобных гаваней, флота и развитой рыбоперерабатывающей промышленностью.

Все вышеперечисленные изменения вели к снижению роли Волго-Каспийского бассейна в общесоюзной добыче рыбы. С развитием активного вылова в мировом океане и ростом уловов кильки в среднем и южном Каспии удельный вес добычи рыбы в Волго-Каспийском бассейне в 1957 г. составил 7,5 % от общего улова страны и 45,3 % уловов в Каспийском море [Лепилов 1996: 318]. С развитием технологии производства рыбных консервов продукция океанических рыболовных районов смогла доходить до потребителя в любом районе Советского Союза. Можно предположить, что все эти факторы сыграли свою роль при принятии правительством решения о крупном гидростроительстве на р. Волге.

О том, что возможные негативные последствия гидростроительства на Волге были известны на самом «верху», свидетельствует выступление члена Политбюро ЦК ВКП(б), заместителя председателя Совета Министров СССР А. И. Микояна на XIX съезде: «Гидростроительство существенно изменяет естественные условия размножения рыб в Каспийском и Азовском морях, выдвигает требование развернуть <...> промышленное разведение ценных пород рыб. Поэтому требуется строительство в широких масштабах заводов по рыборазведению и нагульно-выростных хозяйств» [Правда 1952].

Когда на чашу весов были положены, с одной стороны, возможность получения огромного количества дешевой электрической энергии для быстроразвивающегося промышленного региона — Поволжья, а с другой стороны, возможное сокращение и без того падающих уловов в слабоперспективном рыболовном бассейне, то правительство выбрало первый вариант. Сокращение уловов на Каспии с лихвой компенсировалось быстрорастущей океанской добычей рыбы. К тому же ценные породы каспийских рыб планировалось, как это явствует из выступления А. И. Микояна, восстанавливать через «заводы по рыборазведению и нагульно-выростные хозяйства».

В 1950-х гг. гидростроительство началось стремительно: плотина Куйбышевской ГЭС перекрыла Волгу в 1955 г., а плотина Волгоградской ГЭС — в 1958 г. В результа-

те уже к 1960 г. почти на треть сократилась добыча осетровых и частиковых рыб. По данным Каспийского научного института рыбного хозяйства (КАСПНИРХ), в результате гидростроительства на 63 % уменьшились нерестовые площади осетровых рыб, на 100% белорыбицы и на 50 % крупно-частиковых рыб [Ишин 2001: 334].

Резкое сокращение уловов привело к тому, что правительство заставило власти пойти на запрет морского лова, который осуществлялся поэтапно с 1962 по 1965 гг. по плану, разработанному Государственным комитетом Совета Министров СССР по рыбному хозяйству и учеными КАСПНИРХа (в 1966 г. уловы в море составили всего 10 %) [Ишин 2001: 433].

С конца 1950-х гг. менялся вековой уклад жизни для десятков тысяч людей, занятых (уже не в первом поколении) рыбным промыслом на Волго-Каспии. Они вынуждены были становиться овощеводами, бахчеводами, рисоводами и т. д. С 1950 по 1991 гг. число рыболовецких колхозов в Астраханской области сократилось со 139 до 31. Сокращалось и количество рыбаков, непосредственно занятых на добыче рыбы. Если в 1950 г. их было 17 176 человек, то в 1965 г. осталось чуть больше 6 тыс. человек. Аналогичный процесс происходил и в соседнем с Астраханской областью Денгизском районе Гурьевской области, где количество рыболовецких колхозов в 1950–1960-х гг. сократилось с 23-х до 9 [Ишин 2001: 447].

В 1970–1990-е гг. роль рыбной промышленности Волго-Каспия продолжала падать. В 2000 г. даже в центре некогда мощной рыбной промышленности Волго-Каспийского бассейна (Астраханской области) она составляла всего лишь 3,3 % от общего промышленного производства области [Жилкин 2001: 9].

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов.

1. История развития рыбной промышленности Волго-Каспия в советский период показывает, что система, сложившаяся в нашей стране в конце 1920 и начале 1930-х гг., включая структурную организацию управления, исходила, прежде всего, из идеологических постулатов построения коммунистического общества, была нацелена на достижение высоких результатов любой ценой, невзирая на экономическую целесообразность. Так, никакие аргументы

ученых, еще в конце 1920-х гг. забивших тревогу по поводу необоснованно высоких государственных заданий по улову рыбы в Волго-Каспийском бассейне, не принимались в расчет, что вело к быстрому истощению рыбных запасов в регионе.

Строго наказывая отдельных браконьеров, государство не обращало внимания на нарушения правил рыболовства со стороны своих же структур, допуская огромные переловы под теми или иными предлогами (необходимости индустриализации, восстановления промышленности, ускоренного строительства социализма и т. д.).

2. Сложившаяся система оказалась неспособной к изменениям в условиях бурной научно-технической революции второй половины XX в. В основе экономического развития СССР лежала гигантская интенсификация труда. Недостаточное внимание уделялось управленцам и инженерно-техническим работникам среднего и низшего звена, труд которых слабо стимулировался. В результате в новых условиях этот слой работников оказался неспособен не только генерировать и воплощать новые идеи, но и воспринимать и внедрять передовой опыт, что способствовало отставанию отечественной экономики.

3. Лучшим представителям советской управленческой школы в рыбной отрасли были присущи такие качества, как инициативность, исполнительность, широкое видение перспективы, беззаветная преданность любимому делу. Постепенно для успешного карьерного продвижения в промышленности необходимым стало и наличие членства в КПСС. Можно привести в пример десятки талантливых управленцев, которые, начав с самых низких ступеней, становились выдающимися руководителями рыбной отрасли, о ком до сих пор осталась добрая людская память в регионе (А. А. Ишков, М. А. Каракулькин, И. Г. Дуденков и др.). Именно таким руководителям рыбная промышленность обязана своими достижениями и успехами.

Вместе с тем необходимо отметить, что в исследуемый период большинство руководителей отрасли, находясь в плену идеологических догм, бездумно выполняя любые приказы, игнорируя опыт экономически развитых государств, способствовали (вольно или невольно) быстрому упадку рыбной промышленности Волго-Каспийского бассейна.

4. Кризису рыбной промышленности Волго-Каспия способствовали отдельные решения стратегического характера, принимаемые на уровне бывшего Политбюро ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Так, например, строительство Куйбышевской и Волгоградской ГЭС, нарушавшие естественный процесс нереста многих видов каспийских рыб и приведшие к резкому падению уловов на Каспии. К этому необходимо добавить и то, что государственные задания, приводившие к ежегодным переловам каспийской рыбы, принимались на самом высоком уровне, а выводы ученых о необходимости сокращения добычи рыбы и строгого соблюдения государственными организациями правил рыболовства в расчет не принимались.

5. Система не только обеспечивала необходимый порядок на производстве, но и могла создавать условия для самоотверженного труда. Благодаря героическому труду работников рыбной промышленности: рыбаков, моряков рыболовного флота, рабочих рыбокомбинатов и т. д. отрасль в 1920–1950-е гг. достигла определенных положительных результатов в своем развитии. Но узость управленческого мышления, слабое материальное стимулирование постепенно превратили социалистическое соревнование, стахановское движение, движение рационализаторов в формальность. Энтузиазм сменился пессимизмом и даже цинизмом, выгоднее стало работать недобросовестно, меньше интересоваться производственными делами. Соответственно слабела и трудовая дисциплина, снижалась производительность труда.

В таком понимании проблемы видится и главный итог проведенного исследования, во многом поучительный для нынешнего времени. Освещение аналогичной тематики на материалах других регионов покажет, насколько близка по своему содержанию история Волго-Каспия к истории других рыболовных бассейнов страны. Накопление фактического материала позволит сделать

обобщения, характеризующие роль и значение рыбной отрасли в общем развитии экономики страны в XX в.

Источники

- Государственный архив Астраханской области* (ГА АО).
Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСД АО).
Российский государственный архив экономики (РГАЭ).

Литература

- Виноградов С. В., Батрашев Д. К.* Судьба частного рыбного промысла в 1928–1929 гг. // *Вопросы истории*. 2008. № 2. С. 130–134.
Виноградов С. В. НЭП: опыт создания многоукладной экономики / ред. В. С. Лельчук. М.: Голос, 1996. 175 с.
Виноградов С. В. О некоторых проблемах промышленности Волго-Каспийского региона в период новой экономической политики // *Научная мысль Кавказа*. Ростов-на-Дону. 2010. № 4. Ч. 2. С. 140–143.
Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы / ред. А. С. Сухопаров. М.: Наука, 2001. 354 с.
Декрет Второго Всероссийского съезда Советов о земле от 26 октября; Декрет ВЦИК от 27 января (9 февраля) 1918 г. о социализации земли // *Собрание Указаний и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства*. М., 1918. № 25. С. 3–25.
Жилкин А. А. Экономика региона / ред. Л. П. Иванова. Астрахань: изд-во Астрахан. гос. пед. ун-та, 2001. 178 с.
Ишин В. В. Исторический опыт партийно-государственного руководства рыбной промышленности Российской Федерации в 1918–1991 гг. (на материалах рыбной промышленности Волго-Каспийского бассейна) / ред. О. С. Карпукhin. М.: Прометей, 2001. 530 с.
Кисилевич К. С. К вопросу о восстановлении ловещего хозяйства // *Наш край*. 1924. № 1. С. 15–52.
Лепилов В. П. На просторах Волго-Каспия / ред. И. С. Медведик. Элиста, 1996. 417 с.
Собгайда В. Г. Развитие ловещего хозяйства Астраханской губернии в 1925–1926 гг. // *Нижнее Поволжье*. Саратов, 1926. № 1. С. 11–23.
Правда. 1952. 12 октября.
Свод законов и распоряжений № 17 от 26 марта 1930 г. М., 1930.
Сысоев Н. П. Экономика рыбной промышленности СССР. М.: Пищ. пром-сть, 1977. 469 с.

УДК 267

ББК 86.372

**РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ КАЛМЫКИИ
(1990–2010 гг.)***М. Б. Марзаева*

Одной из особенностей духовной жизни современной Калмыкии является развивающийся процесс возрождения традиционных конфессий республики. В связи с этим особую актуальность приобретают исследования религиозных институтов. На данный момент наиболее изучена история православной церкви на территории Калмыцкой степи Астраханской губернии в XIX и начале XX вв. [Дорджиева 1995; Борисенко 1999; Белоусов 2003; 2009], менее — в Калмыкии советского периода [Максимов 2009]. Современное состояние православной конфессии остается не исследованным [Марзаева 2007; Белоусов 2011]. В данной статье рассматриваются основные этапы процесса возрождения православия в Республике Калмыкия. Источником для анализа послужил полевой материал автора, а также сведения из республиканской периодической печати.

История православия в Калмыкии связана с миссионерской деятельностью православной церкви среди калмыцкого населения со второй половины XVII века и произошедшей в XIX в. колонизацией Калмыцкой степи русскими и украинскими переселенцами [Белоусов 2003; 2009; Борисенко 1999; Дорджиева 1995]. Первые православные церкви в Калмыкии были построены в 30–40-х гг. XIX в. В начале XX в. их было уже около 40. В годы Советской власти атеистическая борьба государства привела к разрушениям храмов, репрессиям священнослужителей [Максимов 2009]. К 1940 г. на территории Калмыкии не осталось ни одного действующего православного прихода. Во время Великой Отечественной войны на оккупированной территории Калмыкии была восстановлена деятельность православных церквей в с. Приютном и г. Элисте. Несмотря на многочисленные попытки верующих открыть моленные дома в послевоенные годы, церкви в этих населенных пунктах оставались единственными центрами православной жизни в республике. Демократизация

общественной жизни в стране в 1980-х гг. способствовала изменениям в религиозной политике государства. В 1988 г. в масштабах всей страны торжественно было отмечено тысячелетие крещения Руси.

Переходя к рассмотрению современного состояния православия в Республике Калмыкия, надо отметить, что в Калмыкии православие является традиционной верой русского и украинского населения. Их численность в республике в 2002 г. составляла соответственно 98 115 чел. (33,6 %) и 2 505 чел. (0,9 %) [Численность и размещение населения... 2004: 52]. Православие распространено и в среде титульного населения: его последователями являются потомки крещеных калмыков, межэтнических семей, а также неофиты. Возрождение православия в республике связано с именем первого архиепископа Элистинской и Калмыцкой епархии Зосимой (В. М. Остапенко), который прослужил в республике с 1987 г. по 2011 г.

В истории возрождения православия в Калмыкии в конце XX — начале XXI в. можно выделить несколько периодов. Первый организационный период, который приходится на 1988–1994 гг., характеризуется оживлением религиозной деятельности, активизацией церковно-приходского строительства. Восстановление религиозной жизни общества началось с регистрации новых общин. В это время в храмах значительно увеличилось количество прихожан, среди которых было немало молодежи. В 1994 г. православная молодежь объединилась в движение «Преображение». В этот период было завершено создание организационной базы для развития православия в Калмыкии.

С 1995 г. в истории православия республики начинается новый период, связанный с учреждением Элистинской и Калмыцкой епархий. До этого времени православные церкви Калмыкии входили в состав благочинного округа Ставропольской епархии. На рубеже 1999–2000 гг. была сформиро-

вана церковно-приходская структура епархии, в состав которой вошли 8 приходов.

Особенностью этого периода было активное участие верующих в организации церковной жизни. Их усилия в первую очередь были направлены на благоустройство храмов: ремонт зданий, приобретение религиозных принадлежностей и украшений. Большую помощь в обеспечении культовых зданий всем необходимым оказывали местные органы власти, предприятия, организации. Частные пожертвования производили и отдельные лица. К примеру, на строительство Крестовоздвиженского храма (1995 г.) в с. Приютном крупный вклад внес первый Президент Республики Калмыкия К. Н. Илюмжинов. В этот же период штат церквей был укомплектован местными священниками, которые получили образование в духовных семинариях гг. Белгорода, Ставрополя и Москвы. Свидетельством перехода на качественно новый уровень развития православной епархии стало издание собственной газеты «Православие в Калмыкии» (1997).

Большое значение для молодой епархии имел визит Святейшего Патриарха Московского и всея Руси (1997 г.), который освятил построенный в г. Элисте Казанский кафедральный собор. Главным итогом второго периода является становление православной церкви в Калмыкии как одного из значимых институтов общества.

Для третьего периода (2000–2005) развития православия в Калмыкии характерно завершение процесса реинституализации, возрождения церкви как социального института, выполняющего определенные функции, а также религиозных обрядов.

В это время расширились контакты и связи епархии с другими православными центрами. Традиционными стали паломничества в святые места православия. Первая поездка состоялась в Троице-Сергиевскую и Киево-Печерскую лавры в 2002 г. В 2005 г. православные республики посетили священную гору Афон.

Для верующих важное значение имеет возможность поклониться православным реликвиям, поэтому руководство епархии большое внимание уделяет организации подобных мероприятий для верующих республики. Прибытие каждой из реликвий является большим праздником, поэтому

с 2004 г. сложилась традиция приурочивания таких поклонений к престольному празднику Казанского кафедрального собора. Так, например, впервые в 2004 г. в республику привезли чудотворную икону Матери Божьей Свято-Введенского мужского монастыря г. Киева «Призри на смирение». Во время празднования 10-летнего юбилея епархии в 2005 г. верующие имели возможность приложиться к мощам святого великомученика Пантелеймона, доставленным из Украины.

Период 2000–2005 гг. характеризуется активной проповеднической деятельностью православных богословов. С 2000 г. в республику регулярно приезжает известный проповедник Андрей Кураев. В 2002 г. республику посетил председатель отдела внешних церковных связей Московского Патриарха, митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. В 2005 г. с циклом лекций выступил профессор богословия А. Л. Дворкин. Посещения православных духовных пастырей были обусловлены необходимостью не только религиозного просвещения верующих, но и противодействия протестантскому миссионерству. На наш взгляд, немаловажную роль в организации регулярных просветительских лекций сыграл факт расширения в республике неохристианских организаций нероссийского происхождения. Православное духовенство, обеспокоенное активной миссионерской деятельностью представителей протестантских общин, выступило 3 ноября 2005 г. с инициативой разработки закона «О миссионерской деятельности в Республике Калмыкия» на конференции «Духовная безопасность — основа единства России».

С 2003 г. ежегодно проводятся Кирилло-Мефодиевские чтения, в которых участвует широкая общественность республики [Эрендженова 2005]. Традиционным стало проведение благотворительного праздника Рождественский Сочельник воспитанниками воскресной школы Казанского кафедрального собора г. Элисты, а также концертов, посвященных Масленице и другим праздникам. Для общественных мероприятий епархии характерна их массовость. В конкурсе-смотре творческих коллективов образовательных учреждений «Надежда», организованном епархией совместно с мэрией г. Элисты в

2004 г., приняло участие триста двадцать детей [Элистинская и Калмыцкая епархия 2005: 69]. Представители епархии — активные участники заседаний круглых столов Межрелигиозного Совета традиционных конфессий, созданного в 2004 г.

Анализ развития Элистинской и Калмыцкой епархии (1995–2005 гг.) позволяет сделать вывод, что роль православной церкви в жизни общества значительно возросла по сравнению с предыдущими годами. За этот период православной церковью Калмыкии пройден путь от возрождения историко-культурных традиций до восстановления значимой роли в общественной жизни.

В последние годы (2006–2011 гг.) активная деятельность епархии проявляется во многих сферах общественной жизни республики: системе образования, деле патриотического воспитания, сотрудничестве в области культуры и социальной работы.

Епархия тесно сотрудничает с образовательными учреждениями республики. Во многих школах были открыты классы православной культуры. Первый класс с углубленным изучением православной культуры был организован в элистинской средней школе № 20, а на базе средней школы № 14 была разработана «Концепция православно-ориентированной школы с этнокультурным компонентом». Элистинская и Калмыцкая епархия шефствует над средней школой № 2 и Русской национальной гимназией в столице республики.

В духовном воспитании населения играет значительную роль просветительская деятельность епархии. Важным актом приобщения верующих к православной классической культуре являются культурные общественные мероприятия, проводимые епархией.

На страницах республиканских газет и журналов часто публикуются статьи, интервью с представителями православного духовенства. В средствах массовой информации освещаются события религиозной жизни епархии, а также действует сайт Элистинской и Калмыцкой епархии [www.eparhia-elista.orthodoxy.ru]. В специализированных киосках можно приобрести религиозные книги, периодические издания, диски с тематическими фильмами.

Элистинская и Калмыцкая православная епархия верна российским традициям социального служения Церкви. Ее представителями подписаны двусторонние соглашения с правоохранительными, медицинскими органами и военным комиссариатом. Православные священнослужители ведут работу с заключенными в исправительно-трудовых колониях.

Во взаимоотношениях руководств епархии и республики отражены общероссийские принципы: отношение православия к государственной власти как абсолютной ценности; протекционистское отношение власти к церкви (содействие строительству новых храмов, открытый доступ на каналы общественного радио и телевидения). Представителей православной конфессии приглашают на официальные мероприятия, руководители республики часто присутствуют на открытии и освящении культовых зданий и религиозных мероприятиях.

В 2006 г. епархия внесла предложение разработать республиканский законопроект о миссионерской деятельности, которое не было реализовано в связи с несоответствием с федеральным законодательством [Мосалева 2006].

Весной 2009 г. Элистинская и Калмыцкая епархия провела мероприятие «Весна просвещения», в рамках которого в республику с циклом лекций были приглашены известные богословы А. Кураев и А. Осипов. Руководство епархии организовало акцию-приглашение, призвав представителей протестантских организаций к межконфессиональному диалогу.

В епархии появились и свои реликвии. В 2008 г. Римско-католическая церковь передала Элистинской и Калмыцкой епархии частицы мощей святителя Амвросия Медиоланского. В 2009 г. православная община Калмыкии получила в дар нетленные останки апостола Тимофея из итальянского города Термоли. В 2010 г. в Элисте находилась одна из известных святынь православного мира — Курская-Коренная икона Божией Матери «Знамение».

Элистинская и Калмыцкая православная епархия — это один из динамично развивающихся православных центров Юга России. В планах епархии строительство нового кафедрального собора. Подводя

итоги, можно сказать, что Элистинская и Калмыцкая епархия за сравнительно небольшой срок стала центром нравственного и духовного возрождения. Основная деятельность православной общины, направленная на развитие религиозного мировоззрения, способствует не только пониманию сущности христианской культуры, но и формированию образа жизни, проникнутого высокой моралью и ответственностью.

Литература

- Борисенко И. В.* Православие в Калмыкии. М.: Тип. Патриаршего издател.-полиграф. центра г. Сергиев Посад, 1999. 72 с.
- Белоусов С. С.* Православные приходы Калмыкии в XIX — начале XX в. (1806–1917). Элиста: АПП «Джангар», 2003. 160 с.
- Белоусов С. С.* Становление и развитие приходов Русской православной церкви // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х тт. Элиста: Изд. дом «Герел», 2009. Т. III. С. 292–300.
- Белоусов С. С.* Государственная власть и организация Русской православной церкви на Юге России // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста. 2011. № 1. С. 55–64.
- Дорджиева Г. Ш.* Буддизм и христианство в Калмыкии: опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII — начало XX вв.). Элиста: АПП «Джангар», 1995. 127 с.
- Максимов К. Н.* Религиозная ситуация в 1917–1943 годах // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х тт. Элиста: Изд. дом «Герел», 2009. Т. III. С. 308–343.
- Марзаева М. Б.* Становление и развитие Элистинской и Калмыцкой епархии // Монголоведение: сб. науч. тр. № 4. Элиста: КИГИ РАН, 2007. С. 206–214.
- Мосалева Е.* Быть ли закону о миссионерской деятельности? // Парламентский вестник. 2006. 8 апр. № 12(31).
- Численность и размещение населения РК, национальный и возрастно-половой состав в браке, расположение населения по уровню образования, источникам средств к существованию и по положению в занятии. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 по Республике Калмыкия. Офиц. изд.: в 2 ч. Ч. 1. Элиста: Ком. гос. стат. РК, 2004. 68 с.*
- Элистинская и Калмыцкая епархия. 10 лет. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 96 с.*
- Эрендженнова Н.* В начале было слово // Известия Калмыкии. 2005. 24 мая. № 94 (3572).
- Элистинская и Калмыцкая пархия [Электронный ресурс] // URL: www.eparhia-elista.orthodoxy.ru (дата обращения: 15.07.2011).*

ББК ТЗ (5 Мон) 64-413

УДК 94 (517.3) + 316.46.058.2

СТАНОВЛЕНИЕ МНОГОПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛИИ

М. Самбуудаваа

Современная Монголия и Российская Федерация, на протяжении почти всего XX столетия теснейшим образом связанные между собой, испытывают во многом схожие проблемы в общественно-политическом развитии, среди которых наиболее важной является процесс формирования новых партий и движений и их деятельности.

Вдохновленный идеями и первым опытом по «перестройке», «обновлению» общества, связанными с именем М. С. Горбачева, Ж. Батмунх на XIX съезде Монгольской народно-революционной партии (далее — МНРП) в мае 1986 г. заявил: «Мы должны по-деловому решать назревшие проблемы развития общества, со всей от-

кровенностью и взыскательностью, принципиально и по-партийному честно вскрывать недостатки и упущения, полностью отрешиться от всего, что устарело, мешает движению вперед» [Батмунх 1988: 335].

Большое влияние на руководство и общественность Монголии (МНР) оказало новое мышление, связанное с идеей перестройки в Советском Союзе и способствовавшее росту критики внутренней и внешней политики страны. Наиболее ярко влияние событий СССР проявилось после XIX съезда МНРП. К этому времени возрастной состав МНРП значительно омолодился: около 70 % ее новых членов составляла молодежь до 30 лет. МНРП выступила инициатором перестройки в МНР

на V Пленуме ЦК МНРП 22 декабря 1988 г. В Постановлении V Пленума отмечалась необходимость осуществления «перестройки, которая охватила бы экономику, политическую систему и духовную сферу в целом» [О новых задачах ... 1988].

В 1989 г. был создан Монгольский демократический союз (далее — МДС), выступивший против существующей системы за радикальное обновление жизни. Во главе нового демократического движения в Монголии находились представители интеллигенции: преподаватели высших и средних учебных заведений, научные работники, видные деятели культуры. В составе МДС были представлены различные слои монгольского общества, проявлявшие недовольство из-за ухудшения условий жизни, отсутствия политической свободы, а также массового приезда советских специалистов, гораздо лучше обеспеченных жильем, продовольствием и пр. Зарождение МДС началось с создания различных неформальных групп и объединений, таких как «Новое поколение» («Шинэ үе»), дискуссионные клубы «Ёртөнц» («Вселенная»), Клуб молодых экономистов и др. Политизации монгольского общества способствовал выпуск новых газет и журналов, на страницах которых резко критиковалась внутренняя и внешняя политика МНРП, которая, опираясь на помощь и поддержку СССР, находилась у власти с 1921 г. и на протяжении 70 лет успешно решала вопросы социально-экономического развития страны и становления ее государственной независимости.

Наиболее активно действовали такие массовые организации, как Монгольский союз студентов, Союз монгольских писателей, Монгольский революционный союз молодежи, монгольские профсоюзы. Оценивая их деятельность, Президент Монголии Н. Энхбаяр писал: «Модернизация и информационные технологии воспитали новое поколение свободно мыслящих молодых людей, прагматическую элиту, которые мыслят как в масштабах региона, так и глобально, и не отягощены наследием прошлого» [Энхбаяр 2004: 255].

МДС — это первая организационно оформленная политическая структура, открыто объявившая себя оппозицией МНРП. Поэтому критика, обусловленная

кризисной ситуацией, со стороны МДС развивалась по двум направлениям — против МНРП и против Советского Союза, что, впрочем, не нашло никакого отражения в официальных документах, составляющих правовую базу российско-монгольских отношений [Джагаева 2006: 185–186].

Монгольский демократический союз сформулировал свою политическую программу и выступил с требованием досрочного проведения выборов в Великий Народный Хурал, соблюдения строгой отчетности в своей деятельности перед народом; принятия законов о партиях, о печати, изъятия из текста действующей Конституции 1960 г. пункта о руководящей роли МНРП в обществе; строгого соблюдения прав граждан; реорганизации Великого Народного Хурала в постоянно действующий Парламент и создания при нем выборного Совета по правам человека [Монголын ардчилсан ... 1990: 12–17].

Более того, МДС ставил перед высшими органами власти задачу подведения итогов социально-экономического развития страны за все годы существования МНР и признания правящей партией своих ошибок и заблуждений.

Руководство МНРП не было готово оказать отпор оппозиции, тем более, что митинги и демонстрации проходили везде: на площадях и улицах столицы, на предприятиях и вокзалах, в аймачных центрах, что грозило дезорганизацией всей внутренней жизни страны. VII пленум ЦК МНРП (13 декабря 1989 г.), проходивший в напряженной политической обстановке, обсудил вопрос об основных направлениях социально-экономического развития страны на 1991–1995 гг., а также провел отдельные кадровые перестановки. Вместе с тем участники поддержали идею, впервые выдвинутую на V пленуме ЦК МНРП в 1988 г., — «об ошибочном подходе по отношению к собственности, заключавшемся в реорганизации ряда сельскохозяйственных объединений (кооперативы) в госхозы (огосударствление кооперативной собственности), в роспуске потребительской кооперации, передаче промысловой кооперации в ведение государства. Уступкой общественному мнению было решение Пленума о том, что углубление экономической реформы в целом не представляется

возможным без обновления отношений собственности» [История Монголии 2007: 326].

Выступая на заседании пленума, Ж. Батмунх заявил о том, что членам партии и руководству необходимо освободиться от догм марксистско-ленинского учения. Он поставил вопрос о новом подходе к строительству социализма, необходимости понимания перестройки, обогащения новым опытом социалистического строительства и новым современным мышлением [Батмунх 1990].

Однако проблема, по всей видимости, состояла в том, что руководство МНРП не выработало решений о конкретных практических формах выполнения всех этих сложных задач, не могло воспользоваться советами братских коммунистических партий и фактически осталось со всеми этими острыми проблемами один на один. Этим можно объяснить тот факт, что в целом на пленуме не затрагивались вопросы, связанные с обсуждением уже появившихся признаков политической нестабильности в обществе, назревшего экономического кризиса. Пленум не определил позицию МНРП к продолжавшему набирать силу в стране демократическому движению, которое разворачивалось по всей стране.

28 декабря 1989 г. в стране была создана еще одна новая политическая структура — Социал-демократическое движение. На его базе затем сформировалась Монгольская социал-демократическая партия (2 марта 1990 г.), наиболее радикально настроенная политическая организация, разыгрывавшая «советскую карту». В различных кругах монгольской общественности бурную реакцию вызвал вопрос о долгах Монголии Советскому Союзу. Впервые об этом сообщила газета «Известия» 1 марта 1990 г. Размер долга составлял более 9,5 млрд переводных рублей. Это было использовано демократической общественностью для острой критики экономической политики МНРП и советско-монгольских отношений [Надилов 2002: 124–125].

В целом же в первой половине 1990 г. происходила дальнейшая кристаллизация демократических сил, сопровождавшаяся образованием новых партий и движений при активной поддержке МДС. С декабря 1989 г. и до середины января 1990 г. МДС

организовал и провел в столице не менее пяти массовых митингов населения. В феврале 1990 г. объявил о своем создании Новый прогрессивный союз, а 18 февраля того же года Демократический союз созвал свой первый съезд, на котором была создана Монгольская демократическая партия. В марте 1990 г. сформировались несколько новых политических партий: «Родина», Монгольская новая демократическая социалистическая партия «Гражданская воля» и др. [Джагаева 2006: 188].

Создание многопартийной системы и развитие гласности в Монголии стали движущей силой демократического движения, которое в марте 1990 г. добилось ухода Политбюро ЦК МНРП в отставку в полном составе. Пленум ЦК МНРП (12–14 марта 1990 г.) утвердил роспуск Политбюро старого состава. Одновременно был избран новый председатель ЦК МНРП П. Очирбат, бывший председатель Совета монгольских профсоюзов. На первых президентских выборах в 1996 г. его кандидатура была выдвинута от МНДП и от МСДП, и П. Очирбат стал первым Президентом демократической Монголии [Гольман 1996: 40].

Победа демократической революции в Монголии весной 1990 г. заложила предпосылки радикальных демократических преобразований, призванных коренным образом изменить весь политический строй государства и подготовить условия для социально-экономических преобразований, в частности приватизации государственной собственности.

Становление новой демократической формы правления в первую очередь было связано с изменением характера власти. МНРП, до недавнего времени единственная партия в стране, обладала конституционно закрепленной монополией на власть. Против такого порядка выступили новые политические партии и движения. Выход на политическую арену новых демократических сил не привел к роспуску МНРП, которая сохранила значительное влияние в современном монгольском обществе и имеет реальные возможности для прихода к власти в ближайшей перспективе. В целом политический строй страны стал претерпевать радикальные изменения, которые привели к необходимости не ограничиваться внесением в текст Конститу-

ции МНР 1960 г. хотя и очень важных, но все-таки разрозненных изменений. Поэтому встал вопрос о принятии новой Конституции Монголии.

Важнейшим политическим событием в жизни страны стало принятие новой демократической Конституция Монголии от 13 января 1992 г., вступившей в силу 12 февраля 1992 г. и провозгласившей, что Монголия — это суверенная, независимая республика, высшей целью которой является построение гуманного, гражданского, демократического общества. Декларировалось, что основные принципы деятельности государства состоят в обеспечении демократии, справедливости, свободы, равенства, национального единства и приоритета закона. В соответствии с новой Конституцией устанавливалась многопартийная система [Конституция Монголии 1992].

Согласно ст. 3 Конституции Монголии, вся власть принадлежит народу. Это право монгольский народ осуществляет путем непосредственного участия в государственных делах через избранные им представительные органы государственной власти. Главой государства является Президент, который имеет значительное влияние на правительство и становится Верховным Главнокомандующим Вооруженных сил. Президент избирается на 4-летний срок путем всенародного голосования и имеет право переизбирания еще на один срок. В отсутствие Президента функции Главы государства исполняет Председатель Великого Государственного Хурала. Высшим законодательным органом является однопалатный Великий Государственный Хурал [Конституция Монголии 1992: 3–5].

18 июня 2009 г. в ходе всеобщего голосования Президентом Монголии был избран лидер Демократической партии Цахиагийн Элбэгдорж.

В современной Монголии 17 партий, среди которых основными политическими силами являются МНРП, МНДП, МСДП, Гражданская воля, Партия Зеленых (экологическая), Религиозная демократическая партия (клерикально-либеральная) и др. Наиболее крупными и влиятельными

являются МНРП, которая была создана как Монгольская народная партия в июле 1920 г. на основе слияния двух подпольных революционных кружков, и Национально-демократическая партия (НДП), образованная в 1992 г. на базе слияния ряда либерально-консервативных партий и группировок и переименованная в 2001 г. в Демократическую партию.

Следует отметить, что нерешенность многих социальных проблем в начале XXI в. правительством, составленным из членов МНРП, стала причиной успеха оппозиционного ей блока «Родина-Демократия» на выборах 2004 г., многие члены которого уже до этого успели побывать (не вполне успешно) на правительственных постах. Так, в разные годы на постах премьер-министров и министров Монголии были такие видные деятели демократических сил, как М. Энхсайхан, Ц. Элбэгдорж, Р. Амаржаргал, Б.-Э. Батбаяр.

В Монголии за последние десятилетия на парламентских выборах основную роль играли и продолжают играть две основные политические силы: МНРП, отошедшая на рубеже 1980–1990 гг. от коммунистической идеологии в сторону социал-демократических ценностей, и Демократическая партия, как правило, блокировавшаяся в период выборов. Наметившаяся в первой половине 2000 г. тенденция к превалированию в Парламенте членов МНРП была прервана результатами парламентских выборов 2004 и 2010 гг., приведшими к фактически равному партийному составу Великого Государственного Хурала: МНРП и блока оппозиционных партий «Родина-Демократия» [Монголия 2011].

На наш взгляд, усугубление проблем в социально-экономической сфере, относительно высокий уровень коррупции в высших эшелонах власти страны являлись источником постоянной смены состава правительства и парламента, резких перемен в общественных настроениях и симпатиях к политическим партиям, а также появления и популяризации «новых внесистемных» движений типа «Движения за здоровое общество», «Движение за национальные реформы» [Голосков 2006].

Литература

- Жамбын Батмунх.* Избранные статьи и речи. М.: Политиздат, 1988. 420 с.
- О новых задачах по совершенствованию организационно-партийной и идеологической работы. Постановление V Пленума ЦК МНРП // Новости Монголии.* 27.12.1988.
- Энхбаяр Н.* Стабильность и процветание в Северо-Восточной Азии // Транснациональные процессы: XX век. М.: Современ. экономика и право, 2004. 280 с.
- Джагаева О. А.* Развитие российско-монгольских отношений: основные направления, проблемы и перспективы (1921–2005 гг.). Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2006. 318 с.
- Монголын ардчилсан холбооны мөрийн хөтөлбөрийн үндсэн зорилтууд (Основные программные задачи Монгольского демократического союза) // Шинэ толь. № 1. Улаанбаатар, 1990. 160 с.*
- История Монголии XX век. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.*
- Батмунх Ж.* Быть прямым и последовательным // Новости Монголии. 15.04.1990.
- Надилов Ш. Г.* Горбачев и Батмунх: политика «перестройки и обновления» и ее последствия // Россия и Монголия в свете диалога евразийских цивилизаций. М., 2002. 445 с.
- Джагаева О. А.* Развитие российско-монгольских отношений: основные направления, проблемы и перспективы (1921–2005 гг.). Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2006. 318 с.
- Гольман М. И.* По пути демократических реформ // Азия и Африка сегодня. 1996. № 7. С. 38–43.
- Конституция Монголии.* Улан-Батор, 1992. 23 с.
- Голосков К.* Монголия и национал-оранжизм [Электронный ресурс] // URL: <http://www.mid.ru/bdcomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/c8f51e9306a2383343256b4a003f4ee8!OpenDocument> (дата обращения: 17.06.2007).
- Монголия — справочная информация* [Электронный ресурс] // URL: <http://www/mid/ru/ns-rasia/nsf> (дата обращения: 17.06.2007).

АРХЕОЛОГИЯ

ББК Т442.7 (2Рос=Калм)-3+Т442.7(235.7)-3+Т444(2Рос=Калм)-3+Т444(235.54)-3
УДК 904:903.5:94(36)(470.47)

**ТЮРКСКИЙ ПЕРИОД В ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ**

П. М. Кольцов

Северо-Западный Прикаспий, куда входят территория Республики Калмыкия, правобережная часть Астраханской области и равнинная часть Дагестана севернее р. Терек, является одним из регионов России, где с древности сменилось много племен и народов, представлявших разные этнические общности. С раннего железного века в регионе, как и во всей восточноевропейской степи, проживали савроматы и сарматы — представители иранской группы, входящей в более широкую индоевропейскую этнолингвистическую общность. В конце IV в. н. э. в степных районах Восточной Европы произошла смена населения: появились на этой территории тюркоязычные племена, которые под предводительством гуннов заполнили впоследствии всю Европу. Видимо, часть сармато-аланского населения была уничтожена, часть бежала на Северный Кавказ, а остальные присоединились к гуннам в их движении на запад.

Новые переселения гуннов в V в. н. э. привели к перекройке политической и этнической карты Восточной Европы. Племена хайландуров двинулись из Восточного Предкавказья в Западное, акациры попали в зависимость от базилов, которые занимали территорию от р. Сал до р. Кумы. В это время савиры населяли территорию Каспийского побережья, а огоры (угры) разместились между базами и савирами [Гадло 1979: 37–38]. Нестабильность этнической обстановки в степной части Восточной Европы в V–VIII вв. не способствовала сложению какой-либо единой археологической культуры, а в ряде регионов погребальные памятники рассматриваемого периода до сих пор не известны. Выявить тюркский, угорский и собственно гуннский этнический пласт на территории Северо-Западного Прикаспия оказалось довольно сложно. Достаточно сложно проследить судьбу и

прежнего — сармато-аланского населения в гуннское и послегуннское время.

В степях Восточной Европы сармато-аланское население жило до рубежа I и II тысячелетий н. э. [Федоров-Давыдов 1966: 165]. Это же население на территории Северо-Западного Прикаспия продолжало проживать и во время гуннского нашествия. Об этом свидетельствует погребение № 1 кургана № 9 из могильника Заханата в Калмыкии, которое можно отнести к раннетюркскому времени. В насыпи, возведенной в бронзовом веке, было совершено захоронение мужчины, лежащего на спине головой на север с отклонением на северо-восток. Череп деформирован. Справа от погребенного находились череп, четыре ребра и четыре ноги коня, разложенные в анатомическом порядке. Около головы погребенного стоял лепной кувшин с петлевидной ручкой, высоким и суживающимся ко дну туловом, с коротким отогнутым венчиком. Среди инвентаря были также две овальные железные пряжки, односоставные кольчатые удила, костяная подпружная пряжка, каменный оселок. Данное погребение было датировано позднесарматским временем [Шнайдштейн 1985: 88–89]. Основанием для этого послужил сарматский обычай хоронить покойника в вытянутом положении на спине головой на север. У них же был широко распространен обычай деформации черепа.

Между тем, более внимательное изучение некоторых деталей погребального обряда и находок позволяет датировать данное погребение за пределами позднесарматского времени. Об этом свидетельствует, прежде всего, наличие в погребении черепа и четырех ног коня. Они не встречаются в позднесарматских погребениях, но становятся частыми находками в погребениях гуннского и послегуннского времени и отражают изменения этнического состава населения вос-

точноевропейских степей [Засецкая 1971: 61–72]. О том, что рассматриваемое погребение принадлежит представителю сармато-аланского населения, свидетельствует деформированный череп. Обычай деформации черепа, широко распространенный у аланов, сохраняется среди степного населения Северного Кавказа до VI–VII вв. н. э.: в новейших раскопках в районе г. Моздока обнаружены погребения аланов с деформированными черепами. Рассматриваемое нами заханатинское погребение также относится, вероятно, ко времени не ранее VI–VII вв. Дело в том, что среди его инвентаря имеется костяная подпружная пряжка, не свойственная позднесарматским погребениям. Подобные пряжки получали распространение в восточноевропейских степях только во второй половине VI в. в связи с появлением у кочевников седла со стременами [Степи Евразии в эпоху средневековья 1981: 3, 53; 15, 19–21]. Об этом же свидетельствует лепной одноручный кувшин вытянутой формы, с плоским дном, близкий к сосудам кочевников VI–VII вв. [Степи Евразии в эпоху средневековья 1981: 4а, 7, 8] и отличающийся от посуды населения хазарского каганата второй половины VII и первой половины VIII вв. [Магомедов 1983: 112–114]. Следовательно, можно сделать вывод о том, что заханатинское погребение принадлежит одному из представителей сармато-аланского населения Калмыкии, сохранившегося до VI–VII вв. н. э., но испытавшего, судя по захоронению частей коня, влияние тюркского населения, появившегося или вместе с гуннами, или позже [Кольцов 2008: 177].

Археологических свидетельств о пребывании собственно гуннов на территории Северо-Западного Прикаспия пока не обнаружено. Ближайшие захоронения гуннов известны в приморской полосе Дагестана [Смирнов 1951: 14–15; Котович 2008: 129–130; Гмыря 1993: 294–295]. Погребения были совершены в катакомбах, погребальный инвентарь содержал, прежде всего, оружие и наконечники стрел — «свистунки», типичные для гуннской эпохи. Исследователи датируют захоронения концом IV и началом V в.

Появление первых тюрков на Северном Кавказе обычно связывают с «великим переселением народов», когда вместе с гуннами пришли племена болгарского круга — савиры, барсилы и, возможно, хазары [Артамонов 1962: 90]. Однако некоторые исследо-

ватели полагают, что тюркоязычный компонент в пределы Северного Кавказа проник вместе с ранними болгарами уже в первых веках нашей эры [Федоров и др. 1978].

Приведенные выше материалы свидетельствуют о том, что гунны-хайландуры занимали в Северо-Восточном Предкавказье территорию южнее р. Терека. Какие племена обитали в конце IV и первой половине V в. севернее р. Терека, письменные источники не сообщают. Нет здесь и археологических памятников, которые можно было связать с гуннами. Но А. В. Гадло полагает, что с конца IV в. до второй половины VI в. в Северо-Западном Прикаспии обитали акациры, базилы, огоры (угры) и савиры [Гадло 1979; 1986].

Со второй половины VI в. Северо-Западный Прикаспий входит в состав Тюркских каганатов (I каганат — 552–603 гг.; II каганат — 681–745 гг.), в период существования которых до половины VII в. сюда проникали новые группы населения восточного происхождения — тюркюты.

Следующий этап пребывания тюркских племен на территории Северо-Западного Прикаспия связан с Хазарским каганатом, о чем свидетельствуют курганы с подбойными погребениями, которые появились здесь во второй половине VIII в. Среди них выделяются курганы с квадратными ровиками и без них. Первые хорошо сопоставляются с древнетюркскими погребально-поминальными комплексами, которые оставило население, имевшее непосредственное тюркское происхождение. Под земляной насыпью кургана находилась могила с подбоем на четырехугольной или круглой площадке, которую окружал ровик. Костяк человека лежал вытянуто на спине. Часто погребение сопровождалось захоронением коня или его символической «модели» (черепа и конечности ног) со сбруей, заупокойной пищей, керамической посудой, предметами вооружения: саблей, луком, стрелами. Из находок следует отметить удила с S-видными псалиями, глиняную посуду, изготовленную способом ручной лепки, с плоским дном, выпуклыми боками, отогнутым наружу венчиком с косыми или пальцевыми вдавлениями. На отдельных предметах обнаружены прорисовки сюжетных композиций: рисунок из бытовой жизни на поверхности лепного сосуда из кургана № 14 могильника Купцын Толга; бегущие животные на срединной костяной накладке лука из погребения № 2

кургана № 23 могильника Элиста III. В погребении № 11 кургана № 1 могильника Кермен-Толга найден череп лошади с рунической надписью [Шарапова 2009: 59]. По мнению С. А. Плетневой, графика и тюркская руническая письменность стала распространяться в Юго-Восточной Европе с образованием здесь в VIII–X вв. Хазарского каганата [Плетнева 1990].

Погребения, которые могли бы считаться собственно хазарскими, до сих пор не выделены, однако есть предположение, что курганы с подбойными погребениями без ровиков принадлежали этническим хазарам. Е. В. Круглов проанализировал десятки однотипных погребений под небольшими земляными насыпями (63 %) и впускные погребения в более ранние курганы (37 %). Он отмечает, что в могилах с подбоями лежат костяки людей вытянуто на спине, причем без определенной ориентировки. Большинство из них (75 %) ориентировано на запад и юго-запад с отклонениями на северо-запад и юго-запад. Есть также погребения (16%) с ориентировкой на восток с отклонениями на северо-восток и юго-восток. Кроме того, отмечается преимущественное захоронение взрослых мужчин, конных воинов-лучников (80 %) [Круглов 1990: 161].

В качестве ритуальных животных в могилах встречаются лошадь (в погребение помещали череп и 4 конечности, шкуру, узду и седло, что символически означало взнузданное и оседланное животное) или баран (помещали шкуру или целый остов), но чаще в сочетании друг с другом (84 %). Покойника снабжали также запасом жидкой пищи в глиняных сосудах (90 %) и мясом (70 %) [Круглов 1990: 164].

Рассмотренный выше погребальный обряд характеризует сильное смешение остатков сармато-аланского населения с пришлыми тюрками. В обряде уже преобладают характерные для обрядности тюрского населения признаки: западная с отклонениями на северо-запад и юго-восток ориентировка погребенных, преобладание (10 %) в могилах костей лошади над костями барана (6 %). У погребенных уже нет искусственно деформированных черепов [Круглов 1990: 163].

Погребения, аналогичные описанным выше, впервые обнаруженные в Подонье, исследователи связывают с тюрками периода Хазарского каганата, на основании чего Е. В. Круглов считает их хазарскими

[Круглов 1990: 164–165]. Некоторым основанием для этого послужили и письменные сведения о том, что другие племена (берсилы, савиры, огоры, болгары) во второй половине VII в. были вытеснены хазарами из Северо-Западного Прикаспия. С VIII в. там могли кочевать только хазары, среди которых растворились представители тюркского рода Ашина, основавшие правящую династию в каганате.

Кочевнические погребения конца IX–XI вв. в восточноевропейских степях оставлены степными тюркскими племенами — печенегами и огузами, проживавшими ранее в Приаралье. Процесс формирования печенегов и огузов происходил в результате смешения сако-массагетских племен с гуннами, которые со II в. до н. э. до IV в. н. э. кочевали в приуральских степях. Позднее в этнические процессы включились тюрки, объединившие все подвластные им народы в пределы своего огромного государства — Западно-Тюркского каганата (VI–VIII вв.). В IX–X вв. печенеги уходят далеко на запад и вскоре становятся там большой силой, оказывая влияние на политические события во многих государствах Европы.

Характерными погребениями этого времени Г. А. Федоров-Давыдов считает захоронения в узких ямах с ориентировкой человека головой на запад без костей коня и захоронения в узких или широких ямах, с ориентировкой человека головой на запад, но с костями (череп и четыре ноги) или остовом коня [Федоров-Давыдов 1966: 124, 134].

На территории Северо-Западного Прикаспия исследовано более сотни погребений конца IX и середины XI вв., которые можно отнести к печенежско-торческому времени [Кольцов и др. 2008: 20–29]. В погребальном обряде кочевников отмечены следующие основные признаки: наличие околорыткового ровика; могилы прямоугольных форм, иногда с подбоем вдоль южной стенки и ступенькой вдоль северной стенки; положение костяка человека на спине головой на запад; присутствие в могилах коня с ногами, отчлененными по первые суставы.

В хронологическом плане среди них выделяются группы ранних и поздних погребений. В этническом отношении погребения могут принадлежать как печенегам, так и огузам. Последние могли здесь свободно расселиться после разгрома ими совместно

с дружиной великого киевского князя Святослава Хазарского каганата в 965 г.

Погребений половецкого времени (конец XI и первая половина XIII вв.) в Северо-Западном Прикаспии исследовано очень мало. В 1966 г. в регионе не было выделено ни одного погребения половецкого времени [Федоров-Давыдов 1966]. К 1973 г. на территории Калмыкии насчитывалось всего три половецких погребения [Шнайштейн 1973: 215]. В 90-е гг. XX в. число половецких погребений ненамного увеличилось [Васюткин и др. 1995а: 90-106; Васюткин и др., 1995б: 107-160]. Надо также отметить небольшое количество в Северо-Западном Прикаспии каменных изваяний, которые ставились на курганах над могилами аристократов. На этом основании можно считать, что в рассматриваемом нами периоде половцев в регионе было немного. Количество населения в прикаспийских степях (в том числе и половцев) значительно увеличивается с приходом в Восточную Европу монголов.

Таким образом, в период с конца IV по 30-е гг. XIII вв. на территории Северо-Западного Прикаспия население состояло из многочисленных остатков сармато-аланских племен и пришлых вместе с гуннами народов тюркских этнических общностей. В период тюркских каганатов и позже с востока появились угорские (возможно, древнемадьярские) и тюркские группы (тюркюты — основатели каганатов). Тюрки доминировали в регионе вплоть до 30-х гг. XIII в., пока нашествие монголов не положило конец их гегемонии.

Литература

- Артамонов М. И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 523 с.
- Васюткин С. М., Кардонов В. Т., Кольцов П. М. Средневековые погребения Восточных Ергеней // Материалы и исследования по археологии Калмыкии. Элиста: Изд-во КалмГУ, 1995. С. 90-106.
- Васюткин С. М., Кольцов П. М. Средневековые погребения зоны Калмыцкого магистрального канала // Материалы и исследования по археологии Калмыкии. Элиста: Изд-во КалмГУ, 1995. С. 107-160.
- Гадло А. В. Основные этапы этнической истории Калмыцкой степи во второй половине I тысячелетия н. э. // Крупновские чтения: тез. докл. Элиста: Изд-во КалмГУ, 1979. С. 37-38.
- Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа в V-X вв. Л.: Изд-во Ленинград. университета, 1979. 216 с.
- Гмыря Л. Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Могильники. Махачкала: Даг. книж. изд-во, 1993. 365 с.
- Засецкая И. П. Особенности погребального обряда на территории степей Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья в гуннскую эпоху // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 13. 1971. С. 61-72.
- Кольцов П. М. Ранние тюрки на территории Северо-Западного Прикаспия // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 2. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2008. С. 177-183.
- Кольцов П. М., Ашкаев М. С. Кочевники Северо-Западного Прикаспия в печенежско-торческое время // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. Вып. 1. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2008. С. 20-29.
- Котович В. Г. Об этнической принадлежности раннесредневековых катакомбных захоронений Прикаспийского Дагестана // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения, 1971-2006. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008. С. 129-130.
- Круглов Е. В. Подкурганные захоронения калмыцко-астраханских степей хазарского времени // Проблемы археологии Юга Восточной Европы. Элиста: Изд-во КалмГУ, 1990. С. 150-171.
- Магомедов М. Г. Образование Хазарского государства. М., 1983. 224 с.
- Плетнева С. А. Хазарские проблемы в археологии // Советская археология. М.: Наука, 1990. № 2. С. 77-91.
- Смирнов К. Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948-1949 гг. // Материалы исследований по археологии СССР. № 23. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. С. 226-272.
- Степи Евразии в эпоху средневековья // Серия «Археология СССР». М.: Наука, 1981. 305 с.
- Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.
- Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М.: Изд-во МГУ, 1978. 296 с.
- Шарапова Е. П. Под властью хазарского кагана // Сокровища культуры Калмыкии. Серия «Наследие народов Российской Федерации». Республика Калмыкия. М.: Научно-информационный издательский центр, 2009. С. 58-63.
- Шнайштейн Е. В. Позднекочевнические погребения на территории Калмыцкой АССР // Этнографические вести. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. № 3. С. 212-229.
- Шнайштейн Е. В. Раскопки курганный группы Захана // Древности Калмыкии. Элиста: КНИИФЭ, 1985. С. 70-93.

ЭТНОЛОГИЯ

УДК 392.91

ББК 63.5 (2Рос=Калм)

**КАЛМЫКИ-ЦААТАНЫ:
К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
И ЭТИМОЛОГИИ ЭТНОНИМА***

Э. П. Бакаева

Вопросы этнической истории ойратских народов остаются до настоящего времени недостаточно исследованными. Сложный этнический состав, многоуровневая идентичность ойратских по происхождению групп определили необходимость решения целого ряда проблем, связанных с их генезисом.

Сложение калмыцкого этноса происходило в обозримый исторический период из разных этнических групп ойратов, представлявших основные этнополитические объединения — торгутов, дербетов, хошут.

Этническая группа *цаатн* (цаатан) известна в Калмыкии и Монголии, что, вероятно, свидетельствует о ее древнем происхождении: единый этноним может рассматриваться как аргумент этногенетического родства.

Цаатаны среди калмыков являются этнической группой, входящей в субэтнос торгутов. В составе цаатанов выделяются следующие подгруппы: *баһ-цаатн* (бага-цаатаны), *ах-цаатн* (аха-цаатаны), *ик-цаатн* (ики-цаатаны), *эркетн-цаатн* (эркетен-цаатаны), *цаатн* (просто цаатаны), *керэд-цаатн* (керыд-цаатаны), *гурвуд-цаатн* (гурвуд-цаатаны), *хөрнәхн-цаатн* (хорняхин-цаатаны).

Цаатаны входили в улус наследников Аюки-хана — его сыновей Чакдорджаба и Гунделека. Чакдорджаб как наследник получил от отца 8 тыс. семей калмыков, относившихся к керядам (*керэд*) и ики-цаатанам [Митиров 1998: 201] и называвшихся вместе «зюнами», или «зюневым улусом» [Очиров 2009а: 101–113]. Бага-цаатаны были выделены во владение Гунделека.

В последующем ики-цаатаны («большие цаатаны») оказались разделенными между сыновьями Чакдорджаба. Так, согласно «рописи Барятинского» (документа по учету состава улусов каждого из владельцев, составленного в 1733 г. князем И. Ф. Барятинским), они находились во владении Баксадая-Дорджи¹ (700 семей), Данжин-Дорджи², Дорджи-Раши, Бату³ и Добчина⁴ (по 500 семей), Гончук Джаба⁵, а также Бодонга⁶ (по 200 семей); Чидан⁷, внук Чакдорджаба, сын Досанга, владел 600 семьями «больших цаатанов»⁸ [Очиров 2009б: 89–91].

Бага-цаатаны после смерти Гунделека перешли под опекунство Даши-Бирюнь (поскольку ее сын Дамрин Бамбар был болен),

¹ После крещения принял имя Петр Тайшин. Кроме ики-цаатанов, у него во владении также были керяды — 100 кибиток, Баахан эмчин шабинеры — 100 кибиток, кетчинеры — 170 кибиток [Очиров 2009а: 90].

² Владел также хошутами — 700 кибиток.

³ Владел также кетчинерами — 300 кибиток.

⁴ Он же Солом-Добчин.

⁵ В архивных документах встречается вариант написания этого имени «Гюнцук-Джап».

⁶ Бодонг также владел керядами — 400 кибиток, замутами — 100 кибиток.

⁷ Во владении Чидана также были керяды — 1 100 кибиток, цорджин шабинеры — 500 кибиток, кетчинеры — 300 кибиток.

⁸ Ко времени составления документа поданные погибшего к тому времени сына Чакдорджаба — Нитар-Дорджи — находились в управлении Баксадая-Дорджи. Дондук-Даши владел керядами, и лишь затем к нему перешли бага-цаатаны. Другой сын Чакдорджаба — Басурман-тайджи — владел 200 семьями кетчинеров. Еще одному сыну Яндыку (Солом-Цонджалу) достались 200 семей керядов согласно разделу наследства Чакдорджаба в 1724 г. [Бакунин 1995: 34, 48; Очиров 2009а: 96].

* Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-21-03003.

а затем — хана Дондук-Даши⁹ и впоследствии были включены в улус наместника Убаши [Авляев 2002: 118]. Ко времени составления «росписи Барятинского» бага-цаатаны находились под опекой Дондук-Даши, у которого их числилось 3 500 кибиток, управлявшихся зайсангами Байсхалангом и Джамьяном [Очиров 2009б: 90].

В древнем составе торгутов К. Костенков выделял группы барун, зюн, керет, цатан и зюнгар [цит. по: Митиров 1998: 321]. Как считают исследователи, термином «зюн» обозначалось левое крыло торгутских улусов (в него входили подвластные старшего сына Аюки хана — Чакдорджаба), термином «барун» — табун-отоки Дорджи Назарова, а центром являлись ханские улусы [Батмаев 2002; Цюрюмов 2007; Очиров 2009а]. Основу этнополитического объединения торгутов составляли этнические группы керядов (*керэд*, у К. Костенкова вариант написания керет) и цаатанов (*цаатн*). Кроме них, в состав торгутов входили багуты (*баһуд*) и эркетени (*эрктн*).

После ухода большей части калмыцкого народа в 1771 г. в пределы Джунгарии цаатаны остались в составе Яндыковского и Эркетеневского улусов. Незначительное изменение в родовом составе улусов выразилось в том, что часть цаатанов стала проживать в Хошеутовском улусе [цит. по: Митиров 1998: 321].

В настоящее время относительно компактно калмыки-цаатаны расселены в Лаганском и Черноземельском районах Республики Калмыкия, а также соседних районах Астраханской области, входивших до 1943 г. в состав Долбанского и Приволжского улусов Калмыцкой АССР. Но в целом состав населения любого из районов республики неоднороден и включает представителей разных этнических групп калмыцкого этноса: география расселения населения Калмыкии XX в. претерпела значительные трансформации вследствие внутренних миграций и консолидации субэтнических групп калмыков.

Особенности хозяйства и языка группы

⁹ Контроль над подданными брата Гунделека Чакдорджаб установил после его смерти, женившись на вдове Даши-Бирюнь и став опекуном над ее сыном Дамрин-Бамбаром. После смерти Чакдорджаба на мачехе Даши-Бирюнь женился его сын Досанг, подчинивший себе бага-цаатанов, но и он вскоре умер. Следующим опекуном Дамрин-Бамбара стал Дондук-Даши. Таким образом бага-цаатаны окончательно перешли в управление потомков Чакдорджаба.

цаатанов Западной Монголии У. Э. Эрдниев считал свидетельствами тюркского происхождения и калмыцких цаатанов [Эрдниев 1985: 27]: на территории Монголии цаатаны «говорят на одном из диалектов тувинского языка», хотя, как отмечалось исследователями, монгольские цаатаны «называют себя уйгурами урянхайского происхождения, а свой язык — уйгурским» [Эрдниев 1985: 27]. Проводившая в XXI в. исследования среди этнических групп Западной Монголии Е. В. Айыжы констатирует, что цаатаны Монголии считают своим родным языком уйгурский, владеют дархатским языком, но между собой изъясняются по-тувински [Айыжы 2007: 18].

У. Э. Эрдниев отмечает, что цаатаны — это не самоназвание тувинцев-оленьеводов, а название, данное им монголами, тогда как у калмыков оно стало самоназванием [Эрдниев 1985: 264]. Происхождение термина ученый связывал с их занятиями оленеводством: в монгольском языке термин *цаа* («цаа буга») означает «северный олень» [БАРМС 2002: 238]. При этом интересно отметить, что *Таа* — это почтительное обращение монгольских цаатанов к божеству Цаган эбуген (Белому старцу). Согласно мифологическому преданию, первого прирученного оленя народу цаатан дал Таа бурхан, наказав при этом оберегать оленей и получать от них блага [Батчулуун 2004: 11].

Как отмечает Е. В. Айыжы, в Монголии насчитывается несколько этнических групп тувинского происхождения, обобщенно называемых урянхайцами: алтайские урянхайцы; урянхайцы-мончаки (Г. Н. Потанин называл их *кок чулутун* — по-монг. ‘люди синих камней’), или сойоны; хотогойты; хубсугульские урянхайцы; мингаты; дархаты; а также цаатаны Ринченлхумбо сомона Хубсугульского аймака (около 200 человек) [Айыжы 2007: 17–19]. М. В. Монгуш также причисляет цаатанов к тувинцам Монголии [Монгуш 2010]. Таким образом, тувинские исследователи считают, что монгольские цаатаны по своему происхождению тувинская этническая группа, и в этом вопросе они солидарны с Л. П. Потаповым [Потапов 1961]. Согласно У. Э. Эрдниеву, группа калмыков-цаатанов также имеет тюркские истоки.

Имеется и иное мнение о происхождении группы цаатанов-калмыков. Так, Г. О. Авляев пришел к выводу, что они име-

ют монгольское происхождение, поскольку цаатаны Западной Монголии входят в состав монголов-дархатов [Авляев 2002: 119]. Однако в этногенезе дархатов принимали участие самодийские, тюркские и монгольские элементы, этот народ рядом исследователей рассматривается в качестве омонголившихся тувинцев. Е. В. Айыжы называет дархатов Хубсугульского аймака «группой тувинцев» [Айыжы 2007: 19].

Основываясь на положении, что цаатаны-калмыки — монгольская группа, Г. О. Авляев выдвинул гипотезу о том, что этнические группы калмыков цаатан и хойт имеют общее происхождение [Авляев 2002: 119–120], обосновал ее общностью родовых маркеров: тамга (знак собственности) рода аха-цаатан, проживавшего в Батутовском аймаке Яндыковского улуса — «хош-алха» (сдвоенный молоток) — совпадает с тамгой хойтов из Хошеутовского улуса, представляющую собой молоток, т. е. «алха-тамга» (молоток-тамга) [Небольсин 1852: 17–19]. Он предположил, что термин цаатан — это сокращенная форма слова цагатан в значении «обладающие чем-то белым», вероятно, это связано с названием цаган туг хойт ‘хойты с белым знаменем’ [Авляев 2002: 120]. С ним согласен Н. Н. Убушаев, отмечающий, что ойраты из племени хойт являлись хранителями белого знамени Чингис-хана, увезенного, согласно преданию, его дочерью Цецейкен, выданной замуж за потомка хойтского предводителя. «Имя „цаган туг хойт“ известно среди других народов. Л. П. Потапов среди алтайцев отмечает сеок (род) Чагандык и объясняет их имя названием реки Чаган, на которой они проживают. Однако алтайский ученый Н. В. Екеев в слове Чагантик (Чагандык) видит „Чагантик“ и допускает, что чагантики являются частью хойтов, вошедших в состав теленгутов в середине XVIII в.» [Убушаев 2006: 18–19]. По мнению Н. Н. Убушаева, гипотеза о сближении термина хойт с названием древних самодийских групп *сойот* ~ *сойит* не лишена основания, т. к. родоплеменное название *сойоны/сойоты* было распространено в Южной Сибири; в XVIII–XIX вв. и даже гораздо раньше — в XVII в. — русские называли сойотами всех тувинцев [Убушаев 2006: 17]. Этногенетическую связь между этнонимами хойт/хойит и сойан/сойонг допускает и Н. В. Екеев, поскольку, например, в бурятском языке переход начального *c* в спирант *h* (*x*) является вполне

закономерным явлением: «С большой долей вероятности можно утверждать о том, что этноним *хойт/хойут* является производным от этнонима *сойот/сойан/сойонг*» [Екеев 2008: 96].

Если рассматривать возможную взаимосвязь этнонимов хойт (хойит) и сойот (учитывая встречающееся в некоторых монгольских и тюркских языках чередование *c/h(x)*, то необходимо помнить, что в основе термина сойот ученые видят название горного массива Саяны. В формировании самих сойотов Н. Л. Жуковская выделяет три этнических пласта: самодийский, тюркский и монгольский [Жуковская 2002: 117]. Родственными сойотам являются тофалары Иркутской области, тувинцы Тоджинского кожуна Республики Тыва и цаатаны Хубсугульского аймака Монголии [Монгуш 2010: 192]. Оленеводство самодийского типа, характерное для тофаларов и тоджинцев, восходит к оленеводству саянского типа, которое известно цаатанам и дархатам Монголии. Таким образом, признание гипотетической связи между хойтами и цаатанами, а также в древности между хойтами и сойотами означает признание положения о том, что и хойты, и цаатаны в основе являются тюркоязычными группами, которые подверглись влиянию в различной степени монголоязычных групп. В этой связи небезынтересно отметить, что хотогойтов ряд исследователей относит к тувинским группам (например, см.: [Айыжы 2007]), а Н. В. Екеев предлагает рассматривать значение этнонима как ‘пришлый хойт’ [Екеев 2008: 96].

Хойты, как и батуты, относятся, как выяснил на основе анализа письменных источников Х. Окада, к древнейойратской группе западных монголов. Поэтому наличие общего клича у цаатанов и батутов может свидетельствовать о правоте ученых, считающих этнические группы цаатанов и хойтов родственными. Но цаатаны входят в состав субэтноса калмыков-торгутов, которые, согласно письменным источникам, являются в основе народом керейтского, или южно-монгольского, происхождения (истоки от керядов, или *керэд*). Различие в группах керядов и цаатанов отражено в бытовании этнонима, обозначающего группу цаатанов: *керэд-цаатн*.

Пролить свет на проблемы происхождения калмыцких цаатанов может анализ особенностей их языка. Н. Н. Убушаев, вы-

деляя в диалектной системе современного калмыцкого языка три территориальных говора (торгутский, дербетский и бузавский), относит цаатанский подговор к торгутскому говору наряду с оренбургским, уральским и хошутским подговорами [Убушаев 2010: 6–7]. На этом основании исследователь утверждает, что происхождение цаатанов связано как с этнической группой хойтов, так и с субэтносом торгутов. По его свидетельству, знаток культуры ойратов, ученый из КНР Ш. Норбо приводил пословицу, иллюстрирующую родство кереитов и цаатанов: *керэ шаазна хойр өрөлгин йиллһ, керэд цаатн хойр үгин йиллһ* ‘ворона и со- рока – различия в перьях, кереиты и цатаны – различия в словах (названиях)’ [Убушаев 2006: 20]. Совместное проживание керядов и цаатанов на одной территории, этнокультурные контакты между этими двумя группами не могли не обусловить постепенное стирание различий в их культуре.

Сходство с цаатанским «чакающим» подговором торгутского говора имеет язык сарт-калмыков (или каракольских калмыков, этнической группы, представители которой проживают в ряде сел и г. Пржевальске в Иссык-Кульской области Кыргызстана). Мнение о том, что язык сарт-калмыков является одним из говоров калмыцкого языка, высказывал Э. Р. Тенишев [Тенишев 1976: 87]; он не был согласен с утверждением Д. А. Сусеевой о том, что язык сарт-калмыков нельзя относить к калмыцкому языку на том основании, что их предки не участвовали в формировании калмыцкого этноса [Сусеева 1973: 42–43; цит. по: Тенишев 1976: 86]. Д. А. Павлов, системно описавший язык сарт-калмыков, считал, что они являются калмыками-торгутами и относятся к группе цаатанов [Павлов 1985: 109]. Н. Н. Убушаев, включающий язык сарт-калмыков в классификацию диалектных вариантов калмыцкого языка, отмечает: «Носители этого языка придерживаются у-, ү-вариантов, например: *хубчун* «одежда», *хурву* «три», *сумун* «стрела», *үвүл* «зима», *үмсүн* «зола». Наблюдается сохранение следов заднерядного гласного [и] ... Основной фонетической особенностью их языка является отсутствие согласного [ц] и повсеместное употребление аффрикаты [ч] ... Морфологическая особенность: помимо аффиксов -ин, -н, -а, -э широко используются -ан, -эн ... [имеются] лексические особенности...» [Убушаев 2010].

В историографии происхождение этнической группы сарт-калмыков связывалось и с ойратской по происхождению этнической группой олётгов. Еще А. В. Бурдуков писал, что, по преданиям каракольских калмыков, их предки олётгы до распада ойратского государства кочевали в районе г. Токмака по р. Чу [Бурдуков 1935: 37]. Во времена разгрома Джунгарского ханства ойраты откочевали в разные стороны, и родоначальники каракольских калмыков — Бакша и Ошур (торговцы-узбеки, или хотоны, женившиеся на олётках) и их спутники Теке и Тюгулбай — поселились со своими людьми на р. Или. Затем последовало еще несколько переселений, а после проведения в 1882 г. границ между Китаем и Россией кочевья сарт-калмыков остались на российской стороне; в 1884 г. они откочевали на места, где их посетил А. В. Бурдуков в начале XX в. («по Караколу и Чельпеку»). В документах они были зафиксированы как сарт-калмыки; «до тех пор они носили общее название кара-калмыков, сами же себя называли всегда олёт» [Бурдуков 1935: 54].

В. П. Санчиров, рассматривая этимологию термина *олёт*, отмечает, что племенное объединение олётгов (элётгов) сформировалось в XV в. под властью выходцев из аристократического рода *чорос*; в XVII в. олётгы разделились на джунгаров и дербетов [Санчиров 2011: 114]. Он отмечает два предлагавшихся учеными значения этнонима: от слова «мощный, крупный» (в значении «самое крупное племя ойратов») [Altanorgil 1987; цит. по: Санчиров 2011: 114] и как обозначение родства по свойству княжеских домов хойтов и чоросов [Okada 1987], во втором случае слово *олёт* рассматривается как собирательный термин, который относился как к древнеойратским группам хойтов и батутгов, так и к древненайманской группе чоросов (дербетов и джунгаров (зюнгаров), так как последнее название дано олётгам в XVII в. по их месту в построении войска ойратов). В состав всех перечисленных групп могли быть включены тюркские этнические компоненты.

Рассмотрим отдельные этнические маркеры цаатанов-калмыков во взаимосвязи с анализом их происхождения.

Сходство этнической маркировки с другими группами торгутов у цаатанов наблюдается в признании общего этнонима торгут и в цветовой символике сакрального маркера родов — *өлгү*. Как и у практически всех

родов торгутов, у цаатанов цвет *өлгү* — белый и синий либо белый и голубой.

Отличия наблюдаются в следующих маркерах: уранах (кличах); части животного, приносимой в жертву огню во время ритуала *һал тәәһһи*.

В социуме, традиционно представляемом символически в виде сочетания «костей» (родов) и «сочленений» (поколений) сакрального животного, выбор части туши жертвенного животного как знака «кости» (*ясн*) является семантически важным в ритуале жертвоприношения огню, имеющем истоки в промысловой и тотемистической обрядности. В среде торгутов распространен обычай принесения в жертву огню выступающих в качестве маркеров родовых и этнических групп трех костей: обязательно грудинной кости, а также передней или задней берцовой кости и/или реберной части туши. Этноразличительным признаком цаатанов является обычай предания огню головной части туши жертвенного животного. Такая традиция характерна для ряда групп калмыков-дербетов и джунгаров, этногенез которых связан с ойратами-чоросами (чоросами). По мнению А. Ш. Кичикова, разделяемому ойратоведом В. П. Санчировым, именно эти два последних этнонима имеют тюркское происхождение, что объяснимо наличием тюркского компонента в этногенезе древних ойратов [Кичиков 1978: 79; Санчиров 2010]. В целом сложение ойратов происходило в регионе, населенном до прихода монгольских групп тюркскими этническими группами.

Учитывая вышеизложенное, рассмотрим этимологию одного из этнонимов, обозначающих монгольских цаатанов, во взаимосвязи с ураном калмыков-цаатанов.

Специфика субэтнуса торгутов состоит в том, что среди торгутов существовал единый уран *ааг* (*ак*) в отличие от калмыков-дербетов, у которых ураны отличаются у разных этнических групп, входящих в этот субэтнос. Но цаатаны, будучи составной частью субэтнуса торгутов, имеют собственный уран, сходный также с ураном батуттов, — *Туула тоха* или *Туулан тоха*. Краткий клич имеет и развернутую форму, в которой определяются другие признаки этнической группы: у цаатанов — *Туула тоха урата, шар моңһл яста* ('С ураном «локоть зайца», с костью желтых монголов'); у батуттов Яндыковского улуса [Авляев 2002: 125] — *Туула тоха урата, баһ моңһл яста*

('С ураном «локоть зайца», с костью «малых» монголов').

Рассмотренные положения о взаимосвязи ойратских групп хойтов, олёттов, цаатанов, батуттов, а также наличие общего урана у двух последних групп позволяют сделать вывод о возможном этногенетическом родстве хойтов, батуттов и цаатанов и вхождении их на раннем этапе в одно этнополитическое объединение олёттов с чоросами (от которых ведут начало дербеты и джунгары). Но возможно также, что знаком этногенетического родства с древними кереитами является сходство кличей: уран калмыков-кереитов — *туула*.

По результатам анализа письменных памятников Х. Окада сделал вывод о выделении среди ойратов древнеойратской (хойты и батуты), найманской (джунгары, дербеты), кереитской (торгуты), баргутской (баргу-бурааты) и восточномонгольской (хошуты) групп [Okada 1987: 181–211], участвовавших в сложении общности. Перечисленные древние группы в последующие века находились в тесных контактах, что обусловило их взаимопроникновение и консолидацию их представителей в рамках единого калмыцкого этноса.

Однако отдельные элементы архаичной культуры, зафиксированные в условиях относительно изолированного обитания калмыков в течение ряда веков от остального монгольского мира, сохранили свидетельства древних этногенетических контактов их предков. В данном контексте весьма интересно сопоставление урана цаатанов и батуттов, который, вероятно, являлся общим и для хойтов, с этнонимом, сохранившимся у монгольских цаатанов.

В Монголии самоназвание тувинских по происхождению групп звучит различно в зависимости от их локализации: *дъы-ыва* — у цэнгэльских тувинцев, *дыва* — у кобдоских. Хубсугульские тувинцы известны под названием *туха*, их также называют цаатанами [Монгуш 2010: 212]. Таким образом, у монгольских цаатанов бытует два варианта самоназвания: *туха* и *цаатан*. Данный факт может свидетельствовать о том, что слово *тоха* в уране калмыков-цаатанов — вариант произношения древнего этнонима, косвенно свидетельствующего о тюркском происхождении предков калмыцких цаатанов: смена гласных *о/ө* и *у/ү* характерна для диалектов калмыцкого языка (*горвн* — *гурвн*, *өвл* — *үвл* и т. д.). С учетом

того, что *туула* — уран керядов, представителями которых были ханы и нойоны в Калмыцком ханстве, словосочетание *туула тоха* [*туха*] могло символизировать общность двух этнических групп — керядов и цаатанов, составивших часть субэтнуса торгутов.

В этой связи примечательно, что название *кок мончак*, которым обозначают китайских тувинцев, исследователи переводят и как 'синее ожерелье', и как 'голубые шнуры', или 'голубые ленты', так как, согласно легенде, когда-то представителей этой группы тувинцев отличали от других жителей региона по синим лентам, которые они носили на шее [Монгуш 2010: 213]. Как видим, у тувинских по происхождению групп встречаются маркеры, которые имеют сходство с сакральными маркерами цаатанов-калмыков.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы.

Исходя из сходства сакральных символов в ритуале *һал тәэлһн*, можно сделать заключение о родстве «по кости» калмыков-цаатанов и калмыков-дербетов, культура которых восходит к цоросам (чоросам) и джунгарам (зюнгарам), в сложении которых значительное место занимал тюркский компонент. Однако этот факт может быть рассмотрен и как свидетельство того, что цаатаны (как часть хойтов) и батуты находились в одном союзе еще с XV в. с цоросами-олётами, с XVII в. получившими название джунгары.

С учетом результатов анализа клича (урана) следует не исключать возможность смены слов *туха* и *тоха*, помня о вариативности гласных *y/у* и *o/ө* в словах калмыцкого языка. Этот факт может являться подтверждением наличия тюркского субстрата у группы цаатанов. Тем более, что в легенде о родоначальниках сарт-калмыков-олётов (с языком, имеющим сходство с цаатанским подговором калмыцкого языка) фигурируют четыре человека, называемых хотонами.

Важно отметить также знаковую роль синего цвета в сакральных маркерах калмыков-цаатанов и тувинских «кок-мончаков». Синий цвет лент у цаатанов используется в сакральных маркерах *өлгц* (имевших форму полосок ткани либо лент/шнуров и даже халатов), которые были двух цветов — белого и синего/голубого. Такие *өлгц* характерны для калмыков-торгутов, а синие шнуры или полоски ткани — отличительный знак «кок-мончаков» — тюркской группы.

Таким образом, существуют различные варианты этимологии этнонима цаатан и соответственно по-разному рассматривается их происхождение, но в каждом из вариантов отмечается присутствие тюркских компонентов в их этногенезе. Если цаатаны — группа хойтов, то в их этногенезе, кроме монгольского суперстрата, возможен тюркский и даже самодийский субстрат. В пользу этого свидетельствует сходство знаков собственности (тамги) у цаатанов и хойтов, общий уран цаатанов и батутов. Если цаатаны имеют отношение к олётам (что можно заключить исходя из анализа ритуалов с огнем¹⁰), то необходимо учитывать, что наличие тюркского компонента доказано рядом ученых в этногенезе племени чорос. Если же цаатаны, как можно судить исходя из общего этнонима, связаны происхождением с предками тувинцев, то возможно рассмотрение урана цаатанов и батутов *туулан тоха* как варианта *туула туха*, где *туула* — уран керядов, *туха* — вариант слова *тува*. Таким образом, уран *туула тоха* может обозначать: 1) «локоть зайца» как тотемного животного, 2) «тува керядов» [группа тувинского происхождения, относящаяся к торгутам-керядам].

В составе ряда тюркских и монгольских народов встречаются этнические компоненты, сложившиеся в результате монголизации тюркских или тюркизации монгольских групп, к примеру, многие роды в составе бурят некогда были тюркскими, что подтверждается исследованиями по исторической этнографии и ономастике. Как отмечает исследователь бурятской этнической истории П. Б. Коновалов, в отношении ойратов и калмыков «подобная постановка вопроса представляется не менее, а, может быть, более актуальной, поскольку этническая история протекала в еще большей близости с тюркским ареалом и условия их формирования были совсем иными» [Коновалов 2011: 20]. Бурный этап истории ойратов, когда они активно участвовали в событиях военно-политической истории Монгольского государства, повлиял на трансформации в этническом составе ойратов. На этом этапе ойраты контактировали с остатками племен, попавших в орбиту Монгольской империи, в том числе тюркского происхождения. Од-

¹⁰ Примечательно также, что среди «костей» (ясун, или овог) олёт (өөлд) Монголии, наряду с другими, отмечаются элжигэд/илжгэд, цорос, шармонгол, цагаан туг, хойд и др. [Екеев 2008].

нако и на более раннем этапе, будучи расселенными на сопредельных территориях, предки ойратов могли входить в контакты с тюркоязычными группами, в результате которых сложились монголоязычные общности. Потому вполне вероятны гипотеза о сойотско-хойтском родстве, основанная на данных ономастики, а также гипотеза о возможном происхождении цаатанов от хойтов и тюркско-уйгурском происхождении цаатанов Монголии. В этом аспекте с нашим выводом принципиально согласуется вывод П. Б. Коновалова о том, что этногенез и этническая история ойратов и калмыков, а также баргу-бурят «напрямую связаны с этносами, вышедшими из Уйгурского каганата, нежели с шивэй-монгольскими пришельцами» [Коновалов 2011: 29].

В то же время необходимо отметить, что рассмотрение сложных вопросов этногенеза различных групп, вошедших в состав калмыцкого народа, показывает их взаимное проникновение и высокую степень консолидации калмыцкого этноса.

Литература

- Айыжы Е. В. Тувинцы Кобдоского аймака Монголии: этничность и культура. Кызыл: Тувинск. кн. изд-во, Тип. КЦО «Аньяк», 2007. 84 с.
- БАРМС — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х тт. Т. 4. М.: Academia, 2003. 532 с.
- Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особенно из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев: Сочинение 1761 года / вступ. ст. М. М. Батмаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 158 с.
- Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 400 с.
- Батчулуун С. Образ Цаган эбугена — Хозяина Земли в искусстве монголоязычных народов: Монголия, Калмыкия, Бурятия: дис. ... на соиск. уч. степ. канд. иск. Екатеринбург, 2004. 208 с.
- Бурдуков А. В. Каракольские калмыки (сарт-калмыки) // Советская этнография. 1935. № 6. С. 47–73.
- Долбежев Б. В. Судьба калмыков, бежавших с Волги. СПб., 1913. 161 с.
- Екеев Н. В. Ойраты и алтайцы: этнические и этнокультурные связи и параллели // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 2. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2008. С. 92–102.
- Жуковская Н. Л. Сойоты Бурятии. История забвения и возрождения // Кочевая цивилизация Великой степи: современный контекст и историческая перспектива. Мат-лы Междунар. науч. конф. и Междунар. науч. форума. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 122–126.
- Кичиков А. Ш. О лингво-исторических реалиях термина ойрат // Типологические и художественные особенности «Джангара». Элиста: КНИИЯЛИ, 1978. С. 74–80.
- Коновалов П. Б. Об ойратско-бурятской этноисторической общности: историко-археологическое исследование // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2011. № 2. С. 20–32.
- Митиров А. Г. Ойраты — калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 384 с.
- Монгуш М. В. Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака: Национал. музей этнол., 2010. 358 с.
- Очиров У. Б. Этнический состав «зюнов» торговых улусов Калмыцкого ханства в 1-й половине XVIII в. // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Элиста: КИГИ РАН, 2009а. С. 101–113.
- Очиров У. Б. Роспись князя И. Ф. Барятинского 1733 г. как источник по этнической и демографической истории калмыков // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Элиста: КИГИ РАН, 2009б. С. 87–100.
- Павла Д. Хар холын хальмгуд // Проблемы современных этнических процессов в Калмыкии. Элиста: КНИИ ИФЭ, 1985. С. 107–116.
- Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М.: Глав. ред. вост. лит., 1969. 402 с.
- Санчилов В. П. Об этимологии главных ойратских этнонимов // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Мат-лы Междунар. научн. конф.: в 2-х ч. (г. Элиста, 20–23 сентября 2011 г.). Ч. II. Элиста: КИГИ РАН, 2011. С. 110–116.
- Сусеева Д. А. К проблеме соотношения калмыцкого языка и калмыцких диалектов // Совещание по общим вопросам диалектологии, истории языка: тез. докл. и сообщ. (Ереван, 2–5 октября 1973 г.). М., 1973. С. 42–43.
- Тенишев Э. Р. О языке калмыков Иссык-Куля // Вопросы языкознания. 1976. № 1. С. 82–87.
- Убушаев Н. Н. Проблема сложения диалектной системы калмыцкого языка и ее функционирование: автореф. дис. ... на соиск. уч. степ. д-ра фил. наук. М., 2010. 66 с.
- Убушаев Н. Н. К вопросу этногенеза хойтов // Научная мысль Кавказа. 2006. № 3. Спецвыпуск. С. 17–21.
- Хойт С. К. Об этнониме хойт [Электронный ресурс] // URL: <http://journal.iea.ras.ru/online/> (дата обращения: 10.09.2010).
- Цюримов А. В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 464 с.
- Эрдниева У. Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. 3-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 282 с.
- Okada H. Origins of the Dorben Oyirad // Ural-Altaische Jahrbücher. Neue Folge. Band. 7. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1987. S. 181–211.

**О РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ
ДРЕВНИХ ТЮРКОВ И МОНГОЛОВ***Б. А. Бичеев, А. Г. Кукеев*

Возникновение и утверждение древней религиозной системы монголов и тюрков на территории Центральной Азии исследователи относят к периоду перехода к кочевому скотоводству, когда человек отчетливо осознавал свою полную зависимость от сил природы. Попытки поиска гармоничного существования с окружающим миром породили религиозный феномен, который и обозначен термином «тенгрианство». Поиск сакрального смысла бытия, с одной стороны, порождает этот единый центральноазиатский религиозный комплекс, а с другой — разнородные и чрезвычайно отличные виды ментальности. Религиозная общность и различие культурных традиций прекрасно осознавались народами Центральной Азии.

Различные элементы тенгрианства, господствовавшего в течение длительного исторического времени, в той или иной мере сохранились и находят свое отражение в современных культурах разных народов. Известно, что в период распространения христианства протоболгары в качестве высшего божества почитали Тенгри. По свидетельству исследователей, схожие языческие моления «небу и хлебу» сохранились у части современных татар [Литаврин 1988; Викторин 2003; Урусбиева 2003].

Центральный системообразующий образ этой религиозной системы — это высшее и всеобщее божество Тенгри. По представлениям людей того времени, его сущность проявляется в природных феноменах: громе, молнии, грозе и т. п. Одной лишь формой своего существования Тенгри открывает человеку запредельность, силу, вечность. По мнению М. Элиаде, история Высших Существ небесной структуры имеет первостепенное значение для понимания истории религии человечества в целом. Религиозное восприятие божественной запредельности вызывается самим существованием неба. Так как небо существует абсолютным образом, множество высших

божеств первобытных и более цивилизованных народов получают имена, обозначающие высоту, небесный свод [Элиаде 1994: 78].

Письменные и устные источники позволяют утверждать, что древние монголы верили в Высшее Существо, отождествляя его с небом. Они считали его «раздавателем благ и карателем» [Гурий 1915: 32]. Древние монголы и тюрки называли это божество *Kök Mönk Tenger-eŋge*, что в буквальном переводе звучит как «Небесный Вечный Бог-отец». В период существования древнетюркского каганата и Монгольской империи с этой формы обращения начинаются все молитвы, обращенные к Тенгри, и указы монгольских правителей. По сути, эта форма есть повторение на тюркском и монгольском языках древней арийской молитвы «Отцу Небесному» в той форме, которой она существовала и существует ныне «Отче наш, сущий на небесах». С падением древнетюркских каганатов, по мнению Л. П. Потапова, прекратились грандиозные моления Небу-Тенгри и Земле-Этуген. Все это, безусловно, привело к возрастанию роли и значения локальных родоплеменных божеств [Потапов 1991: 86]. Ко времени создания Монгольской империи тенгрианство значительно уступило свои позиции под натиском других религий.

В религиозной системе тенгрианства не существовало понятий греха и добродетели в качестве критериев поведения человека в земной жизни. Религия на этой ступени развития еще не была связана с понятием этической нормы и моральной ответственности за свои поступки. Человек не боялся ответственности за лишение кого-либо жизни, а тем более за свою жизнь. Считалось, что нарушение или неподчинение воле Тенгри ведет к жестокому наказанию в этой жизни и на этой земле, а не после смерти и не в ином мире. Тенгри как высшее божество могло наказывать за те или иные преступления не только отдельного человека, но и целый на-

род. Человек обязан был стараться обрести милость высшего божества, без которой не могло быть благополучия ни у семьи, ни у рода, ни у всего общества.

Искупить вину, призвать милость Тенгри можно было ритуальным жертвоприношением. В древности в жертву ему приносили людей [Потапов 1991: 268]. Известны факты, что такой обряд проводился даже в более поздние исторические времена. Так, император Каньси с гневом указывает на то, что ойратский Галдан Бошокту-хан «устроил подношение пленных [в Храме предков]» [Международные отношения в Центральной Азии 1989: 182]. Общеизвестно, что с ходом исторического развития общества человеческие жертвоприношения сменились животными, а затем под влиянием мировых религий, прежде всего буддизма, — подношениями молочной пищей.

В древних религиозных представлениях монголов и тюрков Вселенная разделялась на три зоны: небо — мир небожителей, поверхность земли — средний мир, мир мертвых — нижний мир. По этим трем зонам распределялись основные божества и многочисленные ландшафтные духи и хозяева, души живых и мертвых существ. Идея членения Вселенной на три зоны прослеживается уже в петроглифах эпохи неолита: небесная сфера (верхний мир) представлена изображением быков, луны и солнца, земля (средний мир) — разнообразных копытных, а подземный, или нижний, мир — змей и женских антропоморфных образов. Такое же членение вселенной исследователи видят и в знаменитых оленних камнях Центральной Азии, где верхний ярус камня — голова, обращенная к небу и символизирующая связь с верхним миром; центральная часть стелы — средний мир; нижняя часть камня, которая всегда находится под землей, — это мир подземный. Единство всех частей стелы — это единство Вселенной, где идет постоянная борьба между жизнью и смертью как вечный процесс развития от рождения до умирания. Интересно, что традиция деления на три зоны существует в жилище современных алтайцев. Алтайский аил — это 6-угольное сооружение из деревянных срубов с крутой крышей и дымоходом, который по традиции нельзя закрывать, так как он является мостом между мирами. Посередине аила рас-

положен столб с заостренным навершием, к которому прикреплены две деревянные жерди. Перед столбом расположена каменная плита, на которой совершают подношения. Перед каменной плитой очаг, где готовят пищу. Столб — символ Вселенной. Верхняя его часть соотносится с верхним миром, нижняя — с нижним миром. Жерди символизируют средний мир [ПМА].

Небесная сфера — зона обитания могучих и доброжелательных по отношению к людям божеств. Но эти небожители могли жестоко наказать любого человека и даже все общество в случае непочтительного отношения к ним. С переменами, происходившими с изменением исторических обстоятельств, связано окончательное разрушение целостных представлений о Тенгри и Этуген-Земле. Зарождение традиции почтения Хормусты и 33 тенгриев связано как с исторически сложившимися условиями, когда государственная религия древних тюрков и монголов постепенно превратилась в этнотерриториальные верования раздробленных племен, так и с культурным влиянием других религий. Исследователи возводят образ Хормусты к Ахурамазде, божеству дуалистической религии древнего Ирана [Кузнецов 2001: 6].

У монголов функция высшего небесного божества передается владыке верхнего мира Хормусте, а почитание Этуген сменяется поклонением владыке ландшафтных духов-хозяев Белому старцу [Неклюдов 1978: 236]. Средний мир, в понятии людей того времени, был населен многочисленными ландшафтными божествами, которым они были подчинены, поскольку находились в непосредственной близости от них, и которые требовали к себе особого отношения. Архимандрит Гурий отмечал, что кочевник «с большим ужасом и страхом верит в бесчисленный сонм добрых и злых духов, стерегущих каждый шаг его жизни» [Гурий 1915: 41]. Эти божества есть, по сути, потенции окружающей действительности, и в них отражены ее силы. Они субстанционально присутствуют повсюду и определяют типический ход событий. Различные ландшафтные божества — хозяева (хаты и лусы) гор, долин, рек, лесов и т. д. — это условно обозначенные сверхъестественные персонажи, которые не являются богами и занимают в сравнении с тенгриями более

низкий уровень в системе древних верований. Несмотря на многочисленность ландшафтных божеств, они имеют единую религиозно-мифологическую основу. Все они восходят к древнейшим анимистическим представлениям, связанным с одушевлением природы.

Большая часть религиозно-этических норм добуддийских воззрений связана с пребыванием человека на природе и в жилище, которое мыслилось как центр мироздания. Курганы в степи, священная гора, горный перевал, переправа через реку, источники и т. д. считались сакральными местами, каждым из которых владели особые ландшафтные хозяева-хаты. С культом почитания родовой территории и Алтая как исконной земли предков связан культ почитания «обо» у современных алтайцев и монголов.

Таким образом, можно отметить, что взаимосвязанные конструктивные элементы древних верований сыграли важную роль в формировании своеобразного восприятия мира и способствовали гармоничному сосуществованию с окружающим миром. Благодаря религиозным представлениям тенгрианства у каждого народа выработался свой способ видения мира, исходя из объективных и субъективных факторов. Реконструкция системообразующих элементов тенгрианства позволяет сформулировать ряд парадигм, которые отражают общие сущностные характеристики этнических культур народов Центральной Азии:

— человек не обладает сверхприродными силами, а потому действия человека в окружающем мире есть коллективные действия;

— окружающий мир враждебен человеку, однако внутри мира существуют силы, дружественные человеку (гении-хранители семьи, рода, этноса);

— способ действия человека по отношению к миру должен основываться на ритуальных жертвоприношениях Тенгри, Этуген и хозяевам-хатам местностей в целях сохранения гармонии и сбалансированного существования.

Проведенный анализ показывает, что в культуре этносов во все времена существовали трансформационные и стабилизирующие факторы, способствовавшие созданию новых ценностных ориентиров на пути исторического развития этноса.

Полевые материалы

1. Акчина Тамара Емельяновна, 1960 г. р., Республика Алтай, Улаганский район, с. Саратан.
2. Акчин Эдар Емельянович, 1973 г. р., Республика Алтай, Улаганский район, с. Саратан.
3. Юстук Прокопий Исакович, 1967 г. р., Республика Алтай, Улаганский район, с. Саратан.

Литература

- Викторин В. М. Этноконфессионально-специфические группы в структуре этносов на рубежах Евразии (монотеизм — рецепция и связь верований — соотношение общин) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Мат-лы VI Международной конференции. Волгоград, 2003. С. 155–166.
- Гурий. Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. Казань, 1915. 254 с.
- Кузнецов Б. Н. Бон и маздаизм. СПб.: Евразия, 2001. 224 с.
- Литаврин Г. Г. Введение христианства в Болгарии (IX — начало X в.) // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М.: Наука, 1988. С. 30–67.
- Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв.: Документы и материалы в 2 кн. М.: Наука, 1989. Кн. 2. 339 с.
- Неклюдов С. Ю. Проблемы исторической эволюции монгольской мифологии // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М.: Гл. ред. вост. лит. 1978. С. 232–239.
- Потанов Л. П. Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 318 с.
- Урусбиева Ф. А. Метафизика колеса. Вопросы тюркского культурогенеза. Сергиев Посад: Весь Сергиев Посад, 2003. 207 с.
- Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.

УДК 394.21 + 398.22

ББК 63.5 + 83.3 (2Рос=Калм)

ТРАДИЦИОННЫЕ СПОСОБЫ СИДЕНИЯ КАЛМЫКОВ (по полевым материалам)

Б. Б. Манджиева

В 2000 г. во время комплексной экспедиции ученых Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН в северные районы Республики Калмыкия состоялось знакомство со знатоком устного народного творчества калмыков Шаней Васильевичем Боктаевым. Результатом совместной работы с Ш. В. Боктаевым стали книги «Алтын чеежтэ келмрч Боктан Шаня» («Хранитель мудрости народной Шаня Боктаев») [2010], в которой опубликован репертуар талантливого сказителя, и «Генеалогия икицохуровских хошутов (по материалам, собранным Ш. В. Боктаевым)» [2011]. Но некоторые материалы до сих пор не введены в научный оборот.

Будучи человеком любознательным и воспитанным на обычаях и традициях предков, Ш. В. Боктаев сумел не только сохранить, но и передать будущему поколению свои богатые знания в области традиционной культуры калмыков. Сказитель Ш. В. Боктаев был частым и желанным гостем КИГИ РАН, он консультировал фольклористов и этнографов по многим вопросам.

Ш. В. Боктаев родился в 1933 г. в хотоне Нимгня Ковя Хошуд (ныне пос. Сарпа Кетченеровского района). Его отец Бокта Дардунович Васильев до войны работал в колхозе, его мать Ота Менкенасуновна Басангова вела домашнее хозяйство и воспитывала пятерых детей. Когда началась Великая Отечественная война, отец Шани Васильевича ушел на фронт и погиб. Затем семья фронтовика разделила горькую судьбу своего народа и была выслана в Алтайский край, где мать вскоре заболела и умерла. Рано став сиротой, Шаня Васильевич вынужден был зарабатывать на жизнь, поэтому учиться в школе ему не довелось. С десятилетнего возраста он начал работать в колхозе подсобным рабочим на разных участках: на посеве, на уборке урожая, пастухом и т. д. Вернувшись из незаконной ссылки на родину, Шаня Васильевич продолжал самоотверженно трудиться на родной земле, работая гуртоправом в совхозе «Сарпа».

Свидетельством его добросовестного труда являются многочисленные награды: почетные грамоты, дипломы, медали и звания. Однако, кроме трудового вклада в развитие экономики республики, Ш. В. Боктаев внес большой вклад в сохранение и приумножение духовной культуры своего народа.

В процессе совместной с Ш. В. Боктаевым работы этнографами и фольклористами были зафиксированы следующие позы сидения калмыков¹:

- *зэмлэд суух* 'сидеть, скрестив ноги';
- *чөклэд суух* 'сидеть, согнув ногу';
- *нохачлад суух* 'сидеть по-собачьи';
- *йовһн суух* 'сидеть на корточках';
- *өвдглад суух* 'сидеть на коленях';
- *көлән жшиһад суух* 'сидеть, вытянув ноги';
- *көлән бокрад суух* 'сидеть, согнув в сторону ноги'.

Рассмотрим подробно основные традиционные способы сидения калмыков, которые были продемонстрированы знатоком традиционной культуры Ш. В. Боктаевым.

1. *Зэмлэд суух* 'сидеть, скрестив ноги' — сидеть, подложив под себя скрещенные ноги. «В такой позе обычно сидели ламы во время молитвы и хуралов в буддийских монастырях, феодальная знать на официальных приемах» [Жуковская 2002: 145]. Известен также и другой вид сидения *зэмлэд суух*: сидеть, выставив перед собой скрещенные ноги. В такой позе у монголов «могли сидеть почтенные и уважаемые старики, но такая поза не рекомендовалась молодежи, особенно в присутствии старших по возрасту» [Жуковская 2002: 145].

2. *Чөклэд суух* 'сидеть, согнув ногу' — наиболее распространенная у монголов поза, когда сидящий подкладывал одну ногу под себя, а колено другой вы-

¹ Также были зафиксированы способы сидения калмыков на стуле:

- *көлән һооднь тэвэд суух* 'сидеть, прямо поставив ноги';
- *көлән кирслэд тэвжс суух* 'сидеть, закинув ногу на ногу';
- *шанаһан түшгэд суух* 'сидеть, подперев рукой скулу' [здесь и далее перевод автора].

ставлял перед собой. «От того, в какой части юрты находился человек, зависело, какую именно ногу он под себя подкладывал. Колено поднятой ноги, согласно правилам, должно было быть обращено к двери, поэтому женщины, как правило, сидели на правой ноге и выставляли перед собой колено левой, а мужчины, наоборот, — на левой, выставляя перед собой колено правой» [Жуковская 2002: 145]. Данная поза была не только будничной, но и праздничной, таким образом калмыки сидели на свадьбах [ПМА: 1].

3. *Йовһн суух* ‘сидеть на корточках’ известна также среди монголов как *бургэдэн суудал* ‘орлиная посадка’. «Поза эта требует от сидящего особой сноровки и в значительной степени восходит к особенностям национальной обуви монголов — сапогам *гутулам*. Опираясь на землю только носками сапог, человек всей своей тяжестью давит на их прочные негнувшиеся голенища, которые становятся для него довольно удобным сиденьем» [Жуковская 2002: 147]. По свидетельству сказителя Ш. В. Боктаева, данным способом сидения пользовались встретившиеся в степи всадники или путники, сидя в таком положении, они закуривали трубки и беседовали.

4. В позе *нохачлад суух* ‘сидеть по-собачьи’ человек сидит на земле, согнув ноги и обхватив колени. Согласно свидетельству Ш. В. Боктаева, таким образом сидели не столько в кибитке, сколько в степи, на свежем воздухе, ведя беседы.

5. Поза *өвдглад суух* ‘сидеть на коленях’, у монголов *сөхрөх* ‘стоять на коленях’ означала «пожелание мира и благополучия вышестоящим по социальному рангу (в этом случае она называлась *сөгдэх*)» [Жуковская 2002: 145]. В этой позе обычно сидели не только миряне перед высокопоставленными священнослужителями, но и джангарчи. Например, джангарчи Ээлян Овла исполнял эпос в позе коленопреклонения *өвдглад*, тем самым выражая высокую степень уважения к эпическому тексту как сакральному, а также его слушателям.

6. Поза *көлән жиһһад суух* ‘сидеть, вытянув ноги’ считается непринужденной, когда человек хотел отдохнуть, сев и вытянув ноги вперед, «так обычно сажают на землю или на пол маленьких детей, еще не умеющих ходить» [Жуковская 2002: 148].

7. В позе *көлән бокрад суух* ‘сидеть, согнув в сторону ноги’ могли сидеть старики во время отдыха в кибитке, ведя неторопливые разговоры.

Традиционные способы сидения калмыков подразделялись на мужские и женские. Например, в позе *зәмлэд суух* сидят только мужчины, женщинам разрешалось сидеть только с вытянутыми ногами, но никак не со скрещенными. Женщине запрещалось сидеть в позе *йовһн суух*² [ПМА: 2].

В настоящее время традиционные способы сидения утратили свою значимость, но знания о них сохраняются в виде запретов, например: родители запрещают своим детям сидеть, скрестив руки на груди, так как такая поза выражала скорбь и горькую потерю близкого человека. Нельзя сидеть в позе *шанаһан түшэд* ‘подложив правую руку под щеку’, поскольку в традиционном обществе считалось, что эта поза покойника [ПМА: 3].

Позы сидения калмыков отражены в образцах устного народного творчества, например в приметах. «Знание примет входило в обучение детей нормам этикета: ребенку нельзя было сидеть, соединив пятки ног, ходить на пятках, обхватывать руками ноги — это были плохие приметы (*му йор*), которые, по представлениям суеверных людей, могут принести вред ребенку и его семье» [Борджанова 1999: 10].

Таким образом, традиционные способы сидения калмыков имели большое значение в традиционной культуре, они отражали нормы этикета, которые определялись в соответствии с возрастом и социальным происхождением человека. В настоящее время в связи с утратой кочевого образа исчезли многие традиционные способы сидения, а некоторые остались лишь в виде определенных запретов.

² Согласно этнографическим данным, среди калмыков до середины XX в. сохранялось и наименование *йовһн суух* по отношению к позе, называемой Ш. В. Боктаевым *чөклэд суух*. Соответствующая поза сидения *йовһн суух* была характерна как для мужчин, так и для женщин. Информанты, сообщавшие о таком содержании понятия *йовһн суух*, подчеркивали, что способ сидения, при котором одна нога подогнута, а другая согнута в колене, очень удобен для передвижения во время выполнения домашних работ: к примеру, шитья стеганых одеял, приготовления пищи на кухне, оборудованной низкими столиками, и т. п. Именно поэтому *йовһн суух* обозначает ‘сидеть, передвигаясь’ (прим. ред.).

Полевые материалы

1. Информант Манджиев Нимгр Бюрчиевич, 1929 г. р., дербет, род. принадлежность — шарнут, Джаанаг арван.
2. Информант Манджиева Улуш Тюрвеевна, 1930 г. р., дербетка, род. принадлежность — дуралмуд.
3. Информант Улюмджиева Дука Манджиевна, 1917 г. р., дербетка, род. принадлежность — дуралмуд.

Литература

- Алти чеежтэ келмрч Боктан Шаня* (Хранитель мудрости народной Шаня Боктаев) / сост., вст., коммент., прил. Б. Б. Манджиевой. Серия: «Өвкрин зөөр» («Сокровища предков»). Элиста: КИГИ РАН, 2010. 172 с.
- Борджанова Т. Г.* Магическая поэзия калмыков: исследование и материалы. Элиста: Калм. кн изд-во, 1999. 182 с.
- Генеалогия икицохуровских хошутов* (по материалам, собранным Ш. В. Боктаевым) / сост. Б. Б. Манджиева. Серия «Өвкрин зөөр» («Сокровища предков»). Элиста: КИГИ РАН, 2011. 326 с.
- Жуковская Н. Л.* Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М.: Вост. лит., 2002. 247 с.

Землэд суух

Чөклэд суух

Нохачлад суух

Йовһн суух

Өвдглад суух

Көлән бокрад суух

Көлән жсиһад суух

УДК 340.153+340.12

ББК 67 (2Рос=Калм)

ПРАВОВОЙ СТАТУС КАЛМЫЦКОЙ ЗНАТИ В XIX ВЕКЕ

Е. А. Команджаев

Социальная структура калмыцкого общества в XIX в. была достаточно сложной. В ней отчетливо выделялись основные черты феодальных отношений: с одной стороны, нойоны и зайсанги, с другой стороны, зависимые от них простолюдины. При этом сословия феодального общества в свою очередь подразделялись на группы. Данная статья посвящена правовому положению калмыцкой знати в период после ликвидации ханства до отмены обязательных отношений у калмыков в конце XIX в.

В Калмыцком ханстве нойоны (князья) занимали высшую ступень социальной лестницы калмыцкого общества, являясь крупными владельцами улусов. Вплоть до середины 20-х гг. XVIII в. крупные нойоны именовались тайшами: позднее это название исчезает, все владельцы стали именоваться нойонами. Титул последних был наследственным, и проникновение в среду нойонства людей из более низких социальных слоев было исключено [Батмаев 1993: 198].

Власть владельцев над принадлежащими им улусами, хотя и была формально регламентирована правом и обычаями, в действительности отличалась большим произволом. Помимо узаконенных податей и повинностей, нойон в случае той или иной необходимости мог по своему усмотрению взимать дополнительные поборы скотом и деньгами, продавать подвластных поодному и семьями, отпускать на волю, дарить и т. п.

Ниже нойонов по социальной лестнице располагались зайсанги. Если нойоны наследственно владели улусами, то зайсанги часто также наследственно управляли аймаками (административно-хозяйственными единицами), на которые делились улусы.

Существует мнение, что зайсанги ведут свое происхождение от нойонов-тысячников или же являются дальними родственниками более поздних владельцев улусов — тайшей [Батмаев 1993: 207]. Нойоны и зайсанги составляли светское феодальное сословие Калмыцкого ханства, называемое «белой костью» («цаһан ясн»).

Привилегированным сословием являлось и буддийское духовенство, освобожденное от податей, военной службы и прочих повинностей. Верхние его слои по своей знатности и имущественному положению стояли наравне с владельцами и зайсангами [Батмаев 2009: 339].

Такая структура калмыцкого общества просуществовала достаточно долгое время, пока на Калмыкию не было распространено общероссийское сословное деление. Калмыки-простолюдины были приравнены к владельческим, или государственным, крестьянам, нойоны получали статус «личных», или потомственных, дворян, а зайсанги — статус почетных граждан. Калмыкам-простолюдинам разрешалось принимать христианство и переходить в казачье сословие.

Правила для управления калмыцким народом от 10 марта 1825 г. [ПСЗ РИ II. Т. 40, № 30290] не содержат сведений о правах и обязанностях калмыков. Нормативное регулирование данные вопросы получили в последующих актах российского правительства.

Положение об управлении калмыцким народом 1834 г. [ПСЗ РИ II. Т. 10, № 7560а] определило социальную структуру калмыцкого общества. В главе IX «О обязанностях и правах нойонов-владельцев, правителей улусов и зайсангов» регламентировался сословный строй знати.

В соответствии с указанным Положением нойоны-владельцы улусов и правители улусов получали полную власть над всеми калмыками в принадлежащих им улусах. Нойоны и зайсанги обязаны были осуществлять надзор за правопорядком во вверенном им улусе (ст. 134), а также заботиться о благосостоянии подвластных им калмыков (ст. 136). Кроме того, нойоны должны были осуществлять надзор за зайсангами с целью не допустить дополнительных сборов с населения.

На нойонов возлагалась обязанность рассматривать малозначительные споры принадлежащих им калмыков, принимать меры по их примирению и назначать исправительные наказания (ст. 138). Нойонам и зайсангам запрещалось продавать, дарить и закладывать подвластных им калмыков. Нойоны и члены их семей не подвергались телесным наказаниям.

Дети нойонов могли поступать на военную службу и несли ее как дворяне. Нойоны и зайсанги, получившие офицерские звания на военной службе, чины 8 класса на гражданской службе или ордена, получали статус российских дворян. Зайсанги, владевшие наследственными аймаками, получали права потомственных почетных граждан. Нойоны и зайсанги, имевшие гражданский чин ниже 8 класса, получали права «личных» дворян. Зайсанги, не имевшие наследственных аймаков, по статусу приравнивались к личным почетным гражданам (ст. 143). Нойоны и зайсанги были вправе направлять своих детей на военную и гражданскую службу, а также в учебные заведения на правах тех сословий, к которым они принадлежали.

Жалобы на зайсангов подавались нойонам-владельцам улусов и правителям улусов, а на нойонов жалобы должны были быть адресованы Совету Калмыцкого управления.

В соответствии со ст. 218 рядовые калмыки обязаны были платить 28 руб. 50 коп. ассигнациями с кибитки, а также нести кордонную службу и предоставлять подводы. Из этих средств 2 руб. с кибитки получал зайсанг, управлявший аймаком, 25 руб. поступали в доход нойона-владельца улуса, полтора рубля уходило на содержание Калмыцкого управления и школ. В улусах, управляемых правителями, 26 руб. 50 коп. направлялось на содержание Калмыцкого управления и школ. Нойоны обязаны были

надзирать за выполнением калмыками всех повинностей.

Нойоны, зайсанги и высшее духовенство получили право избирать и избираться в органы управления. Должности главного попечителя и председателя суда Зарго соответствовали 5 классу по Табели о рангах, заместителя главного попечителя, советников суда Зарго, ассессоров Совета и суда Зарго — 7 классу, улусных попечителей, чиновников по особым поручениям, заседателей Совета — 8 классу, помощников улусных попечителей — 9 классу.

Положение об управлении калмыцким народом 1847 г. [ПСЗ РИ II. Т. 22, № 21144] дополняло и уточняло Положение 1834 г. и четко определяло статус калмыцкой знати (Раздел 1. О правах и обязанностях калмыков). По сословному делению калмыцкий народ подразделялся на нойонов, владевших улусами, владельцев, имевших по несколько кибиток или семейств, зайсангов родовых, владевших аймаками, и зайсангов безаймачных, на духовных лиц и простолюдинов.

Нойоны-владельцы улусов и члены их семейств, поступавшие на военную или гражданскую службу, пользовались правами российских дворян. Нойоны и зайсанги, получившие ордена или чины по военной или гражданской службе, пользовались всеми правами, предоставленными законом. За нойонами и зайсангами закреплялось право избираться в органы управления.

Зайсанги, не имевшие чинов и владевшие наследственными аймаками, пользовались правами потомственных почетных граждан, а не владевшие наследственными аймаками — правами личных почетных граждан (ст. 29). Если безаймачные зайсанги желали перейти на оседлый образ жизни и поселиться в проектировавшихся на калмыцких землях станицах и заниматься земледелием, то им предоставлялись права потомственных почетных граждан наравне с зайсангами аймачными.

По отношению к нойону или члену его семьи, а также к зайсангу, совершившим правонарушения, приговор суда, связанный с лишением чести, не приводился в исполнение без утверждения его Правительствующим Сенатом. К нойонам и зайсангам, членам их семей не применялись телесные наказания.

По Положению 1847 г., калмыки с каждой семьи уплачивали 8 руб. 15 коп. сере-

бром в год. Из этой суммы 57 коп. как в казенных, так и во владельческих улусах поступали в пользу родового аймачного зайсанга. Остальная сумма в казенных улусах предназначалась на содержание управления и в общественный капитал калмыков, а во владельческих улусах — на управление и общественный капитал определялось 44 коп. серебром; оставшаяся сумма (7 руб. 14 коп.) составляла доход владельцев. Нойоны-владельцы должны были содействовать должностным лицам в сборе налога.

Свод законов Российской империи в законах о состояниях относил калмыков к российским инородцам и указывал определять правовой статус калмыков по Положению об управлении калмыцким народом 1847 г. (ст. 762, 765)

Таким образом, нормативно-правовые акты, принятые российским правительством в XIX в., призваны были урегулировать

и детализировать правовой статус калмыцкой знати, а в некоторых аспектах и унифицировать их положение в соответствии с общероссийскими нормами.

Литература

- Батмаев М. М.* Калмыки в XVII–XVIII вв. События, люди, быт: в 2-х кн. Кн. 1. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 382 с.
- Батмаев М. М.* Социально-экономическое развитие калмыцкого общества в XVII–XVIII веках // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х тт. Т. 1. Элиста: Изд. дом «Герел», 2009. С. 311–343.
- Правила для управления калмыцкого народа 1825 г.* // Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. Т. 40. № 30290.
- Положение об управлении калмыцким народом 1834 г.* // Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. Т. 10. № 7560а.
- Положение об управлении калмыцким народом 1847 г.* // Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. Т. 22. № 21144.

УДК 34
ББК 67.404.3

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПАТЕНТНОГО ПРАВА В РОССИИ

К. В. Лиджеева

В современной юридической литературе началом становления патентного права в России считается 1812 г., когда был принят Высочайший Манифест «О привилегиях на разнообразные изобретения и открытия в ремеслах и художествах» (далее — Манифест) [ПСЗ 1832: 355], однако, на наш взгляд, данный правовой институт стал зарождаться почти на столетие раньше.

В России, как и в других странах, охрана прав изобретателей первоначально развивалась из феодальных привилегий, причем наименование охранного документа («привилегия») сохранялось вплоть до 1917 г. Этот институт стал результатом развития феодальных жалованных грамот. До XVI в. жалованные грамоты-привилегии выдавались в большинстве случаев монастырям и реже частным лицам на занятие каким-либо промыслом или на беспошлинную торговлю. В конце XVII в. все чаще начинали выдаваться жалованные грамоты-привилегии на «заведение мануфактур», на «прииск»

полезных ископаемых [Пиленко 1902: 31]. Отметим, что суть права, даруемого в привилегиях того периода, практически не соотносилась с изобретательской деятельностью просителя. Допетровские «привилегии на промыслы, торговлю и изобретения в ремеслах и художествах» представляли собой лишь грамоты на беспошлинную и свободную торговлю, выдаваемые в большинстве случаев иностранцам.

«Промышленный оттенок» в мотивах выдаваемых привилегий появляется ближе ко второй четверти XVIII в. В 1723 г. появляются «правила для выдачи привилегий на заведение фабрик», призванные упорядочить данную деятельность. В этой связи интересна привилегия от 13 декабря 1749 г., выданная купцам Сухареву и Беляеву на заведение красочного завода. В прошении о выдаче привилегии купец Сухарев указывал, что он завел красочную фабрику, которой «не было до ныне», потратил на это много сил, вложил в дело весь свой капитал

и нашел секрет красок. Исходя из вышеизложенного, Сухарев просил, чтобы государство вознаградило его за усилия и обеспечило работными людьми в целях сохранения секрета [цит. по: Аксенова 2003: 14].

С развитием техники продолжается эволюция патентного права России. В привилегии, объявленной сенатским Указом от 2 марта 1748 г. купцу Антону Тавлеву на «устройство фабрик для делания красок» государство обещало изобретателям синей брусковой кубовой краски беспрецедентную по разнообразию и объему помощь. Данный документ определял, что изобретатели «не должны остаться без удовольствия, иначе могут ослабеть в размножении нужных фабрик и прекратить поступки ревности и усердия». Указанный акт содержал не только прямой запрет третьим лицам «заводить в течение 30 лет такие же заводы», но и защищал сам «секрет» производства краски: «Если кому из своих родственников Тавлев сообщит секрет — тех лиц обязать письменно никому секрета не разоблачать под страхом наихудшего истязания» [цит. по: Пиленко 1902: 149]. Думается, что упомянутая привилегия стала первым документом, в котором прослеживаются зачатки системы патентно-правовой охраны прав изобретателей.

Однако истинно настоящим прототипом патента в России следует считать привилегию от 14 декабря 1752 г., выданную М. В. Ломоносову «на делание разноцветных стекол, бисеру, стеклярусу и других галантерейных вещей». В привилегии писалось: «Дабы он, Ломоносов, яко первый в России таких секретов сыскатель, за понесенный им труд удовольствие иметь мог того ради впредь от нынешнего времени 30 лет никому другим в заведении тех фабрик дозволения не давать» [цит. по: Пиленко 1902: 153].

Достаточно важной вехой в развитии патентного права следует отметить 1776 г., когда был подготовлен доклад Сената «О награждении подпоручика Афанасия Ратецова за найденный им в винокурении легчайший способ, и о вознаграждении таким же образом и прочих, кои сделают для общей пользы новое изобретение» [Доклад Сената 1832]. История данного акта начинается в 1774 г., когда А. Ратецов попросил выдать ему привилегию на новый способ винокурения. В своем прошении, поданном в Сенат, А. Ратецов описал изобретенный

им способ и указал на его преимущества, по сравнению с известными на то время способами винокурения. Сенат не только рассмотрел прошение А. Ратецова, но и поручил Белгородскому губернатору доподлинно установить, используется ли данный способ на заводах просителя и какая «от него польза быть может». Полагаем, что, по своей сути, работа, сделанная Белгородским губернатором по освидетельствованию изобретения А. Ратецова, есть не что иное, как экспертиза изобретения по существу, ибо на основании сведений представленных губернатором и был подготовлен доклад Сената о поощрении А. Ратецова.

Специфической особенностью данного акта является то, что если в отношении подпоручика А. Ратецова анализируемый документ носит индивидуальный характер, то «в части, предусматривающей в дальнейшем поощрение других изобретателей, доклад является, по сути, нормативным актом, первой в истории отечественного патентного права нормой права» [Ярыш 2005: 41].

В то же время следует отметить, что до Манифеста Александра I выдача привилегий осуществлялась бессистемно, и сама форма охранного документа неоднократно менялась.

Исследуя привилегии, датируемые XVIII в., мы обратили внимание, что в актах, выданных до 1755 г., чаще всего указывалось, кому, когда и за что данная «привилегия» была выдана. Что же касается актов, принятых после 1755 г., то в них вместо термина «привилегия» зачастую употреблялось словосочетание «исключительное право». Видимо, это следует понимать не просто как терминологическую замену, а как осознание особой природы права изобретателя на ограничение притязаний других лиц на нечто новое, созданное им [Сенатский Указ ... 1830].

В 1794 г. на имя Екатерины II поступил проект нормативного акта, который бы позволил упорядочить общественные отношения в области изобретательства. Данный документ назывался «Начертания о поощрении полезных изобретений». К сожалению, несмотря на то, что рассматриваемый проект включал в себя все лучшее как из отечественной практики защиты прав авторов, так и из зарубежной, он так и не был принят [Ярыш 2005: 42]. Однако 7 августа 1801 г. был издан Указ «О поощрении учинивших изобретения и открытия к

усовершенствованию земледелия, торговли, промыслов» [ПСЗ РИ 1830: 738], который основывался на основных положениях «Начертаний...», хотя и перенял из них совсем немного.

Усиление технического прогресса не могло не отразиться на правовой системе Российской империи. Манифест «О привилегиях на разнообразные изобретения и открытия в ремеслах и художествах» от 17 июня 1812 г., проект которого был подготовлен М. М. Сперанским [Кузьмина 2002: 18–19], устанавливал единые правила выдачи привилегий. Общими вопросами регламентирования порядка выдачи привилегий занимался Государственный совет, а непосредственную выдачу привилегий осуществлял Министр внутренних дел. Привилегии выдавались на 3, 5, и 10 лет, за что взималась пошлина в размере 300, 500 и 1 500 руб. соответственно. Манифест установил правило о публикации описания изобретения, которая до 1814 г. проводилась по инициативе самого изобретателя, а позже стала обязательной [Сергеев 2005: 41].

Манифест 1812 г. установил единую форму привилегий. В частности, в нем предусматривалось, что привилегия, выдаваемая на изобретение и открытие в художествах и ремеслах, представляет свидетельство, удостоверяющее, что означенное в нем изобретение было предъявлено правительству как «собственность, принадлежащая лицу, в привилегии поименованному». В привилегии в обязательном порядке указывались имя заявителя, срок, на который выдается привилегия, дата выдачи, размер внесенной пошлины.

В соответствии с Манифестом 1812 г. за обладателем привилегии закреплялось право «пользования изобретением как своей собственностью»; право вводить, употреблять и продавать другим объект изобретения (продукт или способ получения продукта), а также передавать другим само право на привилегию; право запрещать третьим лицам несанкционированное использование объекта привилегии. За несанкционированное использование привилегии ее обладатель мог «преследовать судом всякую подделку и искать удовлетворения понесенных от того убытков» [Высочайший Манифест 1832].

Большое значение для развития патентного права имел Указ от 30 марта 1870 г. «Об изменении порядка делопроизводства

по выдаче привилегий на новые открытия и изобретения» [Указ ... 1911]. Подчеркивая это, А. А. Пиленко писал, что именно данным актом «произведена была в России более коренная ломка системы патентного права, чем в 1812, 1833 или даже в 1896 гг. В силу Указа от 30 марта 1870 г. выдача привилегий из свободной законодательной функции превращается в связанную подзаконную деятельность административного органа» [Пиленко 1902: 171].

Указ определял, что «всякое открытие, изобретение или усовершенствование какого-либо общепользнего предмета или способа производства в искусствах, мануфактурах и ремеслах есть собственность того лица, кем оное сделано, и сие лицо для обеспечения прав своих на сию собственность может испросить себе от правительства исключительную привилегию» [Указ ... 1911]. Была упрощена процедура рассмотрения прошений о выдаче привилегий. Все делопроизводство возлагалось на Мануфактурный совет, по предложению которого Министр финансов выдавал привилегии на срок, предусмотренный особым положением об отрасли промышленности, к которой относилось изобретение. Необходимо отметить, что Указ 1870 г. не связывал выдачу привилегии с личными заслугами просителя перед властью, т. е. выдача охранного документа стала осуществляться вне зависимости от милости правительства. В 1870 г. была отменена система выдачи привилегий на введение чужих (иностранных) изобретений, что, по мнению разработчиков закона, должно было способствовать ускорению развития Российской промышленности [Гожев 1885: 898].

Указ 1870 г. действовал 26 лет. За это время промышленное производство в России достигло качественно нового уровня, назрела необходимость подключения страны к международной системе охраны промышленной собственности. Все это обусловило разработку и принятие более полного и совершенного патентного закона. Новый закон получил наименование «Положение о привилегиях на изобретения и усовершенствования», он был утвержден Николаем II 20 мая 1896 г. [Положение о привилегиях ... 1911]. Оценивая значение данного акта для становления патентного права в России, помощник президента Евразийского патентного ведомства В. Ю. Аксенова писала, что это наиболее значимый правовой доку-

мент Российской империи в области охраны изобретений [Аксенова 2003: 15].

Новое Положение определяло более четкие критерии патентоспособности изобретения по сравнению с предыдущими актами. В ст. 1 и 3 данного акта указывалось, что привилегии могли быть испрашены только на изобретения в области промышленности, обладающие существенной новизной. В ст. 4 Положения о привилегиях на изобретения и усовершенствования 1896 г. определялся перечень объектов, не подлежащих патентованию. Так, привилегии не выдавались на изобретения и усовершенствования, представляющие «научные открытия и отвлеченные теории», а также противоречащие «общественному порядку, нравственности и благопристойности». Не охранялись законом химические, вкусовые и пищевые вещества, лекарственные препараты, а также «способы и аппараты, служащие для изготовления последних» [Положение о привилегиях ... 1911].

Исключение из охраны последних объектов мотивировалось нежелательностью монополизировать производство продуктов первой необходимости и ограничивать развитие химической промышленности. Интересно, что подобный подход сохранялся более 100 лет, вплоть до принятия 31 мая 1991 г. Закона «Об изобретениях в СССР» [Ведомости Верховного Совета СССР 1991]. Ограничивая сферу выдачи привилегий областью промышленности, разработчики Положения 1896 г. исключили из охраны изобретения, не относившиеся к решению утилитарной задачи, в частности неосуществимые решения, такие как «вечный двигатель», методы организации и управления производством и пр.

Именно в Положении 1896 г. впервые в патентном праве России стал упоминаться такой критерий охраноспособности изобретения, как «существенная новизна». Существенная новизна должна была присутствовать либо во всем изобретении или усовершенствовании, либо в одной или нескольких его частях, либо же «в своеобразном сочетании частей, хотя бы и известных уже в отдельности» [Положение о привилегиях ... 1911]. Положение определяло, что привилегии не могут быть выданы на те изобретения, которые уже являются привилегированными в России, или получили применение без привилегии, или же описанные в литературе «с достаточной для

воспроизведения их подробностью, до дня подачи прошения о выдачи привилегии» [Положение о привилегиях ... 1911]. Кроме того, в соответствии с нормой п. «г» ст. 4 Положения о привилегиях на изобретения и усовершенствования от 20 мая 1896 г., привилегии не выдавались на изобретения, которые «известны за границей и там непривильегированны или привильегированны на другое имя и не переуступлены в исключительное пользование лицу, испрашивающему на них привилегию в России». Думается, что выделяемый Положением 1896 г. критерий «существенной новизны», по сути, нес на себе двойную нагрузку и включал в себя не только непосредственную оценку новизны изобретения, но и определял изобретательский уровень разработки.

Положением о привилегиях на изобретения и усовершенствования от 20 мая 1896 г. впервые в России была введена проверочная система выдачи привилегий, которая основывалась на вынесении решения только после проведения экспертизы изобретения по существу. Императорским Указом об утверждении Положения предписывалось создать при Комитете по техническим делам при Департаменте торговли и мануфактур Министерства финансов штат экспертов, имеющих высшее техническое образование. Как отмечают исследователи, введение проверочной системы выдачи охранных документов в России было поистине революционным шагом, ибо в конце XIX в. почти повсюду (за исключением США) преобладала регистрационная система. Одновременно с развитием изобретательства в России стало развиваться и экспертное направление. Создавалась школа, закладывались традиции, воспитывались кадры экспертов высочайшей квалификации. Заявки, которые отныне проходили жесткую экспертизу по существу, получали более «сильную» охрану, чем при явочной системе [Блинников, Дубровская, Сергиевский 2002: 22–27].

Положение 1896 г. определяло, что привилегии на изобретения и усовершенствования могли выдаваться как русским, так и иностранным подданным, при том не только самим изобретателям, но и их правопреемникам. Всего с 1813 и по 1917 гг. было зарегистрировано 36 079 изобретений. 29 730 привилегий получили иностранцы (82,4 %) и только 6 349 (17,6 %) — отечественные изобретатели [Истомин 2000: 5].

Срок действия привилегий устанавливался не более 15 лет, причем все ограничения на их отчуждение были сняты. После смерти лица, получившего привилегию, установленное в ней право переходило по наследству. Срок действия привилегии, выдаваемой иностранному гражданину на изобретение, которое уже было запатентовано за границей, увязывался со сроком действия заграничного охранного документа. Нововведением Положения 1896 г. было и то, что им предусматривалась возможность передачи права на получение привилегии еще на стадии заявки.

Однако, несмотря на определенный шаг вперед на пути развития патентного права, Положение 1896 г. оставляло нерешенными массу вопросов. В частности, в Положении никак не регулировалась проблема объема охраны изобретения. Данный момент позволял предполагать, что объем охраны определялся всем содержанием описания изобретения, включая «объяснение» отличительных особенностей изобретения, составляющих его новизну. Ничего не говорилось о требованиях к документам, удостоверяющим передачу прав на изобретения. В отличие от законодательных актов других индустриально развитых стран мира в Положении 1896 г. не определялись действия, которые могли бы считаться контрафактными. В то же время следует отметить, что нарушение прав обладателей привилегий преследовалось в уголовном порядке. Так, ст. 1353 Уложения о наказании определяла: «Кто нарушит чью-либо привилегию на изобретение, тот сверх вознаграждения привилегированного за понесенные им убытки подвергается должному взысканию от 100 до 300 рублей» [Положение о привилегиях ... 1911].

Ведущие российские цивилисты, анализируя состояние патентного законодательства царской России, справедливо отмечают, что наряду с изобретениями, объектом патентной охраны с середины XIX в. становятся и промышленные образцы [Сергеев 2005: 43–44]. Первым нормативным актом, который регулировал общественные отношения в данной сфере, принято считать «Положение о праве собственности на фабричные рисунки и модели» от 11 июля 1864 г. Данное положение было помещено в Устав о промышленности Свода Законов Российской империи [Положение о праве собственности ... 1911]. Создатель рисунка

или модели, предназначенных для воспроизведения в заводских, фабричных и ремесленных изделиях, имел возможность закрепить за собой на срок от 1 года до 10 лет исключительное право на их использование. Для этого необходимо было подать прошение в Министерство торговли и промышленности. При достижении положительного результата исследования вопроса о новизне и принадлежности промышленного образца заявителю на всех изделиях, на которых использовался указанный рисунок или модель, помещался особый знак, удостоверяющий исключительное право владельца на их использование.

Таким образом, по существу первым нормативным актом, с которого «пошло» патентное законодательство России, следует считать Доклад Сената 1776 г. «О награждении подпоручика Афанасия Ратецова за найденный им в винокурении легчайший способ, и о вознаграждении таким же образом и прочих, кои сделают для общей пользы новое изобретение». Именно этот акт во многом определил содержание Высочайшего Манифеста 1812 г. «О привилегиях на разные изобретения и открытия в ремеслах и художествах».

В целях систематизации полученных знаний о генезисе дореволюционного патентного права в России можно выделить следующие периоды его становления:

- до 1723 г. — период привилегий на беспошлинную торговлю, выдаваемых в зависимости от личных заслуг перед монархом лица, испрашивающего привилегию;
- 1723–1812 гг. — мануфактурный период выдачи привилегий, т. е. период выдачи привилегий на открытие промыслов, с отдельными элементами правовой охраны технических новшеств;
- 1812–1919 гг. — период действия императорских привилегий, носящих патентно-правовой характер.

Литература

- Аксенова В. Ю. Эволюция патентного права Российской империи и его соотношение с международной практикой охраны изобретений конца XIX века. М.: ИНИЦ Роспатента, 2003. 93 с.
- Блинников В. И., Дубровская В. В., Сергеевский В. В. Патент: от идеи до прибыли. М.: Мир, 2002. 333 с.
- Высочайший Манифест от 17 июня 1812 года «О привилегиях на разнообразные изобретения и открытия в ремеслах и художествах» // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1832. Т. XXXII. С. 355.

- Гожев А., Цветков И. Сборник гражданских законов. Т. 1. СПб., 1885. 899 с.
- Городов О. А. Патентное право: учебное пособие. М.: Проспект, 2005. 544 с.
- Доклад Сената 1776 года «О награждении подпоручика Афанасия Ратецова за найденный им в винокурении легчайший способ, и о вознаграждении таким же образом и прочих, кои сделают для общей пользы новое изобретение» // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1832. Т. XX. С. 359–361.
- Закон СССР от 31 мая 1991 г. № 2213-I «Об изобретениях в СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1991. № 25. Ст. 703.
- Истомин С. В. Самые знаменитые изобретатели России. М.: Вече, 2000. 494 с.
- Кузьмина О. М. Критерии и объем патентной охраны по законодательству Германии и России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 169 с.
- Пилленко А. А. Право изобретателя. (Привилегии на изобретения и их защита в русском и международном праве). Историко-догматическое исследование. Т. 1. Очерк истории привилегий на изобретения (в связи с эволюцией доктрины). СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. 495 с.
- Положение о праве собственности на фабричные рисунки и модели от 11 июля 1864 г. // Свод законов Российской империи. СПб., 1911. Т. XI. С. 381.
- Положение о привилегиях на изобретения и усовершенствования от 20 мая 1896 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1911. Т. XVI. Ст. 12965. С. 453.
- Сенатский Указ от 21 марта 1755 г. «О предоставлении английскому фабриканту Мартыну Ботлеру на 10 лет исключительного права делать в России шпалеры» // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XIV. С. 334–335.
- Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2005. 752 с.
- Указ от 7 августа 1801 года «О поощрении учинивших изобретения и открытия к усовершенствованию земледелия, торговли, промыслов» // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XXVI. С. 738.
- Указ от 30 марта 1870 г. «Об изменении порядка делопроизводства по выдаче привилегий на новые открытия и изобретения» // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1911. Т. XXXII. С. 401.
- Ярыш В. Д. Защита прав изобретателей в России до XIX века // Журнал российского права. 2005. № 1. С. 41.

УДК 34

ББК 67.404.3

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АВТОРА КАК СУБЪЕКТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ

К. В. Лиджеева, Б. Б. Насунова

Развитие авторского¹ права в России является одной из актуальнейших задач юридической науки. Авторское право существует главным образом для того, чтобы позволить человечеству иметь широкий доступ ко всем достижениям интеллектуальной творческой деятельности, а также вознаграждать и защищать тех, кто способствует возникновению и распространению этих достижений [Силенок 2006: 6], т. е. субъектов интеллектуальных прав. Под последними понимаются лица, которые могут быть обладателями имущественных и личных неимущественных интеллектуальных прав. При этом следует учитывать, что эти права могут быть классифицированы на первоначальные (это права, приобретенные посредством действий, обладателем которых является человек, творческим трудом которого

произведение создано) и производные (это права, полученные от других лиц).

Анализ действующего законодательства позволяет выделить несколько групп субъектов интеллектуальных прав. Во-первых, это физические лица, в том числе авторы (обладающие личными первоначальными правами), их наследники, другие правопреемники (обладающие производными правами). Во-вторых, это юридические лица, обладающие среди иных прав и правами на служебные произведения. В-третьих, это государство и иные публично-правовые образования.

Особое правовое положение из всех вышеперечисленных субъектов интеллектуальных прав, безусловно, принадлежит авторам. По действующему российскому законодательству, автором может быть только физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение [Гражданский кодекс РФ 2006: ст. 1228, 1257, 1347].

¹ Слово *автор* заимствовано из французского языка (*auteur*) и толкуется как «создатель какого-нибудь произведения».

Автором произведения является лицо, которое указано в качестве автора на оригинале или экземпляре произведения. Такое положение сохраняется до тех пор, пока не будет доказано иное. В случае опубликования произведения анонимно или под псевдонимом (за исключением случая, когда псевдоним автора не оставляет сомнения в его личности) издатель, имя или наименование которого обозначено на произведении, считается представителем автора и в этом качестве имеет право защищать права автора и обеспечивать их осуществление до тех пор, пока автор такого произведения не раскроет свою личность и не заявит о своем авторстве.

Статья 17 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) определяет, что способность иметь гражданские права (гражданская правоспособность) и нести обязанности (гражданская дееспособность) признается в равной степени за всеми гражданами и возникает в момент рождения гражданина и прекращается смертью². В связи с этим носителем авторских прав в отношении созданных ими произведений могут быть и лица, не достигшие совершеннолетия либо признанные в установленном законом порядке недееспособными или ограниченно дееспособными.

Возникновение авторских прав не зависит ни от намерений лица, ни от его возраста, состояния здоровья и т. д. Единственное ограничение заложено в п. 2 ст. 26 ГК РФ — самостоятельное осуществление этих прав возможно по достижении 14 лет. Несовершеннолетний (с 14 до 18 лет) автор произведения науки, литературы и искусства или иного охраняемого законом результата интеллектуальной деятельности осуществляет свои права самостоятельно. Вместе с тем он также самостоятельно несет и имущественную ответственность по совершенным им сделкам в сфере авторских правоотношений. Автор, дееспособность которого ограничена судом на основании того, что вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами он ставит семью в тяжелое материальное положение, реализует свои авторские права лишь с согласия назначенного ему попечи-

теля, задачей которого в соответствии со ст. 33 ГК РФ является оказание подопечному содействия в осуществлении им своих прав и исполнении обязанностей, а также охрана его от злоупотреблений третьих лиц.

В случае, если в создании объекта интеллектуального права участвовали два или более физических лиц, все они считаются соавторами. Возникновение соавторства доктрина и судебная практика связывает с рядом условий. Прежде всего, это случаи, когда в результате совместных усилий нескольких лиц создано единое коллективное произведение. Вторым неперенным условием является создание произведения совместным творческим трудом³.

В научных работах высказывается два противоположных мнения в части еще одного условия для признания соавторства. Одни авторы в качестве такого условия выделяют наличие соглашения между авторами. Другие считают это мнение ошибочным. Думается, что связывать признание соавторства с требованием о наличии соглашения между авторами неправомерно, ибо это не основано на действующем законодательстве и не согласуется с теми многочисленными ситуациями, когда авторство возникает без достижения согласия.

Законодатель указывает, что права на коллективное произведение принадлежит всем соавторам, независимо от степени творческого участия каждого и характера произведения. Это, на наш взгляд, вполне соответствует установившемуся в науке взгляду на авторское право соавторов как на неделимое право [Антимонов, Флейшиц 1957: 68].

Из этого вытекает важный практический вывод. Порядок пользования правами, принадлежащими авторам одного объекта (соавторами), в части, не урегулированной законодательством, должен определяться соавторами сообща. В соответствии с нормами ст. 1258 ГК РФ авторское право на произведение, созданное совместным творческим трудом двух или более лиц (соавторство), принадлежит соавторам совместно, независимо от того, образует ли такое произведение одно неразрывное целое или состоит из частей, каждая из которых име-

² Здесь и далее статьи Гражданского кодекса Российской Федерации приведены по: [Гражданский кодекс РФ 2006].

³ Под совместным характером труда понимается совместно достигнутый результат, а не совместный процесс труда.

ет самостоятельное значение. В случае если произведение представляет собой единое целое, то речь идет о нераздельном соавторстве. Такие произведения встречаются в литературе (например, романы И. Ильфа и Е. Петрова), в живописи (например, картина И. Репина и И. Айвазовского «Пушкин в Крыму»), в науке (например, монография Б. С. Антимонова и Е. А. Флейшиц «Авторское право»). При раздельном соавторстве произведение, хотя является единым, но каждая из частей имеет самостоятельное значение. Часть сочинения признается имеющей самостоятельное значение, если она может быть использована независимо от других его частей. Каждый из соавторов вправе использовать созданную им часть, имеющую самостоятельное значение, по своему усмотрению, если иное не предусмотрено соглашением между ними. Если творение соавторов образует одно неразрывное целое, то ни один из соавторов не вправе без достаточных к тому оснований запретить использование произведения [Степанова, Котельников, Лиджеева 2007: 83].

Ряд ученых отстаивают позицию, в соответствии с которой допускается возникновение соавторства при творческой доработке произведения [Савельева 1986: 54–55]. Однако следует согласиться с позицией А. В. Степановой, которая считает данное мнение ошибочным, так как в этом случае нужно говорить о создании нового творческого произведения [Степанова 2006: 97]. В качестве примера можно привести решение по иску наследников поэта Р. к Г. и А., авторам текста популярной музыкальной комедии «Севастопольский вальс». Поэт Р. являлся автором известной песни «Севастопольский вальс». Впоследствии была создана музыкальная комедия под таким же названием, причем в тексте использовались строчки из песни. Наследники Р., основываясь на этом, требовали признать Р. соавтором музыкальной комедии. Рассматривая данное дело, Верховный Суд обоснованно пришел к выводу, что в данном случае имеет место два творческих самостоятельных произведения и отказал в иске [Обзор судебной практики ... 1971: 4].

Приведенные выше положения полностью распространяются на такие объекты интеллектуальной деятельности, как программы для электронных вычислительных

машин (ЭВМ) и баз данных, а также топологии интегральных микросхем. Схожие правила применяются и в отношении объектов патентного права. Так, в п. 1 ст. 1348 ГК РФ определено, что граждане, создавшие изобретение, полезную модель или промышленный образец совместным творческим трудом, признаются соавторами. Каждый из соавторов вправе использовать изобретение, полезную модель или промышленный образец по своему усмотрению, если соглашением между ними не предусмотрено нечто иное, а распоряжение правом на получение патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец осуществляется авторами совместно. Вопрос о раздельном и нераздельном соавторстве в отношении объектов патентного права не возникает, что вытекает из самой сути данных объектов (изобретение, полезная модель, промышленный образец всегда представляют собой единый и неделимый объект).

Возникновение прав на объект интеллектуальных прав связано также с гражданством автора. По общему правилу, иностранные физические лица пользуются правами, предусмотренными российскими законами, наравне с гражданами РФ в силу международных договоров. Однако это правило детализируется применительно к отдельным видам объектов интеллектуальных прав. Например, авторские права на произведение, впервые выпущенное в свет на территории РФ, либо не выпущенное в свет, но находящееся на ее территории в какой-либо объективной форме, признается за авторами и его наследниками и иными правопреемниками, независимо от гражданства. Авторское право признается также за гражданами РФ, произведения которых выпущены в свет или находятся на территории иностранного государства, а равно за их правопреемниками. За другими лицами авторское право на произведение, выпущенное в свет или находящееся на территории иностранного государства, признается в соответствии с международными договорами РФ.

В отношении объектов патентного права законодатель устанавливает следующее общее правило: иностранные физические или юридические лица пользуются правами, предусмотренными ГК РФ, наравне с

физическими и юридическими лицами Российской Федерации в силу международных договоров Российской Федерации или на основе принципа взаимности [Степанова, Лиджеева 2007: 47–49].

Такое же правило применяется к товарным знакам и знакам обслуживания, топологиям интегральным микросхем. Что касается наименований мест происхождения товаров, то в соответствии с ГК РФ «право на регистрацию в Российской Федерации наименований мест происхождения товаров предоставляется юридическим и физическим лицам государств, предоставляющих аналогичное право юридическим и физическим лицам Российской Федерации» [Гражданский кодекс РФ 2006].

Правопреемство при наследовании авторских прав может возникнуть по закону или в силу завещания автора. Круг наследников и порядок принятия ими наследства определяется по общим правилам, установленным гражданским законодательством. Но имеются и специальные нормы.

В соответствии с нормами ст. 1283, 1267 ГК РФ по наследству не передается право авторства, право на имя и на защиту репутации автора произведения, хотя наследники вправе осуществлять защиту указанных прав, причем эти правомочия наследников сроком не ограничиваются. В соответствии с нормами ст. 1357 ГК РФ патент на изобретение, полезную модель, промышленный образец и право на его получение переходят в порядке универсального правопреемства.

Под правопреемниками автора следует понимать только тех лиц, которые не обладают первоначальным авторским правом, а получают его в порядке правопреемства. Так как передать можно только отчуждаемые права, а это, прежде всего, имущественные права, то под правопреемниками автора следует понимать физических, юри-

дических лиц и публично-правовые образования, которые обладают исключительными имущественными правами переданными авторами (либо по договору, либо по соглашению, либо при совершении иной сделки).

Таким образом, авторы являются важнейшими субъектами интеллектуальных прав. Творцом может быть любое физическое лицо, независимо от пола, возраста, гражданства и состояния дееспособности. Авторские права у создателя произведения возникают сразу при принятии произведением объективной формы.

В соответствии с российским законодательством обладателями субъективных авторских прав могут быть российские граждане, лица без гражданства и иностранцы, их наследники и иные правопреемники, а также Российская Федерация.

Литература

- Антимонов Б. С., Флейшиц Е. А. Авторское право. М.: Юрид. лит., 1957. 280 с.
- Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая: от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Свод законов Российской Федерации. 2006. № 52. Ч. 1. Ст. 5496.
- Дементьев В. Н. О праве соавторства на изобретение // Вопросы изобретательства. 1986. № 3. С. 15–18.
- Обзор судебной практики по гражданским делам Верховного Суда СССР. 1971. № 2.
- Савельева И. В. Правовое регулирование отношений в области художественного творчества. М.: МГУ, 1986. 142 с.
- Силенок М. А. Авторское право. М.: Юстицинформ, 2006. 151 с.
- Степанова А. В. Интеллектуальные права как совокупность имущественных и личных неимущественных прав: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. 204 с.
- Степанова А. В., Котельников Н. В., Лиджеева К. В. Интеллектуальные права: вопросы правоприменения. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 152 с.
- Степанова А. В., Лиджеева К. В. О классификации объектов интеллектуальных прав // Вестник Калмыцкого университета. 2007. № 4. С. 46–56.

УДК 342.53

ББК Х67

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СУБЪЕКТНОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Л. Д. Буринова

Среди всех политических явлений, пожалуй, ни одно не вызывает столь пристального внимания, противоречивых суждений и мнений как парламентаризм. Вобрав все достоинства и достижения демократии, он отражает все ее изъяны и проблемы. Российская Федерация по Конституции 1993 г. является демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления. Кроме того, в ст. 10 Основного закона в России провозглашен принцип разделения властей на самостоятельные ветви: законодательную, исполнительную и судебную [Конституция ... 1996], которые реализуются через соответствующие государственные органы. Так, согласно Конституции, представительным и законодательным органом РФ является Федеральное собрание — парламент Российской Федерации, который обладает государственно властными полномочиями в России вместе с Президентом, Правительством и судами РФ.

В Российской Федерации, как и в любом федеративном государстве, существует двухуровневая парламентская система. Это Федеральное Собрание РФ и законодательные органы субъектов федерации. Согласно Конституции, в регионах РФ должны создаваться законодательные (представительные) органы государственной власти, система которых устанавливается субъектами РФ самостоятельно с учетом основ конституционного строя и общих принципов организации, определяемых специальным Федеральным законом [Котелевская 1997: 9].

Таким образом, в Конституции РФ 1993 г. заложены правовые основы для организации и деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти — парламентов — как на федеральном уровне (Федеральное собрание РФ), так и на уровне субъектов РФ (субъектные парламенты).

Обязательное наличие законодательных и представительных органов государственной власти в центре и на местах является

следствием конституционного принципа народного суверенитета. Так, исходя из п. 2 ст. 3 Основного закона РФ, можно сделать вывод о том, что многонациональный народ России осуществляет исходящую от него и ему же принадлежащую власть, в том числе через законодательные органы. Наличие свободно избираемого и самостоятельного парламента как на федеральном, так и на региональном уровнях связывается, как правило, с демократическим режимом государства. В этом смысле в федеративном государстве парламенты «выступают гарантами демократии» [Бахрах 2007: 102], и позволяет им играть столь важную роль в общественно-политической жизни страны или региона неотъемлемое полномочие — принятие законов.

Недостаточная политическая активность равно, как отсутствие экономической самостоятельности большинства российских регионов, представляется, есть следствие слабости и незавершенности внедрения демократических начал и элементов парламентаризма в субъектах РФ [Романов 2006: 190]. Ведь благосостояние граждан, обеспечение их прав и свобод, поддержание общественной безопасности и стабильного экономического развития региона во многом зависят от качества законодательной деятельности, важнейшим фактором которой является решительный, самостоятельный и самодостаточный орган народного представительства (парламент).

Вместе с тем наличие федеральных и региональных органов государственной власти парламентского типа является необходимым, но не основным условием становления парламентаризма в центре и на местах.

Законодательный орган власти субъекта Федерации — это орган государственной власти, которому народом как источником публичной власти (согласно Конституции РФ) делегировано право принимать политические решения по организации жизни населения субъекта. Депутатов законодатель-

ного органа необходимо рассматривать, прежде всего, как избранных народом лиц, которым последний доверил заниматься принятием таких решений.

В то же время особая специфика деятельности любого законодательного органа в статусе государственного института состоит в том, что он выполняет и представительную функцию: собирает в одно целое интересы, требования и волю граждан, социальных групп, формулирует цели общественного развития и только затем переводит их в плоскость принятия политических решений.

Природа субъектных парламентов, отраженная в указанных конституционных положениях, обуславливает другой ключевой элемент их правового статуса — компетенцию. Вопрос о компетенции парламента справедливо относится к числу базовых в науке и политической практике. Ответ на него позволяет определить, как и в какой мере законодательный орган выполняет свою социальную роль в государстве [Котелевская 1997: 40].

При разнообразии подходов к анализу элементов компетенции [Бахрах 2007: 98] наиболее обоснована, на наш взгляд, позиция отнесения к ним предметов ведения как юридически определенных сфер и объектов воздействия, а также властных полномочий как гарантированных законом мер принятия решений, тем более, что именно такое содержание компетенции государственного органа выявляется из взаимосвязи положений ч. 3 ст. 125, ч. 3 ст. 5, ч. 3 ст. 11, ст. 71, 72, 73, 76 Конституции РФ [Мишин 2010: 307].

В целом компетенция субъектных парламентов обусловлена разделением власти в Российской Федерации как по горизонтали, так и по вертикали, разграничением предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ. Согласно ч. 3 ст. 11 Конституции РФ, разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ осуществляется Конституцией, Федеративным и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий. В Конституции РФ такое разграничение осуществлено посредством разграничения предметов ведения между уровнями государственной власти: в ст. 71 приводятся предметы ведения федеральной

власти; в ст. 72 — предметы совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов; в ст. 73 субъекты РФ наделяются всей полнотой государственной власти вне пределов ведения РФ и ее полномочий по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Допуская чрезмерное расширение предметов ведения и полномочий федерального центра за счет субъектов Федерации, Конституция РФ вызывает, как представляется, справедливые нарекания [Авакьян 1998: 6]. Ст. 71, 72 и 73 в целом служат выявлению объектов воздействия региональных парламентов, что само по себе типично для регулирования компетенции законодательного органа [Тихомиров 2007: 26], а ст. 76 определяет способ такого воздействия. Нельзя забывать также и о полномочиях парламентов субъектов Российской Федерации, обусловленных их иными, помимо законодательной, функциями, например кадровой и контрольной, как элементах системы сдержек и противовесов в демократическом государстве, основанном на принципах господства права и разделения властей [Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (в ред. от 24 июля 2002 г.)].

Функцией парламентов, отличающей их от всех других органов государственной власти, является осуществление законодательных и контрольных полномочий. В отличие от конструкции федерального парламента (Федерального Собрания РФ), осуществление контрольных полномочий играет важную роль в деятельности законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ. Возможность контроля со стороны законодательного органа власти делает результативным осуществление законодательных функций, поскольку контроль над практическим соблюдением и исполнением законов позволяет совершенствовать собственную законодательную деятельность. Кроме того, по мнению ряда ученых, наличие достаточных контрольных полномочий позволяет значительно укрепить авторитет законодательного органа власти субъекта РФ [Булуқтаева 2008: 69].

Вместе с тем, по мнению О. Н. Булакова, при расширении контрольных функций законодательной власти над исполнительной важно соблюсти баланс, чтобы такое расширение не привело к неоправданному усилению роли законодательной ветви власти и к утрате исполнительной ветвью ее само-

стоятельности, а вследствие этого — нарушению баланса и фундаментального принципа правового государства — принципа разделения властей [Современный парламент ... 2009: 160].

Формальное наличие у законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ контрольных полномочий далеко не всегда означает их реальное использование. Необходима более детальная регламентация контрольных полномочий региональных законодательных (представительных) органов власти в конституциях, уставах, законах субъектов Федерации, что, по нашему мнению, будет способствовать повышению эффективности деятельности всего механизма государственной власти в субъектах РФ.

Деятельность парламентов субъектов РФ ограничена их территорией. Они организационно не связаны с федеральным законодательным органом, что существенно отличает их от исполнительных органов. Конституция РФ предполагает вероятность взаимодействия федеральных законодательных органов с аналогичными органами субъектов РФ. Одна из таких возможностей — право законодательной инициативы, но в Государственной Думе она применяется очень редко [Сергеев 2002: 170]. Представители законодательного органа субъекта Федерации в Совете Федерации весьма слабо связаны с выдвинувшим их субъектом. Другие же юридические формы взаимодействия с государственными структурами федерального уровня пока не установлены. Это значительно снижает роль законодательных органов субъектов РФ и их воздействие на соответствующие исполнительные органы весьма сомнительно. Это одно из оснований того, что влияние органов исполнительной власти на основе и во исполнение законов еще не стало преобладающим. Поэтому поиск путей роста влияния законодательных органов на исполнительные видится весьма актуальным. Организация адекватных механизмов позволит повысить плодотворность деятельности всей системы органов государственной власти. Улучшение работы законодательных органов субъектов РФ в значительной степени может быть соотнесено с учреждением их публично-правовой ответственности перед избирателями. Некоторые основы этого правового института давно знакомы. Например, роспуск парламента или иного законодательного органа.

Однако действующее законодательство Республики Калмыкия и законодательство других субъектов Федерации предполагают применение такой меры в случае конфликта соответствующего парламента с исполнительным органом [Булуктаева 2008: 69]. Расформирование парламента возможно только как выход из политического кризиса. Однако, по нашему мнению, прежде всего, должна быть определена ответственность законодательного органа перед избирателями. Нужно создать механизм их реагирования на ошибки и недоработки законодателя. Внедрение соответствующих правовых процедур вызвано необходимостью дальнейшего развития демократии в нашей стране. Для осуществления этой инициативы можно было бы проводить референдумы по данным проблемам. Думается, что ответственность законодательного органа не должна ограничиваться лишь его роспуском. К депутатам, не оправдавшим доверия избирателей, на наш взгляд, возможно применение гражданско-правовых санкций, направленных, по меньшей мере, на погашение расходов по проведению избирательной кампании и их содержание в период неудовлетворительной работы законодательного органа. Цивилизованное исполнение таких мер воздействия в отношении плохо работающих или неработающих депутатов можно было бы возложить на судебные органы [Буринова 2003: 416]. Конечно, право заинтересованных лиц обжаловать судебные решения в вышестоящие судебные инстанции должно быть гарантировано законом.

Таким образом, решение значительной проблемы, связанной с взаимной ответственностью федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Федерации, состоит в установлении дифференцированных мер ответственности в отношении отдельных депутатов и законодательных органов. Их нерешенность является препоной на данном этапе в развитии федеративных отношений в России.

В итоге значительных организационных мероприятий федеральных органов власти удалось выстроить новый механизм государственной власти в субъектах Российской Федерации, основанный на принципе разделения властей. Но, думается, пройдена лишь самая легкая часть пути. Задачей федерального значения является обеспечение эффективного взаимодействия как всего го-

сударственного механизма, так и отдельных его частей. Необходимо не только провести размежевание ветвей власти, но и обеспечить баланс властей, их эффективную и рациональную деятельность. Для достижения этих целей необходимо наличие соответствующей научной базы, частью которой должна стать концепция функционирования и развития законодательных органов субъектов РФ. Итак, если попытаться исключить такие оценочные характеристики, как «особое», «привилегированное», «верховенствующее», и распространить содержание понятия «парламентаризм» на уровень субъектов РФ, можно дать следующее определение. Субъектный парламентаризм в России — это система организации и деятельности органов государственной власти в субъектах РФ на основе принципа разделения властей при существенной политической и идеологической роли парламента, при которой он выступает в качестве важнейшего фактора в общественно-политической жизни региона и объединяет интересы различных социальных слоев и групп населения субъекта РФ. Данное определение представляется наиболее удачным для уяснения сущности феномена парламентаризма в субъектах РФ, так как в нем раскрыт важнейший внутрисубъектный признак парламента — адекватное представительство элементов гражданского общества в рамках государственного института — органа законодательной власти.

Таким образом, для констатации становления парламентаризма в субъектах РФ необходимы следующие условия: институциональное оформление в виде органа законодательной власти, реально функционирующий принцип разделения властей и существенная роль парламента в политической жизни региона [Гранкин 2005: 28].

Конституционно-правовой статус субъектного парламента, на наш взгляд, это закрепленное Конституцией РФ и иными источниками конституционного права субъекта Российской Федерации положение парламента как представительного, законодательного и контрольного органа государственной власти субъекта РФ, характеризующее социально-политическое назначение данного органа государственной власти; его роль, задачи и функции; принципы организации и деятельности; внутреннюю структуру, способствующую реализации функ-

ций; взаимоотношения с иными органами государственной власти; компетенцию, обусловленную местом в системе народовластия; процедуры осуществления деятельности парламента, в том числе формы и порядок принятия нормативных правовых актов. При этом практическая реализация конституционно-правового статуса субъектного парламента во многом зависит от развития парламентаризма в стране — способности парламента как органа народного представительства формулировать в законе волю избирателей и реализовывать их интересы, используя механизм государственной власти и авторитет парламента в обществе.

Литература

- Конституция Российской Федерации. М.: Норма, 1996. 63 с.
- Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (в ред. от 24 июля 2002 г.) // СПС «КонсультантПлюс». База данных «Законодательство». Информ. банк «ВерсияПроф».
- Авакьян С. А. Проблемы народного представительства в Российской Федерации // Проблемы народного представительства в Российской Федерации / под ред. проф. С. А. Авакьяна. М.: МГУ, 1998. С. 5–13.
- Бахрах Д. Н. Административное право России. М.: Норма, 2000. 178 с.
- Булуктаева К. Ю. Организация местного самоуправления в Республике Калмыкия / Современное состояние и перспективы нормотворческой и правоприменительной деятельности в РК. Элиста: КГУ, 2008. 171 с.
- Буринова Л. Д. Реализация принципа разделения властей в практике организации государственной власти Республики Калмыкия // Научные труды Российской академии юридических наук. М.: ИГ «Юрист», 2003. С. 415–424.
- Гранкин И. В. Сущность российского парламентаризма // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 4. С. 27–31.
- Котелевская И. В. Современный парламент // Государство и право. 1997. № 3. С. 8–13.
- Мишин А. А. Конституционное право зарубежных стран: Учеб. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Белые альвы, 2010. 456 с.
- Романов Р. М. Истоки парламентаризма. От законодательных органов древности до наших дней. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Современ. экономика и право, 2006. 296 с.
- Сергеев А. А. Законодательная власть в субъектах Российской Федерации // Журнал российского права. 2002. № 5. С. 169–171.
- Современный парламент: теория, мировой опыт, российская практика / под общ. ред. д-ра юрид. наук О. Н. Булакова. М.: Эксмо, 2009. 320 с.
- Тихомиров Ю. А. Теория компетенции // Журнал российского права. 2000. № 10. С. 24–27.

ББК Х400.11(2Рос=Калм)

УДК 342.4(470.47)

**ПРИНЯТИЕ СТЕПНОГО УЛОЖЕНИЯ (КОНСТИТУЦИИ)
И НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАРОДНОГО ХУРАЛА (ПАРЛАМЕНТА) РК
В 1993–1995 гг.**

Б. А. Кекеев

Важный этап развития общественно-политической жизни Республики Калмыкии тесно связан с принятием Степного Уложения (Основного Закона) Республики Калмыкия (РК), по которому высшая представительная и законодательная власти в республике передавались от временного Парламента РК, сформированного 30 апреля 1993 г. Верховным Советом Калмыцкой АССР из числа своего состава, к избираемому гражданами Калмыкии Народному Хуралу (Парламенту) РК.

Изучение данного сложного периода в жизни Республики Калмыкии представляет несомненный интерес. Проблемы, связанные с исследованием парламентаризма в РК и в целом государственности, анализировались в отдельных работах, например в монографиях К. Н. Максимова [1995; 2002] и др.

В нашей статье анализируются вопросы деятельности Парламента РК в период перехода представительной власти к новому этапу, связанному с формированием правовой базы, подготовкой проекта и принятием Основного закона республики.

12 марта 1994 г. состоялась XV сессия Парламента РК в расширенном составе с участием руководителей министерств, департаментов, ведомств республики, представителей Президента РК в районах, партий и общественных движений. По предложению Президента Республики Калмыкия К. Н. Илюмжинова был рассмотрен вопрос об отмене Конституции Республики Калмыкия и соответственно гражданства Калмыкии.

18 марта 1994 г. на сессии Парламента РК был поднят вопрос об Основном Законе Республики Калмыкия — Хальмг Танһч, условно названном Степным Уложением (Основным Законом) РК. Депутатами были предприняты действия по обсуждению проекта и определению его дальнейшей судьбы [Илюмжинов, Максимов 1997: 217].

5 апреля 1994 г. Конституционное собрание РК прекратило действие Конституции РК-ХТ и приняло Основной Закон — Степное Уложение (Основной Закон) РК. С этого момента в истории Калмыкии начинается новая страница ее государственности [Илюмжинов 1997: 122].

8–9 сентября 1994 г. состоялась очередная XXIII сессия Парламента РК. В повестку дня сессии были включены восемь пунктов, самым спорным из которых стал вопрос о проекте Закона РК «О выборах депутатов Народного Хурала (Парламента) РК первого созыва». Представляя законопроект во втором чтении, заместитель Председателя Парламента В.С. Сергеев отметил, что с момента обсуждения проекта закона три статьи были уже исключены, в результате осталась 51 статья. 33 статьи были откорректированы: внесено более 40 поправок из 75 предложенных. В целом проект Закона РК «О выборах депутатов Народного Хурала (Парламента) РК первого созыва» был принят большинством (21 голос «за» при двух «против») [Степное Уложение 1994].

9 сентября 1994 г. депутаты подтвердили дату выборов в Народный Хурал (Парламент) согласно Указу Президента «О проведении выборов Народного Хурала (Парламента) РК», в котором было определено, что выборы пройдут 16 октября 1994 г. Согласно законодательству, Президентом РК был представлен и утвержден большинством голосов персональный состав Центральной избирательной комиссии во главе с председателем Т. Б. Манджиевым [Известия Калмыкии 1994].

Внеочередная XXIV сессия Парламента РК открылась 22 сентября 1994 г. В повестку заседания входило обсуждение депутатами ряда важнейших проблем, самым актуальным и наиболее значимым из которых стал вопрос о принятии закона «О Народном Хурале (Парламенте) РК».

Представляя данный законопроект, заместитель Председателя Парламента В. С. Сергеев отметил, что «...в данном документе определяются полномочия, которыми должен быть наделен Народный Хурал как высший представительный и законодательный орган власти в республике, принцип организации его деятельности и основные положения статуса депутата. Проект был составлен на основе Степного Уложения (Основного Закона) РК, а также с учетом опыта, накопленного за время деятельности бывшего Верховного Совета и ныне действующего парламента» [цит. по: Максимов 2002: 401–402].

Депутаты приняли проект постановления о внесении изменений и дополнений в принятый на сессии Парламента РК закон о выборах в Народный Хурал (Парламент) РК. Было предложено всего пять поправок, и каждая из них имела принципиальное значение.

Согласно первой поправке, если в одномандатном избирательном округе будет зарегистрировано менее двух кандидатов (т. е. всего один кандидат), то повторные выборы, как это было предусмотрено в прежней редакции, проводиться не будут (ст. 26, ч. 2) [Степное Уложение 1994].

В статью 47 было внесено еще одно дополнение: «выборы по общереспубликанскому многомандатному избирательному округу признаются состоявшимися, если в них приняло участие не менее 25 % зарегистрированных избирателей по республике в целом».

Это была последняя в истории Калмыкии сессия Парламента, избранного Верховным Советом Калмыцкой АССР. 16 октября 1994 г. прошли первые выборы в Народный Хурал (Парламент) РК, в состав которого вошли 27 депутатов, избранных в 19 избирательных округах. Выборная кампания, стартовавшая 9 сентября 1994 г., благополучно закончилась. Первая сессия избранного Народного Хурала (Парламента) РК, состоявшаяся 20 сентября 1994 г., окончательно подвела итоги выборов и подтвердила полномочия депутатов Народного Хурала (Парламента) РК, избранного населением Республики Калмыкия [Степное уложение 1994].

Мандатная комиссия по итогам проведенной проверки внесла на обсуждение сес-

сии проект постановления, в котором предлагалось признать полномочия 26 депутатов Народного Хурала (Парламента) РК; отложить признание депутатских полномочий одного из депутатов до проведения проверки и принятия решения окружной комиссии; организацию проверки правильности проведения выборов поручить прокуратуре г. Элисты и членам окружной комиссии.

На пост Председателя Народного Хурала (Парламента) РК по предложению Президента РК был избран К. Н. Максимов. На пост своего заместителя на штатной основе он представил кандидатуру В. С. Сергеева, заместителем на общественных началах — Е. Котяеву [Максимов 1995: 164].

Вторая сессия Народного Хурала (Парламента) РК открылась 15 декабря 1994 г. Депутатам предстояло обсудить 21 вопрос по повестке дня. На сессии были приняты регламент Народного Хурала (Парламента) РК, программа приватизации государственных и муниципальных предприятий республики, а также положение, регламентирующее деятельность постоянных парламентских комиссий. Образованы комиссии по вопросам законодательства и законности и комиссии по бюджету, налоговой политике и социальным вопросам [Степное Уложение 1994].

III сессия Народного Хурала (Парламента) РК состоялась 19 января 1995 г. По первому из 16 вопросов в повестке дня выступил директор департамента финансов министерства экономики и финансов РК А. В. Дорждеев с докладом об исполнении бюджета за 1994 г. Далее дискуссия развернулась при обсуждении депутатами вопроса о проекте постановления об административной ответственности за нарушение порядка пребывания и определения на постоянное место жительства в Республике Калмыкия. Представляя проект, министр юстиции А. Ц.-К. Манджиев подчеркнул необходимость его принятия в целях обеспечения регулирования миграционных потоков и предупреждения незаконной миграции на территорию республики [Известия Калмыкии 1994б].

Был принят также и проект постановления об усилении административной ответственности за отдельные виды правонарушений. Сессия приняла постановления по вопросам, касавшимся государственной

поддержки предприятий Всероссийского общества глухих и инвалидов, а также предоставление льгот по уплате налога на землю, занимаемые дорогами общего пользования. Без обсуждения был принят в первом чтении проект Закона «О референдуме Республики Калмыкия» [Материалы ... 1995].

Таким образом, Народный Хурал (Парламент) РК стал высшим представительным и законодательным органом государственной власти Республики Калмыкия с избирательным сроком на 4 года. В соответствии с принципами разделения властей по Степному Уложению (Основному Закону) РК деятельность Народного Хурала (Парламента) РК ограничивается законодательными функциями, которые осуществлялись в рамках норм федерального законодательства и законодательства Республики Калмыкия.

Народный Хурал (Парламент) РК, согласно Степному Уложению (Основному Закону) РК, наделен достаточными полномочиями для формирования правовой базы, законотворческой работы в сфере бюджета, финансов, налоговой политики. Активно участвуя в формировании исполнительных и судебных органов, Народный Хурал (Парламент) РК обеспечивал единство законодательного регулирования на территории республики, осуществлял контроль за исполнением республиканских законов и собственных постановлений, за их соответствием Конституции Республики Калмыкия и законодательству Российской Федерации.

Как показала практика, переходный период, который был объявлен Президентом РК в 1993 г., неизбежно был связан с отменой прежнего законодательства и принятием большого числа новых законов, созданием правовой основы трансформировавшегося общества. При этом были также устранены существовавшие неточности и нарушения в законодательстве республики.

Перед новым Народным Хуралом (Парламентом) РК были поставлены большие и важные задачи по устранению лакунов в правовом пространстве, дальнейшему совершенствованию нормативно-правовой базы, подготовке и принятию законов, обеспечивающих развитие экономической, политической, социальной и духовной жизни в регионе.

Литература

- Илюмжинов К. Н.* Калмыкия курсом радикальных реформ. Элиста: Джангар, 1997. 191 с.
- Илюмжинов К. Н., Максимов К. Н.* Калмыкия на рубеже веков. М.: Зело, 1997. 493 с.
- Известия Калмыкии.* 1994. 10 сент
- Известия Калмыкии.* 1995. 20 янв.
- Максимов К. Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. М.: Наука, 2002. 524 с.
- Максимов К. Н.* Калмыкия — субъект Российской Федерации. М., Республика, 1995. 320 с.
- Материалы III сессии Народного Хурала (Парламента) Республики Калмыкия (19 января 1995 г.)* // Архив Народного Хурала (Парламента) Республики Калмыкия.
- Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия от 5 апреля 1994 г. (с изменениями и дополнениями). Комментарий к Степному Уложению (Конституции) Республики Калмыкия [Электронный ресурс] // URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_kalmik/ (дата обращения: 25.09.2011).*

УДК 49
ББК Ш 164.2

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЗВУКОВОГО СТРОЯ ЯЗЫКОВ ДЕРБЕТОВ КАЛМЫКИИ И МОНГОЛИИ*

В. И. Рассадин, С. М. Трофимова

Калмыцкий язык, его грамматика, как известно, изучаются уже давно, начиная с середины XIX века, достаточно вспомнить труды А. Бобровникова [1849] и А. Попова [1847]. Все последующие годы они также не оставались без внимания исследователей, о чем свидетельствуют, к примеру, исследования грамматического строя калмыцкого языка В. Л. Котвича [1929], Г. Д. Санжеева [1940], У. У. Очирова [1964], Б. Б. Бадмаева [1966], а также труды последнего времени — академическая «Грамматика калмыцкого языка» [1983], «Вопросы теоретической грамматики калмыцкого языка» [2002; 2008] и ряд других. Исследованы фонетика, лексика и синтаксис. Менее всего в этом плане повезло калмыцкой диалектологии, по которой почти нет работ, где бы получили свое полное описание калмыцкие говоры. Здесь можно назвать лишь несколько крупных исследований, таких как работа А. Ш. Кичикова «Дербетский говор» [1963], монографии Н. Н. Убушаева, посвященные описанию торгутского говора [1979] и диалектной системы калмыцкого языка вообще [2006]. Проблеме же изучения калмыцкого языка и его говоров в сравнительном аспекте с языком ойратов и ойратскими говорами Монголии почти не уделялось внимания монголистами. Здесь можно назвать лишь совместное исследование российских и монгольских ученых, посвященное историческим связям калмыцкого языка с языком ойратов Монголии [Рассадин и др. 2010]. Конкретные же говоры калмыцкого языка в данном аспекте вообще не изучались.

Ниже мы делаем попытку осуществить сравнительное исследование пока только

фонетики языка дербетов Калмыкии с фонетикой языка дербетов Монголии. При анализе мы опирались на упомянутую выше работу А. Ш. Кичикова и собственные наблюдения над говором дербетов Калмыкии. Материал по говору дербетов Монголии взят из работ Э. Вандуя [1965] и Ж. Цолоо [1988].

Сравнительное исследование фонетики дербетского говора, одного из основных говоров калмыцкого языка, наряду с торгутским и бузавским говорами [Убушаев 2006: 5–6], со звуковым строем языка дербетов Монголии, составлявших с дербетами России некогда (несколько сот лет тому назад) единый народ в Центральной Азии, позволило получить следующие результаты.

Прежде всего, следует отметить, что сравнение общего состояния звукового строя дербетского говора со звуковым строем языка дербетов Монголии показало, что между ними не выявилось принципиальной разницы. Их звуковой строй в своих основных классификационных чертах сходен и позволяет объединить язык дербетов России и язык дербетов Монголии в язык, входящий в самостоятельный ойратский ареал монгольских языков, сформировавшийся, по всей вероятности, со своими специфическими чертами еще в глубокой древности. В ходе формирования ойратского ареала в звуковом строе языков ойратских племен, в том числе и дербетов, одних из предков калмыков, происходили единые эволюционные процессы, в результате действия которых современные калмыцкий язык и ойратские говоры Монголии, несмотря на то, что их носители в течение более четырехсот лет

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Язык дербетов России и Монголии», № 11-24-03005a/Mon.

разделены многотысячным пространством, сохраняют сходные фонетические черты.

Характерные специфические признаки звукового строя ойратского ареала явственнее всего проявляются при сравнении ойратской фонетики с фонетикой соседствующего халха-монгольского языка, ибо в их основе лежит звуковой строй одного и того же монгольского праязыка, из которого они развились.

В области вокализма сравнение выявило следующую картину эволюции гласных фонем. Современная система вокализма как языков ойратского ареала, так и халха-монгольского включает три группы гласных фонем: группу кратких гласных, долгих гласных и дифтонгов.

По своим характерным признакам краткие гласные четко делятся на краткие гласные, употребляющиеся только в первом слоге, и на гласные, используемые в последующих слогах. У этих двух групп кратких гласных разные акустические признаки. Современные краткие гласные первого слога являются гласными полного образования, имеют четко выраженные акустические классификационные признаки (постоянную длительность, устойчивую тембровую окраску) и определяются как передне- и заднеязычные по месту образования.

В языках калмыцких дербетов, дербетов Монголии и халха-монголов краткие гласные первых слогов произносятся одинаково четко и с полной артикуляцией. Дербеты Калмыкии употребляют следующие краткие гласные: три твердоядных — *a*, *o*, *y*; пять мягкорядных — *э* (*e*), *э*, *ө*, *ү*, *и*. В системе вокализма говора дербетов Монголии в принципе представлена та же система кратких гласных первого слога, что и вышеупомянутая калмыцкая система.

Процесс становления системы кратких гласных в языке дербетов Калмыкии и Монголии происходил следующим образом: четыре древнемонгольских твердоядных кратких гласных **a* (*a*), **o* (*o*), **u* (*u*), **ы* (*i*) частично сохранились, частично трансформировались.

При этом гласный **a* (*a*) продолжает оставаться в первом слоге многих твердоядных слов как общедербетского, так и халхаского языков в словах типа дерб. *арвāн*, х.-монг. *арав* // *арван* (< др.-монг. **arban*) 'десять'; дерб. *амāн*, х.-монг. *ам* // *аман* (< др.-монг. **aman*) 'рот, уста'; дерб. *баййн*, х.-монг. *баян* (< др.-монг. **bayan*)

'богатый'. Гласный *a* в первом слоге в некоторых случаях появляется вместо **i* в результате действия раннего перелома гласного **i*. Например, дерб. *махāн*, х.-монг. *мах* // *махан* (< др.-монг. **mīqan*) 'мясо' (> стп.-монг. *mīqan* > бур. *мяхан* id.); дерб. *ямаан*, х.-монг. *ямаа* // *ямаан* (< др.-монг. **yītaγan* 'коза' < др.-тюрк. *jītγa* 'самка дикого горного козла' ~ *ītγa* 'коза'), ср. стп.-монг. *ītaγan* > бур. *нимаан-ямаан* 'коза'.

Твердоядный краткий гласный **o* (*o*) либо продолжает сохраняться начиная со времен древнего монгольского языка, например: дерб. *долаан*, х.-монг. *долоо(н)* (< др.-монг. **doluγan*) 'семь'; дерб. К. *йосāн*, дерб. М. *йосūн*, х.-монг. *ес* // *есон* (< др.-монг. **yosun*) 'обычай, традиция'; дерб. *олāн*, х.-монг. *олон* (< др.-монг. **olan*) 'много', либо развился в результате перелома гласного **i* ~ **i*, например: дерб. *жолāа*, х.-монг. *жолоо* (< др.-монг. **žiliγa*) 'поводья'; дерб. *жорāа*, х.-монг. *жороо* (< др.-монг. **žiruγa*) 'иноходец'; дерб. *чонā*, х.-монг. *чоно* (< др.-монг. **čīnuā*) 'волк'. Особенностью языка дербетов Калмыкии является своеобразное оканье, когда в говоре во многих словах, главным образом перед согласными *м* и *в*, произносят в первом слоге *o* вместо *y*, например: дерб. К. *совсāн* 'жемчуг', дерб. М. *сувсūн* 'бусы' (< др.-монг. *subsun* 'жемчуг'); дерб. К. *горвāн*, дерб. М. *гурвūн* (< др.-монг. *yurban*) 'три'.

Краткий твердоядный **u* (*u*) аналогичным образом либо сохраняется со времен древнемонгольского языка, например: дерб. *улаан*, х.-монг. *улаан* (< др.-монг. **ulaγan*) 'красный'; дерб. К. *усāн*, дерб. М. *усūн*, х.-монг. *ус* // *усан* (< др.-монг. **usun*) 'вода', — либо развился из **i* ~ **i* в результате процесса перелома, например: дерб. К. *удгāн*, дерб. М. *удгūн*, х.-монг. *удаган* (< др.-монг. **iduγan*) 'шаманка' (< др.-тюрк. *īduq* 'священный, святой'); дерб. *утхā*, х.-монг. *хутга* (< др.-монг. **qītuγa*) 'нож'; дерб. К. *цусāн*, дерб. М. *цусūн*, х.-монг. *цус* // *цусан* (< др.-монг. **čisun*) 'кровь'; дерб. К. *нургāн*, дерб. М. *нургūн*, х.-монг. *нуруу* (< др.-монг. **nīruγun*) 'спина' (> стп.-м. *nīruγun* > бур. *нюрган* id.).

Краткий гласный **ы* (*i*) твердого ряда в первом слоге современных калмыцкого, ойратского и монгольского языков не сохранился, перейдя либо в другие твердоядные гласные в результате перелома, либо развился в мягкий переднеязычный *i*, что часто наблюдается в калмыцком и ойратском

языках. Твердоядные слова часто при этом переходят в мягкорядные: дерб. *жиргэл*, х.-монг. *жаргал* (< др.-монг. **žiryal*) ‘счастье’; дерб. *чинэр*, х.-монг. *чанар* (< др.-монг. **činar* < ***iinar*) ‘качество’; дерб. К. *килгэсэн*, дерб. М. *килгэсүн*, х.-монг. *хялгас* (< стп.-м. *kilyasun* < др.-монг. **qilyasun*) ‘конский волос’ (< др.-тюрк. *qıl* id.).

В мягкорядных словах в языках дербетов Калмыкии и Монголии используются краткие гласные *э (*e*), *ä (*ä*), *ö (*ö*), *ү (*ü*), *и (*i*). Как и гласные твердого ряда, приведенные мягкорядные гласные произносятся с полной артикуляцией и достаточно четко лишь в первом слоге. В других слогах они используются лишь в аффиксальных морфемах, например: *бичг* ‘письмо’ — *бичгийн* ‘письменный’, *эмн* ‘жизнь’ — *эмнэ* ‘жизненный’. Кроме того, эти краткие гласные в калмыцкой орфографии используются для обозначения соответствующих мягкорядных долгих гласных в любом слоге, поскольку долгие гласные в калмыцком литературном письменном языке в отличие от дербетских говоров и халха-монгольского языка могут сокращаться до состояния кратких гласных полного образования, например: калм.-лит. *сэн* — дерб. *сээн*, х.-монг. *сайн* ‘хороший’ (< стп.-монг. *sayin* id.); калм.-лит. *өрүн* — дерб. *өрүүн* ‘утро’; калм.-лит. *темэн* — дерб. *темээн*, х.-монг. *тэмээ(н)* ‘верблюды’ (< стп.-монг. *temegen* id.).

Процесс формирования системы кратких мягкорядных гласных общедербетского языка происходил следующим образом: *э (*e*), прежде всего, наследует древнемонгольскую фонему *э первого слога, например: дерб. *энэ*, х.-монг. *энэ* (< др.-монг. **ene*) ‘этот’; дерб. *эмээл*, х.-монг. *эмээл* (< др.-монг. **emetel*) ‘седло’; дерб. *текэ*, х.-монг. *тэх* (< др.-монг. **teke*) ‘козел’. В единичных случаях начальный гласный *e* развился из древнемонгольского гласного *i, например: дерб. *негэн*, х.-монг. *нэг* // *нэгэн* (< др.-монг. **nigen*) ‘один’.

Относительно появления гласного *ä* в системе мягкорядных гласных языков ойратского ареала, в том числе и в языке дербетов, следует отметить, что этого гласного не было в древнемонгольском языке, а развился он лишь в ойратском ареале на месте твердоядного гласного *a под влиянием гласного *i < *i второго слога древнемонгольских слов вследствие действия ассимилятивных процессов. Древние монгольские

соответствующие слова при этом переходили в разряд мягкорядных слов. Наличие гласного *ä* является специфической чертой системы гласных языков ойратского ареала, например: дерб. *бэрхэ*, х.-монг. *барих* ‘схватить, поймать’ (< стп.-монг. *bariqu* id.); дерб. *хэрхэ*, х.-монг. *харих* ‘возвращаться домой’ (< стп.-монг. *qariqu* id.).

Гласный *ö (*ö*) обычно сохраняется от древнемонгольского состояния, например: дерб. *өндөр*, х.-монг. *өндөр* (< др.-монг. **öndür*) ‘высокий’; дерб. *көл*, х.-монг. *хөл* (< др.-монг. **köl*) ‘ноги’; дерб. *мөсөн*, х.-монг. *мөс* // *мөсөн* (< др.-монг. **mölsün*) ‘лед’. В ряде случаев калмыцкие и ойратские *ö* в первом слоге развились из древнемонгольских гласных *e и *i под влиянием процессов ассимиляции, например: дерб. *өдөр*, х.-монг. *өдөр* (< др.-монг. **edür*) ‘день’; дерб. *өвсөн*, х.-монг. *өвс* // *өвсөн* (< др.-монг. **ebüsün*) ‘травы’; дерб. *шөлэн*, х.-монг. *шөл* // *шөлөн* (< др.-монг. **šilün* < ***silün*) ‘бульон’. В то же время отмечается закономерность перехода твердоядного *o* первого слога под влиянием гласного *u(i)* второго слога в мягкорядный гласный *ö*, что повлекло за собой превращение твердоядного слова в мягкорядное, например: ср.-монг. **morin* > х.-монг. *морь* // *морин* — дерб. *мөрін* ‘лошадь, конь’; ср.-монг. **qorin* > х.-монг. *хорь* // *хорин* — дерб. *хөрін* ‘двадцать’; ср.-монг. **qoyina* > х.-монг. *хойно* — дерб. *хөөнэ* ‘после’; ср.-монг. **qonin* > х.-монг. *хонь* // *хонин* — дерб. К. *хөөн*, дерб. М. *хөөн*, *хөө*, *хөй*, *хөөн* ‘овца’. В языке дербетов, причем как в Калмыкии, так и в Монголии, наблюдается употребление *ö* вместо *y* перед согласными *m* и *v*, например: дерб. К. *хөвэ*, дерб. М. *хөб*–*хүб*–*хүв*, х.-монг. *хувь* (ср.: стп.-монг. *qubi*) ‘судьба, доля’; дерб. *хөмхэ*, х.-монг. *хумих* (ср.: стп.-монг. *qutiqu*) ‘собрать, сложить’.

Начальный гласный *ү (*ü*) языков ойратского ареала, как и в халха-монгольском языке, обычно наследует в этой позиции древний монгольский гласный *ü, например: дерб. *күрхэ*, х.-монг. *хүрэх* (< др.-монг. **kürekü*) ‘достигать’; дерб. *күсэл*, х.-монг. *хүсэл* (< др.-монг. **küsel*) ‘желание’; дерб. *үсөн*, х.-монг. *сүү* // *сүүн* (< др.-монг. **üsün*) ‘молоко’. В ряде случаев начальный гласный *y* в языке дербетов развился на месте гласных *e и *i первого слога древнемонгольского языка в результате действия процессов ассимиляции, например: дерб. К. *өвэл*, дерб. М. *үвэл*, х.-монг. *өвөл* (< др.-

монг. **ebül*) ‘зима’; дерб. *нүдэн*, х.-монг. *нүд* // *нүдэн* (< др.-монг. **nidiün*) ‘глаз, глаза’; дерб. *үлүү*, х.-монг. *илүү* (< др.-монг. **ilegü*) ‘излишек, избыток’; дерб. *бүрүү*, х.-монг. *бярүү* (< стп.-монг. *birayu* < др.-монг. **birayu*) ‘теленек двух лет’.

Гласный *и* (*i*) языка дербетов в мягкорядных словах наследует древнемонгольский гласный **i*, например: дерб. *бичкэн*, х.-монг. *бичхан* (< др.-монг. **bičiqan*) ‘маленький’; дерб. *жижиг*, х.-монг. *жижиг* (< др.-монг. **žižig*) ‘мелкий’; дерб. *ичхэ*, х.-монг. *ичих* (< др.-монг. **ičikü*) ‘стыдиться’. Кроме того, *и* появляется в твердорядных словах языка дербетов на месте древнемонгольского **i*, о чем было сказано выше.

Краткие гласные непервых слогов являются гласными неполного образования, имеют нечеткую артикуляцию, неустойчивую длительность и определяются как неясные гласные, способные к полной редукции. По своим артикуляционным признакам они скорее относятся к гласным смешанного образования и произносятся в твердорядных словах как звуки, колеблющиеся между фонемами [а] и [ы], в мягкорядных словах — как звуки средние между фонемами [э] и [и], обозначаемые нами как *ä* и *ë*, часто сохраняется также и [и] в виде *ĩ* там, где в старомонгольском языке было *i*, например: *мөрін* (< *morin*) ‘лошадь’. Наблюдения над реальным произношением гласных разных слогов дербетских и халха-монгольских слов показали, что в халха-монгольском языке неясные гласные вторых и следующих слогов имеют в общих чертах сходную артикуляцию, что и в языке дербетов Калмыкии и Монголии. Разница состоит в том, что в халхаском языке эти гласные подвергаются меньшей редукции, что поддерживается их орфографическим оформлением, причем с сохранением огубленных *о* и *ө* под влиянием халхаского губного сингармонизма (напр. *явсан* ‘ушел’, *ирсэн* ‘пришел’, *болсон* ‘был’, *өгсөн* ‘дал’). В языке дербетов Калмыкии краткие неясные гласные обычно значительно сокращаются, что часто приводит их к полному исчезновению. Это дало основание калмыкам полностью отказаться от их обозначения на письме (напр. *йовсн* ‘ушел’, *ирсн* ‘пришел’, *болсн* ‘был’, *өгсн* ‘дал’). В дербетских говорах Монголии, которые, кстати, не имеют своей письменной формы, эти гласные, хотя и кратко, но произносятся, видимо под влиянием халхаского языка, их редукция не столь явно

выражена, как в калмыцком языке. Так, монгольские ученые обозначают данные гласные знаком «~», который они ставят над буквой второго, третьего и последующих слогов, где они встречаются согласно гармонии гласных, например: *altān* ‘золото; золотой’, *okā, okō, okān, okūn* ‘дочь’, *anīsxā* ‘веки’, *kemkēdēk* ‘злой, кусачий (о собаке)’, *mōnggūn* ‘серебро; серебряный’, *axlātšī* ‘старшина, глава’ и т. п.

В системе вокализма современных дербетских говоров как Калмыкии, так и Монголии, а также халха-монгольского языка представлены долгие гласные, причем все они вторичные, образовавшиеся на месте двослогов в результате выпадения интервокальных согласных и слияния двух соседних гласных. Характер долготы при этом определяется по второму гласному двослога. Процесс образования долгих гласных происходил по типичной модели, что можно наглядно проиллюстрировать примером: др.-монг. **aγūla* > **a’ūla* > **o’ūla* > **u’ūla* > современные дерб. К. *уулā*, дерб. М. *уул*, х.-монг. *уул* ‘гора’. Образование долгих гласных на месте преобразования двослогов прослеживается во всех современных монгольских языках.

В дербетских говорах Калмыкии и Монголии имеется три долгих твердорядных гласных *aa*, *oo*, *uu* и пять мягкорядных — *ээ* (*ee*), *әә*, *өө*, *үү*, *ии*.

Наблюдение над эволюцией конкретных долготных комплексов с согласными -*γ*- и -*g*- в инлаутной позиции позволило получить здесь следующую картину:

*-*aγa*- > -*aa*- (др.-монг. **bayatur* > дерб. *баатāр* ‘богатырь, герой’; др.-монг. **ulaγan* > дерб. *улаан* ‘красный’);

*-*aγi*- > -*uu*- (др.-монг. **baγuqu* > дерб. *буухā* ‘слезать’; др.-монг. **maγu* > дерб. *муу* ‘плохой’);

*-*uγa*- > -*aa*- (др.-монг. **doluyan* > дерб. *долаан* ‘семь’; др.-монг. **žiruγa* > дерб. *жораа* ‘иноходь; иноходец’);

*-*iγa*- > -*iγa*- > -*aa*- (др.-монг. **nīγaqui* > дерб. *наах* ‘приклеивать’; стп.-м. *žīγaqui* > дерб. *заахā* ‘указывать’);

*-*oγa*- > -*oo*- (др.-монг. **toγa* > дерб. *моо* ‘число’; др.-монг. **toγa-bar* > дерб. *моогаар* ‘числом’);

*-*uγi*- > -*uu*- (др.-монг. **buγura* > дерб. *буурā* ‘верблюд-самец’; др.-монг. **tuγurγa* > дерб. *туурphā* ‘войлочная стена юрты’; др.-монг. **quγur* > дерб. *хуур* ‘смычный музыкальный инструмент’);

*-iyu- > -iyu- > -уу-, -үү- (др.-монг. *nīyūqu > дерб. нууха ‘утаивать’; стп.-м. qariyū > дерб. хэрүү ‘ответ’);

*-ege- > -ээ-, -ее-, -ээ- (др.-монг. *emegel > дерб. эмээл ‘седло’; др.-монг. *egemeteg > дерб. ээмэг ‘серьги в виде большого кольца’; др.-монг. *deger-e > дерб. deerē ‘наверху’);

*-egü- > -үү- (др.-монг. *egülen > дерб. үүлэн ‘облако’; др.-монг. *degü > дерб. дүү ‘младший брат, сестра’);

*-ige- > -ээ-, -ее- (др.-монг. *šigekü > дерб. шеехэ ‘мочиться’; др.-монг. *šige > дерб. зее ‘племянник; внук по дочери’);

*-igi- > -ии- (др.-монг. *čigig > дерб. чииг ‘сырость, влага; роса’; др.-монг. *čigigtei > дерб. чиигтээ ‘сырой, влажный’);

*-igü- > -үү- (др.-монг. *serigün > дерб. серүүн ‘прохладный’; др.-монг. *terigün > дерб. түрүүн ‘головной, передовой’);

*-ügü- > -үү- (др.-монг. *küžügün > дерб. күзүүн ‘шея’; др.-монг. *ügürmeg > дерб. үүрмэг ‘мелкий’);

*-üge- > -ээ- (др.-монг. *čilüge > дерб. чөлөөн ‘свобода’; др.-монг. *örlüge > дерб. өрлээ ‘утро’);

*-öge- > -өө- (др.-монг. *töge > дерб. төө ‘пядь’; др.-монг. *žögekü > дерб. зөөхэ ‘перевозить’; др.-монг. *žögele > дерб. жөөлөн ‘мягкий’);

*-aβ- > -ау- > -уу- (др.-монг. *taβlai > стп.-м. taulai > дерб. К. туулээ, дерб. М. туулаа ‘заяц’; др.-монг. *aβyan > стп.-м. auyan > дерб. ууган ‘первенец’);

*-eβ- > -ей- > -үү- (др.-монг. *teβke > стп.-м. teiuke ‘история’ > дерб. түүкэ ‘повесть, сказание’; др.-монг. *keβken > стп.-м. keiiken > дерб. күүкэн ‘девушка, девочка’);

*-oβ- > -оу- > -уу- (др.-монг. *čoβqur > стп.-м. čouqur > дерб. цоохар ‘пестрый’; др.-монг. *qoβ > стп.-м. qou > дерб. хуу ‘весь, все’).

Долготные комплексы, в которых в интервокальном положении вместо увулярного -ү- и заднеязычного -g- в истории древне-монгольского языка находился среднеязычный щелевой -у- (-й-), также подвергались в процессе эволюции звукового строя языков ойратского ареала трансформации за счет выпадения этого интервокального согласного. При этом, как было рассмотрено выше, после выпадения смычных согласных на месте долготного комплекса развивались долгие гласные, после выпадения же щелевого среднеязычного -у- (-й-) в разных монгольских языках развились гласные

различного качества: как дифтонги, так и долгие монофтонги, причем первые развились в основном в халха-монгольском, бурятском, дагурском и других языках, кроме ойратских и западных бурятских говоров. В дербетских и западных бурятских говорах вместо дифтонгов появились долгие гласные, при этом как в позиции анлаута и инлаута, так и ауслаута [Рассадин 1982: 117].

Следует отметить, что развитие древнего двоеслога *-au- в истории монгольских языков дало разные результаты: в халха-монгольском языке и в языке восточных бурят в этой позиции развился твердоярдный дифтонг -ай-, а в языке западных бурят и в дербетских говорах — соответственно мягкорядный долгий гласный -ээ-. Это хорошо прослеживается при сравнении соответствующих примеров: др.-монг. *ayinat > х.-монг. айна, вост.-бур. айна, зап.-бур. ээна, дерб. К. ээнээ, дерб. М. ээнэ ‘боится’; др.-монг. *ayil > х.-монг. айл, вост.-бур. айл, зап.-бур. ээл, дерб. ээл ‘двор; хозяйство’; др.-монг. *tayilaqu > х.-монг. тайлах, вост.-бур. тайлаха, зап.-бур. тээлха, дерб. тээлхэ ‘развязывать, отвязывать, снимать одежду’; др.-монг. *bayinat > х.-монг. байна, вост.-бур. байна, зап.-бур. бээна, дерб. К. бээнээ, дерб. М. бээнэ ‘имеется, есть’; др.-монг. *dayin > х.-монг. дайн, вост.-бур. дайн, зап.-бур. дээн, дерб. дээн ‘война’.

Комплекс *-ou- дает либо твердоярдный дифтонг -ой- в халха-монгольском языке и в восточнобурятских говорах, либо долгий мягкорядный -өө- в западнобурятских и в дербетских говорах, например: др.-монг. *ouira > х.-монг. ойр, вост.-бур. ойро, зап.-бур. өөра, дерб. өөрä ‘близко, поблизости’; др.-монг. *nouir > х.-монг. нойр, вост.-бур. нойр, зап.-бур. нөөр, дерб. нөөр ‘сон’, др.-монг. *qouina > х.-монг. хойно, вост.-бур. хойно, зап.-бур. хөөна, дерб. хөөнэ ‘после’.

Комплекс *-ui- в халха-монгольском языке и в восточнобурятских говорах дает дифтонг -уй-, в западных бурятских говорах здесь развился долгий мягкорядный үү, в дербетских говорах — твердоярдный уу, например: др.-монг. *uiyaqu > х.-монг. уйлах, вост.-бур. уйлаха, зап.-бур. үүлаха, дерб. уульхэ ‘плакать’; др.-монг. *uیداqu > х.-монг. уйдаах, вост.-бур. уйдааха, зап.-бур. үүдха, дерб. уудхэ ‘скупать, грустить’.

Комплекс *-eu- в халха-монгольском дал дифтонг -ий-, в бурятских говорах, как в восточных, так и западных, а также в дербетских говорах дал долгий -ии-, например:

др.-монг. **devilekü* > х.-монг. *дийлэх*, зап.-бур., вост.-бур. *дишлэхэ*, дерб. *дишлхэ* 'победить'; др.-монг. **eүitüi* > х.-монг. *ийм*, вост.-бур., зап.-бур. *ишмэ*, жерб. *Иимё* 'такой'.

Комплекс **-iүi-* в халха-монгольском языке и в восточных бурятских говорах трансформировался в мягкорядный дифтонг *-үй-*, в западных бурятских говорах и в языке дербетов — в долгий мягкорядный *-үү-*, например: др.-монг. **iүisün* > х.-монг. *үйс* // *үйсэн*, вост.-бур. *үйһэн*, зап.-бур. *үүһэн*, дерб. *үүсён* 'кора березы'; др.-монг. **tiүimer* > х.-монг. *түймэр*, вост.-бур. *түймэр*, зап.-бур. *түүмэр*, дерб. *түүмёр* 'лесной пожар'. В некоторых случаях этот комплекс в дербетских говорах, как и в западных говорах бурятского языка, вместо долгого мягкого *-үү-* развился в долгий *-иш-*, например: др.-монг. **kiiyiten* > х.-монг., вост.-бур. *хүйтэн*, зап.-бур. *хиштэн*, дерб. *киштён* 'холодный'; др.-монг. **kiiyisün* > х.-монг. *хүйс* // *хүйсэн*, вост.-бур. *хүйһэн*, зап.-бур. *хиһэн*, дерб. *кишсён* 'пупок'; др.-монг. **siүike* > х.-монг. *сүйх*, бур. *хишхэ*, дерб. *сишкё* 'серьги'.

Комплекс *-iya-*, зафиксированный как таковой в старописьменном монгольском языке, развился в современном монгольском языке и во всех бурятских говорах в долгий гласный *-аа-* с палатализацией предшествующего согласного, например: стп.-монг. *tariyan* > х.-монг. *тариа(н)*, бур. *таряан* 'хлеб, зерно; урожай'; стп.-монг. *takiya* > х.-монг. *тахиа*, вост.-бур. *тахья*, зап.-бур. *тахья~тасья* 'курица'. В языке же дербетов на месте этого комплекса развился долгий *-ээ-*, например: дерб. *такээ* 'курица', дерб. *тэрэн* 'хлеб, зерно; посев'. Здесь прослеживается влияние гласного *-i-*, поскольку в этих словах наблюдается переход твердорядного слова в его мягкорядный вариант под действием гласного *-i-*, как это наблюдается и в словах без долготного комплекса, например: дерб. *бэрүүл* 'рукоятка' (< стп.-монг. *bariyul* > х.-монг. *бариул*, бур. *барюул* id.).

Комплекс *-iye-*, зафиксированный как таковой в старописьменном монгольском языке, развился в современном монгольском языке и во всех бурятских говорах в долгий мягкорядный *-ээ-*, а в языке дербетов в долгий *-ээ-*, например: стп.-монг. *küliyekü* > х.-монг. *хүлээх*, бур. *хүлээхэ*, дерб. *күлээхэ* 'ждать, ожидать'; стп.-монг. *iñiyen* > х.-монг. *үнээ(н)*, бур. *үнеэн*, дерб. *үнээн* 'корова'.

Дифтонги, стоящие в ауслауте монгольских древних слов, хорошо сохранились в халха-монгольском языке и восточных бурятских говорах, но перешли в долгие гласные в языке дербетов и в западных бурятских говорах. При этом твердорядные дифтонги зачастую дают здесь долгие монофтонги согласно принятой гармонии гласных. В ойратском ареале вместо дифтонгов произносятся долгие широкие гласные, причем во многих случаях наблюдается в данном случае, наряду с твердорядными долгими гласными, также мягкорядные гласные, т. е. либо *аа*, либо *ээ*: др.-монг. **dalai* > х.-монг., вост.-бур. *далай*, зап.-бур. *далээ*, дерб. К. *далээ* // *дэлээ*, дерб. М. *далаа* 'океан'; др.-монг. **yaqai* > х.-монг., вост.-бур. *гахай*, зап.-бур. *гахээ*, дерб. К. *гахээ*, дерб. М. *гахаа* 'свинья'; др.-монг. **delekei* > х.-монг. *дэлхий*, вост.-бур. *дэлхэй*, зап.-бур. *дэлхээ*, дерб. *делкээ* 'вселенная'; др.-монг. **begelei* > х.-монг. *бээлий*, вост.-бур. *бээлэй*, зап.-бур. *бээлээ*, дерб. *беелээ* 'рукавицы'; др.-монг. **oi* > х.-монг., вост.-бур. *ой*, зап.-бур. *өө*, дерб. *өө* 'лес'; др.-монг. **qirui* > стп.-монг. *kirui* > дерб. К. *кирүү* 'кобчик, перепелятник', ср.: х.-монг. *хяргуй* id.

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что в языке дербетов Калмыкии, как и у дербетов Монголии, наблюдаются одни и те же процессы развития долготных комплексов и дифтонгов и превращение их в монофтонги, которые становятся передними, если в словоформе присутствует гласный *i*.

В области консонантизма отличий в составе и артикуляции согласных в языке дербетов Калмыкии и Монголии почти не выявилось. Среди них обнаруживается почти полное сходство. Нет принципиальных различий и между системами согласных общедербетского и халха-монгольского языков. Единственным отличием здесь является употребление свистящего щелевого согласного *з* в языке дербетов Калмыкии вместо свистящей аффрикаты *дз* халха-монгольского языка и языка дербетов Монголии, развившейся из шипящей аффрикаты *ж* древнемонгольского языка, которая произносится в анлауте, видимо под влиянием халхаского языка, например: др.-монг. **žiriyuan* > х.-монг. *дзургаа(н)*, дерб. М. *дзургаан*, дерб. К. *зургаан* 'шесть'; др.-монг. **žiyasun* > х.-монг. *дзагас*, дерб. М. *дзагасан~дзагас*, дерб. К. *загасан* 'рыба'. В позиции же инлаута у дербетов Монголии, как и у дербетов

Калмыкии, в основном представлен щелевой *з*, например: др.-монг. **baʒa* > х.-монг. *бадз*, бур. *база*, дерб. *базй* ‘свояк’; др.-монг. *eʒen* > х.-монг. *эдзэн*, бур. *эзэн-эжин*, дерб. *эзён*. Появление аналогичного согласного *з* вместо *дз* характерно и для бурятского языка: например, ср. соответствующие бурятские слова *зургаан* ‘шесть’, *загаһан* ‘рыба’, *база* ‘свояк’.

Кроме того, система согласных в языке дербетских говоров отличается от таковой халха-монгольского языка и тем, что в них, как и в древнемонгольском языке, сохраняется смычный глухой мягкорядный заднеязычный согласный *к*, который в халха-монгольском и бурятском языках превратился в мягкорядных словах в глухой щелевой согласный *х*, например: др.-монг. **kōke* > х.-монг. *хөх*, бур. *хүхэ*, дерб. *көкё*; др.-монг. **keiken* > х.-монг., бур. *хүүхэн*, дерб. *күүкён* ‘девочка, девушка’.

В твердорядных словах смычный глухой увулярный древнемонгольский *q* во всех указанных современных монгольских языках перешел в глухой щелевой увулярный *х*, например: др.-монг. **aqa* > х.-монг. *ах*, бур. *аха*, дерб. *ахй* ‘старший брат’; др.-монг. **buqa* > х.-монг. *бух*, бур. *буха*, дерб. *бухй* ‘бык’; др.-монг. **čouqur* > х.-монг. *цоохор*, бур. *соохор*, дерб. *К. цоохйр*, дерб. *М. цоохйр* ‘пестрый’. В языке дербетов в одном случае наблюдается отклонение в употреблении увулярного *х*, выразившееся в том, что этот согласный употребляется и в мягкорядных словах, но только в форме причастия будущего времени, имеющего в древнемонгольском языке в мягкорядных словах форму **-kū*, в твердорядных словах **-qu*. При этом в языке дербетов, как в монгольском и бурятском языках, это причастие регулярно имеет согласный *х* как в твердорядной, так и в мягкорядной форме, например: стп.-монг. *irekü* — х.-монг. *ирэх*, бур. *ерэхэ*, дерб. *ирхё* ‘приходить’; стп.-монг. *yabuqu* — х.-монг. *явах*, бур. *ябаха*, дерб. *йовхй* ‘уходить’.

Отдельные древнемонгольские согласные тоже претерпели в процессе развития звукового строя монгольских языков некоторые изменения. Так, смычный звонкий губной согласный **b* (**ḡ*) в языке дербетов, как и в халхаском, сохраняет свой смычный характер, как правило, лишь в анлауте. В середине слова между гласными и перед гласными, а также в конце слова он теряет смычность и превращается в щелевой звонкий *в*

(*ḡ*). В бурятском языке древний согласный **b* сохраняется во всех позициях, например: др.-монг. **bataɣana* > х.-монг. *батгана*, бур. *батханаан*, дерб. *батгйнй* ‘муха’; др.-монг. **arban* > х.-монг. *арав* // *арван*, бур. *арбан*, дерб. *арвйн* ‘десять’; др.-монг. **qob* > х.-монг. *хов*, бур. *хоб*, дерб. *хов* ‘сплетня’.

В древнем монгольском языке в системе консонантизма были представлены лишь две аффрикаты: глухая шипящая **č* (*ч*) и звонкая шипящая **ʒ* (*дж*). В халха-монгольском языке в ряде слов на месте этих шипящих аффрикат появились четыре аффрикаты — *ч*, *ц*, *дж* и *дз*, в бурятском языке все эти четыре аффрикаты утратили смычку и превратились в обычные щелевые согласные *ш*, *ж*, *с*, *з*. Язык дербетов Калмыкии употребляет вместо двух древнемонгольских и четырех халха-монгольских аффрикат лишь три аффрикаты — *ч*, *ж* (*дж*) и *ц*. Вместо четвертой монгольской аффрикаты *дз* здесь используется обычный щелевой *з*, о чем было сказано выше: др.-монг. **žiryal* > х.-монг. *джаргал*, бур. *жаргал*, дерб. *жиргйл* ‘счастье’; др.-монг. **čaɣaɣan* > х.-монг. *цагаан*, бур. *сагаан*, дерб. *цагаан* ‘белый’; др.-монг. **činua* > х.-монг. *чоно*, бур. *шоно*, дерб. *чонй* ‘волк’; др.-монг. **žada* > х.-монг. *дах*, бур. *заха*, дерб. *К. захй*, дерб. *М. дзахй* ‘воротник’. В то же время в дербетском говоре Монголии наблюдается употребление фонемы [дз], как уже говорилось, во всех случаях там, где язык дербетов Калмыкии использует щелевой согласный *з*, например: дерб. *М. дзадй* — дерб. *К. задй* ‘ненастье, непогода’ (ср.: х.-монг. *дад*, бур. *зада* < др.-монг. *žada* id.); дерб. *М. дзагйсйн-дзагйс* — дерб. *К. загйсйн* ‘рыба’ (ср.: х.-монг. *дзагас* // *дзагасан*, бур. *загаһан* < др.-монг. *žiyasun* id.).

Прочие древние монгольские согласные хорошо сохраняются как в халха-монгольском, так и в языке дербетов Калмыкии и Монголии. Здесь мы имеем те же губные *м*, *б*, *в*, *п*, *ф*, переднеязычные *т*, *д*, *ш*, *н*, *л*, *р*, среднеязычный *й*, заднеязычный *к*, *г*, *х*, *ң* и увулярные *х*, *г*, *ң*.

Из явлений, связанных с историческим развитием древнего гласного **i* (*и*), следует отметить то, что в языке дербетов Калмыкии и Монголии, как и в халха-монгольском и бурятском, в определенный период их исторического развития произошел так называемый перелом гласного **i* (*и*), на месте которого под влиянием регрессивной ассимиляции образовался гласный звук другого

качества, подобный гласному слога, следующего за этим **i (u)*. При этом следует особо отметить, что общедербетский язык, как и халха-монгольский, претерпели перелом раннего типа еще на стадии, когда в твердоядных словах вместо средневекового **i (u)* был представлен твердоядный **i (ы)*, что подтверждается отсутствием палатализации у согласных, стоящих перед **i (ы)*. В отличие от этих языков в бурятском языке перелом произошел уже на той стадии, когда **i (ы)* в твердоядных словах перешел в мягкорядный **i (u)*, что подтверждается палатализацией предшествующего согласного: др.-монг. **mīqan* > х.-монг. *мах* // *махан*, дерб. *махан* 'мясо', стп.-м. *mīqan* > бур. *махан* 'мясо'; др.-монг. **qītusun* > х.-монг. *хумс* // *хумсан*, дерб. К. *хумсāн*, дерб. М. *хумсūн*–*хумсūн* 'ноготь', стп.-монг. *kītusun* > бур. *хюмһан* id. Как уже говорилось выше, под влиянием гласного *i (u)*, стоявшего в твердоядных словах, развилось опереднение гласного первого слога, вследствие чего все слово из разряда твердоядных перешло в мягкий ряд. Сам *i (u)* при этом исчез. Это явление обычно хорошо прослеживается в языке дербетов Калмыкии. В ойратских говорах Монголии, в том числе и в языке дербетов, тоже происходит опереднение твердоядных согласных, но *i (u)* при этом может и сохраняться: др.-монг. **qorin* > х.-монг. *хорь* // *хорин*, бур. *хорин*, дерб. К. *хөрөн*, дерб. М. *хөрөн* // *хөрін* 'двадцать'; др.-монг. **sabkin* > х.-монг. *савхи* // *савхин* 'тонкая выделанная кожа', бур. *сабхи* 'обувь, сапоги', дерб. К. *сэвкён*, дерб. М. *сэвкін* 'тонкая, выделанная кожа'; др.-монг. **qubi* > х.-монг. *хувь*, бур. *хуби*, дерб. К. *хөвї*, дерб. М. *хүвї* 'часть, доля'.

Относительно гармонии гласных, или сингармонизма, следует отметить, что как в языке дербетов Калмыкии и Монголии, так и в халха-монгольском и бурятском языках сохраняется два типа гармонии гласных: палатальной и лабиальной. Палатальный сингармонизм определяет отношение слова либо к твердому, либо к мягкому ряду, например: др.-монг. **taqa* 'подкова' — **teke* 'козел'; др.-монг. **taṣaṣu* 'отгадывать' — **tegekü* 'перевозить, нагружать воз'. Аналогичный статус этих слов сохраняется и в современных монгольских языках, ср. например: х.-монг. *тах*, дерб. *тахā*, бур. *таха* 'подкова' — х.-монг. *тэх*, дерб. К. *текё*, бур. *тэхэ* 'козел'; х.-монг. *таах*, дерб. К. *таахā*, бур. *тааха* 'отгады-

вать' — х.-монг. *тээх*, дерб. К. *теехё*, бур. *тээхэ* 'нагружать воз, перевозить'.

Губной же сингармонизм в этих языках неодинаков. Если в халха-монгольском и бурятском языках после гласного *o* первого слога в последующих слогах употребляется либо краткий *o*, либо долгий *oo*, то в языке дербетов Калмыкии и Монголии после *o* первого слога регулярно употребляется долгий *aa*, например: др.-монг. **doluṣan* > х.-монг. *долоо* // *долоон*, бур. *долоон*, дерб. *долаан* 'семь'; др.-монг. **noṣuṣan* > х.-монг. *ногоо* // *ногоон*, бур. *ногоон*, дерб. *ногаан* 'зелень'. В мягкорядных словах в халха-монгольском языке после *ө* первого слога, согласно закону губной гармонии, следует такой же огубленный *ө*, долгий либо краткий, например: *төлөө* 'для, ради', *өгсөндөө* 'когда дал'. В языке дербетов Калмыкии и Монголии в аналогичной позиции после начального *ө* всегда следует широкий гласный *э*, краткий или долгий, например: *төлээ* 'для, ради', *өгсөндээн* 'когда дал'.

Как можно было видеть из представленного выше анализа, историческое развитие фонетики языка дербетов Калмыкии и Монголии и сложение современного состояния их звукового строя происходили под влиянием различных фонетических процессов, среди которых можно выделить следующие: переход **i (ы)* > *i (u)*, перелом **i (ы)* и **i (u)*, ассимиляция и диссимиляция гласных, опереднение твердоядных гласных и переход твердоядных слов в мягкорядные, появление неясных гласных и их редукция, ослабление напряженности артикулирующих органов, что повлекло за собой выпадение интервокальных смычных *-γ-*, *-g-* и щелевого *-y (й)-*, благодаря чему развились долгие гласные, дифтонги перешли в монофтонги, смычный увулярный *q* ослабился и перешел в щелевой *x*. При этом характерной чертой звукового строя современного языка дербетов Калмыкии и Монголии является сохранение древнего смычного *k* в мягкорядных словах и отдельных твердоядных, развитие под влиянием **i (u)* в твердоядных словах на месте первослоговых *a*, *ay* мягких гласных *э* и *ээ*. Для общедербетского языка характерно также сохранение древнемонгольского типа губной гармонии гласных, при которой за огубленными *o* и *ө* следуют широкие гласные *a*, *aa* и *э*, *ээ*.

Сокращения

бур. — общепурятский язык; вост.-бур — восточный диалект бурятского языка; дерб. — общедербетский язык; дерб. К. — язык дербетов Калмыкии; дерб. М. — язык дербетов Монголии; др.-монг. — древнемонгольский язык; др.-тюрк. — древнетюркский язык; зап.-бур. — западный диалект бурятского языка; калм.-лит. — калмыцкий литературный язык; ср.-монг. — средневековый монгольский язык; стп.-монг. — старописьменный монгольский язык; х.-монг. — халха-монгольский язык

Литература

- Бадмаев Б. Б.* Грамматика калмыцкого языка. Морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 112 с.
- Бобровников А.* Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849. 400 с.
- Вопросы* теоретической грамматики калмыцкого языка. М.; Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2002. 166 с.
- Вопросы* теоретической грамматики калмыцкого языка. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008. Вып. 3. 129 с.
- Грамматика* калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 336 с.
- Кичиков А. Ш.* Дербетский говор. (Фонетико-морфологическое исследование). Элиста: Калмгосиздат, 1963. 86 с.
- Котвич В. Л.* Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Ржевнице у Прани. 1929. 418 с.
- Очиров У. У.* Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1964. 243 с.
- Попов А.* Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847. 390 с.
- Рассадин В. И.* Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 200 с.
- Рассадин В. И., Трофимова С. М., Шагдарсүрэн Ц., Болд Л., Даваасүрэн Б.* Историческая связь калмыцкого языка с языком ойратов Монголии. Элиста: Улан-Батор: Изд-во Калм. ун-та, 2010. 182 с.
- Санжеев Г. Д.* Грамматика калмыцкого языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 158 с.
- Убушаев Н. Н.* Фонетика торгутского говора калмыцкого языка. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979. 182 с.
- Убушаев Н. Н.* Диалектная система калмыцкого языка. Элиста: НПП «Джангар», 2006. 256 с.
- Вандуй Э.* Дөрвөд аман аялгуу. Улаанбаатар, 1965. 176 с.
- Цолоо Ж.* БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. II. Ойрд аялгуу. Улаанбаатар, 1988. 943 с.

УДК 81'342

ББК 81.2-3

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. Б. Бадгаев

Лексика стала предметом пристального внимания лингвистов в конце XX и начале XXI в., когда глобализационные процессы потребовали поиска толерантного решения проблем межкультурной коммуникации. Исследование словарного состава имеет большое значение и для истории языка, так как рассмотрение лексики предполагает выявление исчезнувших и неупотребительных слов, ныне перешедших в состав архаизмов, историзмов, лексикализованных словосочетаний. Следовательно, лексика — «живой свидетель» развития языка.

В данной статье мы попытаемся обобщить результаты лексикологических исследований по калмыцкому языку и выявить проблемы системного описания эволюции калмыцких слов, обусловленной как внутренними закономерностями развития самой системы, так и внешними условиями развития калмыцкого языка. Нельзя познать язык, не выходя за его пределы, не обратившись к его носителю — к конкретной языковой личности.

Калмыцкий язык имеет длинную и сложную историю, что отразилось и на словарном составе современного калмыцкого языка. Калмыцкий, бурятский и халха-монгольский языки, некогда являвшиеся диалектами единого общемонгольского языка, ныне на правах самостоятельных языков входят в монгольскую группу алтайской семьи языков, получившей свое название по географическому признаку. Особо подчеркивается роль монгольских языков для алтаистических исследований [Бурыкин 1999]. Тем не менее до сих пор нет четкой классификации монгольских языков, которая учитывала бы как современные языки и диалекты, так и язык средневековых памятников. Обычно выделяются, в основном, по фонологическим критериям: северно-монгольские, южно-монгольские и западно-монгольские языки.

Хотя монгольские языки начали изучаться в генетическом плане довольно давно, основное внимание исследователей привлекали главным образом фонетика и

морфология (Г. И. Рамстедт, Б. Я. Владимирцов, В. Л. Котвич, Н. Н. Поппе и др.). Лексика привлекалась в основном для установления фонетических соответствий между словами алтайских языков. Поэтому лексический состав монгольских языков, в том числе и калмыцкого, пока еще слабо изучен в интересующем нас ракурсе, хотя имеются работы лексикологического характера, в том числе по тюрко-монгольским лексическим взаимосвязям, таких авторитетных авторов, как Г. Клосон [Clouston 1962], А. Рона-Таш [1974], Г. Дерфер [1981], В. И. Рассадин [2007a] и др. Вопросы семантического развития слов монгольских языков анализировались Т. А. Бертагаевым [1974], У.-Ж. Ш. Дондуковым [2004] и др. Единственной работой монографического характера по калмыцкой лексикологии является исследование Э. Ч. Бардаева.

В последнее время разрабатываются этнолингвистические проблемы изучения лексики монгольских языков (Г. Ц. Пюрбе-ев, В. И. Рассадин, М. Базаррагча, Ё. Баярсайхан и др.). Российскими и зарубежными исследователями интенсивно ведутся кросс-культурные исследования различных аспектов традиционной культуры монгольских народов. Имеются работы, посвященные развитию и дифференциации монгольских языков (Е. А. Кузьменков и др.), анализу отдельных прамонгольских лексем, относящихся к культурной лексике (Г. Рамстедт, П. Пеллио, Н. Поппе, А. Кларк, В. И. Рассадин, А. В. Дыбо и др.).

Несмотря на то, что отечественная монголистика имеет определенную историю изучения лексики монгольских языков, функциональный аспект ее исследования все еще остается одним из наименее освещенных вопросов. Особенно отстает разработка тематических групп лексики, анализ которых в сравнительном плане мог бы многое дать для объяснения ряда вопросов истории этногенеза монгольских народов в целом и калмыков в частности. Имеющиеся работы, освещающие ту или иную тематическую группу лексики монгольских языков, пока еще не меняют сложившейся общей картины. Изучаются в основном термины, связанные с флорой и фауной, земледелием и животноводством [Рассадин 1994 и др.]. Остальные группы лексики остаются пока вне поля зрения монголоведов, хотя необходимость исследования лексики, особенно в сравнительном плане, назрела давно.

В современных лингвогенетических исследованиях ведущее место по праву принадлежит сравнительно-историческому методу [Сравнительно-историческое изучение 1981], дающему возможность гипотетически восстановить лексический состав праязыка и проследить его эволюцию в современных языках. Исследование лексики ойратского и калмыцкого языков в таком аспекте является актуальной задачей современного ойратоведения, калмыковедения и, шире, монголистики.

Для построения сравнительно-исторической грамматики монгольских языков решающее значение имеет внешняя реконструкция, заключающаяся в сравнении гомогенного материала родственных языков в целях определения архетипа — условно наиболее древней формы [Starostin, Dybo, Mudrak 2003].

С опорой на сравнительно-исторические данные изучения монгольских языков выделяются следующие пласты лексики калмыцкого языка: общемонгольский, общеойратский и собственно калмыцкий. Эти данные имеют большое значение для увеличения временной глубины общемонгольского состояния, более четкого разграничения лексем, возводимых к праязыку, и явлений, появившихся как следствие параллельного независимого развития в одном или нескольких монгольских языках.

В любом языке формирование лексики происходит по определенным законам функционирования языка. Древнейший пласт лексики — слова, которые являются общими для алтайской языковой семьи. К этой группе относятся, в частности, названия частей человеческого тела, явлений природы и др. Наиболее поздний пласт исконной лексики — собственно калмыцкие слова, образованные после распада общемонгольского языка-основы в период самостоятельного развития калмыцкого языка.

Обогащение словарного состава современного калмыцкого литературного языка происходит путем образования новых слов, производных от уже имеющихся, способом аффиксации, словосложения, причем само производящее слово может и утратиться; так, например, производные парные слова типа *хот-хол* 'продукты', *хувцн-хунр* 'одежда' присутствуют в основном фонде калмыцкой лексики, хотя вторые компоненты этих композитов (*хол*, *хунр*) как самостоятельные лексемы уже не употребляются.

Следует отметить, что аффиксальный способ словообразования сыграл решающую роль в процессе формирования и развития лексики как ойратского, так и калмыцкого языков. Небезынтересна история суффиксальных образований монгольских языков. Одни суффиксы исчезали, другие, новые, появлялись. Деривационные суффиксы ойратского литературного языка идентичны деривационным суффиксам старописьменного монгольского языка, что объясняется тем, что ойратский литературный язык сложился на базе старописьменного монгольского языка.

Необходимо при этом учитывать, что некоторые суффиксы, в свое время не только живые, но и широко распространенные, в дальнейшем с течением времени «омертвели» и «слились» с корнем, и в настоящее время они воспринимаются как часть корня. Например: *-dɣ* в *öbɣdɣ* (*öbudug*) ‘колено’; *temdɣ* (*temdeg*) ‘примета, признак; знак’; *-ɣ* в *ceɣɣ* (*čeceg*) ‘цветок’; *ceɣɣ* (*ciɣig, cegeg*) ‘воин, солдат; войско, армия’; *čimɣ* (*čimeg*) ‘украшение, убранство; наряд’; *-m* в *xurim* (*xurim*) ‘свадьба; пир, пиршество’; *xadam* (*xadam*) ‘родня по мужу’, и т. д. Некоторые суффиксы вследствие фонетических изменений могли и вовсе исчезать в языке. Например, исчезнувшими суффиксами можно считать исторические **ti > či*, **di > ji*, *gi > ji*, **ki > či*. Примеры: *bitig > bičig* ‘письмо’. *adil > ajil* ‘работа’.

Сравнительно-исторический анализ слов типа *casan* ‘снег’, *usan* ‘вода’; *mösön* ‘лед’; *xoosun* ‘пустой’; *nooson* ‘шерсть’; *cusan* ‘кровь’; *šüüsan* ‘сок’; *narasan* ‘сосна’ и т. д. показывает, что *-san* первоначально являлся суффиксом, а затем настолько слился с исторической основой, что перестал различаться в качестве форманта, а бывшая производящая основа в современном калмыцком языке отдельно (без омертвевшего суффикса *-сн*) не только не употребляется, но чаще всего и не мыслится.

Процессы расширения семантики старых слов (возникновения у лексемы новых значений), терминологизации словосочетаний, калькирования, использования диалектных слов и заимствования иноязычной лексики всегда являются фактом развития словарного состава языка, его пополнения и стилистической дифференциации, что, в свою очередь, обогащает фонд выразительных средств языка.

Параллельно с исконной лексикой в калмыцком языке присутствует и заимствованная [Бадгаев 2002], которая дает обширный материал для исследования культурных влияний народов, имевших тесные контакты с ойратами, калмыками и монголами. Заимствованное из других языков слово может служить для обозначения новых предметов и понятий или как бы дублировать уже имеющуюся в языке исконную лексику. Из заимствованной лексики древнейшими являются, на наш взгляд, слова индоиранского происхождения.

Русские заимствования в калмыцкий язык стали активно проникать с XIX в., в них исследователи обычно выделяют до-революционный и послереволюционный пласты. Через посредство русского языка проникла и проникает интернациональная лексика, заимствованная из европейских языков.

Необходимым условием исследования пластов лексики, связанных с жизнью и бытом калмыцкого народа, является привлечение этнографического материала, опора на него, так как именно знание этнографических фактов часто способствует установлению внутренней формы слова, его территориального распространения, уточнению хронологии, помогает лучшему пониманию не только прошлого, но и настоящего состояния этноса — носителя языка.

Современные лексикологические исследования показали целесообразность и плодотворность семантического метода анализа лексики [Рассадин 2007б], в частности изучения словарного состава языка по семантическим полям, тематическим и лексико-семантическим группам. Такой подход представляется нам наиболее предпочтительным и в отношении изучения языка памятников, представляющего в определенном смысле закрытую лексическую систему [Омакаева 2008]. Появляется возможность детального анализа каждой лексико-семантической группы, заключающегося в выявлении внутрисистемных связей между лексемами, раскрытии динамики изменения значений отдельных слов, а самое главное — можно сравнить аналогичные лексико-семантические группы в разных языках, как родственных, так и неродственных.

Анализ словарного состава по широким тематическим разрядам и лексико-семантическим группам, таким как названия животных и растений, частей тела, метал-

лов и их сплавов, природных явлений, термины родства и свойства и т. д., позволит выявить, каков общий объем и какова степень детализации указанных группировок лексики в каждом из монгольских языков, а также наиболее характерные для данных слов словообразовательные модели. Наиболее распространенные способы образования слов — аффиксация и основосложение (атрибутивное и парное).

Тематические группы лексики связаны с представлением о соотношении общего родового значения и частных видовых значений, т. е. с гиперо-гипонимическими отношениями. В монгольских языках идею обобщенности выражают т. н. парные слова синонимического и антонимического характера. К биномам-синонимам можно отнести такие композиты, как калм. *хот-хол* 'еда', *элгн-садн* 'родственники', *орн-нутг* 'государство' и т. д. Понятия родители, супруги, братья, конечности передаются с помощью биномов-антонимов *эк-эцк* ('мать-отец'), *гергн-залу* ('жена-муж'), *ах-дү* ('старший брат-младший брат'), *һар-көл* ('рука-нога') соответственно.

Сравнительное изучение лексики калмыцкого языка в общемонгольском слое показывает актуальность проблемы и имеющуюся необходимость проведения широкого сопоставления калмыцкого языка с древними и современными монгольскими языками, что в ближайшем будущем может дать монголистике ценный фактический материал. Это позволит охарактеризовать исконную лексику ойратского и калмыцкого языков не только в сравнительном, но и в типологическом плане [Виноградов 1990; Кацнельсон 1965]. Таким образом, можно говорить о перспективности типологического, сопоставительного и когнитивного направлений лексикологических исследований, наряду с традиционными формальным и семантическим анализом.

Такое изучение лексики двух близкородственных языков позволит уточнить характеристику многих лексем, классифицировать лексику обоих языков, выявить общие закономерности и особенности. Немаловажной представляется возможность установления общих праформ в указанных языках. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что указанные языки включают в свой

состав и значительный иноязычный компонент (например, тюркский), изучение которого также актуально.

Литература

- Бадгаев Н. Б. Заимствованная лексика в ойратском письменном языке // Монголоведение. № 1. Элиста: КИГИ РАН, 2002. С. 15–27.
- Бертагаев Т. А. Лексика современных монгольских литературных языков. М.: Наука, 1974. 383 с.
- Бурыкин А. А. Роль монгольских языков для алтаистических исследований // История развития монгольских языков. Улан-Удэ, 1999. С. 19–42.
- Виноградов В. А. Типология лингвистическая // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 512–514.
- Дёрфер Г. Базисная лексика и алтайская проблема // Вопросы языкознания. 1981. № 4. С. 35–44.
- Дондуков У-Ж. Ш. Развитие лексики монгольских языков: в 2-х частях. Кн. 1. Улан-Удэ, Бурят унэн, 2004. 284 с. Кн. 2. Улан-Удэ, Бурят унэн, 2004. 267 с.
- Кацнельсон С. Д. Основные задачи лингвистической типологии // Лингвистическая типология и восточные языки. М.: Наука, 1965. С. 71–77.
- Омакаева Э. У. Деловой калмыцкий язык XVIII века: проблема статуса и методы комплексного изучения лексики и синтаксиса писем в лингвокультурологическом аспекте // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 4. С. 37–41.
- Рассадин В. И. Названия молочных продуктов в монгольских языках // Этнокультурная лексика монгольских языков: сб. статей. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1994. С. 3–22.
- Рассадин В. И. О тюркском влиянии на развитие монгольских языков // Проблемы исторического развития монгольских языков: мат-лы Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 24–26 окт. 2007 г.) / отв. ред. П. О. Рыкин. СПб.: Нестор-История, 2007а. С. 105–111.
- Рассадин В. И. О семантическом методе исследования лексики алтайских языков // Чингисхан и судьбы народов Евразии: мат-лы Междунар. конф. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2007б. С. 431–435.
- Рона-Таиш А. Общее наследие или заимствования? (к проблеме общности алтайских языков) // Вопросы языкознания. 1974. № 2. С. 31–42.
- Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Современное состояние и проблемы. М.: Наука, 1981. 470 с.
- Clauson G. Studies in Turkic and Mongolic Linguistics. Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. Routledge, 1962 (reprint, 2002). 261 p.
- Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. The etymological dictionary of Altaic languages. Leiden; Boston: Brill, 2003. Vol. I–III. 2090 p.

УДК 811.512.37

ББК 81.2-3

ТИПОЛОГИЯ УСТАРЕВШЕЙ ЛЕКСИКИ В КАЛМЫЦКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

(на материале прозы К. Эрэндженова) *

Н. Ч. Очирова

Актуальность заявленной в названии проблемы обусловлена малоизученностью устаревшей лексики в калмыцком языке в целом и в художественном тексте (ХТ) в частности. Поэтому исследование идиостиля К. Эрэндженова на предмет выявления устаревших слов (УС) и их роли в стилизации ХТ представляет интерес не только в контексте выявления состава лексикона, но и для определения личного вклада писателя в процесс языкового развития. Судьба любого художественного произведения зависит от умения автора точно формулировать свою мысль, степени мастерства владения словом, знания законов его функционирования, виртуозности в использовании изобразительно-выразительных средств языка. Лексический фонд калмыцкого языка, творчески использованный К. Эрэндженовым в его произведениях, свидетельствует о самобытном почерке крупного мастера слова. Основная задача настоящего исследования выявить стилистические функции УС в художественной прозе известного калмыцкого писателя.

УС занимают специфическое место в лексической системе каждого языка. В современной лингвистике все больше внимания уделяется проблемам языковой номинации, к которым по своим функциям относятся и УС. Традиционно термин «устаревшая лексика» используется как обобщающее родовое понятие по отношению к своим разновидностям — историзмам и архаизмам. В отечественной и зарубежной лингвистике последнее понятие относится к числу дискуссионных. Так, некоторые ученые (Л. А. Булаховский [1952], М. Д. Степанова, И. И. Чернышева [1962], А. Н. Гвоздев [1965] и др.) полагают, что к архаизмам относятся все виды УС, в том числе и историзмы. Другие же лингвисты (И. Р. Гальперин [1958; 1981], И. В. Ар-

нольд [1959], Е. М. Галкина-Федорук [1962] и др.) придерживаются традиционного принципа классификации устаревшей лексики. Что касается устаревшей лексики в калмыцком языке, то этой проблеме посвящен ряд статей А. Б. Лиджиева [2011а; 2011б], Н. М. Мулаевой и С. Е. Бачаевой [2011] и др.

Историзмы, как известно, это слова, обозначающие исчезнувшие из современной жизни предметы, явления, ставшие неактуальными понятиями. Они употребляются в текстах, в которых идет речь о прошлом (художественная литература, исторические исследования и т. д.). Историзмы, «как правило, не имеют своих семантических эквивалентов в лексической системе современного языка, они являются единственным выражением соответствующих понятий. Среди историзмов различаются: лексические, семантические и фразеологические. Историзмы употребляются главным образом при описании событий прошлого в целях достижения более достоверного изображения действительности» [Санжина 2001: 23].

После объявления Советским правительством в 1917 г. упразднения всех существующих в царской России сословных делений, гражданских чинов и званий отпала необходимость в употреблении некоторых слов, встречающихся в прозе К. Эрэндженова: 1) *нойн* ‘нойон’ (*Нохала наадсн хорма уга, нойнла наадсн толһа уга*. ‘С нойоном поиграешь — останешься без головы, с собакой поиграешь — останешься без полы’ [Эрнжэнэ 1976: 31]); 2) *зээсн* ‘зайсанг’ (*Эн ээмгин Цедн гидг зээсн Хариг гертэн авч заржжэж*. ‘Зайсанг этого аймака Цеден забрал домой Хару и заставлял его у себя батрачить’ [Эрнжэнэ 1963: 21]); 3) *ялч* ‘батрак’ (*Ялчнр хотан уухар герүр цүврлдэд орижав*. ‘Батраки, чтобы поесть, побрели

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 10-04-36402 а/Ю)

домой' [Эрнжэнэ 1963: 22]); 4) *кулакуд* 'кулаки' (*Бидн кулакуд нүүлхэр йовж бээх улс...* 'Мы люди, которые будут выселять кулаков...' [Эрнжэнэ 1965: 18]) и т. д.

После революции 1917 г. в калмыцком языке появилось много новых и заимствованных слов, отражающих реалии советского времени. Все эти лексемы на данный момент являются историзмами, т. к. обозначаемые ими реалии ушли в прошлое и отсутствует надобность в сохранении этих слов в активном фонде лексической системы калмыцкого языка.

К категории историзмов можно было бы отнести также термины, связанные с религией и широко использующиеся в прозе К. Эрендженова. Но следует отметить, что все эти буддийские термины в современное время в связи с возрождением буддизма в Республике Калмыкия практически выходят из разряда устаревших: хорошо известны носителям языка и активно используются в современной лексике.

К историзмам в художественном тексте писателя можно отнести УС, обозначающие орудия труда, детали упряжи, предметы быта, а также некоторые другие названия: 1) *ярндг* 'кузов (телеги)' (*Муузран сегрхэ хар гериг цуцад, хойр ик ярндгта тергн деер ачад оркв.* 'Разобрав черную просвечивающуюся кибитку Муузры, погрузили на телегу с двумя большими кузовами' [Эрнжэнэ 1963: 42]); 2) *хавал* 'дробовик'; *хойр амта хавал* 'двухстволка' (*Мергн мусг инэчкэд, хойр амта хавал авад катг эргв.* 'Улыбнувшись и взяв двухстволку, Мерген завернул за хлев' [Эрнжэнэ 1976: 8]); 3) *берданк* 'берданка' (*Дериннь шуһуд хорһлжар хадг берданк бээдгиг меднэ.* '[Мерген] знает, что в углу за подушками есть берданка, стреляющая свинцовыми пулями' [Эрнжэнэ 1976: 18]); 4) *тачанк* 'тачанка' (*Һурвн мөрнд татсн тачанк тоормта ... хаалһд оржс авад, шүрүһар делсн хатрад йовад одв.* 'Тачанка, запряженная тремя лошадьми, выйдя на пыльную дорогу, быстро умчалась' [Эрнжэнэ 1976: 81]) и т. д.

Рассмотрим архаизмы в прозе К. Эрендженова.

Многие слова, являющиеся обозначениями каких-либо явлений, предметов и т. п., в процессе употребления в языке могут вытесняться другими словами (си-

нонимами) и перейти в пассивный фонд. Если историзмы являются единственным выражением соответствующих понятий, то архаизмы представляют собой устаревшие слова пассивного фонда, параллельно с которыми существуют синонимы, являющиеся словами активного словарного фонда.

Степень архаичности слов бывает различной, например, те слова, которые еще не вышли из активного употребления, но используются реже, чем прежде, называются устаревающими. Также в калмыцком языке существуют слова, «которые вышли из употребления давно и никто из современных носителей языка, за исключением специалистов, занимающихся изучением истории языка, не знает о том, что они когда-то содержались в словарном составе языка» [Бардаев 1985: 70].

Архаизмы, встречающиеся в эрендженовской прозе, можно классифицировать на семантические и лексические.

Семантические архаизмы — это ныне существующие слова с устаревшими значениями. Это обычные слова, которые в одном своем значении не употребляются, а в другом значении существуют в современном языке и входят в активный словарный фонд. Таких архаизмов в произведениях К. Эрендженова встречается немного, например, слово *нөкр* имеет два значения: *нөкр* — *уст.* 1. товарищ, друг, приятель; 2. муж, супруг [ХОТ 1977: 383]. В прозе писателя слово *нөкр* встречается в своем устаревшем значении: *Кишва Доржас кэлтэ нөкрэсн салат...* 'Из-за этого паршивого Дорджи отстали от своих приятелей...' [Эрнжэнэ 1963: 190].

Приведем другие примеры, в которых лексемы используются в ХТ в двух своих значениях — в устаревшем и современном: 1) *багш* 1. монастырский багша (настоятель хурула); 2. школьный учитель, преподаватель (*Ах багш (хурлын толһач) ахта бас орцхав.* 'Такие, как главный багша (настоятель хурула), тоже зашли' [Эрнжэнэ 1963: 128]; *Школын багш Занда зар тэвхэр бээнэ болв.* 'Учительница Занда хочет сделать объявление' [Эрнжэнэ 1963: 192]); 2) *зам* 1. тракт, большая дорога, путь; 2. *дерб.* *уст.* кухня (калмыцкого монастыря) (*Бата маңдуртнь... ут зам улан хаалһарн Эддрх хэлэһэд делсэд һарв.* 'Назавтра Бата ... быстро пошел по

своей длинной столбовой дороге в сторону Астрахани' [Эрнжэнэ 1965: 15]; *Асхн жисэндэн орад номан умшчкад, заминдэн бел кесн өцгэр хотан «зооглчкад», тарад гер-гертэн хэрсн бээдлтэ, э-чимэн уга*. 'Вечером по порядку заходя друг за другом, прочитав молитвы, отведав приготовленную на своей монастырской кухне бесплатную еду, видимо, [они] разошлись по домам, никого не слышно' [Эрнжэнэ 1963: 47]).

Лексические архаизмы — это такие архаизмы, которые вытеснены словами с другим корнем, но значение в подобных парах одинаковое, к примеру, слово *цаһалх* 'ягниться' устарело, вместо него употребляется слово *хурһлх* 'котиться, ягниться (об овцах)'; *ээл* 'семья, семейство', отсюда *ээл хээх* 'ходить по гостям' (сейчас употребляется слово *өрк-бүл* 'семья, семейство'); *ула һарһх* 'бить скотину на мясо'; 'свежевать (тушу)' в настоящее время обычно используются выражения — *мал алх*, *мал һарһжэ авх* 'забить скот на мясо' и т. д.

Многие исконные слова, широко употреблявшиеся в период литературной деятельности К. Эрэндженова, в настоящее время вышли из активного фонда. Архаизации подверглись многие слова, например:

- номадная лексика: 1) *мөрн тергн* 'телега, запряженная лошастью'; *терм* 'терме (стенная решетка кибитки)'; *туурһ* 'турга (нижнее покрывало верхней части кибитки из кошмы)' (*Өвгнэ көтлэж йовх тергн деер хойр терм хариулад харимг келэд, туурһар бүркжэ*. 'На телеге, которую вел старик, прислонили две решетки и сделали шалаш, прикрытый покрывалом' [Эрнжэнэ 1963: 42]); 2) *цар тергн* 'телега, запряженная волом' (*буурл өвгн ...хойр һалзн цариг зүүһэд, ...көтлэд һарв* 'седовласый старик... запряг двух волов с белой полосой на лбу' [Эрнжэнэ 1963: 42]) и т. д.
- лексика, обозначающая предметы быта, домашнего хозяйства и трудовую деятельность калмыков: 1) *донжэ* 'кувшин'; 'чайник удлиненной формы' (*Тер донжэгт цэ бээнэ, кезэ у*. 'В том кувшине есть чай, наливай и пей' [Эрнжэнэ 1963: 48]); 2) *наальһи тэрлэ* 'неглубокая тарелка с широкими краями' (*Ик удаһ болһн уга Муузра махан болһад, ик наальһи тэрлэд һарһад, Бата Василий хойриг*

дуудв. 'Через некоторое время Муузра, сварив и выложив мясо в неглубокую тарелку с широкими краями, позвал Бату и Василия') [Эрнжэнэ 1965: 197]; 3) *ташмур арһсн* 'кизяк-лепка' (*Өрүнэ Батаг Ядмин эчкинд одад ташмур ташладад нөкд бол гилэв*. 'Утром просила Бату сходить до отца Ядмы, помочь им лепить кизяк' [Эрнжэнэ 1963: 8]); 4) *һанз* 'курительная трубка' (*Босхмжэ Харин һанз авад тэмк нержэ өгв* 'Босхомджи, взяв трубку Хары, набил ее табаком' [Эрнжэнэ 1976: 9]) и т. д.

• лексика, обозначающая национальные блюда, напитки: 1) *арз* 'арза = крепкая молочная водка двойной перегонки'; *хорз* 'хорза = крепкая молочная водка' (*Арз-хорзин сүүр болад бээжэ аңһуч темәһән мартжэвдн...* 'Пока заседали за арзой и хорзой, забыли об охотничьей верблюдице...' [Эрнжэнэ 1963: 21]); 2) *шүүрмг* 'сушеный творог' (*Үлдсн, көгжэрд бээсн, тулмта шүүрмгэс авад, деернь тавр-тувр өрм келэд... бер Батад өгв* '...Высыпав из кожаного мешка остатки заплесневевшего сушеного творога, сверху налив немного сметаны, ... невестка подает Бате' [Эрнжэнэ 1963: 64]) и т. д.

• лексика, связанная с номинацией национальной одежды, украшений: 1) *дахм* 'нагрудный карман пиджака или сорочки' (*Хуучн киртэ альчурт оралһата хальмг цэ һарһжэ авад даһмдан дүрчкв*. 'Вытащив калмыцкий чай, завернутый в старый, не первой свежести, платок, положила [его] в нагрудный карман' [Эрнжэнэ 1963: 19]); 2) *камзал* 'камзол' (*Ода күртл эн күүкдин камзал юңгад эс хаюлнат?* 'Почему до сих пор не можете заставить девушек выбросить комзолы?' [Эрнжэнэ 1963: 204]); 3) *боримг* 'лапти из сыромятной кожи' (*Муузра хойр арһн боримган барун иргд хайчкад, икэр цаңһжэ йовһн бээдлтэ*. 'Муузра, бросив свои сыромятные лапти с правой стороны нижней части кибитки, по всей видимости, сильно испытывал жажду' [Эрнжэнэ 1963: 66]) и т. д.

В индивидуальном стиле К. Эрэндженова историзмы и архаизмы в необходимой мере используются не только для обозначения вышедших из употребления реалий, устаревших понятий, но и для воссоздания колорита эпохи послереволюционного советского времени.

Таким образом, нами выделены основные тематические группы устаревших слов, а также лексические и семантические классы архаизмов, введенные К. Эрендженовым в ХТ. Устаревшая лексика в прозе писателя выступает в качестве основного стилистического средства. Стилизация как основное средство художественного изображения в литературе помогает автору в создании достоверной исторической картины быта калмыцкого народа и построении художественных образов.

Источники

- Эрнжэнэ К. Анһучин көвүн. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1976. 139 х.
Эрнжэнэ К. Һалан хадһл. 1-ч дегтр. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1963. 225 х.
Эрнжэнэ К. Һалан хадһл. 2-гч дегтр. Элст, Хальмг дегтр һарһач, 1965. 245 х.
ХОТ — Хальмг-орс толь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 х.

Литература

- Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. 351 с.
Бараев Э. Ч. Современный калмыцкий язык. Лексикология / под ред. Г. Ц. Пюрбева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 153 с.

- Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. М.: Радянская школа, 1952. 305 с.
Галкина-Федорук Е. М. Современный русский язык. Лексика. М.: Изд-во МГУ, 1962. 344 с.
Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. 183 с.
Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 135 с.
Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М.: Просвещение, 1965. 408 с.
Лиджиев А. Б. Материалы к изучению устаревшей военной лексики калмыцкого языка // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 113–116.
Лиджиев А. Б. Об устаревшей лексике калмыцкого языка // Научная мысль Кавказа. № 1(65). Ч. 2. Ростов-на-Дону, 2011. С. 52–57.
Мулаева Н. М., Бачаева С. Е. Архаизмы, историзмы и религиозная лексика в калмыцком языке (на материале романа А. Бадмаева «Арнзлын гүүдл») // Монголоведение. Вып. 5. Элиста: КИГИ РАН, 2011. С. 222–229.
Санжина Д. Д. Лингвистическое исследование языка бурятской художественной литературы (на материале лексики): автореф. дис. ... д-ра фил. наук. Улан-Удэ, 2001. 47 с.
Степанова М. Д., Чернышева И. И. Лексикология современного немецкого языка. М.: Высшая школа, 1962. 310 с.

УДК 811.581

ББК 81.2-3

АНТРОПОТОПОНИМЫ СИНЬЦЗЯНА

(на материале географических названий Баингол-Монгольского
и Бортала-Монгольского автономных округов)

Э. М. Монраева

Топонимика Китая, в частности Синьцзян-Уйгурского автономного района (далее — СУАР), несмотря на ранее опубликованные работы Э. М. Мурзаева [1974], О. Т. Молчановой [1976] и др., все же остается недостаточно исследованной областью в общей структуре ономастики. Поэтому для данной статьи были привлечены материалы на китайском языке, в которых можно обнаружить географические названия с заимствованными элементами из языков малочисленных народов Китая, например монголов, уйгуров, узбеков, казахов и др. При анализе этого материала лингвисты сталкиваются с определенными трудностями, обусловленными искажением монгольских, тибетских, уйгурских и других

некитайских географических названий при передаче их иероглифами многочисленных диалектов китайского языка, по причине которых появляются различные формы одного и того же названия. Так, в русских изданиях встречаются разные названия одних и тех же географических объектов *Цзилин* и *Гирин*, *Байсэ* и *Босэ*, *Сисянь* и *Шэсинь* и др. К тому же существует и другая сложность, связанная с транскрипцией, которая не в состоянии передать тональность китайского языка.

В этой работе мы попытаемся описать некоторые пласты онимов СУАР, а именно: антропотопонимов¹ Бортала-Монгольско-

¹ Материал приводится в следующем порядке: антропотопоним на китайском языке, затем следуют транскрипция на латинице и перевод на русский язык.

го и Баингол-Монгольского автономных округов, где компактно проживают ойраты, предки которых откочевали из Нижнего Поволжья вместе с Убаши-ханом на историческую родину — в Джунгарию (1771 г.). Под антропотопонимом понимается сложное географическое название, образованное от антропонима и топонима, где первый (основной) компонент является личным именем, фамилией, прозвищем, псевдонимом или родовым/династическим именем. Одним словом, здесь происходит переход антропонима в топоним, т. е. личное имя становится названием конкретного географического объекта. Подобный переход свидетельствует о широком использовании имен собственных в образовании сложных названий географических объектов.

Необходимо отметить, что происхождение многих антропотопонимов связано с преданиями, легендами и, конечно, с повседневной деятельностью человека, например, 霍吞加瓦 Hotongjawa ‘ров (канавы) Хотонджава’. Здесь географический объект назван в честь монгольской девушки (по преданию, в начале XX в. монгольская девушка по имени Hotongjawa, проживавшая именно в этом месте, протестуя против того, что родители не разрешают ей выйти замуж за любимого человека, сбежала со своим любимым) [В: 157]; 陶斯廷达坂 Tostin Daban ‘горный перевал Тостина’ (этот человек часто проезжал данный горный перевал, присматривая за местным населением) [НЈ: 77].

Личные имена используются для образования совершенно разных видов географических объектов — гор, рек, озер, горные перевалы, песчаные дюны и т. д. Например:

Озера, реки, родники: 古孜丹诺尔 Gurdan Nur ‘озеро Gurdan’ (в честь пастуха, проживавшего в данной местности) [ВН: 100]; 厄勒再特诺尔 Olzat Nur ‘озеро Olzat’ (имя человека) [ВН: 99]; 丹皮林郭勒 Danpilin Gol ‘река Danpilin’ [ВН: 107]; 阿肯布拉格 Akin Bulag ‘родник Akin’ [WQ: 119]; 木匠布拉格 Mujang Bulag ‘родник Muja’ [WQ: 119] и другие.

Канавы, балки: 当布萨拉 Danbu Sala ‘канавы (балки) Danbu’ [ЈН: 99], 巴皖萨拉 Bawan Sala ‘канавы (балки), где жил Bawan’ [ЈН: 103] и другие.

Горы и горные перевалы: 浩布格山 Habug Shan ‘на этой горе раньше жил человек по имени Habug и пас скот’ [НЈ: 71]; 道尼德艾肯乃达坂 Daonid Aikennai Dawan

‘горный перевал, где ранее жил человек по имени Daonid’ [НЈ: 89] (в калмыцкой топонимике, в отличие от синьцзянской, термин «даван» редко употребляется. Так, он упоминается в статье Ц. К. Корсункиева «Топонимика Яшкульского района» в связи с обозначением правого берега давно исчезнувшей реки, который сохранился в виде крутого обрыва [Корсункиев 1983: 61]); 闹尔准达坂 Norjun Daban ‘горный перевал, вблизи которого часто охотился человек по имени Norjun’ [НЈ: 83]; 艾提根达坂 Aitigen Dawan ‘горный перевал, который первым преодолел человек по имени Aitigen’ [НЈ: 88] и др.

В последнем примере структура антропотопонима следующая: первый компонент 艾提根 Aitigen — это антропоним, второй компонент 达坂 Dawan — горный перевал. В основном антропотопонимы строятся по данной схеме, разница состоит лишь в типе географического объекта.

Судя по материалам исследования, то или иное название может отражать не только особенности рельефа местности (излучина, отмель), но и своеобразие флоры и фауны данной территории, поэтому часто в структуру наименования входят и другие компоненты, детализировавшие описание географического объекта. Например: 夏各孜乌兰达坂 Xagji Ulan Daban — горный перевал, где камни красного цвета и где когда-то пастух по имени Xagji часто пас скот [НЈ: 85].

Также можно отметить географические названия, которые были образованы от имен людей, считавшихся уважаемыми, почитаемыми и авторитетными, например: 布尔代浩吉尔山 Burdai Hojgor Shan ‘гора, на которой, по преданию, давным-давно жил человек по имени Burdai, отличавшийся хорошей репутацией’ [НЈ: 67]; 阿吉苇尖子 Ajing Weijianzi ‘70–80 лет назад здесь жил и пас скот владелец стада по имени Ajing, земли для посева, равнины — все принадлежало ему. Берег озера имел остrokонечную форму, здесь рос камыш, отсюда и название’ [ВН: 108].

Выше были рассмотрены антропотопонимы монгольского происхождения, но в изучаемом районе также присутствует большое количество топонимов уйгурского происхождения. Они более сложные в структурном плане. Например: 司马义阿克库木 Ismayilhajidiki Akkum ‘белые дюны, где погребен Ismayil’ [WL: 149]; 艾依沙阿吉达里亚河 Aysahaji Darya He ‘река

Aysahaji' (по преданию, в XVIII в. был человек по имени Aysahaji, который возле этой реки занимался земледелием, урожаи у него были значительные) [KEL: 211]; 斯梅义布拉克 Ismayil Bulak 'родник Ismayil' (имя человека) [WL: 144]. Здесь стоит отметить, что в двух географических названиях одно и то же имя Ismayil записано разными иероглифами: 1) 司马义 si ma yi и 2) 斯梅义 si mei yi, что создает трудности при переводе.

На территории уезда Вэйли (尉犁县 Wei Li xian) есть несколько озер, названия которых образованы от антропонимов, например: 拍代尔库勒湖 Padar Kol Hu 'озеро Padar' [WL: 141]; 玉苏普库勒湖 Yusup Kol Hu 'озеро Yusup' [WL: 141]; 夏米尔库勒湖 Xamir Kol Hu 'озеро Xamir' [WL: 142]. Как мы можем заметить, каждый топоним состоит из трех элементов: первый элемент — это сам антропоним (имя человека), второй 库勒 Kol 'озеро' тюркский (уйгурский), третий 湖 Hu 'озеро' китайский. Для китайской топонимики характерно использование одного и того же термина в названии, но на разных языках (чаще на трех). Данная структура топонима свидетельствует, что оригинальное название было на уйгурском или монгольском языке, а затем к нему добавился элемент на китайском языке. Происходит наложение разноязычных терминов в одном антропотопониме. Такого же плана образования встречаются и названия рек, например: 吾斯满达里亚河 Osman Darya He 'река Osman' [WL: 140]; 帕他木达里亚河 Patam Darya He 'река Patam' [WL: 139]. Как и в приведенных выше примерах, выделяются три составные части: 1) личное имя; 2) 达里亚 Darya 'река' — тюркский (уйгурский) элемент; 3) 河 He 'река' — китайский элемент.

Итак, на основе анализа географических названий, образованных по схеме «личное имя + топоним», можно сделать следующий вывод: особенность рассматриваемых антропотопонимов заключается в том, что в синьцзянских онимах можно обнаружить наложение нескольких различных по написанию географических терминов. Данное обстоятельство связано с тем, что антропотопоним должен быть понятен всем представителям национальных меньшинств Китая. Исследуемые нами географические

названия свидетельствуют о тесной взаимосвязи антропонимов и топонимов, об их семантической близости и переходе личных имен в топонимы и наоборот.

Источники

- В — 新疆维吾尔自治区博乐市地名图志. 博乐市地名委员会编, 1986. Географические названия г. Bole СУАР КНР. Изд-во комиссии географических названий г. Bole, 1986. 197 с.
- ВН — 新疆维吾尔自治区博湖县地名图志. 博湖县地名委员会编, 1987. Географические названия уезда Bo Hu СУАР КНР. Изд-во комиссии географических названий уезда Bo Hu, 1987. 176 с.
- ЖН — 新疆维吾尔自治区精河县地名图志. 精河县地名委员会编, 1987. Географические названия уезда Jing He СУАР КНР. Изд-во комиссии географических названий уезда Jing He, 1987. 145 с.
- KEL — 新疆维吾尔自治区库尔勒市地名图志. 库尔勒市地名委员会编, 1987. 新疆人民出版社 Географические названия г. Ku Er Lei СУАР КНР. Изд-во комиссии географических названий, 1987. 237 с.
- ЛТ — 新疆维吾尔自治区轮台县地名图志. 轮台县地名委员会编, 1985. Географические названия уезда Lun Tai СУАР КНР. Изд-во комиссии географических названий уезда Lun Tai, 1985. 160 с.
- WL — 新疆维吾尔自治区尉犁县地名图志. 尉犁县地名委员会编, 1986. Географические названия уезда Wei Li СУАР КНР. Изд-во комиссии географических названий уезда Wei Li, 1986. 189 с.
- WQ — 新疆维吾尔自治区温泉县地名图志. 温泉县地名委员会编, 1985. Географические названия уезда Wen Quan СУАР КНР. Изд-во комиссии географических названий уезда Wen Quan, 1989. 179 с.
- НЖ — 新疆维吾尔自治区和静县地名图志. 和静县地名委员会编, 1986. Географические названия уезда He Jing СУАР КНР. Изд-во комиссии географических названий уезда He Jing, 1986. 238 с.

Литература

- Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М.: Мысль, 1974. 382 с.
- Молчанова О. Т. Топоним монгольского происхождения в Горном Алтае // Языки и топонимия Сибири. Вып. VI. Томск, 1976. С. 9–26.
- Корсункиев Ц. К. Топонимика Яшкульского района // Ономастика Калмыкии / отв. ред. Э. Ч. Бардаев, М. У. Монраев. Элиста: КНИИИФЭ, 1983. 147 с.
- Никонов В. А. Введение в топонимику. М.: ЛКИ, 2010. 184 с.
- Суперанская А. В. Что такое топонимика? Из истории географических названий. М.: ЛКИ, 2010. 178 с.

**КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ СОВРЕМЕННОГО КАЛМЫЦКОГО
СИНТАКСИСА И СЕМАНТИКИ В СВЕТЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ***Э. У. Омакаева*

Синтаксис занимает центральное место в грамматической системе калмыцкого языка, что и определяет отношение синтаксиса к другим языковым сферам, прежде всего к семантике. Возникает вопрос: какое место занимают данные явления в общей системе языка, чем вызвана их неоднозначная интерпретация и какие решения здесь принципиально возможны.

Постановка такой задачи вполне правомерна и более того необходима в качестве предварительного условия для плодотворного изучения синтаксиса на конкретном материале. Актуальность поставленной задачи определяется следующими факторами: 1) общетеоретической востребованностью углубленного анализа семантики и семантических категорий предложения (высказывания) и установления правил соотношения синтаксических и семантических единиц в монгольских языках в свете общей теории и типологии предложения и текста, связанной с ролью семантических и синтаксических единиц в обеспечении речевой деятельности; 2) лингводидактической значимостью разработанной автором формулы модели предложения для правильного построения и адекватной интерпретации высказывания и текста; 3) типологической важностью описания механизмов и результатов взаимодействия лексической и синтаксической семантики в калмыцком языке; 4) насущной необходимостью введения в монголистический обиход новых синтаксических понятий и уточнения соответствующей терминологии.

Не претендуя на решение всех сложных вопросов, связанных с соотношением лексики и синтаксиса, с одной стороны, и соотношением семантики и синтаксиса, с другой, попытаемся выявить круг проблем, лежащих на пересечении важнейших сфер языка и речевой деятельности, которые в

монгольском языкознании лишь начинают исследоваться, и очертить некоторый общий подход к их анализу.

Перед нами стоит непростая задача показать наиболее дискуссионные проблемы калмыцкой грамматики. Вкратце остановимся на некоторых проблемах синтаксиса, затем попытаемся показать в контексте этих проблем, что подразумевается под основными синтаксическими понятиями и терминами его базового уровня в их соотношении с семантическими категориями, и установить взаимосвязь двух интересующих нас здесь компонентов языковой системы. При этом отправной точкой послужит системно-функциональный подход к изучению языковых явлений, что позволит сформировать целостное представление о синтаксическом компоненте как важнейшем фрагменте языковой системы в целом и грамматического строя в частности.

Современный этап в развитии монголистики характеризуется стремительным появлением новых направлений, возникших в результате интеграции языкознания с другими областями научного знания, — этнолингвистики, лингвокультурологии, лингвокогнитологии, лингвофольклористики и т. д. Фокус интересов лингвистов сместился от анализа языка как системы «в себе и для себя» к рассмотрению языка как реальной функционирующей системы, непосредственно связанной со своим носителем.

Внимание ученых сосредоточено сегодня на изучении языка сквозь призму текста и, шире, культуры как совокупности текстов, что повлекло за собой расширение сферы языковой реальности, введение в лингвистический обиход новых понятий (концепта и др.).

Развивая эту мысль, можно сказать, что новые грамматики, наряду с традиционным описанием языка как системы, долж-

ны учитывать взаимодействие грамматики, семантики и лексики в речевой деятельности, что требует более широко взглянуть на возможные перспективы изучения текстовых и дискурсивных закономерностей в контексте межуровневого и межкатегориального взаимодействия и с точки зрения соотношения типологии языков и типологии культур, ибо грамматические различия в зависимости от типа языка могут быть объяснены не только чисто лингвистическими причинами, но и культурными [Касевич 1988].

Поэтому современное описание грамматического строя монгольских языков должно существенно отличаться от уже имеющихся как по своей общей направленности (принципам и методике), так и по поставленной проблематике, которую необходимо значительно расширить за счет включения в сферу синтаксиса, являвшегося ранее «монополией» предложения, более крупной языковой единицы — текста. И это, на наш взгляд, вполне оправданно, поскольку вызвано к жизни как теоретическим осмыслением накопившегося фактического материала, так и практическими нуждами построения связной речи (текста). Текст как языковой знак высшей сложности, особая языковая данность, обладающая собственными свойствами и признаками, до настоящего времени не становился объектом лингвистического анализа в указанном смысле.

Превращение текста из материала в объект лингвистического исследования в конце XX и начале XXI вв. ознаменовало собой качественный поворот в развитии монголистики. Текст рассматривается в данной работе как объект синтаксического описания, что связано с ориентированностью на обеспечение включения предложения в контекст. Всестороннее исследование и описание структуры различных типов текстов, их текстообразующих элементов и категорий — задача на перспективу. Изучение внутритекстовых связей становится приоритетным направлением в лингвистической науке. Предложение (простое или сложное) должно изучаться не только «изнутри», с точки зрения его составляющих, но и «снаружи», т. е. как составная часть текста. Особо интересным представляется выявление этапов перехода от элементар-

ной синтаксической конструкции (простого нераспространенного предложения) к производной, включающей в себя и сложное предложение.

Тексты традиционно являются предметом исследования не столько лингвистики, сколько других гуманитарных наук. Изначально это касалось сакральных текстов, игравших ключевую роль в буддизме. Позже объектом изучения стали тексты других типов, в частности литературные, исторические, правовые и т. д. Данная работа ограничивается рамками лингвистического подхода к тексту. Соответствующая дисциплина обычно именуется лингвистикой текста или «синтаксисом текста».

Основным объектом изучения синтаксиса в традиционном понимании, как известно, является предложение, считающееся центральной синтаксической единицей. Несмотря на давно укрепившийся статус последнего в монгольском [Бобровников 1849; Санжеев 1934; Пюрбеев 1984; 2002 и др.] и общем языкознании и самоочевидность тезиса о том, что предложение является функциональной единицей, границы этой категории трудно счесть полностью определенными. Понятие «предложение» требует не только функционального определения, но и формально-грамматического, которое исходило бы из структурных особенностей, характерных для того или иного конкретного языка. Но многочисленные попытки дать определение предложению, т. е. указать его необходимые и достаточные признаки, которые были бы верны для всех языков или хотя бы какого-то одного языка, убедительных результатов не дали [Касевич 1977; Санжеев 1934 и др.].

Существует множество определений предложения, но ни одно из них не является операциональным, рабочим, т. е. не позволяет выделить данную единицу в тексте. Такое положение вполне объяснимо. Во-первых, не совсем ясен сам статус предложения (не случайно, некоторые ученые сомневаются в реальности данной категории), во-вторых, нет и адекватного определения его составляющих, что побуждает иногда ставить вопрос о законности применения данного понятия в описании синтаксиса разных языков.

Предложенческая проблематика, несмотря на свою кажущуюся тривиальность,

так и не получила до сих пор удовлетворительного решения и в монголистике. Но языковой материал показывает, что тезис о безоговорочной центральности предложения в иерархии синтаксических единиц может быть несколько поколеблен. Поэтому данная статья носит проблемный, теоретико-методологический характер и посвящена разработке на материале калмыцкого языка ключевых вопросов синтаксической и семантической организации предложения (высказывания). К ним, в первую очередь, относятся вопросы о функциональной сущности синтаксических конструкций, объясняющей их качественную специфику и системный статус в структуре языка и в его описании, типологии предложения в свете валентностного моделирования: его глагольно-актантной и предикатно-аргументной структуры, тема-рематического (актуального) членения.

Интенсивные исследования языка как действующей системы привели к осознанию наличия внутрисистемных связей между ее различными компонентами: лексикой, семантикой, синтаксисом, которые раньше рассматривались изолированно друг от друга или вообще не выделялись.

Традиционный синтаксис ограничивался лишь выделением синтаксических конструкций. Семантические конструкции практически не были выявлены. Можно предположить, что такая нерасчлененная трактовка была вызвана неосознанностью существующего различия между синтаксисом и семантикой. Следствием этого является то, что единое определение предложения, которое основывалось бы на некотором формально-семантическом параллелизме, на сегодняшний день отсутствует.

Ограничение анализа, во-первых, формально-грамматическим рассмотрением релевантного языкового материала, во-вторых, рамками изолированного предложения, искусственно вырванного из текста, долгое время не позволяло системно и по возможности непротиворечиво описать синтаксический компонент монгольских языков. Этим и обусловлен выбор предмета исследования — семантико-синтаксическая категория предложения, обладающая определенной спецификой, структурой и функциями.

Грамматическая категория традиционно определяется как единство грамматической формы и содержания. По мнению В.Б. Касевича, «можно было бы говорить о триединстве: единстве в области формы (в плане выражения), значения (в плане содержания) и в соотношении формы и содержания» [Касевич 2006].

Интерес к содержательной стороне предложения не был чужд традиционному языкознанию, однако этот интерес был скорее логико-ориентированным, чем собственно языковым. Существующие в монголистике дефиниции предложения и попытки выделения его типов в основном опираются на традиционное представление о субъектно-предикатной (подлежаще-сказуемой) природе предложения.

В последние десятилетия появился ряд работ, представляющий новые веяния в монголистике и в общем языкознании, направленный на изучение синтаксической семантики, обусловливаемой лексическими факторами [Холодович 1979; Теньер 1988; Апресян 1995; Тестелец 2001 и др.]. Процесс взаимодействия семантики и синтаксиса не получил еще определенности в терминологическом выражении. Между тем он свидетельствует о наличии константных системно-языковых связей между компонентами, приводит к функционированию языковых единиц в их новом лексико-грамматическом качестве.

Наличие нескольких синтаксических и/или семантических терминов, отражающих суть одного явления, свидетельствует об их недостаточной дифференциации и, возможно, избыточности. На наш взгляд, предпочтительнее других термин «актант», наиболее полно отражающий специфику взаимодействия. Требуют также дифференциации термины «валентность» и «связь». С первым связывается частеречное свойство слова, со вторым — реализация валентности. Под сочетаемостью имеется в виду факт уже состоявшегося насыщения валентности как потенциальной способности слова участвовать в образовании тех или иных синтаксических конструкций. Внутренние свойства слова как лексико-грамматической единицы, как лексемы определяют его возможности участия или неучастия в построении конструкций. Правила его синтаксического

поведения в составе этих конструкций относятся к сфере синтаксиса слова.

Синтаксис объединяет в своих границах такие единицы, которые или непосредственно формируют высказывание, или служат компонентами формирующей его конструкции. Такими синтаксическими единицами являются синтаксема, элементарная синтаксическая конструкция (ЭСК) [Касевич 1988; Черемисина, Скрибник 1988 и др.], предложение [Касевич 1993; Черемисина 2002; Черемисина, Скрибник 1996; Черемисина, Колосова 1987 и др.], высказывание. В сферу синтаксиса входят также высказывания, которые не имеют собственных грамматических характеристик и объединяются с грамматическими предложениями функционально (т.н. коммуникативы).

Одной из наиболее актуальных проблем современной монголистики является моделирование предложения. В отличие от фонологии, морфологии и лексикологии, синтаксис имеет дело не с воспроизводимыми, инвентарными языковыми единицами, а с единицами конструктивными, которые строятся каждый раз, в каждом отдельном речевом акте заново. Задача состоит в выявлении исходных формально-структурных схем, которые были бы воспроизводимы, т. е. принадлежали бы системе языка, его парадигматике, и могли бы лежать в основе порождения текста определённого типа.

Суть поставленной в работе проблемы и разработанной автором методики комплексного описания калмыцкого синтаксиса заключается в модельном представлении многоуровневой полевой иерархической структуры синтаксиса и полиаспектной организации семантики предложения/высказывания с выделением в формульном выражении системы ядерных моделей глагольного предложения, иллюстрируемых текстовыми примерами (подход «от текста») и результатами эксперимента с носителями языка на порождение высказываний с заданным глаголом (подход «от лексемы»).

Основные модели ЭСК современного калмыцкого языка выделяются на основе анализа взаимосвязи и взаимообусловленности типов актантов и классов глаголов [Омакаева 1988; 1991]. Типология ЭСК еще не была объектом специального изучения в конкретном языке монгольской группы. Не изучены в полной мере корреляции между

валентностными категориями глагола и структурой предложения, принципы синтактико-семантического моделирования глагольного предложения, моделиобразующая специфика ядерной синтаксемы и иерархия неядерных синтаксем, формальные способы маркирования актантов и кодирования семантических ролей, характер и степень семантизованности актантов, а также механизмы внутрисистемных процессов (актантных дериваций), происходящих при трансформации исходных конструкций в производные (каузативные, зависимые), с их морфологической репрезентацией в глагольном ядре, реализации моделей в изолированном высказывании (мини-тексте) и связанном тексте.

Моделирование синтаксиса с помощью специально разработанной формулы модели ЭСК опирается на валентностную модель управления глаголов. Это стало возможным с углублением наших теоретических представлений о сущности самого понятия грамматической категории, природе синтаксических, в частности валентностных, механизмов, охватывающих не только собственно глагольную лексику, но и другие классы слов.

Помимо валентностной классификации калмыцких глаголов, ставится задача выделения их семантических классов и подклассов, а также лексико-семантических групп (ЛСГ), регистрации основного круга глаголов, образующих такие группы, ранжирования и описания свойств приглагольных актантов, выявления семантических типов предикатов с одновременной фиксацией набора семантических ролей и способов их кодирования, а также определения области допустимых значений, т. е. семантической предназначенности ядерных конструкций.

Языковой данностью являются текст как графически зафиксированное развернутое высказывание, выступающее в виде связанной последовательности предложений, предложение/высказывание и словосочетание/синтагма. Каждая из них может характеризоваться в трех аспектах: формально-структурном (строевом), семантическом и прагматическом. Словосочетание, предложение и текст могут изучаться как с позиций формального подхода, т. е. в направлении от формы к её значению, так и с позиций функционально-содержательного

подхода, т. е. от значения к выражающим его средствам. Первый подход лежит в основе «пассивной» грамматики, а второй — в основе «активной» грамматики (термины Л. В. Щербы).

В основе синтаксиса лежит понятие синтаксической связи как единства данного синтаксического содержания и данного синтаксического выражения. Характер реализации валентности является основой модельной классификации предложений.

Использование моделирующего критерия предполагает определенную синтаксическую модель. Представить синтаксическую структуру предложения (высказывания) — значит указать на модель, которая лежит в его основе, как конфигурацию конститутивных элементов. Моделирование, т. е. разработка способов представления синтаксической структуры предложения, — основная проблема теории синтаксиса.

Методика записи модели составляет особую проблему. Наиболее распространенным способом является запись в символах классов слов. Запись в символах ЧП встречается значительно реже [Кузьменков 1984].

Таким образом, общая стратегия дальнейших изысканий в данной области монголистики может быть представлена как переход от общетеоретического осмысления синтактико-семантических категорий к их конкретному описанию на материале типологически мало используемого современного калмыцкого языка в сопоставлении с другими языками монгольской группы и, шире, алтайской семьи, а также с привлечением данных русского языка как языка иной типологии и языка описания.

Проведенное исследование открывает перспективы дальнейшей, более детальной разработки вопросов, связанных с синтаксисом и семантикой высказывания, в частности, типологии высказываний с точки зрения их актуального членения.

Литература

- Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2-х тт. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. 767 с.
- Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849. 400 с.
- Касевич В. Б. Элементы общей лингвистики. М.: Наука, 1977. 177 с.
- Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М.: Наука, ГРВЛ, 1988. 311 с.
- Касевич В. Б. Типология языков и типология культур // Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании. М.: Наука, 1993. С. 26–37.
- Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание. Л.: Наука, 1986. 299 с.
- Кузьменков Е. А. Глагол в монгольском языке. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1984. 137 с.
- Омакаева Э. У. Актантная структура монгольского предложения и место в ней первого актанта // Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях. Ч. 1. М.: Наука, 1988. С. 227–238.
- Омакаева Э. У. К проблеме системного описания простого предложения в монгольском языке // Вопросы грамматики монгольских языков. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. С. 115–127.
- Пюрбеев Г. Ц. Об актуальности типологического изучения синтаксиса предложения монгольских языков // Вопросы языкознания. 1984. № 4. С. 106–115.
- Пюрбеев Г. Ц. О синтаксических универсалиях в монгольских языках // VIII Международный конгресс монголоведов. Доклады российской делегации. М.: Изд-во «Гуманитарий» Академии гуманитарных исследований, 2002. С. 253–257.
- Русская грамматика. в 2-х тт. Т. 2. М.: Наука, 1980. 709 с.
- Санжеев Г. Д. Синтаксис монгольских языков. М.: Издание НИАНКП, 1934. 149 с.
- Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
- Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. 798 с.
- Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л.: Наука, 1979. 304 с.
- Черемисина М. И. Осложненное предложение в его отношении к сложному и простому // Теоретические вопросы алтайской грамматики. Горно-Алт. респ. тип., 2002. С. 3–24.
- Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 200 с.
- Черемисина М. И., Скрибник Е. К. О системе моделей элементарных простых предложений в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 4. С. 46–57.

УДК 811.111'36+811.512.37'36

ББК Ш143.21-2+Ш164.3-0-2

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВОКАТИВОВ В СЕМЕЙНОМ ДИСКУРСЕ (на примере ойратского и английского языков)

А. В. Радионов

Вопрос функционирования вокативов в семейном дискурсе на примере английского языка уже затрагивался: материалом служили, как правило, произведения современных и классических авторов [Busse 2006], а также фильмы из различных этнокультур [Qin 2008]. Впервые описывается функционирование апеллативов в ойратском семейном дискурсе (ойратском языке¹) и результаты сравнения с языком совершенно другой структуры — английским.

Материалом послужили данные словарей, которые уточняются и подкрепляются результатами интервьюирования и анкетирования², собранные у носителей

¹ Под *ойратским* языком автор работы понимает язык синьцзянских ойратов, живущих на территории Китая.

² Работа строилась в соответствии с рекомендациями современных требований научных исследований. Так, для проведения валидного лингвистического опроса необходимо задействовать «как минимум 15 информантов» [Dornyei 2006: 99]; нами были отобраны 30 респондентов-носителей английского языка и 20 носителей ойратского языка. Носители ойратского языка — это студенты, проходившие обучение в Калмыцком государственном университете в период 2010–2011 гг. и проживающие в Баингол-Монгольском автономном округе, Илийском аймаке и в Дурбелджине. Возраст опрошенных от 20 до 28 лет; из них 12 мужчин и 8 женщин. Большинство из них выросли в малой нуклеарной семье (включающей два поколения детей и родителей) с несколькими детьми (в среднем 3,8 на семью), сохраняя при этом близкие связи с другими членами более обширной семьи, а некоторые из них воспринимают себя как часть еще большего образования, т. е. рода.

Среди проинтервьюированных американцев наблюдалось большее разнообразие: возраст от 18 до 80 лет (80 % от 20 до 30 лет); 8 мужчин и 22 женщины; по 13 информантов родились и выросли на западе и востоке страны, четверо родом южной части страны; по этническому составу — двое индейцев (американизированных), 2 итальянца во втором поколении, 2 японки во втором поколении, одна немка в третьем поколении, остальные же идентифицировали себя как этнические американцы. Все опрошенные являлись на момент проведения опроса либо студентами, либо преподавателями (в их числе две женщины пенсионного возраста). Все без исключения опрошенные американцы по происхождению из нуклеарной семьи (в среднем семья с двумя детьми), 8 человек либо раз-

английского³ и ойратского языков. Своей популярностью интервьюирование и анкетирование обязаны, прежде всего, легкости составления, возможности собрать большой объем информации для анализа [Dornyei 2006: 101]. Была составлена анкета, которая состояла из следующих вопросов: как в семье информанта именovali друг друга родственники как по родству, так и по свойству; знакомы ли случаи употребления терминов фиктивного родства; существовали ли какие-либо предпочтения по наименованию родственников, запреты, табу или избегания и чем это можно было бы объяснить. Каждый из опросов проходил индивидуально; разговор записывался на диктофон, средняя продолжительность интервью составляла 8–10 минут. Всего записано более трех часов английской речи и около полутора часов русской/ойратской.

Рассмотрим вокативы, использующиеся в американских и ойратских семьях при обращении к родственникам по крови.

Мать. Наиболее популярным в английском языке, как показал опрос, оказался апеллатив *mom* (его используют 81 % информантов) и его гипокористический вариант *mommy* (56 %). При этом большинство отмечают, что *mommy* звучит несколько «по-детски» и употребляется детьми до 12–13 лет, затем происходит плавный переход на эллиптический вокатив *mom*. Средство адресации *mother* имеет несколько официальный оттенок и иногда используется в ситуациях для передачи инвективной коннотации (например, во время ссоры). Лишь двое информантов регулярно к матери обращаются с помощью лексемы *mother*. Два респондента называли своих матерей *tata* в детстве и *ma*, когда уже стали взрослыми. В двух случаях информанты упомянули лексему *mi*, где начальное *m* которого отведены, либо выросли в семье с разведенными родителями.

³ Материал собирался в ходе стажировки в США.

mom, а конституент *u* придает гонорифический оттенок значения, между тем самим матерям, по их признанию, не нравится, когда к ним обращаются таким образом. Личное имя матери в качестве апеллятива употребляли лишь 18 %, в большей степени в некоторых «экстремальных» случаях: для привлечения внимания в общественном месте, когда на зов *mom/momtu* родитель не отзывается.

Среди ойратов были получены следующие результаты: детьми используется вокатив *эмэ*, в более зрелом возрасте одинаково часто употребляются термины *маама* и *эмэ*, менее распространены — *жеежэ*, *ээжи* (обычно при обращении к бабушке) и *эдэ* (в среднем по 10 % опрошенных). Каждая из этих лексем несет мелиоративную эмоциональную нагрузку, одни являются интимными, а другие — фамильярными. *Ага* в качестве вокатива употребляется только в районе Или и, видимо, является диалектным. Обращение по имени не допустимо в ойратской культуре.

Отец. Наиболее распространенными обращениями к отцу являются *daddy* в детские годы и позднее *dad. Father*, являясь довольно официальным термином, замечен в употреблении лишь у 14 % респондентов; по два человека называли своих отцов *papa* и *ра*, четверо — *pop* и один — *pops* (в виде шутки). По аналогии с вышеописанной *ти*, образована и лексема *du* (начальная звук *d* от *dad* плюс элемент *u*). По имени регулярно обращалась к отцу лишь одна жительница западных штатов, и еще около 20 % использовали имя как антропоним-апеллатив для привлечения их внимания.

К отцу среди жителей Синьцзяна все дети обращаются *эдэ*; *паапа* также распространенный термин (около 35 %), наряду с *бааба* и *аава* (по 14 %); *гаага* более известен на севере, *дээдэ* употребляется только среди жителей Дурбелджина. *Эцк* обычно передает референтное и номинативное значение, но может использоваться и как апеллятив. Обращение к отцу по личному имени также запрещено.

Сестра. Практически во всех случаях американцы своих сестер называют по имени, иногда им придумывают прозвище, производное от первого имени или от других названий. Например, в семье одного из

информантов сестру называли *Hollywood* из-за ее увлечения фильмами. Сокращенные формы имени также популярны (напр. *Tan* от *Tana* или *Jen* от *Jennifer*). Следует отметить, что подобные эллиптические формы имен и наименований родства нейтральны с точки зрения тональности и практически не маркированы [Звягинцева 2009]. Термины адресации *sis, sissy* (деминутивные от полной *sister*) упомянули 20 % опрошенных по отношению к младшей сестре, так как эти формы являются краткими с уменьшительно-ласкательным значением.

У ойратов используются два апеллятива *энэ* и *эгч* (к старшей сестре), в особенности в разговоре при присутствии знакомых, не являющихся членами семьи. Крайне редко к младшей сестре обращаются при помощи *дү*. В домашней обстановке обращение по имени было отмечено всеми информантами. Еще одним из интересных, хоть и редких, апеллятивов является *жеежэ*. Думается, что притяжательная частица *-о* сигнализирует об элементе звательного падежа, который «пережиточно сохранился в монгольских языках, где он представляет форму обращения» [Рассадин, Трофимова 2008: 65].

Брат. Адресация к брату по имени и прозвищам является наиболее распространенной в английском дискурсе. К примеру, за братом одного информанта с детства закрепилось прозвище *Skippy* (хотя его настоящее имя Eric), с тех пор все члены семьи, включая его внуков, зовут его *Skip*. Усеченная форма *bro* от *brother* не обнаружена в материале исследования, по свидетельству информантов, эта лексема применяется, как правило, по отношению к незнакомым людям и часто среди афроамериканцев. Однако в работах других исследователей приводятся данные, что обращение *bruv* может звучать в семьях из рабочей среды [Леонович 2008: 5]. Еще одна усеченная форма *sib* (от *sibling*) может применяться и к брату, и к сестре, но воспринимается как шуточное обращение. Два информанта называют своих братьев *baba*.

Для студентов из Синьцзяна вокатив *ах* к старшему брату (100 %) и обращение по имени (71 %) являются наиболее привычными. Первый способ более предпочтитель-

лен, поскольку адресант выражает большее почтение. Употребляется *ахой* как вариант *ах*, в котором притяжательная частица *-ой* произносится «долго и с ударением и выполняет функцию звательного падежа» [Рассадин, Трофимова 2008: 65]. В Дурбелджине используется апеллятив *ага*. К младшим братьям обычно обращаются по имени, хотя треть информантов отметила, что апеллятив *дү* (а не его словарная форма *дү көвүн*) также можно услышать, особенно, когда нужно привлечь внимание собеседника. Четверо информантов обращаются к младшему брату с помощью лексемы *дүүм* (*дү* 'брат' + *мини* 'мой'). Обычно же это слово употребляется в референтном значении.

Бабушка. Считается, что обращение *grandmother* больше распространено в среде высшего и среднего классов [Леонович 2008: 4], в нашем же анкетировании эта лексема не была выделена. Тем не менее целый ряд апеллятивов используется как номинативные единицы, причем, по словам респондентов, они отличают бабушек и дедушек по патри- и матрилинейной линиям. Заметим, что инициаторами выступают, как правило, сами адресаты. Так, в одной семье матрилинейную бабушку называли *granny*, в то время как бабушка по отцу предпочла обращение *granita*. Наиболее общее средство адресации *gramma/grandma* (84 % информантов), за ним — *granny* (60 %), *grammy*, *grams* (по 28 %) с и без включения имени адресата. На юге США популярны следующие вокативы: *tata*, *mima*, *tete*; на востоке — *nanna*, *mimmy*; везде употребляется средство обращения *ома* (особенно среди выходцев из Германии и Голландии). Иногда сами бабушки предпочитают, чтобы их называли по имени (напр. *Jan*) или по прозвищам (например, из материала исследования *Skeet* от английского *mosquito* 'комар' за небольшие пропорции).

В ойратском языке лексема *ээжи* употребляется в отличие от английского как в референтном, так и в вокативном значениях при обращении к бабушке и прабабушке. Довольно редко можно услышать *наһца ээжи* при обращении к бабушке по материнской линии. Апеллятив *Әвә* рас-

пространен в детской речи. Деминутивные формы, как и обращения по имени и прозвищам, недопустимы.

Дедушка. Вокатив *grandfather* употребляется лишь в высших слоях общества Америки [Леонович 2008: 4]. Почти все информанты обращаются к дедушке *grampa*, *granddad* (87 %). *Grampop* / *grampops* используется в качестве шуточного обращения (менее 15 %); менее распространены варианты *ора* (по аналогии с *ома*), *nanna* (так в некоторых семьях могут называть и бабушку) и *papa* с его ласкательной формой *papi* (как ни странно, таким же образом именуются иногда отцы). Обращение по имени крайне редко.

Обращение *аав* употребляется повсеместно в Синьцзяне; на севере известен вокатив *акә*. Обращение по имени, как и к любому другому старшему родственнику, недопустимо. Следует отметить, что эта особенность характерна и для калмыцкого языка: в речевом этикете калмыков принято с большим уважением относиться к пожилым людям, старшим по возрасту [Манджиева 2008: 75].

Тетя/дядя. При обращении к дяде на английском языке все респонденты употребляют формулу *uncle* + имя (*uncle Frank*), к тете — *aunt* либо вариант с ласкательным суффиксом *-ie* *auntie* + имя (*aunt Barbara*, *auntie Sue*). В 33 % используется *auntie* без последующего антропонима при обращении к тете. Позже по достижении подросткового возраста большая часть информантов переходит только на имя как на средство адресации (примерно 80 %).

Респонденты, говорящие на ойратском языке, для обозначения тети используют лексемы *һаһа* и *наһц эгч*, к дяде — *наһца* (по материнской линии) и *авһ* или *авә* (по линии отца). Иногда может сложиться ситуация, при которой дядя / тетя оказываются младше племянников или примерно одного возраста с ними. В этом случае предпочтительнее обращаться по имени. Влияние китайского языка и культуры на самобытность народа Синьцзяна сказалось и на наименовании родственных отношений: 20 % опрошенных отмечали, что употребляют китайские заимствования и их деминутивные формы при обра-

щении к тете / дяде (например, 阿姨, 姨 ā yí, yí mā)⁴.

Двоюродные/троюродные сестра или брат. В английском языке неродные сиблинги не различаются по гендерной принадлежности и степени удаленности от поколения. Во всех этих случаях употребляется один вокатив *cousin*. Для уточнения родственной принадлежности добавляют порядковые числительные (*first/second cousin*) и составные сочетания (*once/twice/three times removed*). Как вокатив *cousin* прекратил свое существование в XIX в.; в настоящее время крайне редко употребляется как “amiable form of address” со значением *friend* [Леонович 2008: 4], как, например, в вопросе: «How are you doing, cousin?». Все это подтверждается данными нашего анкетирования: все информанты к неродным сиблингам обращаются по имени либо прозвищам, трое из них шуточно называют двоюродных братьев *cuz/coz* + имя (*Hey, cuz Andrew*). Интересен пример одной из девушек-информанток, которая после обучения в Австралии переняла распространенную в этом месте форму обращения *cuzzy*.

Язык ойратов, наряду с калмыцким, обладает более разветвленной, подробной системой наименований родства. Так, к примеру, в калмыцком языке различаются *бөл үй* (двоюродные брат и сестра), *бөлнц үй* (троюродные), *бөлнцг үй* (четвероюродные), *бөлницр үй* (пятиюродные) и т. д. вплоть до *бөлнтг үй* (девятиюродные брат и сестра) [Пюрбеев 1996: 169]. Однако все описанные термины употребляются в референтном значении, а как вокативы зафиксированы лишь *ах* — для старших родственников (мужчин) и *эгч* — для старших сестер, в том числе неродных. Еще более популярно обращение по имени.

Дети. Английские внутрисемейные формы *daughter* и *son* архаичны и обнаруживаются только в прозе [Леонович 2008: 3]. Термин *son*, к примеру, распространенный во времена Шекспира, применялся при обращении к сыну и зятю.

В наши дни — при обращении к младшему знакомому, ребенку друга (обычно в постпозиции): *Well done, son! Good job, sonny!* при похвале. Эта информация полностью подтверждается нашим материалом: к детям обращаются посредством личных имен, демиинутивных производных и ласковых обращений (*sweetheart, sweetie, angel*). Обращения родителей к своим детям, начинающиеся с общего вокатива *Mrs., Sir* или *Miss*⁵ или использования полной формы имени (двух имен), сигнализируют о серьезности предстоящего разговора. Подобная форма обращений характеризуется несколько строгой тональностью и используется для передачи неодобрения, недовольства или даже презрения [Звягинцева 2009]. Английские и американские дети обычно при рождении получают не одно, а два имени⁶ — личное и среднее (*first and middle names*), последнее служит дополнительным индивидуализирующим признаком [Мадиева 2010: 98].

Информанты-ойраты отмечают, что у ребенка может быть несколько имен, как и у англоговорящих детей. Первое дает хурул, оно становится официальным: фиксируется в паспорте и прочих документах. Еще одно имя ребенок получает в семье, и оно используется лишь в домашней обстановке, но только старшими родственниками. Так, один из респондентов с официальным именем *Цеденбал* в семейном кругу звался *Түмүн* ‘десять тысяч’. Могут даваться и прозвища, связанные с особенностями характера, внешнего вида: *Тарһн* (‘жирный, тучный’) — за крупные размеры. Бабушки и дедушки могут придумать ребенку еще одно имя в случае, если выбранное ими имя не совпало с тем, что дали в хуруле (упомянутого *Цеденбала* бабушка называла *Эрдн*). Иногда, как дань памяти предкам, к именам детей может быть добавлено имя родственника: одного информанта по имени *Батр* называли *Мөнкбатр* (в честь прадеда), а его сестру *Мөнкчма* от

⁴ Следует отметить, что и в современном калмыцком языке традиционные наименования и сокращения, которые использовались на протяжении веков, «стали малоупотребительными и постепенно уходят в прошлое под влиянием русского языка» [Лиджиев 2008: 43].

⁵ В английском языке вокативы делятся на две неравные группы: общие (*Mr., Sir*) и специальные (*Colonel, Father, Your Majesty*). Общие представляют собой универсальные формы этикетного контакта, являющиеся знаком общения на социальной дистанции [Алиева 2010: 92].

⁶ Использование нескольких имен было продиктовано стремлением к тому, чтобы у ребенка было несколько святых заступников.

Монк + личное имя Чмэ. Как и в английском, в ойратском языке распространено использование ласкательных слов с мелиоративной окраской (*нахулдэ* 'грудничок') и прозвищ (*мана хар* 'наш черненький' за темный цвет кожи) по отношению к маленьким детям. Следует добавить, что обычно по достижении определенного периода взросления все придуманные имена перестают использоваться и остается одно официальное.

Жена/Муж. Референтная форма *husband* 'муж' была распространена во времена Шекспира. «В «Генрихе V» жена обращается к мужу *honey-sweet husband*. Апеллятив *wife* не употреблялся и во времена Шекспира [Леонович 2008: 4]. В семейной обстановке может употребляться лексема с деминутивным суффиксом *-ie/y*, придавая иронический оттенок: *wife, hubby*. По свидетельству информантов, все супруги обращаются друг к другу по имени, зачастую используя краткие мелиоративные формы: *Florence* становится *Flip*, *Bill* — *Billy*. Из ласкательных лексем наиболее популярны *baby/babe* и *honey* с эллиптивным вариантом *hon*. Следует отметить, что из-за сильного влияния политкорректности и феминизма на все сферы речевой деятельности в США в последние десятилетия мужчины (мужья) стараются избегать называть женщин (жен) ласковыми именами, соотнесенными с интимной коммуникацией [Виссон 2007]. Неслучайно, большинство опрошенных (71 %) утверждали, что единственным средством адресации в семейной обстановке является антропоним. К тому же некоторые пары используют такие апеллятивы, как *mommy, daddy* и др.

Все информанты из Синыцзяна отмечают, что для родителей, как и для других равных по возрасту родственников, адресация по имени является наиболее распространенной. Как шутливое обращение можно услышать следующие лексемы: *эмгн* ('старуха') и, реже, *баавһа* к жене, *өвгн* ('старик') при разговоре с мужем.

Контрастивное исследование вокативов в ойратском и английском языках позволило выделить общее и частное в особенностях их функционирования в семейной коммуникации. На основе полученных

данных в ходе описания можно сделать следующие выводы.

1. В английском языке шире диапазон эллиптических форм (*pa, ma, pop, mom*) и слов с деминутивным суффиксом *-y/-ie* (*mommy, daddy, antie*).
2. Полные формы терминов родства и имен в обоих языках нейтральны и выполняют функцию номинации: *Uncle John* и *avh*.
3. В обоих языках термины родства в качестве обращений не передают аугментативно-пейоративного значения. Связано это, прежде всего, с тем, что семейные отношения в обеих культурах представляют большую ценность, а наименования родства отражают специфику семейных отношений и норм коммуникации, которые запрещают грубое обращение к адресату.
4. В американской лингвокультуре чаще используются имена и их эллиптические формы при обращении к родственникам, при этом возраст адресата не принимается во внимание. Возможно, это связано с особым отношением к демократии и равноправию в США. И, напротив, более традиционное ойратское общество не допускает обращения к любому старшему родственнику по имени. Более того, как видно из многочисленных примеров, обращение с применением термина родства более предпочтительно, так как передает гонорифический оттенок.
5. Система вокативов в целом отражает специфику системы родства того или иного языка: для ойратского характерно различение родственников по линии матери и отца (*наһца* и *авһ*) и по старшинству внутри одного поколения (*ах* и *дү*), что отражает особенности классификационной системы родства данного языка. Для английского языка эти особенности не характерны.
6. Один и тот же термин в обоих языках может использоваться как вокатив при обращении к двум и более разным родственникам: в английском: *papi* (отец и дедушка), *papa* (отец и дедушка), *nanna* (бабушка и дедушка); в ойратском — *ээжси* (мать и бабушка) и *дү* (младший брат и младшая сестра).

Литература

- Алиева Б. М. Исследования гендерно-обусловленных структурных аспектов в английском и лакском языках // Вестник ЯрГУ им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. Ярославль: ЯГУ, 2010. № 2(12). С. 92–97.
- Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур / пер. с англ. Изд. 4-е, испр. М.: Р. Валент, 2007. 192 с.
- Звягинцева В. В. Антропонимические средства адресации в семейном дискурсе [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Т. Ю. Сазоновой. Курск: КурскГУ, 2009. № 2(6) (URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/006-08.pdf> (дата обращения: 24.08.2011)).
- Звягинцева В. В. Оценочно-характеризующие обращения в семейном дискурсе русского и английского языков // Известия Курск. ГТУ. Вып. 3. Курск: Курск ГТУ, 2010. С. 143–148.
- Леонович Е. О. Английские термины родства и внутрисемейных отношений как обращение [Электронный ресурс] // Университетские чтения / Пятигор. гос. лингв. ун-т. Пятигорск, 2008. (URL: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/V/uch_2008_V_00036.pdf (дата обращения: 17.06.2011)).
- Лиджиев А. Б. Калмыцкие деминутивы в контексте современности // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 3. С. 42–44.
- Мадиева Г. Б., Супрун В. И. Антропонимы как средство выражения национальной культуры // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград: ВГПУ, 2010. № 6. С. 96–102.
- Манджиева Э. Б. Этнокультурные особенности русских и калмыцких этикетных формул // Гуманитарные исследования. Астрахань: АГУ, 2008. № 4. С. 75–79.
- Пюрбеев Г. Ц. Калмыцкий словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 176 с.
- Рассадин В. И., Трофимова С. М. О некоторых редких падежах в калмыцком и ойратском языках // Гуманитарный вектор. Чита: Забайкал. гос. гуманитарно-педагог. ун-т, 2008. № 4. С. 64–66.
- Busse B. Vocative constructions in the languages of Shakespeare. John Benjamins Publishing Company, 2006. 526 p.
- Dornyei Z. Research methods in applied linguistics Quantitative, Qualitative and Mixed methodologies. Oxford: Oxford University Press, 2007. 336 p.
- Qin X. Choices in terms of address: a sociolinguistic study of Chinese and American // English practices Proceedings of the 20th North American Conference on Chinese Linguistics (NACCL — 20). Columbus Ohio: Ohio State University, 2008. P. 409–421.

УДК 811.11-112

ББК 81.2-3

КАЛМЫЦКИЕ ПАРЕМИИ О РЕЧЕВОМ ПОВЕДЕНИИ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОПРАГМАТИКИ

С. К. Куприянова

В последние десятилетия коммуникативное поведение различных этносов стало предметом активного изучения как в теоретическом, так и в сопоставительном планах. Причинами усиления интереса исследователей к этой теме послужили расширение межнационального общения и межнациональных контактов, повлекших за собой необходимость интерпретации коммуникативных различий, а также попытки разрешения проблем национальной идентификации и национальной самобытности. В этой связи представляется актуальным изучение особенностей коммуникативного поведения калмыков, обусловленного необходимостью защиты калмыцкого языка, который находится под угрозой исчезновения.

Не вызывает сомнения и тот факт, что для успешного изучения языка необходимо знание не только языка, но и особенностей коммуникативного поведения народа¹, национальных норм и традиций, зафиксированных и отраженных в паремиологических единицах² [Прохоров 2007: 41; Тер-

¹ Под коммуникативным поведением понимается вербальное и сопровождающее его невербальное поведение личности или группы лиц в процессе общения, регулируемое нормами и традициями общения внутри одного социума [Прохоров 2007: 42].

² Выбор паремий в качестве материала исследования был определен их исключительно важным положением в культуре народа, поскольку паремии, согласно В. В. Пикаловой, представляют собой своего рода национальные стереотипы, устойчивые национально-культурные специфические представления о

Минасова 2008: 144]. В этой работе мы попытаемся выявить основные особенности калмыцкого коммуникативного поведения, которое нашло свое отражение в калмыцких паремиях в их соотношении с основными принципами речевого поведения, установленными в лингвопрагматике (принцип кооперации Г. Грайса [1985], принцип вежливости Дж. Лича [Geoffrey 1983] и лингвистическая теория вежливости П. Брауни и С. Левинсона [1988]. В качестве материала исследования был использован сборник «Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая», составленный и переведенный на русский язык Б. Х. Тодаевой [2007] (далее — [Т]).

Согласно Г. Грайсу³, коммуникация должна строиться непрерывно и говорящие для избежания коммуникативных сбоев должны вносить вклад в общение, учитывая цели и направление диалога [Грайс 1985: 222]. Исследователями неоднократно поднимался вопрос о том, носят ли максимы Г. Грайса универсальный характер и в какой мере они соблюдаются говорящими в реальной коммуникативной практике [Leech 1983: 79; Thomas Jenny 1995: 185]. Анализ материала показывает, что в калмыцких паремиях обнаруживаются как точки соприкосновения, так и расхождения с максимами Г. Грайса. Так, для калмыцкой лингвокультуры характерна тенденция к недосказанности: лучше предоставить коммуниканту меньше информации, чем сказать лишнее: *Үгиг үлү келчкэд, татхнь хату, тату келчкэд, куцэхнь санана*. 'Скажешь лишнее — вернуть трудно, недоскажешь — дополнить (добавить) легко' [Т: 268]; *Үлү үг бий орадг, ут хувцн шилв орадг*. 'Лишние слова самопредмете или ситуации, определяющие коммуникативное поведение коммуникантов в той или иной коммуникативной ситуации [Пикалова 2006: 42]. Вместе с тем многие паремии, касающиеся речевого поведения, имеют универсальный общечеловеческий характер. Как показал Ю. В. Рождественский, они отражают основные правила речевого этикета, обеспечивая развитие устной словесности и накопление культурно-значимых текстов [Рождественский 1979: 20].

³ Г. Грайс установил четыре максимы, регулирующие процесс коммуникации: максимы количества (говори настолько информативно, насколько это требуется), качества (не говори того, в чем сомневаешься), отношения (говори к месту) и способа (излагай ясно) [Грайс 1985: 222–223].

му же во вред, длинные полы ногам мешают' [Т: 263]. Таким образом, наблюдается нарушение максимы количества Г. Грайса в сторону недостаточной информативности высказывания.

Совет «быть немногословным», скорее всего, является своего рода универсалией для правил речевого этикета, отраженных в фольклорных произведениях. Как отмечал Ю. В. Рождественский, пословицы различных народов мира содержат указания на преимущество слушания перед говорением и определенную значимость молчания. За этими рекомендациями стоит представление о силе и потенциальной опасности слова для самого говорящего, который своими неправильными речевыми действиями может нанести ущерб самому себе, а также окружающим [Рождественский 1979: 37].

При этом в калмыцких пословицах четко представлены гендерные стереотипы поведения. Мужчина должен быть хозяином своего слова, иметь свое собственное мнение, быть сдержанным в речах: *Заһлма нег шүүрлһтә, залу нег үгтә*. 'У птицы кобчика хватка одна, у мужчины слово одно' [Т: 245]; *Үгдән күрсн залу сән*. 'Хорош мужчина, который держит свое слово' [Т: 244]. Что касается женщины, то считалось, что она должна быть немногословной, молчаливой, слушать своего мужа, вести хозяйство и заботиться о семье. В пословицах осуждается женская болтливость, неумение хранить тайну, что может привести к беде: *Күклин ут күзү орадг, үгин ут бий орадг*. 'Длинная коса шее мешает, длинная речь себе мешает' [Т: 528]; *Дегд келтә гергн дер дорк дээсн*. 'Слишком языкастая жена — самый близкий враг' [Т: 529].

В калмыцких пословицах и поговорках нашла широкое отражение максима качества Г. Грайса. Так, человек, который говорит правду, уважаем всеми: *Үнн юмндан үкс гижэ йов*. 'Стремись к правде, отстаивай ее' [Т: 402]; *Үнн юмн унтә, буру юмн көгжтә*. 'Правда дорогая, а ложь затхлая' [Т: 401]; *Үнн гидгиг үүдәр һарһжс көөснь бийнь өркәр орад бээдг*. 'Правду выгоняешь в дверь, а она влетает через дымник юрты' [Т: 404] (ср.: «Правда в речи и искренность, как отмечает Т. В. Ларина, — это важнейшие коммуникативные ценности для людей, живущих в тесном коллективе» [Ларина 2009: 45]).

Категория максимы качества Г. Грайса выражается в калмыцкой лингвокультуре: *Ховин үндсн — цусн, эвин үндсн — тосн*. ‘В основе сплетни — кровь, в основе мира — масло’ [Т: 523]; *Ховд үнн уга, худлд сэн уга*. ‘В сплетне нет правды, во лжи нет добра’ [Т: 523]. Можно полагать, что это также «паремиологическая универсалия». Так, по мнению Ю. В. Рождественского, запрещение «наносить ущерб слушающему нежелательным и вредным ему содержанием речи» является с точки зрения фольклорного этикета главным правилом говорящего [Рождественский 1979: 59].

Согласно четвертой максиме Г. Грайса, говорящий должен сформулировать сообщение таким образом, чтобы слушающий понял его; в калмыцких паремиях это правило связано с паремиями «о хорошем человеке»: *Сэн кууг үгин эклцд меддг*. ‘Хорошего человека понимают с первых слов’ [Т: 349]; *Сэн күмн нег үгтэ, сэн мөрн нег малята*. ‘Хороший человек с одного слова поймет, добрый конь побежит от одного удара плетью’ [Т: 348]. Другими словами, хороший человек скажет таким образом, что его поймут с первого слова, т. е. кратко и однозначно.

Принцип кооперации Г. Грайса дополняется принципом вежливости Дж. Лича, который сформулировал максимы такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия и симпатии в понятиях этических норм поведения, в том числе речевого [Формановская 2002: 59]. Как полагал Дж. Лич, именно соображения вежливости объясняют в большинстве случаев отступления от максим Г. Грайса в речевой практике.

Как уже было замечено, калмыцкий этнос отличается сдержанностью в своей речи и своих суждениях. В полном соответствии с максимами Дж. Лича калмыцкие паремии советуют уменьшать порицание других: *Күүнэ эндү үзхлэрн, эврәннь эндүһән үзх кергтэ*. ‘Замечая чужие ошибки, следует видеть и свои’ [Т: 561]. Поэтому, возможно, в калмыцких паремиях отражена только первая часть максимы одобрения (уменьшайте порицание других): *Кү муурулхасн урд, бийән сээнэр хэлэ*. ‘Прежде чем говорить плохо о человеке, хорошенько присмотрись к себе’ [Т: 9]; *Бийән һурв эргүлчкэд, тегэд кү кел*. ‘Триж-

ды присмотрись к себе, лишь потом осуждай других’ [Т: 544]. В этих паремиях выражается и максима скромности Дж. Лича (ср.: *Бийән битгэ магт, бусдыг битгэ бас*. ‘Себя не хвали, а других не принижай’ [Т: 119]; *Богдарж бурхн болдг уга, бийән буульж хан болдг уга*. ‘Кичась своим величием, божеством не станешь, восславляя себя, ханом не станешь’ [Т: 122]; *Адг күн бийән магтдг*. ‘Только последний человек себя хвалит’ [Т: 514]).

О стремлении калмыков «не выставлять свое „я“, — говорит Г. Ц. Пюрбеев, — «...калмыки нарочито уничижительно отзываются не только о себе, но и о том, что имеет непосредственное отношение к ним. Поэтому выражение *мини му куукн* (букв. „моя плохая дочка“) в устах калмыка вовсе не означает, что он дурно отзывается о своем ребенке, наоборот, в этих словах заключена нежная ласка и родительская любовь» [Пюрбеев 1982: 121]. Это стремление калмыков к общности, коллективизму выражено в следующей паремии: *Бив гисн һанцарн, бидн гисн оларн*. ‘Говорящий «я» — в одиночестве, говорящий «мы» — со всеми’ [Т: 148].

Среди калмыков не принято хвалить или говорить комплименты. Интересно, что нельзя было хвалить коня, жену и себя: *Эркн эргү эмән магтдг, дунд эргү бийән магтдг, адг эргү мөрән магтдг*. ‘Самый большой дурак хвалит жену, средний — самого себя, последний — своего коня’ [Т: 470].

В калмыцких паремиях также отражена максима согласия (уменьшайте разногласия между собой и другими и стремитесь к максимальному согласию между собой и другими): *Эвэс тосн һарна, эвдрлэс усн һарна*. ‘При согласии — масло (т. е. благо), при ссоре — вода (т. е. слезы)’ [Т: 291]; *Эвэс тосн һарна, эвдрлэс цусн һарна*. ‘При согласии — масло (т. е. благо), при ссоре — кровь’ [Т: 291]. Дружелюбное, приветливое отношение к другим также ценится калмыками, как и умение находить согласие с другими людьми: *Олн амнтлэ нинегн бээдг күн кезэ чигн байн*. ‘Кто живет в дружбе и согласии со всеми людьми, тот всегда богат душой’ [Т: 80].

С максимальной согласия тесно связана максима симпатии (уменьшайте антипатию между собой и другими и стремитесь

к максимальной симпатии между собой и другими). Как пишет Н. И. Формановская, к требованиям последней максимы можно отнести и эмпатию, т. е. способность человека понимать других⁴.

О важности приветливого отношения калмыков говорят следующие паремии: *Күндін дееж — тамк, күүрин дееж — менд*. 'Первое угощение — табак, первое слово — приветствие' [Т: 410]; *Ааш сээхн күмнд амтн цүһлрдг, амт сээхн идэнд күмн болһн дурлдг*. 'У приветливого человека люди собираются, а пищу, приятную на вкус, любит каждый' [Т: 387].

В материале исследования не обнаружены калмыцких паремий с прямым отражением максим такта и великодушия Дж. Лича, что можно объяснить, на наш взгляд, тем, что эти максимы имеют преимущественное отношение к особенностям словесного выражения импозитивов и коммиссивов (просьбы, приглашения) и т. п.

Тот факт, что максимы Дж. Лича и Г. Грайса не в полной мере отражены в калмыцких паремиях, возможно, объясняется тем, что, будучи сформулированы для индивидуалистических культур, они не могут быть в полной мере применимы к коллективистским культурам (к которым относится, как нам кажется, калмыцкая культура), поскольку такой тип культуры предопределяет другие коммуникативные особенности, формирует иной стиль коммуникативного поведения [Ларина 2009: 15].

Развивая идеи предшественников, П. Браун и С. Левинсон разработали собственную концепцию универсалий вежливости. По их мнению, в основе коммуникативной деятельности лежат два основных мотива: 1) желание свободно совершать действия и не подвергаться давлению со стороны и 2) желание получить одобрение. Эти два желания определяют две основные стратегии в человеческой коммуникации: негативную и позитивную вежливость [Brown, Levinson 1987: 62].

Стратегии позитивной вежливости используются в качестве социальных ускорителей (*social accelerator*), используя которые, говорящий указывает на свое желание

сократить дистанцию, разделяющую его со слушающим. Стратегии негативной вежливости направлены на то, чтобы продемонстрировать признание независимости и автономности участников коммуникации и таким образом выразить взаимное уважение [Brown, Levinson 1987: 101].

Важной частью концепции П. Браун и С. Левинсона является исследование речевых актов, угрожающих говорящему или собеседнику потерей уважения к друг другу. В свете этого особый интерес представляют калмыцкие паремии, связанные с речевыми актами, которые, по мнению П. Браун и С. Левинсона, угрожают участникам коммуникации «потерей лица» (*face threatening acts*). К ним, в частности, относятся паремии о просьбах, советах, шутках, похвальбе. Как будет показано ниже, их трактовка в калмыцких паремиях не полностью совпадает с положениями П. Браун и С. Левинсона.

Согласно теории вежливости П. Браун и С. Левинсона, просьба угрожает негативному лицу адресата, поскольку ограничивает свободу его действий. В калмыцких паремиях просьба трактуется как речевой акт, угрожающий, однако, прежде всего адресанту: *Күүнэс юм сурхд нег зовлң, сурсна хөөн эс өгхлэ, хойр дам зовлң*. 'Просить у другого — страдание, но если не дадут после того, как попросил, — страдание вдвойне' [Т: 461]; *Сурсн му, сурсиг эс өгсн үлү му*. 'Просить плохо, но не дать того, что просят, еще хуже' [Т: 461]. Как видно из пословиц, плохо просить что-либо, но хуже отказать просящему человеку: *Залу күмн юм сурвл, нег му, сурсинь эс өгвл, бас буру*. 'Плохо, когда мужчина что-то просит, но если не дать того, что просит, тоже плохо' [Т: 465]. Очевидно, что отказ выполнить просьбу нарушает правила вежливости и угрожает просящему потерей позитивного лица.

В отличие от просьбы обращение за советом в калмыцкой лингвокультуре вполне одобряется: *Бүгдэрн зөвлвл, буру уга, бүлэн усар уһавл, кир уга*. 'Если все будут советоваться — не произойдет ошибки, если мыть теплой водой — не будет грязи' [Т: 294]; *Түрүлэд эврэн сур, эс медсэн бусдас сур*. 'Прежде учись сам, не знаешь — спроси у других' [Т: 320]. Такой подход характерен для культур коллективистского типа: со-

⁴ Эмпатическими, согласно Н. И. Формановской, являются этикетные вопросы-осведомления при встрече о жизни, делах, здоровье [Формановская 2002: 97].

ветоваться и просить совета означает признавать себя частью общества, в котором живешь. Характерно, что калмыцкие поговорки о речи рекомендуют именно просить совета, а не давать его (учет позитивного лица адресата). Просить совета в калмыцкой лингвокультуре считается признаком проявления уважения к слушающему, так как говорящий указывает этим на важность мнения собеседника.

Отношение калмыков к шутке также отличается от трактовки этого речевого акта П. Брауном и С. Левинсоном: британские авторы рассматривают шутки как стратегию позитивной вежливости, калмыки относились к подшучиванию и иронии крайне неодобрительно: *Шог үг шорла эдл*. 'Язвительная шутка подобна уколу штыком' [Т: 555]; *Шог үг хурц шорин чиңгэ*. 'Ироничное язвительное слово что остроконечный штык' [Т: 555]. Соответственно, не одобряется речь с усмешкой или со слезами: *Инэж келсн кун меклхин темдг, уульж келсн — һундын темдг*. 'Говорить с усмешкой — признак обмана, а говорить со слезами — признак обиды' [Т: 376]. Очевидно, что в этих случаях порицается не шутка как таковая, а подшучивание и подтрунивание над собеседником, задевающие его личность; шутка принижает его статус в обществе, а значит, может привести к «потере лица» адресата.

В калмыцком обществе существует строгое соблюдение правил уважения и почитания младшими старших людей. Среди калмыков в знак уважения принято обращаться к людям пожилого и старшего возраста, используя местоимение *та* ('вы'). В беседе инициатива и право задавать вопросы всегда принадлежит старшим: *Ахнь келдг, дунь соңсдг*. 'Старший брат говорит, младший слушается' [Т: 59]; *Кун ахта, девл захта*. 'У человека есть старший, у шубы — воротник' [Т: 59].

Согласно стратегиям позитивной вежливости П. Брауна и С. Левинсона, обращение на *ты* к незнакомому человеку может указывать на общность интересов, а также появление чувства солидарности [Brown, Levinson 1988: 104, 120], а значит устранение коммуникативных барьеров между коммуникантами. В индивидуалистских культурах такое общение приемлемо, в то

время как в коллективистских обращение к человеку старшего возраста или незнакомому на *ты* недопустимо.

Соблюдение четких правил поведения (например, правила поведения калмыков при приветствии), доверие традициям и устоям, склонность к внутригрупповому согласию характерны для культур коллективистского типа с высоким уровнем избегания неопределенности, согласно Г. Хофстеде [Hofstede 2001: 380]. Напротив, для стран с низким показателем избегания неопределенности присущи проявление личной инициативы, приемлемость риска, спокойное принятие разногласий и иных точек зрения.

Как следствие, в культурах, избегающих неопределенности, наблюдается заметная разница в типе взаимоотношений между «своими» и «чужими». Отношения со «своими» отличаются большей близостью, с «чужими» — большей холодностью и формальностью. Отсюда недоверие «чужим» и сдержанность в общении: *Таняд уга мөрнэ ардаснь бичэ өөрд, таняд уга куунд ухаһан бичэ медүл*. 'К неизвестной лошади не подходи близко сзади, незнакомым людям не высказывай своих намерений' [Т: 225]; *Таньдгиннь мөр унна, итксэндэн үг келнэ*. 'Садятся на коня, которого знают, говорят слова человеку, которому доверяют' [Т: 263]. Как видно из примеров, в калмыцких поговорках прописаны правила речевого поведения с незнакомыми людьми.

Таким образом, калмыцкая лингвокультура, принадлежащая к коллективистским культурам с высоким уровнем избегания неопределенности, имеет свои особенности коммуникативного поведения, в котором переплетаются черты как позитивной, так и негативной вежливости. При этом калмыцкому коммуникативному поведению в большей степени присущи стратегии сближения и учет позитивного лица адресата, иногда даже в ущерб собственному позитивному лицу, в особенности актуальными в этом контексте являются максимы скромности и одобрения Дж. Лича и максимы количества и качества Г. Грайса.

Источники

Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 839 с.

Литература

- Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
- Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Яз. славян. культур, 2009. 512 с.
- Пикалова В. В. Этнокультурные нормы речевого поведения в паремиологических единицах английской и русской лингвокультур: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 188 с.
- Пюрбеев Г. Ц. Речевой этикет и язык жестов у монголов и калмыков // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М.: Наука, 1982. С. 117–123.
- Рождественский Ю. В. Введение в общую филологию. М.: Высшая школа, 1979. 224 с.
- Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2008. 264 с.
- Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Рус. яз., 2002. 216 с.
- Hofstede G. Culture's consequences: comparing values, behaviours, institutions and organizations across nations 2nd edition SAGE Publications, USA, 2001. 597 p.
- Leech G. N. Principles of Pragmatics. New York: Longman Group Limited, 1983. 250 p.
- Brown P., Levinson S. Politeness. Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 345 p.
- Thomas J. Meaning in interaction: an introduction to pragmatics. Pearson Education Limited, 1995. 224 p.

УДК 82-145

ББК 83.3 (2Рос=Калм)

ЛЕЙТМОТИВ «МЕТАМОРФОЗЫ»

В ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Р. М. ХАНИНОВОЙ

В. В. Куканова

«Метаморфозы» — так называется один из циклов Р. М. Ханиновой¹, состоящий из восьми стихотворений. Они представляют собой переложения известных и совсем не известных мифов и легенд в стихотворную форму, но при этом идейное содержание, а порой и их сюжетные моменты², подверглись некоторой «метаморфозе» (изменению)³.

В центре настоящего исследования находится структурная организация лейтмотива «метаморфозы» в поэтических произведениях одноименного цикла. Анализ

данной темы осложняется принадлежностью материала к художественному стилю, который имеет свои лексико-грамматические, ритмориформические, композиционные, семантические и другие особенности. Благодаря этой специфике поэтический текст служит благодатным материалом для исследования законов смыслообразования. Изучение организации поэтического текста имеет большое значение: последовательная конкретизация идейно-эстетической сути произведения от его структурного своеобразия и тематического содержания ведет к выявлению глубинного художественного смысла.

Материалом исследования послужили тексты стихотворений Р. М. Ханиновой из цикла «Метаморфозы», написанного в 2002–2003 гг.: «Шелковое покрывало», «Сторож у дороги», «Чайный куст», «Сердце оливы», «Цветок солнца» и «Дни Алкиона»⁴ [Ханинова 2005]. Выбор как стихотворений, так и автора совершенно не случаен, поскольку Р. М. Ханинова — фи-

¹ Римма Михайловна Ханинова — известный в Республике Калмыкия поэт, переводчик, продолжатель традиций своего отца Михаила Ванькаевича Ханинова (1919–1981).

² Например, в стихотворении «Цветок солнца». В отличие от овидийской версии современный автор одаривает героиню чувственным мигом общения с героем — познанием счастья.

³ Так поступает истинный художник, по мнению Ши-Тао, буддийского монаха, крупнейшего художника и теоретика искусства конца XVII — начала XVIII в., ср.: «Древность — это орудие познания [ши означает подлинное знание сущности вещей, мудрое проникновение в суть явлений (коммент. Е. В. Завадской — Е. 3.)]. Преобразования заключаются в том, чтобы познать это орудие...» [Завадская 1978: 65]. Иными словами, подлинный художник не останавливается на простом копировании, а привносит нечто новое, преобразует опыт древних.

⁴ За рамками анализа этой статьи находятся стихотворения «Лотос» и «Прут омелы», которые основаны на легендах, но в которых не происходит изменения героев. В основу анализа стихотворения «Цветок солнца» положена статья К. А. Джушкиновой и В. В. Кукановой [Куканова, Джушкинова 2004].

лолог-литературовед, русскофонная языковая личность, синтезирующая восточные и западные традиции, что предопределяет специфику ее творчества. Стихотворения данного цикла сюжетны, однако даже здесь есть лиричность, которая обнаруживается в подтексте произведений.

Автор переосмысливает древние метаморфозы с позиций своего времени, личностных принципов и тому подобное, т. е. восприятие мифов и легенд, легших в основу стихотворений, преломляется сквозь призму картины мира автора⁵, сформированной «на стыке античного и евроазиатского миров» [Ничипоров 2004: 15]. Например, А. А. Леонтьев подчеркивает, что «в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем» [Леонтьев 2003: 128].

Представляется, что лейтмотив метаморфозы очень тесно связан с одной из идей буддийской философии⁶ — теорией превращений, ср.: «Метаморфозы — первое условие проявления жизненной силы, которая изначальна» [Завадская 1983: 39]. Это истинный смысл развития, заключенного в бесконечных и бесчисленных трансформациях жизни и, шире, души человека (или *атман* — в переводе с санскр. ‘дыхание’, ‘душа’, ‘я-сам’). Взаимопроникновение сущностей всех вещей и явлений в мире, отсутствие границ между ними является внутренней сущностью трансформаций: предметы или явления не довлеют над другими, ничто в мире не существует само по себе, в силу своей собственной природы. Все причинно обусловлено, и все явления бесконечно обуславливают существование друг друга: «Метаморфоза видится Р. Ханиновой как основополагающий принцип векового бытия всего сущего» [Ничипоров 2005а: 172].

⁵ Под *картиной мира* понимается исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека [Рассел 1997: 143].

⁶ В целом поэзия Р. М. Ханиновой пронизана буддийскими мотивами и не раз подвергалась исследованию литературоведов (см. работы А. А. Бурыкина [Бурыкин 2005] И. Б. Ничипорова [Ничипоров 2005а; 2005б; 2005в], Д. Ю. Топаловой (Зумаевой) [Топалова 2006; 2007], С. Ю. Воробьевой [Воробьева 2007]).

Цикл «Метаморфозы» обнаруживает межтекстовые связи: он объединен лейтмотивом превращений главных героев вследствие разрешения жизненных ситуаций, поисков истины и счастья. Он является центральным сюжетным элементом поэтического цикла: русалка Клития превращается в подсолнечник («Цветок солнца»); шкура коня — в шелковое покрывало, а девушка — в червя («Шелковое покрывало»); веки — в чайный куст («Чайный куст»); девушка — в подорожник («Сторож у дороги»); ствол оливы — в разорванное сердце («Сердце оливы»); Алкиона и Кеик — в зимородков («Дни Алкиона»). Семантическая организация лейтмотива «метаморфозы» пронизывает все тексты, причем в каждом поэтическом тексте она по-разному реализуется⁷.

Лейтмотив метаморфозы состоит из определенной схемы или структуры⁸, которая повторяется почти в каждом произведении цикла, следовательно, можно выделить блоки, которые образуют этот мотив. Под *блоком* в настоящей работе подразумевается объединение элементарных сюжетных единиц, образующих мотив (лейтмотив) произведения. Это прежде всего причина метаморфозы, собственно метаморфоза, следствие метаморфозы (см. схему).

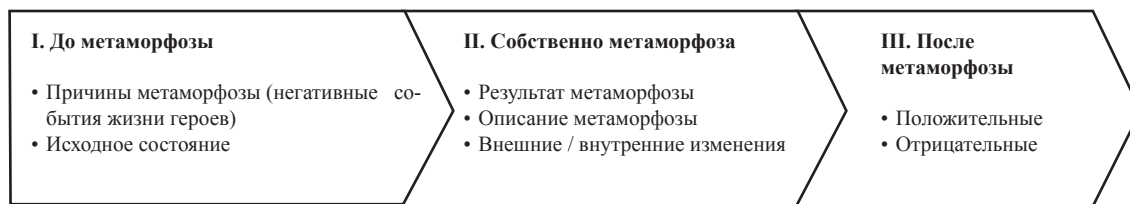
I. Метаморфоза обусловлена, как правило, какой-то видимой причиной, выраженной достаточно четко в анализируемых стихотворениях. Во всех случаях это негативные события в жизни героев: несдержанная клятва в «Шелковом покрывале»⁹, оби-

⁷ Надо сказать, что в структурно-семантической организации текста принимают участие разноуровневые элементы текста, и все они обладают поверхностным и глубинно-семантическим смыслами, последний из которых наиболее труден для описания, но осознается на бессознательном уровне говорящими и слушающими (оговоримся, что восприятие текста во многом зависит от интеллектуальных способностей читающего/слушающего и от его фоновых знаний о мире).

⁸ А. Н. Веселовский, например, трактует мотив следующим образом: «Под мотивом я разумею формулу, образно отвечающую на первых порах обществу на вопросы, которые природа всюду ставила человеку, либо закреплявшую особенно яркие, казавшиеся важными или повторявшиеся впечатления действительности. Признаком мотива — его образный одночленный схематизм» [Веселовский 1940: 494]. Другими словами, если мотив — это схема, то существуют части этой схемы, если формула, то она опять же состоит из структурных элементов.

⁹ Мысль о святости слова становится лейтмотивом во многих других циклах («В тени Конфуция»,

Структура лейтмотива «Метаморфозы»
в одноименном поэтическом цикле стихотворений Р. М. Ханиновой

да девушки в «Стороже у дороги», потеря близкого человека и самоубийство в «Днях Алкиона», сон во время молитвы в «Чайном кусте», смерть Аллаха в «Сердце оливы», безответная любовь в «Цветке солнца».

Так, в пятой строфе «Шелкового покрывала» сема «ошибки» выражена в интерпретационном¹⁰ наречии *опрометчиво*, усиленном частицей *так*, ошибка девушки ведет к страшным последствиям-метаморфозам — *клятва ... становится проклятием, ...врагом предстанет прежний друг*, — которые на семантическом уровне образуют своеобразный параллелизм (и в первом, и в другом случаях словоформы *проклятием* и *врагом* выражают определительное значение и результат трансформации при предикатах *становится* и *предстанет*). Семантический повтор отличается еще более мощным эмоциональным зарядом. Путем повторения одной и той же семы в тексте автор выделяет ключевое понятие — трансформацию. Антонимы (*друг* — *враг*) в строфе подчеркивают трагичность ситуации, когда положительное начало превращается в отрицательное. Но и это еще не все: несдержанное обещание, данное девушкой-героиней, сменяется крайней степенью осуж-

«Ключи разума» и др.), ср.: «В поэтических миниатюрах Р. Ханиновой развивается диалог с восточным ... представлением о святости слова, о мере в обращении с ним, о сопряженности слова с „неизреченными“ глубинами бытия» [Ничипоров 2005в: 138].

¹⁰ Под *интерпретационной единицей* понимается в настоящей работе единица, обладающая денотативным значением как таковым и семантикой оценки [Апресян 2004]. При этом оценка может касаться истинности/ложности, правильности/неправильности и т. д. В данном случае лексема *опрометчиво* описывает неправильные действия, мысли и выводы, которые были сделаны поспешно и приняты без всякого рационального подхода, т. е. на основе тех или иных эмоций. Данное наречие может иметь синтаксические валентности, выражая степень ошибочности (*очень* или *не очень опрометчиво*). В нашем контексте, напомним, автор поясняет ее частицей *так*, служащей для усиления смысла. Другими словами, автор выражает крайне негативную оценку поступка главной героини.

дения, что выражено в лексеме *проклятием*. Цепочная связь между предикативными единицами в составе сложного предложения ([*Отцу поведала несчастная о клятве, / Так опрометчиво озвученной всем вдруг*],¹ / [*Которая становится проклятием*],² / (*Когда врагом предстанет прежний друг*)³), на наш взгляд, подчеркивает мысль о закономерности существования жизни на Земле: каждое действие имеет свое следствие.

*Но нет той силы и того умения,
Чтобы границы эти разорвать, —
И воду бросилась вдова: ведь нет терпенья
Жизнь без любимого на свете продолжать.*

[Ханинова 2005: 152].

В стихотворении «Дни Алкиона» причиной метаморфозы является горе от потери любимого и самоубийство Алкионы, что выражено формально в союзе *ведь*, который вводит обоснование предшествующей части *И воду бросилась вдова*. При этом в рамках этого предложения дважды повторяется предикатив *нет*, заключающий в себе значение отрицания наличия *силы*, *терпенья*, т. е. душевных сил безропотно переносить такого рода страдания. Эмоциональное состояние героини после смерти мужа, т. е. условный «момент времени», противопоставлено ее характеру при помощи дейктических местоимений *той/того* и *эти*, создавая тем самым конфликт между *тем* и *этим* временем: любовь к мужу оказалась сильнее, чем любовь к жизни.

Причиной изменения в стихотворении «Сердце оливы» является смерть Аллаха и связанные с ней переживания, выраженные в тексте словами в переносном значении: *в скорбь погрузилась черную / без слова ...; померкло солнце, замолчали птицы, / листва опала и вода ушла ...*. Глаголы *померкло*, *замолчали*, *опала*, *ушла* содержат сему «прекратиться, прийти к концу», что дополнительно создает в тексте эмоциональное напряжение. При реализации семы «печали» автор использует «цветовые» слова: *скорбь*,

печаль, горе описываются черными красками (*в скорбь погрузилось **черную** без слова..., померкло*¹¹ *солнце*). Этот факт интересен тем, что здесь вырисовывается картина мира самого автора. Напомним, что легенда мусульманская, и обычно черный цвет здесь, напротив, обладает особым статусом: это цвет Священного камня Каабы, цвет одежды и знамени аббасидских халифов¹². В некоторых источниках сообщается о том, что на Пророке Аллахе была черная одежда в день завоевания Мекки. Цвет траура в исламе, как правило, белый или лиловый, но никак не черный. Траурным он считается у большинства европейских народов, в частности в русской картине мира, а также и в калмыцкой [Голубева 2006: 15–16]. Поскольку Р. М. Ханинова воспитана в условиях синтеза двух культур и двух языков, она и видит изображаемые ею события сквозь призму русской или калмыцкой (какой точно, сказать невозможно) культуры. Как видим, никакой связи с традиционным мусульманским мировосприятием событий здесь нет.

Блок «Исходное состояние» не является обязательным элементом в структуре поэтических текстов. Этот элемент необходим для понимания темы стихотворений, ведь для того чтобы понять, почему происходит метаморфоза, нужно знать состояние героев до метаморфозы, глубже осознать причины их трансформации. В стихотворении «Сердце оливы» исходное состояние оливы не дано (т. к. этот момент не важен в раскрытии семантической доминанты поэтического текста): описывается лишь зеленая крона дерева (но не сам ствол)¹³. Однако автор подробно останавливается на результате трансформации (сердцевина *пустеет без прикрас*) и указывает на степень переживания, следы которых можно найти на стволе дерева (*извилистые раны и щели, как морщины на челе*). Это единственное стихотворение, где нет описания исходного состояния, в остальных же оно дается достаточно четко.

¹¹ Глагол *померкло* содержит сему «утраты блеска, цвета».

¹² Аббасиды — вторая (после Омейядов) династия арабских халифов (750–1258), происхождение которой связывается с Аббасом ибн Абд аль-Мутталиба, дядей пророка Мухаммеда [Аббасиды].

¹³ Олива предстает как живой человек, и удаётся это сделать автору при помощи эпитета *старый* и сравнения *морщины на челе*. Здесь скрытое сравнение рисует образ пожилого человека, скрывающего свои переживания.

Первый блок состоит из двух перемешанных и является своего рода завязкой в сюжете, отправной точкой событий, описываемых в стихах. Первый элемент (причина метаморфозы) является обязательным сюжетным элементом текста. Описание исходного состояния героев необходимо для раскрытия семантических доминант и дается автором, если того требует тема стихотворения.

II. Результат трансформации (растения — подсолнух, чайный куст, подорожник; шелкопряд; птицы-зимородки) в стихотворениях чаще всего обозначен прямыми номинациями (*червь, зимородки, подорожника трава, подсолнечник*). Однако можно встретить в текстах перифразы (*вечный сторож, сторож у дороги, цветок солнца*), метонимии (*О той, что стала шелком навсегда, знаменитом чае*) и метафоры (*шелковое покрывало, пустая сердцевина оливы*). Следует заметить, что в «Цветке солнца» происходит столкновение наивной (древнего мифа) и научной (ботаники) картин мира: *Пусть знание отвергнет древний миф — / Подсолнечник не движется, стоит*¹⁴. / *Но как любовь жива — живет и этот миф. / И пусть ботаника другое говорит*. Автор сталкивает две картины мира сознательно, чтобы показать, что, возможно, не найти законов, которые смогут объяснить поведение влюбленной женщины, жертвующей своей жизнью ради возможности быть ближе к любимому. В концовке стихотворения можно услышать нотки апофеоза любви — вечной, жертвенной, поднявшейся над земными знаниями.

В некоторых стихотворениях можно найти отрывки, где автор подробно останавливается на описании самого процесса метаморфозы («Сторож у дороги», «Цветок солнца»), или же автор просто констатирует ее результат («Шелковое покрывало», «Дни Алкиона», «Сердце оливы»). Сема «метаморфозы» соотносится, прежде всего, с изменением внешности. К примеру, в стихотворении «Цветок солнца» происходит кардинальное изменение внешности русалки в растение, в цветок солнца: *...русалки хвост... уходил в пески, / А волны прядей из серебряных волос / Вокруг лица свернулись в лепестки. / Из пальцев листья выросли потом, / из тела — стебель*. Глаголы, описывающие изменение

¹⁴ Объективно известно, что подсолнух не движется за солнцем, его соцветие всегда обращено на восток.

внешности, достаточно разные, но при этом все содержат сему «изменения», но не прямо, а на ассоциативном уровне:

- *уходил* (хвост русалки исчезает в песке и становится невидимым для наблюдателя (=автора), здесь результат трансформации не назван прямо, но предполагается: он превращается в корень, о чем читатель догадывается, т. к. появляется прочная ассоциация с коллакацией *обычно [корни] уходят в землю, пески т. д.*);
- *свернулись* (одно из значений этого глагола — «загнувшись с краев, закрыться (о листьях, лепестках цветов)» рождает прочную ассоциативную связь с цветами, плюс к этому назван трансгрессив (результат каузации превращения) в виде синтаксемы «в + род. п.»: одной номинацией передаются два действия: волны прядей, превращаясь в лепестки, сворачиваются вокруг лица, т. е. происходит объединение двух действий в одной лексеме);
- *выросли* (здесь автор прибегает к использованию т. н. обусловленной синтаксемы¹⁵ «из + предпедикат в род. п.» (исходного предмета превращения или исходного качества/состояния), несущее значение состояния до превращения в нечто новое или приобретения нового качества).

Однако можно выделить метаморфозы, которые связаны с изменением характера героев или их внутреннего состояния¹⁶. Так, в этом же стихотворении («Цветке солнца») сема «метаморфозы» намного шире: это приобретение нового внешнего вида с переходом в совершенно другую стадию духовного развития вследствие пережитого чувства любви.

Любовь может возникнуть при любых обстоятельствах, но она не всегда остается высоким чувством¹⁷. Перед нами любовь

¹⁵ «Употребление обусловленных ... синтаксисом ограничено рамками предложения, вне которого они и не выражают соответствующего значения» [Золотова 2001: 18].

¹⁶ В переводе с греч. слово *метаморфоза* означает «изменение формы», т. е. внешнего вида. Р. М. Ханинова расширяет понятие метаморфозы и наполняет его своим смыслом, и это говорит о ее собственном понимании этого слова.

¹⁷ Восприятие любви как единение влюбленных свойственно всей лирической поэзии, но реализация этой темы специфична для каждого поэта, и, утверждая свою доминанту, Р. М. Ханинова подчиняет ей весь свой поэтический текст.

океаниды, жертвующей всем во имя любви. Это движение «по вертикали» передается через следующие пространственные точки, символизирующие точки духовного роста Клитии: *океан* (*всплывает ... из влажной ... темноты, чтоб встретить синь небесным отражением воды...*), *земля* (она сама на берег — *плоть горит, где в любовных играх дни летели*), *небо* (превращаясь в подсолнух, она тянется *вслед за солнцем, вверх...*). И пусть она не в силах *...оторваться от земли*, и пусть ей осталось жить *в плену воспоминаний*, не различая, где *явь* былое, сны, воспоминания приносят счастье и радость, она не жалеет о мире, который покинула по доброй воле (*Не жаль прохладной изумрудной глубины...*). Клития становится чуть ближе к Солнцу, к своему возлюбленному, но однако не может быть рядом с ним: она так и остается на земле (на втором уровне по вертикали). Хвост русалки, что ушел в песок, держит ее крепко и не позволяет сдвинуться с места. Возникает вполне закономерный вопрос: почему? Вероятно, ответ скрыт в лексеме *ревниво*. Интересно, что здесь на лицо сложившееся противоречие между главными героями. Согласно мифологии и интерпретации автором, подсолнух является гелиотропным символом верности, героиня, жертвуя своей жизнью во имя любви, сама испытывает чувство ревности, сомневается в верности своего возлюбленного. Быть может, любовь, в понимании автора, высокое чувство, которому не свойственны низкие и мучительные чувства.

На протяжении всего повествования остро ощущается присутствие семы 'противопоставленности', 'несовместимости' героев, которая создается при помощи антонимических лексических единиц: *И вот она всплывает из глубин, из влажно изумрудной темноты, Дочь Океана — И там, вверху, он — Гелиос царит, недосыгаем и опасен для нее, он зноен и горяч, его поцелуй неистов и незряч, она же задыхается и жаждет влаги*, реализует эту сему и повторяющийся оксюморон: *Вот он над нею — и рядом и вдали...*, возлюбленный — *и рядом, и вдали*. Или при помощи названия стихотворения («Цветок солнца»), представленного субстантивным словосочетанием и являющегося перифразой подсолнуха, подчеркивается несовместимость героев. Первоначально это название «прогнозирует» повествование о цветке, заметим, в самом тексте данная номинация не используется. Тем не менее,

по мере развертывания текста становится понятно, что оно имеет более глубокое содержание. Цветок — символ прекрасного, значение родительного падежа *солнца* указывает на принадлежность субъекта объекту (в этом случае объекту любви), лексема содержит коннотации вечного, негасимого, яркого¹⁸. В название вынесено ключевое слово, обозначающее конечный результат метаморфозы героини. Она лишь безымянный цветок¹⁹, который пожертвовал своей жизнью ради того, чтоб быть ближе к любимому, и жертву, по сути, никто, главное Гелиос, не оценил, именно здесь заключается вся трагичность сложившейся ситуации. Таким образом, печальный финал мотивирован и предreshен еще в начале стихотворения.

Семантическая доминанта 'жертвенной любви' в этом тексте раскрывается через производные — «любовь», «тревога», «горе», «разлука», «страдание», т. е. все то, что сопровождает любовь в эмоциональном плане, хотя отношения между героями больше похоже на страсть и описываются в горячих, знойных, неистовых красках: *Она сама на берег — плоть горит...; Вот он над нею — рядом и вдали — / Ласкает на песке — и зноен, и горяч: / Как много-рукие лучи его легки, / Как поцелуй неистов и незряч...; возлюбленный ушел за облака, оставив негу томную и сон...; В любовных играх...; За ним следя ревниво день за днем...; ...так тяжело; ... в голове кружится вся земля...; ...неудобно ... дышать; как жаждет влаги свежей чешуя, ...день за днем в плену воспоминаний.* Интересна цветовая картина изображаемых

событий: непосредственно «цветовых» номинаций нет, но в предметной лексике, в эпитетах, безусловно, заложена сема «цвета», создающая нужный образ: *ласкает на песке — и зноен, и горяч...*, сам подсолнух, в который превращается девушка, также «окрашен» соответственно. Так, мир, который покинула влюбленная Клития, рисуется прохладными красками: *изумрудная темнота*, синь океана гуще, чем синь неба, отражающаяся в воде, *волны прядей* русалки холодного серебряного цвета. Автор вырисовывается характер героини, ревнивой, но сознательно идущей на жертву, и неслучайно меняется цветовая гамма в изображении свиданий с любимым.

Рассмотрим другое стихотворение «Сердце оливы», в котором семантическая структура основана на двойном контрасте, семе «противопоставленности»: 1) деревья — олива; 2) вечнозеленая крона дерева — пустой ствол дерева.

Здесь на первое место выступает описание метаморфозы внутреннего состояния на фоне отсутствия внешнего изменения. Сердце оливы — это не просто ствол дерева, а символ закрытого типа людей и, шире, закрытости некоторых культур от окружающего мира (символ этнокультурного концепта того или иного народа). Лексема «сердце» содержит коннотации чувства, души, переживаний, а «олива» — восточное, закрытое. Читатель вовлекается в круг ассоциаций, который расширяется по мере прочтения стихотворения. Кроме того, название стихотворения (*сердце оливы*) и его конец (*...сердце наяву / на части с горем разорвалось...*) соотносятся с фразеологическим оборотом «разорванное от горя сердце» — так говорят о сильном чувстве горести, страдании.

Или другое стихотворение «Сторож у дороги», раскрывающее семантическую доминанту — «всепрощающую любовь»²⁰. Сема «любви» реализуется словами в прямом значении: *...как влюбленная, ...забытая любовь, ...лишь любимого шага, ...ждала любимого, ...ждет любимого, ...к любви не*

¹⁸ Здесь, как нам кажется, не совсем однозначная интерпретация. Солнце всегда ассоциировалось с жизнью, светом, теплом, т. е. с положительным началом. Однако можно интерпретировать этот образ несколько иначе: как сжигающую, испепеляющую страсть. Эту интерпретацию можно подтвердить данными ассоциативного словаря. На стимул солнце дано множество самых различных реакций, в их числе можно найти жаркое {15}, печет {7}, горячее {6}, жарко {5}, палит {3}, палящее {3} (данные о частоте появления той или иной реакции, т. е. количестве испытуемых, ответивших этой формой на заданный стимул, приводятся по электронному словарю: Лингвокультурный тезаурус русского языка; далее в примерах в фигурных скобках {} указывается частота реакции) [Лингвокультурный тезаурус]. Тогда в этом случае можно говорить о противопоставлении двух чувств — любви Клитии и страсти Гелиоса, последняя, как известна, мимолетна.

¹⁹ Цветов, которые символизируют солнце, достаточно. Например, хризантема или календула.

²⁰ Анализируемое стихотворение построено при помощи композиционного приема (диалога): вопрос — предположения — ответ-легенда. Заглавие же, сильная позиция текста, представлено субстантивным словосочетанием, являющимся переводом с немецкого языка *Wegewarte*, и уже здесь, в номинации, скрыта история происхождения этого растения.

приведет. В данном стихотворении в самой семе «любви» уже заложена семя «разлуки». Разлука — это горе (*И плакала..., окаменело*), ночь (*При первых звездах ночью..., При лунном свете..., ...уханье дремлющей совы, ...сонные деревья*), смерть, которая остро ощущается в стихотворном тексте: *Вдруг пересохшего, погибшего ручья..., окаменело / Поникнув стебельковой головой..., тело юное ... немело*. Эти образы используются поэтом для реализации семы «разлуки», создающиеся с помощью эпитетов *лунный, бледный*, в которых заложена семя «цвета»: *лунный* — холодный свет, *бледные* цветки лишены красок жизни, как и героиня без возлюбленного. Молодая девушка, не выдержав обиды, нанесенной ей возлюбленным (*...плакала, жалея вслух, недоτροга*), и разлуки с ним, превращается утром в подорожник.

*И солнце приласкало эти всходы,
Зеленые, как девичьи глаза,
А в полдень бледные цветки нашли проходы
Сквозь пряди кос ее, рассыпанных тогда.*

[Ханинова 2005: 155].

В стихотворении сторож у дороги, или подорожник, становится символом всепрощающей любви и в то же время вечной, верной. Молодая девушка вопреки всему (*Дорогу уступая всем, тому / Чье колесо, башимак заденет тело / цветков и листьев..., ...побой сносит терпеливо...*) ждет любимого, как вечный сторож у дороги, которая к любви не приведет..., напоминая ... как о прощании забытая любовь. Доминанта «любви» тесно сплетается с семой «ожидания»²¹, пронизывающей стихотворение от начала до конца: *Встречает путника..., ...слух ловит любимого шага, Всю ночь ждала..., Ходила вдоль дороги..., Все ждет любимого...*

Итак, данный блок самый большой в структуре стихотворений, т. к. он является центральным сюжетобразующим элементом стихотворений цикла. Части, составляющие его, напоминают схему, сценарий трансформации: описание метаморфозы или просто констатация факта превращения, результат трансформации и характеристика самого процесса трансформации.

III. Последний структурный элемент лейтмотива «метаморфозы» — ее послед-

ствия. Можно поделить все анализируемые стихотворения на две группы в зависимости от положительных или отрицательных последствий метаморфозы. Для одних метаморфоза выступает как избавление от душевных страданий. К примеру, в стихотворении «Дни Алкиона», где Алкионе и Кеику даруется богами вторая жизнь (*И Боги сжалились над ней: оттуда, / Где тело женщины спускалось на дно, / Взмыл в воздух зимородок. И— о чудо! —/ Другой к нему поднялся заодно*). Или в стихотворении «Сторож у дороги» девушка умирает (*онемело*) и превращается в подорожник (*пока не проросло, упав, травой*), но солнце дает ей жизнь (*приласкало эти всходы*). Интересна цветовая символика описываемых событий: на смену холодным цветам приходит зеленый (*зеленые, как девичьи глаза*), цвет жизни, матери-природы, символизирующий торжество природы над смертью.

Таким образом, семантико-стилистический анализ стихотворений поэтических произведений в определенной степени позволил выявить текстообразующие потенции языковых единиц и своеобразие автора в их отборе и использовании, установить структурные переменные лейтмотива «метаморфозы» (причина, собственно метаморфоза и ее последствия), который является семантической доминантой стихотворений одноименного цикла. Две первых части схемы носят обязательный характер и присутствуют во всех анализируемых стихотворениях цикла, последняя же не обязательна, но чаще всего присутствует в структуре поэтических текстов.

Источники и литература

- Аббасиды [Электронный ресурс] // URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Аббасиды> (дата обращения 01.12.2011).
- Апресян Ю. Д. Интерпретационные глаголы // Новый объяснительный словарь синонимов / под общим рук-вом акад. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена: Языки славянской культуры; Венский славистический альманах, 2004. С. XXX.
- Бурыкин А. А. Обретение идентичности (О поэзии Риммы Ханиновой) // Ханинова Р. М., Ничипоров И. Б. На перекрестках Софии и Веры... / Стихи, поэмы, эссе. Элиста: АПП «Джангар», 2005. С. 10–44.
- Веселовский А. Н. Историческая поэтика / ред., вступ. ст. и примеч. В. М. Жирмунского. Л., 1940. 648 с.
- Воробьева С. Ю. Поэтический мир Риммы Ханиновой // IV Сургучевские чтения: «Локальная литература и мировой литературный процесс»: Сборник ма-

²¹ Концепт «дороги» ассоциативно связан с разлукой {2} [Лингвокультурный тезаурус].

- териалов Международной научно-практической конференции / ред. и сост. А. А. Фокин. Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 2007. С. 319–323.
- Голубева Е. В. Национально-культурная специфика картины мира в калмыцком языке (на примере культурных концептов): автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 2006. 25 с.
- Завадская Е. В. «Беседы о живописи» Ши-Тао. М.: Наука, 1978. 113 с.
- Завадская Е. В. Мудрое вдохновение Ми Фу, 1052–1107. М.: Наука, 1983. 200 с.
- Золотова Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 440 с.
- Куканова В. В., Джусишинова К. А. Лексико-семантический анализ поэтического текста (на примере стихотворения Р. Ханиновой «Цветок солнца») // Сборник научных трудов молодых ученых, аспирантов и студентов Калмыцкого государственного университета. Элиста: КалмГУ, 2004. С. 106–108.
- Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 2003. 287 с.
- Лингвокультурной тезаурус русского языка [Электронный ресурс] // URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения 01.12.2011).
- Ничипоров И. Б. Мифология в зеркале лирики («Древние метаморфозы» Риммы Ханиновой) // Хальмгунн. 2004. 29 января. С. 15.
- Ничипоров И. Б. Мифология в зеркале лирики («Древние метаморфозы» Риммы Ханиновой) // Ханинова Р. М., Ничипоров И. Б. На перекрестках Софии и Веры... / Стихи, поэмы, эссе. Элиста: АПП «Джангар», 2005а. С. 167–173.
- Ничипоров И. Б. Новая жизнь средневекового поэтического жанра («Ключи разума» Риммы Ханиновой) // Ханинова Р. М., Ничипоров И. Б. На перекрестках Софии и Веры... / Стихи, поэмы, эссе. Элиста: АПП «Джангар», 2005б. С. 222–225.
- Ничипоров И. Б. От афоризма к притче: поэтический цикл Риммы Ханиновой «В тени Конфуция» // Ханинова Р. М., Ничипоров И. Б. На перекрестках Софии и Веры... / Стихи, поэмы, эссе. Элиста: АПП «Джангар», 2005в. С. 137–145.
- Рассел Б. Человеческое познание. Киев: Ника-Центр, Вист-С, 1997. 556 с.
- Топалова Д. Ю. Тибет в культурно-философской парадигме лирики Риммы Ханиновой // Этническая концептосфера: общее, специфичное, уникальное. Мат-лы Междунар. науч. конф. / редкол.: В. И. Карасик и др. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. С. 248–252.
- Топалова Д. Ю. Фольклорные традиции в аспекте буддизма в поэме Риммы Ханиновой «Час речи» // Феномен личности Д. Кугультинова — поэта, философа и гражданина. Мат-лы Междунар. науч. конф. / ред. С. М. Трофимова и др. Элиста: КалмГУ, 2007. С. 223–227.
- Ханинова Р. М. Цикл «Древние метаморфозы» // Ханинова Р. М., Ничипоров И. Б. На перекрестках Софии и Веры... / Стихи, поэмы, эссе. Элиста: АПП «Джангар», 2005. С. 148–166.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.0-3+572.08
ББК Ш5(2=Р)7+Ш401

**ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЭТИКЕ
РУССКОЙ ПРОЗЫ 1920-х гг.***

Р. М. Ханинова

В современном литературоведении разграничивают художественную антропологию как особый объект изучения в литературе и как дисциплину, его исследующую. «Литературно-художественной антропологией можно назвать представленность человека в словесных произведениях искусства, а антропологически ориентированным или просто антропологическим литературоведением ее — изучение, — считает В. В. Курилов. — Ясно, что эти понятия взаимосвязаны и рассматривать их нужно во взаимной соотношенности, т. е. речь должна идти и о том, что составляет литературно-художественную антропологию и о том, каким должно быть антропологически направленное литературоведение» [Курилов 2010: 87]. Первым к теоретическому обоснованию понятия антропологической поэтики обратился А. А. Фокин, подчеркнув, что возможности и границы ее весьма широки. «Литературно-художественное творчество, являясь системой отсчета социальных, научных и культурных контекстов, выступает и законодателем норм этого контекста. Предметом научного исследования антропологической поэтики должны стать факты перекодировки этих норм во всяком новом литературном произведении или в литературной эпохе» [Фокин 2003: 53]. Отсюда «поэтика антропологического типа должна быть вариативной, а потому допускать применение всех имеющихся в арсенале филолога, научных и художественных методов и подходов, при этом рациональной представляется как выработка индивидуальной антропологической поэтики того или иного автора, так и группы авторов, течений, направлений, эпох» [Фокин 2003: 54]. Веду-

щим типом сознания в антропологической поэтике может быть только *«интерпретационный»* тип сознания (курсив автора. — Р. Х.)» [Фокин 2003: 59]. Таким образом, «антропологическая поэтика есть поэтика понимания и диалога» [Фокин 2004: 454]. Е. А. Самоделова также подчеркивает, что антропологическая поэтика, предметом которой стал человек во всей совокупности проявлений его характерных свойств, вошедших в художественный кругозор автора, философски осмысленных и поэтически изображенных, должна выдвинуться как самостоятельный раздел авторской поэтики [Самоделова 2008: 2]. В частности, одним из подразделов антропологической поэтики она называет «поэтизацию телесности», рассматривающую авторские методы и механизмы описаний человеческого тела и его элементов наравне со структурой всего организма, и символику «телесной души» [Самоделова 2008: 9]. В XX в. новая антропологическая парадигма видения человека предполагает необходимость обсуждения телесности человека, наряду с понятиями психики, сознания, воображения и памяти, поскольку «антропологический поворот» в философии обеспечил внимание к таким вопросам, как природа и сущность человека, модусы человеческого существования, человеческая субъективность, открытость и незавершенность человеческой природы [Маслов 2003: 6]. При всей разности подходов к интерпретации феномена человеческого тела общим является одно — «тело оказывается центром реальных и виртуальных действий, виртуальным очагом, а мир — сферой опытного применения органов нашего тела» [Маслов 2003: 196].

* Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. Государственный контракт № 16.740.11.0116 от 02.09.2010.

Интересующие нас понятия «революционного трансвестизма» и офтальмологической топофилии, которые выявляют роль и место женщины на войне, определяют визуальный код телесности персонажа, способствующий обнаружению или исчезновению персонального «счастливого пространства», рассматривались на примерах повестей Б. А. Лавренева «Сорок первый» (1924), А. Н. Толстого «Гадюка» (1928) [Ханинова 2009] и рассказов С. Д. Кржижановского [Ханинова 2006]. Так, «неслыханные перемены» и «невиданные мятежи» коренным образом меняют отношение Басовой и Зотовой к своему телу: десексуализация представлений о телесном. «Выражается это не только во внешней трансформации — смене одежды, маскулинизации облика, но и вприятии образа жизни, манер и даже менталитета противоположного пола» [Трофимова 1999]. Гендерный подход к теме «женщина на войне» выявляет синдром «революционного трансвестизма» (Е. Трофимова), неудачные попытки героинь вернуться к природной сущности деформируют отношения между мужчиной и женщиной, ведя к преступлению и разрушению и/или уничтожению собственной телесности. Те же по сути сюжетные мотивы у А. Веселого «Дикое сердце» (1924) и А. Соболя «Княжна» (1925). Фольклорный текст песни о Стеньке Разине и персидской княжне в рассказе А. Веселого нашел отражение в сюжете-«перевертыше»: не мужчина (Илько), а женщина (Фенька) убивает любимого человека ради долга, ради общего дела. Другая сюжетная коллизия о любви пулеметчика Трохима Кулика и его жены, по-своему передавая конфликт революционной эпохи, акцентирует разинскую позицию. Символичен и сползающий с Фенькиного плеча карабин — оружие в женских руках, готовое к бою. Символична метафора (подтаявшее сердце), возвращающая к названию рассказа, а также к рассказу Трохима о замерзшем сердце и к словам Феньки о таком сердце («Как просто и здорово»). Рассказ А. Соболя своим названием коррелирует с народной песней о Разине, возвращая к ее конфликту; здесь самосуд над любимой женщиной-шпионкой. Страна железных людей и восковых чувств актуализировала пушкинское высказывание о Разине как единственном поэтическом лице русской истории. Разведенные по берегам исторической реки чекист-«атаман»

и русская княжна XX в. укоренены в своей любви к России, которой служили каждый по-своему — трагически.

В поэтике новой телесности в культуре и литературе начала XX в., согласно О. Бурениной, часто предметом изображения становится не сам человек, а причудливая фрагментация человеческой фигуры. Писатели и художники не просто фрагментируют человека: «детали» или «части» человеческого тела, во-первых, часто удалены от канонической нормы, во-вторых, обретают самостоятельное значение, персонализуются. Сам субъект при этом деперсонализуется. Таким образом, являясь следствием кризиса классической философии, разорвавшей тело и дух, органопоэтика, в терминологии этого исследователя, и служит одним из художественных проявлений деперсонализации субъекта в XX в. [Буренина 2005: 303]. Определение человеческой ценности пространств, всецело принадлежащих человеку, любимых им, защищенных от враждебных сил, т. е. топофилии, по Г. Башляр [Башляр 2004: 22], — в центре многих рассказов С. Кржижановского. *Мир наоборот, мир обратной перспективы*, открываемые посредством визуального наблюдения, когда *глаз-семя, глаз-герой, глаз-жертва* выступали в двух ипостасях как объекты и субъекты («Четки», «Граи», 1922), дополнились в новелле Кржижановского «В зрачке» (1927) новым героем — *глазом атакующим*, иным миром-пространством — *лабиринтом глаза*. Граница внешнего и внутреннего миров на этот раз пересеклась двойником автора-рассказчика, когда силой видения (*глаз атакующий*) он сотворил, используя эффект отражения, в глазу любимой женщины третьего в их непростых отношениях. Локус основных событий новеллы — *внутри зрачка женщины, на дне глаза, на дне «женщины-жизни»* (метафора Кржижановского), с рассказами-монологами «бывших», с их интонационным диапазоном от пафоса до цинизма, что позволило В. Перельмутеру указать на ассоциацию с горьковской пьесой [Перельмутер 2001: 657]. Следовательно, речь идет о непостоянстве параметров топофилии: малейшая ценность пространство расширяет, возвышает, умножает, и, наоборот, обесценивание пространства умаляет его, равно как и тело субъекта; визуальный код телесности персонажа способствует обнаружению или исчезновению персонального «счастливого пространства».

Литература

- Башляр Г. Поэтика пространства // Башляр Г. Избранное: поэтика пространства / пер. с фр. М.: РОС-СПЭН, 2004. С. 7–212.
- Буренина О. Органопозитика: анатомические аномалии в литературе и культуре 1900–1930-х годов // Тело в русской культуре: сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 300–323.
- Курилов В. В. Литературно-художественная антропология: предмет и основные аспекты изучения // Литература в диалоге культур-8: мат-лы Междунар. науч. конф. Ростов-на-Дону, 2010. С. 87–88.
- Маслов Р. В. Телесность человека: онтологический и аксиологический аспекты / под ред. проф. С. Ф. Мартыновича. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. 204 с.
- Перельмутер В. Комментарии // Кржижановский С. Собр. соч.: в 5-и тт. Т. 1. СПб.: Симпозиум, 2001. С. 586–685.
- Самодолова Е. А. Антропологическая поэтика С. А. Есенина: авторский «жизнетекст» на перекресте культурных традиций: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 58 с.
- Трофимова Е. Еще раз о «Гадюке» Алексея Толстого (попытка гендерного анализа) [Электронный ресурс] // URL: <http://envila.by.iatp.org.ua/info/courses/conference99/a61.html> (дата обращения: 25.09.2011).
- Фокин А. А. Антропологическая поэтика (вопросы теории) // Антропоцентрическая парадигма в филологии: мат-лы Междунар. науч. конф. Ч. 1. Литературоведение / ред.-сост. Л. П. Егорова. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. С. 50–60.
- Фокин А. А. Прологомены антропологической поэтики: от функционального изучения литературы к антропологической поэтике // Русская литература XX–XXI вв.: проблемы теории и методологии изучения. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 451–455.
- Ханинова Р. М. «Революционный трансвестизм» в повестях Б. Лавренева «Сорок первый» и А. Толстого «Гадюка» // Художественный текст и текст в массовых коммуникациях: мат-лы Междунар. науч. конф. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2009. Ч. 2. С. 27–35.
- Ханинова Р. М. Офтальмологическая топофилия в новелле С. Кржижановского («Грайи», «Четки», «В зрачке») // Восток — Запад: пространство русской литературы и фольклора. Мат-лы II Междунар. науч. конф. Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2006. С. 436–444.

УДК 82.09+821.512.37+398

ББК Ш5(2Рос=Калм)-4Хонинов М.

ЙОРЯЛ В СБОРНИКЕ МИХАИЛА ХОНИНОВА «БАЙРИН ДУД»

Э. Б. Очирова

Йорял — пожелание, благопожелание — с давних пор в стихотворной форме вошел в повседневную жизнь калмыцкого народа. В аспекте современной теории речевых жанров йорял — риторический этикетный жанр однонаправленного действия от автора к адресату, но с обязательным формульным речевым ответом или невербальной реакцией, закрепляющими высказанные пожелания. В аспекте фольклорных жанров йорял вошел, прежде всего, составной частью в обрядовую поэзию (например, Н. О. Очиров [1909], И. И. Мацаков [1962], Т. Г. Борджанова [1999], Е. Э. Хабунова [1984], Э. Б. Овалов [1985] и др.), нашел отражение в эпосе «Джангар» (Н. Б. Пюрвеева [2003], С. Д. Гымпилова [2011] и др.), в легендах, сказках, пословицах и поговорках.

Йорял оказал заметное влияние на развитие калмыцкой литературы. Традиции йоряла в той или иной степени представлены в произведениях калмыцких писателей,

но их исследование не имело до сих пор целенаправленного характера. С лингвокультурологической точки зрения этот жанр в поэзии Д. Кугультинова рассмотрела Л. Б. Олядыкова, выявив традиции и отметив авторские новации [Олядыкова 2007: 177–208].

По объему мы выделяем *ахр йөрэл* (краткое благопожелание) и *йөрэл* (некраткое благопожелание). Структура йоряла состоит из трех частей: вступление (обращение), основная часть (пожелание), заключение. Несмотря на традиционные поэтические константы, йорял дает простор импровизации, творческой фантазии йорялчи — создателя благопожелания. Эта особенность жанра привлекательна для писателей, следующих традициям и в то же время создающих свои собственные авторские образцы. Йорял связан со всеми событиями в жизни человека (рождение, имянаречение, свадьба, пир, праздники, проводы в дорогу, на войну, поминки и т. д.), со временем он в опреде-

ленной степени утрачивает собственно магико-ритуальную функцию, и начинает преобладать утилитарная функция пожелания благополучия, здоровья, успехов, долгой жизни и т. д. Благопожелания, оставаясь в целом в рамках канона, претерпевают изменения по форме и по содержанию, особенно в тематическом плане.

В советский период возник *шин йорал* 'новый йорял' с новой тематикой, где в качестве объекта благопожелания были общественно-политические организации и документы — йорял партии, комсомолу, конституции СССР и т. п.; йорял посвящали советским праздникам, адресовали политическим деятелям (Ленину, Сталину и др.). По словам И. Кравченко, «первым советским йорелом был йорел в честь товарища Сталина»: «Благопожелание калмыцкого народа Иосифу Виссарионовичу Сталину в день его шестидесятилетия», а «сложили его народные певцы Калмыкии — ровесники великого вождя» в 1939 г. [Народное творчество Калмыкии 1940: 288].

Традиция жанра йоряла в лирике Мухаила Хонинова (1919–1981) связана с его прекрасным знанием фольклора, что неоднократно подчеркивали современники. Йорял в разной форме присутствует в тех или иных жанрах хониновской поэзии, прозы, драматургии. О йоряле в его поэзии в общем плане писали Д. Т. Чиров [2007], Р. М. Ханинова [2008] и Э. М. Ханинова [2008а; 2008б] и др. Первый сборник поэта со значимым названием «Байрин дуд» («Песни радости», 1960) отсылал к йорялу: «Ленина партин нилч», «Байрл Ленинд», «Октябрин туг», «Байрин дуд», «Төрскм», «Хальмгин теегэс», «Өөрдин дуд», «Дуучд», «Ээжин нилч», «Ахнран дура» и др. Авторское внимание к фольклорному жанру обусловлено как историческими (возвращение калмыцкого народа из ссылки), биографическими (воин-поэт отбыл ссылку в Красноярском и Алтайском краях), так и литературными факторами (возрождение калмыцкой литературы и искусства, устного народного творчества). В сборнике 13 стихотворений из 37 включают элементы йоряла (35 % от объема лирики), хотя ни один из текстов не назван как йорял. Ср.: в ранней лирике поэта из обнаруженных в республиканской печати 23 стихотворений 1930-х и начала 1940-х гг. восемь из них имеют жанровые

приметы йоряла («Комсомол», «Сталинд», «Өвгн теегт», «Ахдан» и др.).

В составе сборника «Байрин дуд» также трансформированы йорялы традиционного вида: поздравление с новым годом («Буурл жил харв, ботхн жил орв»), поздравление с днем рождения («Дуучд»), йорял матери («Аав-ээждэн бахтий», «Ээжин нилч»), йорял армейцам («Ахнран дура», «Хортна дарнх — Лиж»), йорял родной земле («Төрскм — төвкнүһин булг», «Хальмгин теегэс», «Өөрдин дуд», «Байрин дуд»), «шин йорял» («Ленина партин нилч», «Байрл Ленинд», «Октябрин туг»). Обратимся к репрезентативным примерам. Так, в стихотворении «Буурл жил харв, ботхн жил орв» («Старый год ушел, новый год пришел», 1957) по традиции старый человек произносит йорял (*Өргмэжин йөрэлэн агсн / Киизг жирһл амлв, / Келх дутман омлв*): — *Давсн жэилин күцэврнь / Даң алтар бичгдг, / Ирсн жэилинтн олврнь / Иргэдэн холван болг. // Нэрн нооста хөөдтн, / Наласн байн теегтн, / Сар нарна көлд / Сай сайар өсг. // Нуһсн шовудин дууһар / Нур, боодг дүүрг, / Биив, ятхин айсар / Буульмэжин жирһл агс. // Өвстэ кецин ташусар / Өргн, өндр урһцта / Тохмта маларн өргэжтн, / Тосн, үсэрн элвэжтн. // Сөңгин дууһан өрглдж, / Серглң кемдэн нээрлтн, /эмэр оln болж, / амд цогцарн залуртн. // Даарх киитн уга, / Даңгдх уутърмэж уга, / Олна нишцэн нишлг, / Ончтаһар батржс деегилг. // Мөңк жирһлин цагтан / Маңгна тиньгр цугтан / Тэрэн өвслэрн шавилдэж, / Тулг насдан күрлдэж, // Уух, идх хоттн / Уурхан саң болтха, // Бээх дулан гертн / Бээшң болжс дүңгэтхэ...*¹ [Хоньна 1960: 28–29]. Собственно благопожелание подводит итог прошлым достижениям, которые можно вписать золотыми буквами, адресуя в помощь будущему, чтобы богатая степь множилась миллионами тонкорунных овец, чтобы птичьими головами была воспета жизнь, чтобы с густыми травами приумножался породистый скот, чтобы были в изобилии масло, молоко. Внимая приветственным словам, йорялчи желает, чтобы праздновали, были живы и здоровы, чтобы был прочен и крепок союз. Завершается пожелание тем, чтобы вечно люди испытывали чувство радости и удовлетворения, чтобы травы и посевы скрывали горизонт, чтобы всегда была опора,

¹ Здесь и далее смысловой перевод.

чтобы запах пищи стал благовонием, чтобы дом, согретый теплом людей, был подобен дворцу.

Йорял старика сопровождается формальным речевым ответом тех, кто его слушал, чтобы сбылось сказанное, чтобы всегда светило солнце и на душе было легко: *Тэвсн йөрэлтн бүрдтхэ, / Тавн түв төвкнтхэ, / Хамачн нарн герлтг, / Хамг чеежс сарултг* [Хоньна 1960: 29]. Кроме того, услышанное подкрепляется всеобщей благодарностью, а также аплодисментами: *Деер, дор захс / Дегц ханлт өргв. / Дарунь кесг альхс / Догшар дотран ниргв* [Хоньна 1960: 30]. Невербальная реакция — хлопанье в ладоши, — как известно, не приветствовалась калмыками в период сохранения представлений традиционной культуры, поэтому данный пример подтверждает привнесение в ритуал инонационального элемента. В то же время для подкрепления сказанного люди пьют чай. Автор присоединяется к йорялу старика, благословляя новый год своим стихотворением, в конце которого есть элементы *шин йоряла*: своей счастливой жизнью калмыки обязаны мудрому Ленину, коммунистической партии и советской власти.

В том же жанре (*шин йөрэл*) создано стихотворение «Ленина партин нилч» («Благодарность ленинской партии»), где поэт сетует на то, что не хватает у него слов воспеть новую жизнь, что нужны новые песни, что йорялы устарели. Завершается стихотворение йорялом: *Гүжрий кех көдлмишэн. / Назр малар дүүрг! / Тосхм хотн, хошан, / Таңһчин нернь туург!* 'Пусть крепнет работа. / Пусть полнится земля скотом! / Пусть строятся города и села, / Пусть славится родная республика!' [Хоньна 1960: 5].

В стихотворении «Октябрин туг» для поэта слово «октябрь» своей мощью сравнимо с вешними водами, а поднятое знамя Октября подобно солнцу, буквы на нем сияют, как звезды: *Октябрь менд болтха / Олна иньгльн батртха, / Деермчнр хог тасртха, / Делгү жирһл дүрклтхэ!* 'Пусть здравствует Октябрь, / Крепнет дружба, / Пусть пропадут враги, / Жизнь везде восторжествует!' [Хоньна 1960: 11]. Советские лозунги трансформируются автором в слова йоряла, устная традиция которого здесь подкрепляется печатным текстом.

Эти слова не только видны, но и слышны на всех пяти континентах. Поэт желает старым и малым достичь чаемой коммунистической жизни, так как красное знамя Октября всегда будет реять над ними. Памятник Ленину у Финляндского вокзала в Ленинграде становится отправной точкой для размышлений М. Хонинова о значении дела Ленина для народа. Он подчеркивает, что старики говорят йорялы вождю, а им вторят внуки.

Таким образом, как и в ранней лирике, в дебютном сборнике Михаила Хонинова «Байрин дуд» основная тематика указанных стихотворений с элементами йоряла относится к жанру *шин йөрэл*, подтверждая, с одной стороны, общую направленность советской лирики тех лет, с другой — определяя личностное отношение автора, сына многодетного бедняка, к тем переменам в жизни народа и страны, которые способствовали рождению нового общества, нового искусства, новых поэтических произведений, ориентированных на фольклор.

Источники

Хоньна М. Байрин дуд: шүлгүд болн поэмс. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1960. 109 х.

Литература

- Борджанова Т. Г. Магическая поэзия калмыков: исследование и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 182 с.
- Гымпилова С. Д. Функции пословиц и благопожеланий в «Джангаре» и героическом эпосе бурят // «Джангар» и эпические традиции народов Евразии: проблемы исследования и сохранения. Мат-лы Междунар. науч. конф. (20–23 сентября 2011 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2011. С. 69–74.
- Мацаков И. И. К вопросу о калмыцких йорелах // Записки КНИИЯЛИ. Вып. 2. Элиста, 1962. С. 103–108.
- Народное творчество Калмыкии / сост. И. Кравченко. Сталинград: Элиста, 1940. 315 с.
- Овалов Э. Б. Благопожелания (йорелы) — жанр калмыцкого фольклора (вопросы систематизации и публикации) // Калмыцкий фольклор. Проблемы издания. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. С. 109–125.
- Олядыкова Л. Б. Безэквивалентная лексика и фразеология в поэтической картине мира Давида Кугультинова (на материале произведений в русском переводе). Элиста: НПП «Джангар», 2007. 384 с.
- Очиров Н. О. Йорелы, харалы и связанный со вторым обряд «хара келе утулган» у калмыков // Живая старина. СПб., 1909. Вып. II-X. С. 70–71.
- Пюреева Н. Б. Поэтика героического эпоса «Джангар». Элиста: АПП «Джангар», 2003. 240 с.

- Хабунова Е. Э. Свадебная обрядовая поэзия калмыков // Калмыцкая народная поэзия. Элиста, 1984. С. 98–132.
- Ханинова Р. М. Давид Кугультинов и Михаил Хонинов: диалог поэтов. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008. 185 с.
- Ханинова Р. М., Ханинова Э. М. Традиционный мотив еды в поэме Михаила Хонинова «Чигян — пища мира» // Международные Ломидзевские чтения. Изучение литератур и фольклора народов России и СНГ: Теория. История. Проблемы современного развития. Мат-лы Междунар. науч. конф. (Москва, 28–30 нояб. 2005 г.). М.: ИМЛИ РАН, 2008а. С. 220–230.
- Ханинова Р. М., Ханинова Э. М. Этнопедагогическое и этнокультурное наследие в творчестве Михаила Хонинова. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008б. 220 с.
- Чиров Д. Т. Грани любви: творческий портрет Михаила Хонинова. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2007. 176 с.

УДК 82-1/9

ББК 83.3 (2Рос=Калм)

ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННОЙ ПАМЯТИ В ПОВЕСТИ

О. Л. МАНДЖИЕВА «ДОРОГА В ОДИН ДУН»

Д. Ю. Зумаева

Русскоязычное творчество Олега Манджиева вошло в калмыцкую литературу в 70–80-х гг. XX в. Творчество писателя — это, по сути, «продукт» депортации, вернее одно из ее последствий. О. Л. Манджиев, как и другие калмыцкие русскоязычные авторы (Д. И. Насунов, Р. М. Ханинова, Ц. М. Адучиев и др.), принадлежит к поколению, рожденному в Сибири. Как известно, репрессивная политика спецрежима деформировала духовность многих народов. Приспособление к новым экстремальным обстоятельствам привело к тому, что функционирование родного языка, сохранение многовековых народных традиций и обычаев в результате намеренно проведенного дисперсного расселения народа осуществлялись во многих районах проживания калмыков только на семейном уровне. Естественно, на национальное самосознание калмыцкого народа было оказано большое негативное воздействие.

В творчестве писателя О. Л. Манджиева отражаются основные черты национально-мировоззрения. Выросший в Сибири, но воспитанный в семье на культурных традициях и обычаях родного народа, в своих произведениях он обращается к истокам народной мудрости, к духовному наследию и культуре этноса. Все это стало в его произведениях не просто «фоном художественной рефлексии», а «генератором становящегося смысла»: «за деревьями не потерялся лес, за скрупулезно и любовно выписанной

этносферой — полнота художественного смысла» [Султанов 2007: 16].

Повести и рассказы О. Л. Манджиева вызывают интерес и в аспекте исследования выражения этнической идентичности в калмыцкой литературе. В этом он схож с калмыцким русскоязычным поэтом Д. И. Насуновым [Зумаева 2008]. Своеобразие творчества О. Л. Манджиева заключается не только в тесной взаимосвязи с культурой своего народа, но и в плодотворном использовании эстетики фольклора как органической части его произведений. Писатель не ограничивается внешними атрибутами, введением в художественный контекст чисто национальных наименований, пояснений, образных выражений, именуемых К. К. Султановым «опознавательными знаками этнической инженерии» [Султанов 2007: 15]. Национальная идентичность творчества писателя выражается, прежде всего, в преломлении самого материала, в стилистических особенностях повествования, во взгляде на окружающий мир, в стремлении передать аксиологический ориентир своего народа. Все повести и рассказы О. Л. Манджиева пронизаны калмыцким духом, а в каждом высказанном слове ощущается глубокая внутренняя работа души писателя («Дорога в один дун», «Скачки», «Амуланга» и др.).

Содержательную часть повестей и рассказов Олега Манджиева определяет чувство беспокойности и тревоги за будущее подрастающего поколения, за выработку в

нем чувства принадлежности, сопричастности к судьбе своего этноса, переживание за сохранение культуры народа, духовно-нравственных основ, этического и эстетического опыта предков. Все эти проблемы, поставленные в его произведениях, значимы для художника. Они словно пульсирующая боль в его душе, поэтому их решение является значимым приоритетом в его творчестве.

В данной статье на основе анализа произведения «Дорога в один дун» мы попытаемся выяснить, как через национальный компонент, выражающийся в духовной памяти и философии предков, писатель освещает общечеловеческие нравственно-этические проблемы и ценности.

Произведение О. Л. Манджиева «Дорога в один дун» актуальна остротой поставленных нравственных вопросов и откровенной сюжетной обнаженностью человеческой души. Форма жанра повести диктует ограниченное количество действующих лиц. Центральными героями являются городские ребята Наран и Бадма, старый чабан Мерген, его внуки Амуланга и Джамуха.

Главная тема произведения — нравственное становление молодых людей в лице Нарана и Бадмы. Угрюмая обида, едкая горечь, «ноющая пустота внутри», обремененность на весь мир, — вот какие качества характеризуют их души. Перестройка их мыслей, сознания, ценностных ориентаций начинается после пребывания на сакмане, а именно: после знакомства со стариком Мергеном и его внуками Амулангой и Джамухой.

Действие всего произведения движет мысль автора об утрате духовности и народных представлений об окружающем мире, когда люди теряют истоки, а понятия «предки», «традиции» становятся второстепенными в жизни человека и не столь заботят их, потому что память уже «не работает», как бы «стирая все это за ненадобностью» [Манджиев 1988: 20]. Писатель указывает на «беспамятство» современных молодых людей, дремучих нравственных невеж. Души их слепы. И, возможно, Наран и Бадма превратились бы в примитивных и безответственных потребителей благ цивилизации, если бы в их жизни не появились новые ценности, порожденные событиями,

которые случились на сакмане. Здесь они как бы проникают в мир своих предков, постигают сложность традиционного образа жизни степняка-кочевника, соприкасаясь, тем самым, с той самой загадочной «бесконечностью, которую человек не в силах охватить разумом» [Манджиев 1988: 19], «со всеми видимыми и неподвластными глазу формами жизни» [Манджиев 1988: 23].

В повести О. Л. Манджиева сохраняется самобытный колорит, структура национального мышления и мировидения. В ней очевидно широкое влияние фольклорных традиций, использованных автором для углубления нравственно-философской проблематики произведения, отражения связи времен, единства эпох, актуальности прошлого для настоящего. Национальное в повести проявляется через изображение героев, их мировосприятия, жизненных и ценностных ориентаций, описание поведения степняков, их манеры говорить, проявлять свои чувства, а также в национальных приметах, вплетенных в художественную ткань повествования. Изображенные в повести жители сельской местности свято чтят народные традиции, придерживаются старинных народных обычаев и воспринимают окружающий мир, следуя заветам предков. В их мыслях и поступках сквозит тот далекий мир, который сегодня, к сожалению, постепенно уходит из нашей жизни.

В повести большое место уделено проблеме взаимоотношений природы и человека. Миросозерцание народа находит в произведении свое художественное выражение через утверждение мысли, что человек рассматривается как часть природы. Автор понимает единство человека и природы как идею единства мирового начала. Приметы и наблюдения в повести, связанные с этой темой, раскрывают традиционные представления калмыцкого народа, его «самочувствие», миропонимание, мироощущение.

Сюжет произведения в значительной мере строится на оппозиции «свой-чужой». Пространство, в котором живут герои, мифологизировано. Жизнь человека, вещи, которые его окружают, животные, идущие с ним «по тропе жизни», — все живет реальной земной жизнью, но как бы в другом измерении. Природа, человек, Вселенная находятся в единстве существования, гар-

моничном и идеальном. Это пространство определяется как «свое». Однако привычная умиротворенная картина «единения человека и окружающего мира» сменяется иной, в которой начинают хозяйничать «чужие» (Бадма, Наран), вносящие дисгармонию и в жизнь степняков, и природу. Сюжет романа построен так, что с появлением городских ребят и с убийства волчонка Нараном и Амулангой в семье чабана и начинается цепь страданий и потерь. Люди на сакмане живут в ожидании чего-то еще более страшного. Безграничное горе матери-волчицы, потерявшей своего детеныша, меняет ее отношение к человеку. В ее изболевшейся, израненной душе поселяется чувство мести: чабан предал ее. «Кровавым возмездием» она решает восстановить справедливость.

Параллельно с темой «природа и человек» О. Л. Манджиев ставит вопрос о нравственном облике современника. Автор предупреждает человечество о том, что жестокость и неразумное отношение к природе ко всему живому рано или поздно обернутся бедой для людей. Убивая животных, они, прежде всего, убивают самих себя и своих детей, ведь человек является частицей природы. И в этом заключается вечный и мудрый закон природы: не причинять зла друг другу, жить в гармонии.

И хотя старый Мерген, воспринимающий мир человека, животных, растений как единый организм, помнил эту древнюю истину, заповедь, отшлифованную многими поколениями, и всецело осознавал, что не будет ему прощения, — ему ничего не оставалось, как убить волчицу. Начавшаяся не на жизнь, а на смерть «война» приводит в итоге к нарушению нравственной заповеди предков, принятой когда-то Мергеном, — «не делать зла ни траве, ни зверю, ни человеку» [Манджиев 1988: 130].

В этом контексте большую художественную нагрузку несет в повести тема неотвратимости возмездия, она психологически верно выстроена. В том, что Наран и Амуланга убили волчонка, старому чабану виделась беспощадная неизбежность. Тридцатью годами ранее этого события Мерген расстрелял прирученных волков и с того момента не брал оружия в руки. Но то зло, которое он «вышвырнул» из стволов, не сгнуло в огромном мире, а, сделав долгий путь, вернулось, но уже не к нему, а

к его абсолютно ни в чем не повинным внукам: «...все стянулось в крепкий двойной калмыцкий узел — не развязать, не распутать» [Манджиев 1988: 97]. «...Созревшие плоды деяний и сочившееся по капле зло слились уже в единый поток» [Манджиев 1988: 188].

История с волком, как следствие, повторилась в следующем поколении. Неслучайно калмыцкая народная мудрость гласит, что «вода с косогора сбегает к ложбине, а содеянное дело возвращается к хозяину» (*Кецин усн хууһан темцнэ, кесн керг эзэн темцнэ*) [Тодаева 2007: 102]. И тут, «чтобы не обольщался человек своей миссией на земле» [Манджиев 1988: 96], жизнь предъявляет ему строгий и страшный расчет, и «всех твоих добрых дел не хватает оплатить вексель» [Манджиев 1988: 96], — предупреждает писатель. Поэтому заветный земной закон предков гласит: «поступай по совести», «не делай зла ни траве, ни зверю, ни человеку» [Манджиев 1988: 130], ибо оно «сочится по капле, но когда зло накапливается и сливается в единый поток, оно рождает огонь, пожирающий все живое» [Манджиев 1988: 188]. Оно обязательно «ударяет» по тому, кто его совершил. Вот только происходит это не автоматически, не через заданное время и не обязательно в той же форме, что и исходное зло.

Вспомним одну из бесед, в которой Олег Манджиев рассказывает о народной мудрости. «Считается, что проклятие носится в воздухе семь лет и передается потомкам человека до седьмого колена. Вот почему с древних времен калмыки учили своих детей уважению ко всякому проявлению жизни, будь оно в камне или дереве, ветре или огне» [Манджиев 2000: 35]. Даже зло, рожденное в мыслях, не исчезает бесследно, — считали предки. И это не просто выдумки. В настоящее время люди не задумываются об этом, считает О. Л. Манджиев.

Замысел всей повести «Дорога в один дун» сводится в целом к раскрытию народной мудрости, традиций и представлений, выработанных в условиях гармоничного сосуществования с природой. Мысль писателя о содеянном зле тонко связывается с каноническим положением буддийской философии, базирующимся на причинно-следственной связи. Жизнь всегда неотвратимо

наказывает виновных, и, если не в этой жизни, то в другой, поскольку в мироздании все очень тонко взаимосвязано. И по принципу круга (в буддизме круговорота сансары) трагедия может постигнуть всех и каждого, ибо «все, что с нами происходит, — это результат кармы» [Геше Чжампа Тинглей: 78]. Но мало кто об этом задумывается.

Так случилось и в семье старого чабана. Спустя некоторое время у него заболевает младший внук, маленький, абсолютно ни в чем неповинный Джамуха. К зиме Амуланга сшила ему шапку из шкуры убитой волчицы, которая оказалась бешеной. Писатель вводит в повествование необычный оборот: болезнь, якобы передавшаяся мальчику через шапку, не оставившая никаких надежд на выздоровление. Болезнь братишки составила совсем еще юную восемнадцатилетнюю Амулангу, она вся поседела.

Горе, постигшее семью старого чабана, несчастье ни в чем не повинных людей — вот цена, которую герои заплатили за познание истины и вроде бы простых, достижимых законов нравственно-этической заповеди предков. Писатель, ставя в повести вопрос о нравственном облике современника, напоминает всем нам о том, что существование человека сегодня невозможно без духовных ориентиров на наших предков. Несоблюдение и незнание древних истин может привести к непоправимой трагедии.

В контексте произведения основные негативные события (гибель волчонка, смерть волчицы, болезнь Джамухи) предстают в качестве показателя универсальности связей Времени, Человека, Природы. Все это своеобразная философия эпохи, в которой самоуверенная, техногенная цивилизация противостоит жизни и заповедям, завещанным предками. По мысли О. Л. Манджиева, в современном мире высшая мораль, по которой надо жить человеку, кажется уже непонятной и недоступной, давно забытой и изъятной из обращения. Возможно, некоторые из законов еще действуют, но от них в большинстве случаев сейчас отмахиваются. Знания, этический опыт предков уже не востребованы. Однако автор убеждает своего читателя в том, что иногда нам стоит все-таки «остановиться, замереть, вслушаться» [Манджиев 1988: 134]. И тогда человек словно окунется в другой поток времени, в

его умонастроении произойдут изменения, раскроется новый ракурс видения мира. У него появится новое знание и чувствование, откроется доселе почти еще неизвестная жизнь, восходящая к великой мощи законов предков. Это, по мнению писателя, и есть момент истины.

Таким образом, автора больше всего волнует проявление в человеке его благородных качеств через нравственную память. Для Олега Манджиева это тема духовного поиска, обретения себя в сложном пространстве человеческого мира, поиска истоков человеческого бытия. Писатель утверждает, что только личность, впитавшая в себя опыт предков, национальное прошлое народа, способна, сверяясь со своей совестью, на «скачок в сознании», «революцию духа», «может постигнуть себя и все, что вокруг него...» [Манджиев 1988: 77]. Обращаясь к причинам развернувшейся в повести трагедии, писатель совершенно точно ставит диагноз — *беспамятство*. Об этом он говорит на примере героев Нарана и Бадмы.

В этот контекст О. Л. Манджиевым органично вписывается старая легенда об огненных птицах, удачно введенная автором для того, чтобы вновь дать импульс вечным общечеловеческим проблемам, указать на *беспамятство* современных молодых людей. Легенда, всплывшая в памяти Нарана в острый момент духовного перерождения, гласит, что без памяти человек превращается в зверя. Зависть, злоба и хула, поселившиеся внутри, изъедают и забивают грязью печень, сердце и душу; в итоге человек попросту перестает видеть, слышать, воспринимать. «Злоба вылетала из сердца, хула из рта, зависть из глаз... И человек забыл свое предназначенье... и стал он превращаться в зверя... Равнодушно смотрел пустыми глазами в небо и не видел, и не слышал ничего» [Манджиев 1988: 134–135].

Автор считает, если мы не хотим поминуть о своем прошлом, то, значит, не стремимся к будущему, предпочитая жить в своем закрытом, замкнутом круге, в суе повседневности, обсекая эту «вечную цепь, связующую живущего с его предками» [Манджиев 1988: 77], что приводит к потере человеком своего «я».

Писатель выходит за пределы своей этносферы, и его философски значимая мысль

«окунается» в бурный поток общечеловеческих проблем. Манджиевская концепция человека особенно актуальна в современном обществе, в наше смутное время, в усиленно глобализирующемся мире [Намруева 2008: 43–44], когда основными проблемами становятся дегуманизация, нравственное оскудение, обезличивание человека в обществе, — масштабный хаос, в который мы все можем провалиться без шансов на возвращение и тем более на самосохранение. Сегодня, учитывая исторический опыт, эта проблема особенно остра и для калмыцкого народа.

Далай-лама XIV справедливо замечает, что «мало выступать с громкими призывами остановить нравственное вырождение, надо что-то для этого делать» [Далай-лама XIV: 82]. В обращении писателя Олега Манджиева к проблеме нравственной памяти как основе человеческого бытия и связи поколений, к развитию в личности таких качеств, как нравственности, мудрости, порядочности, присущих лучшим представителям всех цивилизаций, видятся явное стремление автора осуществить перемену в человеческом сознании и попытка дать практические уроки морали, указать правильный путь к благоразумию.

Литература

- Геше Чжампа Тинглей.* «Буддийские наставления». Элиста: АПП «Джангар», 1995. 155 с.
- Далай-лама XIV.* Буддизм Тибета / пер. с англ. и тиб. М. Кожевниковой; сост. и отв. ред. А. Терентьев, М.; Рига: Нартанг-Угунс, 1991. 103 с.
- Зумаева Д. Ю.* Образ коня в лирике Д. Насунова (к проблеме национального своеобразия в русскоязычной литературе Калмыкии) // Научная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону, 2008. Спецвыпуск. С. 84–88.
- Зумаева Д. Ю.* Национальное своеобразие поэзии Д. Насунова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста, 2008. № 3. С. 55–57.
- Зумаева Д. Ю.* Образ Родины в творчестве Д. Насунова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста. 2008. № 4. С. 36–39.
- Ланцынова М. И.* Поиски истины Олега Манджиева // Теегин герл. Элиста. 2000. № 4. С. 27–35.
- Манджиев О. Л.* Дорога в один дун: повесть (на рус. яз.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1988. 206 с.
- Намруева Л. В.* Проблема сохранения языка в контексте глобализации социокультурных трансформаций // О тенденциях взаимодействия и взаимовлияния русского и национальных языков в современной России: мат-лы общерос. науч. конф. (19–20 ноября 2007 г.) Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 43–50.
- Полякова А.* Этнопедагогические идеи в повести О. Манджиева. «Дорога в один дун» // Теегин герл. 1996. № 2. С. 116–120.
- Султанов К. К.* От Дома к Миру: этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог. М.: Наука, 2007. 302 с.
- Тодаева Б. Х.* Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост. и пер. Б. Х. Тодаевой. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 839 с.

УДК 398.22

ББК 83.3 (2Рос=Калм)

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕСЕН ИЗ РЕПЕРТУАРА
СКАЗИТЕЛЯ МУКЕБЮНА БАСАНГОВА*Д. В. Убушиева*

Настоящая работа посвящена текстологическим вопросам, которые появились в ходе подготовки к изданию тома «Джангар» из Свода калмыцкого фольклора. Материалом для текстологического анализа послужили тексты песен из репертуара Мукебюна Басангова. Основные теоретические аспекты текстологии фольклора, на которые опирается коллектив составителей Свода калмыцкого фольклора, изложены в работах В. Я. Проппа [1956], С. Н. Азбелева [1966], Б. Н. Путилова [1966], К. В. Чистова [2005] и др.

Для изучения репертуара сказителя важное значение имеет его принадлежность к определенной школе, предлагающее освещение вопросов о приобретении сказительского мастерства и учителях рапсодов. Согласно рассказу джангарчи, обретение им сказительского дара не обошлось без инициации посредством болезни: «В двенадцатилетнем возрасте Басанга Мукебюн заболел оспой. <...> пролежал Басанга [Мукебюн — Д. У.] без сознания в течение трех недель» [Сангаджиева 1967: 14]. Будучи физически еще слабым, «лежа один в кибитке, он начал вспоминать слышанные им в раннем детстве песни» [Сангаджиева 1967: 14]. «Будущему эпическому певцу являются во сне герои эпоса, о которых ему предстоит петь» [Райхл 2008: 56]. «Эпическая среда с древних пор сохраняла веру в чудесные свойства эпического слова и в то, что способности к овладению им и к его воспроизведению в конечном счете — независимо от реальности — привносятся свыше, некими таинственными и предуказанными путями» [Путилов 1997: 45]. Это подтверждается и слушаем с М. Басанговым.

Легенда о приобретении эпического дара, которую рассказывал сам рапсод, подробно освещена в статье Э. Б. Овалова, отмечавшего, что «рассказ М. Басангова по содержанию близок к легенде о „Джангаре“ в записи Бергмана»¹ [Овалов 1978: 65]. Процесс приобретения и обучения сказительскому мастерству М. Басангова протекал традиционно. Не обошлось без «следов мифологии и магии», чему «не препятствовали известные всем свидетельства начального обучения, эмпирической передачи и усвоения опыта, факты длительной выучки мастеров» [Путилов 1997: 45]. Что касается точных имен учителей, от которых М. Басангов перенял песни эпоса «Джангар», о них известно немного, Н. Б. Сангаджиева указывает на джангарчи Лиджи Довжинова и Эрдни Бочаева, а также Чинзе Монк Байр — «служителя хурула, прекрасно знавшего фольклор» [Сангаджиева 1967: 15]. Об исполнении сказителем эпоса Н. Б. Сангаджиева отмечает: «Мукебюн Басангов исполнял „Джангар“ речитативом, с большой экспрессией и выразительностью» [Сангаджиева 1976: 23].

Репертуар М. Басангова был записан в 1939–1940 гг.² и включал 6 песен: 1) О том, как Джангар стал впервые править государством; 2) О том, как богатырь Хонгор доставил в страну Бумбу шлем Шара Бирмис хана, именуемый «дун», и меч, испускающий искры при атаке; 3) О том, как Хонгор угнал табун темно-рыжих коней с гривами, отливающими кораллом, и с жемчужными хвостами у Шара Кермен хана, живущего

¹ О легендах и преданиях о приобретении сказительского дара у калмыков см., например, работу Т. Г. Басанговой [2011].

² См. подробно о записи песен и биографическую справку о сказителе М. Басангове [Сангаджиева 1976: 14–27].

на северной стороне; 4) О том, как Санал с шумом пригнал семь миллионов чубарых тунджуров, выросших на воле у Илистого озера, [из страны] Таки Бирмис хана, отличившегося в пяти странах; 5) О том, как прибыл на искроподобном красном коне богатырь Нарни Герел грозного Мангна хана, владеющего конем Аю Манзан, с требованием выдать пять сокровищ Джангара; 6) О том, как Хонгор оказался в стране девяти шулмусок, которые [стальными клювами] высасывали из него кровь³.

Песни «Джангара» из репертуара М. Басангова издавались дважды в 1940 г. [Хальмг фольклор 1940; Баснга Мукөвүн Жаңһр 1940], в 1967 г. [Жаңһр: Жаңһрч Баснга Мукөвүнэ келсн бөлгүд], 1978 г. [Джангар. Калмыцкий героический эпос 1978] и 1990 г. [Жаңһр: хальмг баатрлг эпос: 28 дууна текст].

В данной статье предпринята попытка выявить текстологические проблемы на материале песен из репертуара Мукебюна Басангова, включенных в подготовленный к изданию том «Джангар» Свода калмыцкого фольклора. Ранее были рассмотрены текстологические вопросы на материалах песни «О поединке богатыря Алого Хонгора с Авланги ханом», записанной от Бадмы Доржиновича Обушинова собирателем калмыцкого фольклора И. И. Поповым⁴, и песни «О битве [богатырей] Джангара с лютым грозным Догшн Мангна ханом» в записи от Насанки Балдырова⁵.

Как отмечает Г. И. Михайлов, «... песни ... известного джангарчи Мукебюна Басангова издавались в Элисте трижды. Послевоенное издание их оказалось не вполне удовлетворительным, поэтому при новом издании текста [изд. «Джангар» 1978 г. — Д. У.] Джангариады были использованы довоенные публикации» [Михайлов 1978: 17]. При подготовке песен «Джангара» из репертуара М. Басангова опирались, прежде всего, на издание 1978 г., поэтому текстологическое сличение было осуществлено с изданиями песен «Джангара» 1940 г.⁶ для представления наиболее точного и полного текста.

³ Названия песен даны в соответствии с готовящимся изданием «Свод калмыцкого фольклора: Калмыцкий героический эпос «Джангар». Т. 1.».

⁴ См. Д. В. Убушиева [Убушиева 2011а].

⁵ См. Д. В. Убушиева [Убушиева 2011б].

⁶ Пока еще нельзя со стопроцентной уверенностью говорить об отсутствии каких-либо копий или же первоначальных черновых вариантов записей песен из репертуара сказителя.

В результате сопоставления оригинального текста песен репертуара М. Басангова с текстом песен, опубликованных в изданиях «Джангар» 1940 и 1978 гг., был выявлен ряд следующих текстологических неточностей.

1. **Пропуск строк** (9)⁷: № 16⁸ — 4; № 17 — 2; № 20 — 3.

Так, например в песне № 20 в издании «Джангара» 1978 г. пропущены подряд 3 стихотворные строки 400–401 (в издании 1940 г. песнь № 5 строки 401–403)⁹.

Ээт Шоңхр көвүһитн

Дууч гихинь соңсад,

Мана хан сөңгчән кенәв гилә.

Юношу, прославленного Шоңхора,

Услышав [о нем], что он певец,

Наш хан сказал, своим виночерпием

сделает¹⁰

2. **Пропуск слов** (5): № 16 — 2; № 19 — 2; № 21 — 1.

К примеру, в издании 1940 г. в песне № 6 (в издании 1978 г. — это песня № 21) в строке 210 присутствует слово *Күрң*, которое пропущено в тексте издания 1978 г. в этой же строке 210:

1978 г. *Күүкн Галзнан көтләд,*

Ведет кобылицу Галзан,

1940 г. *Күүкн Күрң Галзнан көтләд*

Ведет кобылицу Кюрюнг Галзан

3. **Замены слов** (7): № 19 — 5; № 20 — 1; № 21 — 1.

В приведенном ниже примере в тексте издания 1978 г. в песне № 19 (которой соответствует песня № 4 в издании 1940 г.) в стихотворной 106-й строке формула была дана с повтором одного и того же слова, хотя в тексте 1940 г. во второй строке присутствовало слово *хойр*:

1978 г. *Бодңгуд талан нег гекәд...*

В сторону вепрей раз кивнув...

⁷ Здесь и далее в скобках указывается количество встречаемых в тексте неточностей.

⁸ Нумерация текстов песен та же, что и в издании «Джангар» 1978 г., которая соответствует следующему порядку в публикации 1940 г.: № 16 — № 1, 17 — 2, 18 — 3, 19 — 4, 20 — 5, 21 — 6. Здесь, в тексте статьи, нумерация приводится в соответствии с нумерацией тома «Джангар» Свода калмыцкого фольклора.

⁹ Песни издания 1940 и 1978 гг. оцифрованы по принципу пятистрочия.

¹⁰ Здесь и далее приводится перевод автора.

1940 г. *Бодңгуд талан хойр гекэд...*

В сторону вепрей два раза кивнув...

4. **Добавление слов** (1): № 17 — 1. Например, в тексте издания 1978 г. в 497-й строке стихотворной добавлено слово *алхвл*, которого нет в 499-й стихотворной строке издания 1940 г.:

1978 г. *Хээкрэд алхад, токугарн*

цокад алхвл

Когда, крича, перешагнув, токугами ударив, перешагнула...

1940 г. *Хээкрэд алхад, токугарн цоквл*

Когда, перешагнув, крича,

токугами ударив...

5. **Изменение их форм** (59): № 16 — 16; № 17 — 12; № 18 — 5; № 19 — 3; № 20 — 10; № 21 — 3.

Так, в тексте издания 1978 г. в песне № 16 в 338-й стихотворной строке слово *совсар* было изменено на *сувсар*:

1940 г. № 1 337-я строка:

Эрднин шур совсар

Драгоценными кораллами жемчугом

6. **Добавление строк** (1): № 16 — 1.

В текст песни № 16 издания 1978 г. между строками 6 и 7 была добавлена строка *Төрин дөрвн хаанла 'С державными четырьмя ханами'*, которой нет в издании 1940 г.

Таким образом, пропуски, замены и добавления строк и слов, изменение их форм учитываются и комментируются в готовящемся издании Свода калмыцкого фольклора. В свете современных текстологических методик песни из репертуара М. Басангова будут опубликованы полноценно вместе с переводом в одном издании. Научно-филологический перевод песен на русский язык и прилагающийся к песням научный комментарий подготовлены сотрудниками отдела литературы, фольклора и джангароведения КИГИ РАН.

Литература

Азбелев С. Н. Основные понятия текстологии в применении к фольклорному материалу // Принципы текстологического изучения фольклора. М.; Л.: Наука, 1966. С. 260–302.

Басангова Т. Г. Легенды и предания о получении сказительского дара у калмыков // «Джангар» и эпические традиции народов Евразии: проблемы исследования и сохранения. Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 20–23 сентября 2011 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2011. 174 с.

Басңга Мукөвүн. Жаңһр. Шин бөлгүд. Элст: Хальмг Госиздат, 1940. 128 с.

Джангар. Калмыцкий героический эпос (тексты 25 песен): в 2-х тт. М.: Наука, 1978. Т. 1. 442 с. Т. 2. 416 с.

Жаңһр: Жаңһрч Басңга Мукөвүнэ келсн бөлгүд. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1967. 156 х.

Жаңһр: Хальмг баатрлг эпос: 28 дууна текст. Калм. ин-т обществ. наук. 2 боть. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1990. 476 х.

Михайлов Г. И. Предисловие // Джангар. Калмыцкий героический эпос (тексты 25 песен). В 2-х тт. Т. 1. М.: Наука, 1978. С. 5–25.

Овалов Э. Б. Легенда о «Джангаре» в записи Б. Бергмана // Типологические и художественные особенности «Джангара». Элиста: Республик. тип. Управления по делам изд-в, полиграфии и кн. торговли Совета Министров Калм. АССР, 1978. 128 с.

Пропп В. Я. Текстологическое редактирование записей фольклора // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. 1. М.; Л., 1956. С. 196–206.

Путилов Б. Н. Мастерство былинного певца: в 33-х тт. (Из текстологических наблюдений над былинами) // Принципы текстологического изучения фольклора. Л.: Наука, 1966. С. 220–259.

Путилов Б. Н. Эпическое сказительство: Типология и этническая специфика. М.: Вост. лит. РАН, 1997. 295 с.

Пюрвеева Н. Б. (Сангаджиева Н. Б.) Эпический репертуар джангарчи М. Басангова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 76 с.

Пюрвеева Н. Б. (Сангаджиева Н. Б.) Джангарчи. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1967. 35 с.

Райхл К. Тюркский эпос: традиции, формы, поэтическая структура / Карл Райхл; пер. с англ. В. Трейстер; под ред. Д. А. Функа. М.: Вост. лит., 2008. 383 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).

Убушиева Д. В. Текстологические проблемы при составлении Свода калмыцкого фольклора (на примере песни «О битве богатыря Алого Хонгора с Авланги ханом» в записи от Бадмы Убушинова) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011а. № 1. С. 168–173.

Убушиева Д. В. Текстологический анализ песни «О битве [богатырей] Джангара с лютым грозным Догшн Мангна ханом» в записи от Насанки Балдырова // «Джангар» и эпические традиции народов Евразии: проблемы исследования и сохранения. Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 20–23 сентября 2011 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2011б. С. 135–139.

Хальмг фольклор. Элст, 1940. 466 с.

Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция: сб. ст. / К. В. Чистов. М.: ОГИ, 2005. 272 с.

УДК 398.21
ББК 83.3 (2Рос=Калм)

СЮЖЕТ «ВОЛШЕБНИК И ЕГО УЧЕНИК» (АТ 325) В КАЛМЫЦКОЙ СКАЗОЧНОЙ ТРАДИЦИИ

Б. Б. Горяева

Сюжет «Волшебник и его ученик» (АТ 325) устно бытует во всех частях света: его варианты имеются в сказочных традициях многих народов. В «Сравнительном указателе сюжетов» [1979] составителями отмечено 42 русских варианта этого сюжета, 25 — украинских, 10 — белорусских — 10 (в восточнославянской традиции называется «Хитрая наука»).

Бытование этого сюжетного типа можно найти и в литературной традиции. Например, одной из литературных его версий является обрамляющий сюжет в древнеиндийском литературном памятнике «Двадцать пять рассказов Веталы»¹. Аналогичные сюжеты выступают в качестве рамочного обрамления в тибетском сборнике «Игра Веталы с человеком» и в монголо-ойратском «Sidditu kegür» («Волшебный мертвец»).

В наиболее раннем из них сборнике «Двадцать пять рассказов Веталы» отшельник со злым умыслом посылает царя Викрамасену за Веталой. Царь соглашается принести волшебного мертвеца, при этом он не должен произносить ни единого слова. Между тем демон Ветала начинает рассказывать историю, заканчивая ее вопросом, царь нарушает запрет, после его ответа волшебный мертвец вырывается из его рук и возвращается на свое дерево. Таким образом Ветала поведал 25 сказочных историй [Индийская средневековая повествовательная проза 1982: 195–221]. В дальнейшем неоднократно публиковались оригиналы и переводы различных версий этого сборника.

Обрамление древнеиндийского письменного памятника было творчески переработано монгольскими народами, в частности ойратами, в сборнике «Sidditu kegür». Еще в 1805 г. Б. Бергманн опубликовал немецкий перевод 13 сказок из ойратской (калмыцкой) версии этой книги [Bergmann 1805: 247–351].

¹ В индуистской мифологии Ветала (*др.-инд. vetala*) — это злые духи, вампиры, живущие в деревьях и на кладбищах, способные вселяться в мертвые тела. Они входят в свиту Шивы.

Рамочное обрамление в монголо-ойратском литературном памятнике основано на сюжетном типе «Волшебник и его ученик» (АТ 325). В нем повествуется о семи волшебниках, живших в Индии, у которых обучался царевич — старший из двух братьев. За семь лет учебы он не овладел искусством волшебства, младший же тайно выучился магии. По возвращении домой младший царевич превращается в коня и поручает старшему брату продать его, оставив себе при этом узду. Запрет нарушается, и волшебники, разгадав замысел юноши, покупают коня с намерением убить его. Но на водопое младший царевич превращается в рыбу, волшебники пускаются в погоню за ним, обратившись в семь щук, затем юноша перевоплощается в голубя, волшебники — в коршунов. Голубь, залетев в пещеру Нагарджуны, просит помощи у прославленного Учителя и становится главным шариком (*бумб*) его четок, зерна которых были рассыпаны и превратились в червей. В этот момент юноша превращается в человека и убивает волшебников в образе кур.

Чтобы искупить грех, юноша отправляется за волшебным мертвецом, который находится на Прохладном кладбище. По пути ему встречаются мертвецы, но при произнесении особых молитв все ужасы устраняются. Юноша взваливает на плечи мешок с Волшебным мертвецом, торс которого был золотым, а грудь — бирюзовой, Волшебный мертвец начинает рассказывать истории. Заканчивает он их таким образом, что юноша, не удержавшись, восклицает. После этого Волшебный мертвец исчезает, и царевич возвращается за ним к дереву, на котором восседает мертвец. Тринадцать раз юноша возвращается за ним, пока он не доставляет его к Нагарджуне, пройдя весь путь, не произнеся ни одного слова [Голстунский, II 1864: 1–48].

В литературном сборнике «Sidditu kegür» сохранена общая структура индийского обрамляющего сюжета: некто посылает царя за Веталой, который рассказывает

раз за разом царю сказки. Место отшельника занимает знаменитый буддийский философ Нагарджуна, а место Викрамасены — царевич Амугуланг Эдлегчи. Нагарджуна посылает царевича за Волшебным мертвецом ради блага всех существ.

Сказка «Семеро великих магов», опубликованная Лером в сборнике «Калмыцкие сказки» в 1873 г., по своему содержанию сходна с обрамляющим рассказом из «Sidditu kegür». В ней фигурирует живущий в мрачной роши смерти Сиддикюр, который «сверху из золота, снизу из меди, а голова высеребрена». Принести его нужно так же: не произнеся ни одного слова [Калмыцкие сказки ... 1873: 30–32].

Исследователями отмечается, что «рамка» фольклорного сборника «Седклин күр» («Задумчивый разговор») — это переосмысление обрамления литературного сборника монгольских народов «Sidditu kegür», восходящего к памятнику древнеиндийской литературы.

Объединенные единой «рамкой» одиннадцать сказок сборника «Седклин күр» были записаны в 1960 г. Б. Букшаевым и Л. Сангаевым от сказителя Мутула Буринова, жителя Городовиковского района Калмыцкой АССР. Часть сказок из этого сборника в переводе на русский язык опубликована в сборниках «Медноволосая девушка» [1964] и «Сандаловый ларец»² [2002]. Сказки сборника «Седклин күр» имеют следующее обрамление на сюжетный тип АТ 325 «Волшебник и его ученик».

У бедных стариков три сына. Старшие обучаются у муса, но как только они овладевают чарами волшебства, то тут же расплачиваются за это жизнью. Младшему удается незаметно познать тайны волшебства и обратиться в прекрасного коня. Отца он предупреждает, чтобы не продавал коня мусу и не отдавал уздечку. Мус через третье лицо покупает коня и заточает его в темном месте. В отсутствие отца дети муса из любопытства открывают запретное место и, увидев прекрасного коня, ведут его на водопой. Конь прыгает в реку, превратившись в рыбу. Мус, обратившись в щуку, бросается за ним в погоню,

в ходе которой беглец и преследователь превращаются в разных животных и птиц (утка — ястреб, заяц — сокол). С помощью буддийского ламы младший брат добывает себе свободу. В устном варианте, как и в книжном, юноша превращается в главный шарик четок. Мус в образе курицы с семью цыплятами начинает склевывать зерна четок, рассыпавшихся и превратившихся в пшено. В это время юноша обретает человеческий облик и убивает преследователя.

Дабы искупить грех за убийство живых существ лама отправляет юношу за Арша Ики Ламой, который так же, как и Волшебный мертвец, рассказывает удивительные сказки и заканчивает их так искусно, что герой, нарушив запрет молчания, восклицает: «Энлм эн!» («То-то и оно!»). После этого «святой» исчезает, и герой снова возвращается за ним [Седклин күр 1960: 7–10].

В устной традиции сохранена структура обрамления, заменены лишь персонажи. Вместо семи волшебников, выступающих в «Волшебном мертвце», в обрамляющем сюжете сборника «Седклин күр» появляется мус — персонаж калмыцкой сказочной традиции. Именно к нему ходят учиться волшебству трое братьев, тогда как в книжной версии искусство волшебства постигают два царевича. Герою не приходится испытывать ужасы по дороге, которые описаны в «Волшебном мертвце», и отправляется он не за Волшебным мертвецом, а за живым Арша Ики Ламой, но и ему также необходимо доставить «живого святого», не произнеся ни одного слова.

По свидетельству М. Э. Джимгирова, у калмыцкого писателя Хасыра Сян-Бельгина имелась неопубликованная рукопись сказок, зафиксированных им у сказителей в Черноземельском районе Калмыкии. Запись во многом отличается от опубликованного варианта «Седклин күр» «калейдоскопическим смешением форм, черт и мотивов», отмечал М. Э. Джимгиров [Джимгиров 1970: 92].

Вступление совпадает с началом «Волшебного мертвеца», однако вместо семи волшебников здесь введены целых двенадцать. «Этот вариант стоит ближе к ранее опубликованным вариантам из цикла «Сидди кюр», так как две сказки из одиннадцати, как мы отметили, аналогичны сказкам «Сидди кюр», но они оформлены точно так же, как и типичные оригинальные народные сказки со всеми их особенностями», — от-

² См. подробнее особенности этого сборника в фольклорной традиции калмыков в сравнении сюжетов и мотивов с литературным памятником монгольских народов «Sidditu kegür» [Горяева 2009; 2011а; 2011б], также опыт изучения данного сборника с применением классификации Б. П. Кербелите [Надбитова 2008].

мечает М. Э. Джимгиров, характеризуя цикл сказок, записанный Х. Сян-Бельгиным [Джимгиров 1970: 93].

На основании этого М. Э. Джимгиров делает предположение, что «еще в то далекое время существовало, очевидно, два варианта рассказов Веталы (волшебного мертвеца) и живого святого. Ведь не случайно совпадение, когда почти через столетие записываем сказки «Седклин кюр» и тоже находим «живого святого» Арша Ики Ламу?.. В письменной литературе, связанной в основном с буддийской религией, существовал, по-видимому, вариант „волшебного трупа“ (Веталы), а в сказках, которые рассказывались и распространялись устным путем, фигурировал „живой святой“» [Джимгиров 1970: 88].

В репертуаре сказительницы А. З. Кутуктаевой, калмычки из рода Гюсюн-Эркетен, уроженки станицы Варшавской бывшего Верхне-Уральского уезда Оренбургской области, записанной в г. Элисте А. В. Бадмаевым и Н. Н. Убушаевым в 1961 г., имеется «Сказка величавого Ууштин-шутэна». Кратко приведем содержание сказки.

У старых бездетных супругов рождается ниспосланный небом сын, его отдают некоему Бакши, у которого он обучается мудрости. Сын может вернуться домой только после того, как отец трижды узнает его среди заколдованных юношей. Отец благодаря подсказкам сына указывает на него, но волшебник не желает возвращать его родителям, и конфликт завершается «поединком» между учителем и его учеником. Погоня проходит с превращениями. После «победы» герой, по совету ламы, для искупления греха за убийство учителя должен принести на правом плече священную бронзовую статую — Ууштин-шутэн, которая думает и говорит как живая. По пути Ууштин-шутэн рассказывает историю, юноша не удерживается и восклицает, после чего статуя исчезает, и герой дважды возвращается за ней [Медноволосая де-вущка 1964: 61–78].

Отметим, что в обрамлении, структурно сходном с бытующим в устной традиции, вместо муса выступает Бакши, Арша Ики Ламы — бронзовый талисман Ууштин-шутэн. Зачин сказки расширен сказительницей за счет мотива о бездетных старике и старухе.

Рассматриваемый сюжетный тип служит «рамкой» для сказки «Һахан толһа белгч» («Знахарь со свиной головой»), зафиксированной в репертуаре Кеке Бадмаева [Хальмг туульс 1972: 203–208]. Запись этого сюжета в обрамлении была сделана Цакиром Эвгеновым. Так как имеющаяся запись заканчивается исчезновением бурхана Сетквр после восклицания юноши, можно предположить, что К. Бадмаевым также в обрамлении рассказывались и другие сюжеты. «Рамка» структурно совпадает с обрамлением литературного сборника, персонажами также выступают семь волшебников и два брата-царевича, место буддийского просветителя Нагарджуны занимает гелюнг, а вместо литературного Волшебного мертвеца выступает бурхан Сетквр. В конце истории юноша восклицает: «Энлм эн!» («То-то и оно!») (так же, как и герой фольклорного сборника «Седклин кюр» [НА КИГИ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 178. С. 57]).

Сказка «Седкүр бурхни тууж» («История о бурхане Седкюр») из репертуара Санджи Бутаева своеобразна тем, что состоит из трех обрамленных сюжетов [Буутан Санжин туульс 2008: 21–39]. Обрамлением также является сказка на сюжетный тип «Волшебник и его ученик» (АТ 325).

Младший из трех братьев учится волшебству. По возвращении домой он превращается в коня и поручает братьям продать его. Разгадав замысел юноши, семь братьев-волшебников покупают коня с намерением убить его, но их отец отводит коня на водопой. Герой, вырвавшись, превращается в рыбешку. Братья-волшебники устремляются в погоню за ним, превратившись в щук. Юноша перевоплощается в зайца, затем — в лису, волшебники — в гончих собак. Обратившегося в птицу юношу преследуют семь сорок, герой просит помощи у ламы и превращается в главный шарик его четок, лама рассыпает зерна четок, и они превращаются в пшено. Семь волшебников перевоплощаются в семь куриц с сорока девятью цыплятами. В этот момент юноша превращается в человека и убивает их. Чтобы искупить грех за убийство, он отправляется за бурханом Седкюр (ср. в сборнике «Седклин кюр» — Сетквр бурхан), которого должен принести, не произнеся ни единого слова. Бурхан по пути начинает рассказывать сказки, юноша восклицает, выражая свои эмоции, после чего вновь возвращается за бурханом.

Таким образом, можно заключить, что национальная специфика международного сюжета «Волшебник и его ученик» (АТ 325) в калмыцкой сказочной традиции выражается в продуктивном использовании его в качестве обрамляющего сюжета.

Литература и источники

- Bergmann B.* Nomadische Streifereien unter Kalmucken. Band II. Riga, 1805. S. 247–351.
- Волшебный мертвец.* Монгольско-ойратские сказки / 2-е изд.; пер., предисл. Б. Я. Владимирцова. М.: Вост. лит., 1958. 159 с.
- Голстунский К. Ф.* Убуши хун-гайджийин туудж, народная калмыцкая поэма «Джангар» и Сиддиту күйийин туули. СПб., 1864. Лит. № I. 74 с. Лит. № II. 48 с.
- Горяева Б. Б.* Калмыцкая волшебная сказка: сюжетный состав и поэтико-стилевая система. Элиста: НПП «Джангар», 2011а. С. 60–65.
- Горяева Б. Б.* Национальная специфика калмыцких народных сказок: локальные, контаминированные и обрамленные сюжеты // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011б. № 1. С. 182–188.
- Горяева Б. Б.* Сборник «Седклин күр» («Задумчивый разговор») в калмыцкой сказочной традиции // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее. Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 13–18 сент. 2009 г.): в 2-х ч. Ч. 2. Элиста: АПП «Джангар», 2009. С. 544–547.
- Джигмидов М. Э.* О калмыцких народных сказках. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 103 с.
- Индийская средневековая повествовательная проза* / пер. с санскрита, сост. и предисл. П. Гринцера; коммент. П. Гринцера и С. Серебряного. М.: Худож. лит., 1982. 399 с.
- Калмыцкие сказки, собранные Лером.* М.: Типография и литография Г. С. Папинова, 1873. 36 с.
- Медноволосая девушка.* Калмыцкие народные сказки. М.: Наука, 1964. 271 с.
- Надбитова И. С.* Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 9–14 мая 2007 г.): в 3 ч. Ч. 2. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 66–76.
- Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.* Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 178.
- Сандаловый ларец:* Калмыцкие народные сказки / пер., сост., вступ. ст. Т. Г. Басанговой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 239 с.
- Буутан Санжин туульс* (Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971–1978 годов. В 2-х книгах. Кн. 1 / Вступ. ст. Н. Г. Очировой; сост., подг. текстов и прилож. Б. Х. Борлыковой. Серия: Овкрин зөөр (Сокровища предков). Элиста: КИГИ РАН, 2008. 308 с.
- Седклин күр.* Элст: Хальмг дегтр харһач, 1960. 86 х.
- Сравнительный указатель сюжетов.* Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский. Л.: Наука, 1979. 438 с.
- Хальмг туульс. III боть.* Элст: Хальмг дегтр харһач, 1972. 250 х.

УДК 398.22

ББК 83.3 (2Рос=Калм)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАЛМЫЦКИХ НАРОДНЫХ БЛАГОПОЖЕЛАНИЙ

Н. Д. Михайлова

Калмыцкие благопожелания, как и другие жанры устного народного творчества, содержат многие типичные для фольклорных произведений черты и свойства. Оптимизм народа, его чаяния, безграничная вера в светлое будущее выразительно передаются при помощи разнообразных средств художественного изображения. Поэтическая форма калмыцких благопожеланий чрезвычайно богата эпитетами, сравнениями, гиперболами, метафорами, разными формульными выражениями (так называемыми «общими местами»). В йорялах имеются совпадающие детали и компоненты, одинаковые образы и мотивы, устойчивые обороты, образные словосочетания, посто-

янные эпитеты, обусловленные общим жизненным материалом и единой языковой основой. Жанровая специфика благопожеланий определяет их художественную форму и поэтический язык.

Художественная форма йорялов многообразна. Среди них встречаются и монострофические произведения, состоящие из двух-трех строк, и полистрофические произведения, состоящие иногда из десятков строк. Благопожелания начинаются с зачина, который чаще всего представляет собой обращение к кому-либо и определяет дальнейший ход мыслей исполнителя. В этой части он обычно высказывает благодарность по поводу предоставления ему почетного

права открыть церемонию произношения йорялов, восхваляет хозяев и гостей. Главное содержание йоряла, т. е. пожелания, составляет его основную часть. Концовка йоряла выполняет обобщающую роль, несет в себе некую заклинательную функцию.

Выслушав йорял, присутствующие благодарно выражали свое согласие с тем, кто произнес благопожелание, в форме кратких пожеланий, заклинательных формул, которые произносились в один голос: *Йөрәләр болтха!* 'Пусть все сбудется согласно благопожеланию!', *Олн көгшдин йөрәләр бүттхә!* 'Да сбудется все согласно пожеланиям старших!', *Йөрәл шиңгертхә!* 'Да сбудется!'¹ и др.

Художественно-поэтические особенности калмыцких народных благопожеланий своеобразны. Форма монолога позволяет сказителям йорялов прямо и непосредственно выражать благопожелания. В стилистическом отношении они отличаются высоким слогом и имеют особую композицию, в которой выделяют традиционные формулы: начальные, медиальные и финальные. Объем произведения целиком зависит от мастерства исполнителя, от степени его владения поэтическими формулами и образительными средствами.

Благопожелания бытуют в стихотворной форме и, как правило, произносятся в рифму. В ритуале исполнения йоряла слово играет главную роль. Сочетание различных видов рифм и словосочетаний, словесных повторов в благопожеланиях создает особый стихотворно-мелодический ритм.

Одним из важнейших средств звуковой организации, помимо ритма, является аллитерация. В благопожеланиях можно обнаружить различные виды аллитераций. В частности, встречается анафористическая аллитерация, когда в соседних строках совпадают начальные буквы или слоги: дд, ддд, дддд. Например: *Олна көдлмшт орлцж, / Олыг өмсч, / Олыг элэж, / Сээнэс сэн хувц өмсч, / Сээн менд йовж, / Сэн жүрһл эдлтхә!* Нередко можно обнаружить парную аллитерацию (начальные буквы строк чередуются попарно: аа — гг — бб: *Амн сэн селвгән авлцдг, / Ааһ-цөгц хотан уудг, / Хажуһар һардго / Хар уга худһр болтха!* Благопожелания богаты аллитерациями, созвучиями гласных и согласных звуков, которые усиливают выразительность художественной речи.

¹ Здесь и далее перевод автора.

Йорялы обычно завершаются глаголами повелительного наклонения:

*Эн кенәхмб гихлә,
Теднә тер гиж,
Нерән дуудулж йовцхатн!
Идж, ууж, цадж, ханж,
Олн-әмтн амулц болтха!
Олн манд ут нас хээрлтхә!*

*Когда спросят, из какого вы рода,
Отвечают, что из такого-то, (поэтому)
Прославляйте свой род!*

*Пусть едят, пьют, насытятся,
возрадуются,
Пусть все люди в благополучии будут!
Всем нам долголетия [пусть божества]
пожелают!*

Нередко в конце благопожеланий употребляются слова, эмоционально закрепляющие высказанное йорялчи благословение, например *болтха!* 'пусть сбудется!', с пожеланием здоровья, благоденствия для семьи, рода, народа, скота и т. д. Слова *болтха, хээрлтхә* и т. п. устанавливают контакт исполнителя йоряла с высшими силами. Присутствующие в ответ не менее эмоционально произносят: *Тиигтхә!* 'Да будет так!'. К таким «закрепкам» сказители йорялов издавна прибегали, по-видимому, преднамеренно, чтобы повысить магическую действенность благих пожеланий, выраженных вербально.

Одним из излюбленных средств художественной выразительности, используемых сказителями благопожеланий, является сравнение²: *нарн цецгә мет, сәәхн* 'будь красивым, как подсолнух', *зусн мет, наалдңһу бол* 'пусть будет крепка, как клей', *цаһан мөңгн мет, болтн* 'будьте, как эта серебряная монета', *тосар наасн мет, таалта жөөлн болтн* 'как намазанные маслом, мягкими и сердечными будьте', *шар тосн мет, хәэлңһу, эн шар зес мет, наалдңһу* 'как топленое масло, будьте мягкими друг к другу, как эти желтые монетки, прижимайтесь друг к другу'. Приведенные сравнитель-

² Поскольку круг предметов, вещей и явлений, известных человеку, довольно обширен, то и сравнения, используемые в благопожеланиях, многообразны. Животный и растительный мир представляет для сказителей йорялов неиссякаемый источник для сравнений, большой пласт которых в поэтике жанров обрядовой поэзии свидетельствует о том, что человек постепенно познавал окружающий его мир. Сравнение отражает образное народное мышление, основывается на реальном жизненном опыте и наблюдениях.

ные обороты, простые и сложные по своей структуре, отчетливо показывают идейную основу благопожеланий: цветок символизирует чистоту человеческой жизни, клей, масло или монеты — скрепленное счастье жены и мужа.

Сравнительные обороты в благопожеланиях строятся в основном с помощью служебных слов *мет*, *чиңгэ*, *кевтэ*, *болсн*, *эдл*, а также суффикса *-шн*. Например:

*Зуни хээртэ хур-чиг кевтэ,
Теңгрт гилвксн одниң,
Далан дольган цоксн усниң,
Орчлңгин шар нарн мет.*

*Как благодатный дождь летом,
Как сверкающая звезда на небе,
Как колыхающаяся волна,
Как вселенское желтое солнце.*

В пространном благопожелании «Гермилэлһн» («Поздравление дому») синьцзянских калмыков можно встретить и такие сравнительные обороты [Цацлын дееж 1997: 25]:

*Галвр зандн мет,
Ораһасн нээхлж,
Җазад дала мет,
Дундасн бульгелж...*

*Как волшебное дерево сандал,
Покачиваясь с верхушки,
Как внешний океан,
Вскипая с середины...*

Вариант данного сравнения встречается в другом благопожелании наших соплеменников в Китае, посвященном обряду окропления летнего стойбища («Зулңгин цацлын йөрэл»): *галвр зандн шиңг ораһасн нээхлж, // Җазад дала мет дотрасн бульгелж...* Здесь слово *дундасн* (с середины) заменено на *дотрасн* ('изнутри'), а вместо сравнительного союза *мет* употребляется другое служебное слово *шиңг*.

В современных народных благопожеланиях, посвященных Дню защитника Отечества или проводам юношей в армию, нередко встречаются пожелания быть как герои-богатыри калмыцкого народного героического эпоса «Джангар», обладать их лучшими качествами, быть горячими патриотами и достойными защитниками родной земли: *Хан Җаңһр мет, алдр бол!* 'Стань великим, как хан Джангар!', *Хоңһр баатр мет, зөртэ бол!* 'Будь смелым, как бога-

тырь Хонгор!', *Алһн Чееж мет, ухарльг, цецн бол!* 'Будь мудрым и рассудительным, как Алтан Чееджи!'.

В благопожеланиях используются и эпитеты, которые в образной системе йорялов занимают значительное место. Они конкретизируют темы йорялов, создают исключительную образность изображаемого объекта. Употребление разнообразных эпитетов делает язык благопожеланий более образным и содержательным, а речь исполнителя — экспрессивной и эмоциональной.

Йорялчи нередко прибегают к сложной форме художественных определений, которые вполне заменимы одиночными эпитетами: *өлзэтэ цаһан хаалһ* 'благословенная белая дорога', *улан зандн цэһән ууж* 'красно-сандаловый чай выпивая', *көртэ алһн һазр деер көкрж* 'на користой золотой земле зеленея', *үсн цаһан седклтэ* 'с душой, белой, как молоко', *сээхн цацгта өмскүл* 'одежда-подарок с красивой бахромой', *таалта жөөлн седклтэ* 'ласково-добрая душа', *үнн сээхн садн* 'настоящие прекрасные родственники'. Надо сказать, что благопожелание отражает жизнь, отношение людей к окружающей действительности в идеализированной форме, и более всего реализации этой задачи способствуют эпитеты, придающие выразительность, яркость, повышая силу их эстетического воздействия.

Употребление таких эпитетов, как *кишгтэ* 'счастливый', *сээхн* 'красивый', *байн* 'богатый', *хээртэ* 'любимый', *бат* 'крепкий', *амулң* 'спокойный', *олн* 'множество, многочисленный' и т. д., помогает воссоздать идеализированную картину желаемой жизни. В йорялах эпитет *сээхн* 'красивый' по отношению к человеку определяет не только внешние его особенности, но и характеризует красоту его внутреннего мира.

С помощью эпитетов в свадебных благопожеланиях характеризуются основные персонажи совершаемых обрядов, отмечается социальное положение человека на момент произнесения йоряла: *шин бер* 'новая невестка', *һазаран һарчах күүкн* 'девушка, выходящая замуж', *худ бэрлөдҗэх элгн-садн* 'родственники, становящиеся сватами' и т. п. Эпитеты передают сердечное отношение исполнителя йоряла к гостям и виновникам торжества: *хээртэ худнр* 'любимые сваты', *күндтэ худнр* 'уважаемые сваты', *өлзэтэ үрн* 'счастливое дитя', *му күүкн* 'плохонькая девушка'. Точными, вырази-

тельными эпитетами украшается каждое пожелание: *цаһан хаалһта бол* ‘счастливой тебе жизни’, *ут наста бол*, *бат кишгтэ бол* ‘долгой тебе жизни, крепкого счастья’.

Исполнители йорялов умело пользовались цветовыми эпитетами, которые выполняли украшающую функцию, придавая тексту особую выразительность. В культуре монголоязычных народов белый цвет является сакральным. Он символизирует счастье и благополучие, чистоту и благородство, честность и добро, почет и высокое положение [Баранникова 1973: 106]. Все предметы, окрашенные в белый цвет природой, заключают в себе вышеперечисленные качества. С эпитетом *цаһан* ‘белый’ в благопожеланиях встречаются такие словосочетания: *Цаһан сар* ‘Белый месяц’, *цаһан идэн* ‘белая пища’, *цаһан санан* ‘чистые мысли’, *цаһан седкл* ‘светлые помыслы’, *цаһан хаалһ* ‘белая дорога’, *цаһан гер* ‘белая юрта’, *цаһан ишкэ* ‘белый войлок’, *цаһан шалвр* ‘белые штаны’, *цаһан өңгтэ хөн* ‘белый баран’ и т. д.

Эпитет *цаһан* в благопожеланиях, как и в других жанрах калмыцкого фольклора, чаще всего имеет переносный смысл: светлый, чистый, священный, добрый, благородный, счастливый, девственный. Очень много йорялов создано в честь самого любимого праздника калмыков — Цаган сар. Происхождение названия этого праздника, общего для всех монголоязычных народов, объясняют по-разному. По мнению бурятских ученых Д. Банзарова и Г. Цыбикова, название связано со словом *цагаа* ‘творог’: в этот месяц употребляли в пищу запасы творога и других кисломолочных продуктов [Банзаров 1997: 25; Цыбиков 1981: 168]. Другая версия гласит, что белый цвет — символ счастья и святости у монгольских народов, и потому название месяца следует переводить как «счастливый» или «священный» [Галданова 1983: 40–41].

В калмыцких йорялах встречаются такие словосочетания: *улан шар нарн* ‘золотисто-красное солнце’, *шар тосн* ‘топленое, жертвенное масло’, *шар чиктэ хөн* ‘баран с желтыми ушами’ (т. е. баран, обычно приносимый в жертву). Эпитет *желтый* в целом характеризует положительное качество предмета (*желтое солнце, желтая вера*). Часто встречается в благопожеланиях эпитет *алтн* ‘золотой’: *алтн нарн* ‘золотое солнце’, *алтн насн* ‘золотые годы’, *алтн жзола* ‘золотые поводыя’, *алтн*

ааһ ‘золотая чаша’, *алтн босх* ‘золотые ворота’, *алтн уург* ‘золотое молозиво’. Символике золота у монгольских народов посвящена специальная работа С. Ю. Неклюдова, который свел воедино практически все фольклорно-мифологические сюжеты, в которых упомянуто золото, и выделил 16 сегментов его семантического спектра [Неклюдов 1980].

Одним из языковых средств выразительности в благопожеланиях является гипербола. Прием художественного преувеличения используется сказителями благопожеланий для того, чтобы подчеркнуть основной смысл, идею рассказываемого. В калмыцких народных благопожеланиях часто желают долголетия — ‘прожить сто лет’. В свадебной обрядности желают рождения детей, которых было бы ‘полное одеяло’. Для более полного представления изображаемого предмета используется метафорический эпитет *орар дүүрң күүкдтэ*, // *көнжләр дүүрң көвүдтэ* ‘желаю полную кровать девочек, полное одеяло мальчиков’.

Калмыцкие народные благопожелания по идейно-художественному содержанию, тематическому составу охватывают самые разные стороны жизни. В данной работе были описаны наиболее частотные художественно-изобразительные средства, хотя язык йоряла изобилует самыми разнообразными поэтическими приемами. Благодаря своему языковому богатству, вариативности текста, благопожелания в устной традиции калмыцкого народа являются самым активным жанром.

Литература

- Баранникова Е. В. Символика белого цвета в бурятских волшебных сказках // Филологические записки. Труды Бурятского института общественных наук. Вып. 19. Улан-Удэ, 1973. С. 103–118.
- Неклюдов С. Ю. Заметки о мифологической и фольклорно-эпической символике у монгольских народов: символика золота // Etnografia Polska. Т. 24, з. 1. Wrocław; Warszawa; Krakow; Gdansk, 1980. Р. 65–94.
- Цацлын дееж. Зүнһарин хальмгудын йөрэл, магталмуд болн хурмин йосн. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1997. 25 х.
- Банзаров Д. Собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 373 с.
- Цыбиков Г. Ц. Избранные труды: в 2-х тт. Т. 2. Новосибирск, 1981. 241 с.
- Галданова Г. Р. Сагалган — древний народный праздник монголов и бурят // Искусство и культура Монголии и Центральной Азии. Докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф.: в 2-х тт. Ч. 1. М., 1983. С. 40–41.

УДК 316.4

ББК 60.5

**ПРИМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В УПРАВЛЕНИИ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ В РЕГИОНЕ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

Н. В. Бадмаева

Социальное знание становится сегодня предельно конкретным и в силу этого исключительно востребованным. В мировой практике управления все в большей мере утверждается инновационный метод освоения социального пространства, а именно его технологизация, основанная на стремлении к достижению баланса интересов и потребностей (личных, коллективных, общественных).

Разработкой проблем, связанных с социальным управлением и социальными технологиями, в отечественной науке занимались Ю. П. Аверин, В. С. Дудченко, Л. Я. Дятченко, В. Н. Иванов, В. И. Патрушев, А. И. Пригожин, А. А. Шиян, В. В. Щербина и др. [Бокарева 2011: 189].

Мировой опыт свидетельствует, что с помощью социальных технологий (глобальных, информационных, обучающих, внедренческих, политических и др.) можно своевременно разрешать социальные конфликты, снимать социальное напряжение, предотвращать катастрофы, блокировать рискованные ситуации, принимать оптимальные управленческие решения.

Существует множество определений и трактовок термина «социальные технологии». Эта категория исследователями рассматривается на основании следующих подходов.

1. Дисциплинарный. Здесь социальные технологии выступают в качестве научной дисциплины социальных наук и определяются как специально организованная область знаний о способах, процедурах и методах оптимизации жизнедеятельности человека в условиях нарастающей взаимозависимости, динамики и обновления общественных процессов (В. Г. Афанасьев, Ю. Г. Волков, М. Марков).

2. Алгоритмизационный. Социальные технологии изучаются как способ осуществления деятельности на основе ее рационального и оптимального расчленения на процедуры, операции с их последующей координацией и синхронизацией выбора основных средств, методов и методик выполнения (А. К. Зайцев, В. Н. Иванов, Ж. Т. Тощенко).

3. Системный. Под социальными технологиями понимаются методы управления взаимосвязанными социальными системами и протекающими в них процессами, явлениями, отношениями, которые обеспечивают систему их воспроизводства в определенных параметрах — свойствах, качествах, объемах, целостности деятельности (Л. Я. Дятченко, М. А. Михеева, В. Г. Овсянников) [Бокарева 2011: 190].

Таким образом, социальная технология — это формализованная процедура последовательного социального воздействия на социальные объекты, процессы, отношения и явления в соответствии с заранее разработанным планом с целью приведения социального объекта в определенное состояние.

Существенно, что любая социальная технология ориентирована на модернизацию процесса преобразования социального объекта, явления. В социальном управлении технологизация понимается как алгоритмизация процесса воздействия на социальный объект, использование инновационных методов, сил и средств, создание благоприятных условий деятельности.

На сегодняшний день миграционные процессы не являются просто механическим передвижением населения: под воздействием миграционных процессов меняются социальная структура, этнический состав, размещение и расселение населения.

Связь между экономическими, социальными и демографическими показателями и миграционным поведением населения несомненна, поэтому особое внимание региональных властей необходимо уделить проблеме миграции.

Целью данной работы является рассмотрение основных перспектив применения социальных технологий в управлении миграционными процессами в регионе на примере Республики Калмыкия.

Для выделения основных направлений проектирования социальных технологий дадим оценку миграционным процессам в республике.

Миграционная ситуация в Калмыкии определяется как межрегиональными перемещениями граждан, связанными с пересечением внешних административных границ республики, так и миграционными перемещениями внутри республики.

Отрицательное сальдо миграции — одна из основных причин сокращения численности населения республики в последние годы. В 2009 г. число прибывших в республике составило 6 511 чел., из них прибыли из-за пределов республики 2 104 чел. Количество выбывших за год представлено 8 501 чел., из них выбыли за пределы республики 4 094 чел. Сальдо миграции равняется 1 990 чел. [Развитие демографических процессов... 2010: 24].

Активный миграционный обмен сложился со Ставропольским краем (12,5 % в объеме внешней миграции), Республикой Дагестан (8,6 %), Ростовской областью (12,3 %), Волгоградской областью (8,9 %), Астраханской областью (10,4 %). Миграция населения за пределы Калмыкии по основным территориям выбытия распределяется следующим образом: в Ставропольский край — 14,5 % от общего числа выбывших за пределы республики, в Ростовскую область и в г. Москву — по 11,7 %, в Астраханскую область — 8,9 %, в Республику Дагестан — 7,7 %, в Волгоградскую область — 7,5 % [Развитие демографических процессов... 2010: 25].

Как отмечает С. С. Белоусов, в постсоветский период в Калмыкии наблюдается тенденция роста международных трудовых миграций. Это вызвано потребностью покрыть убытки в трудовых ресурсах республики, численность которых сокращается

как вследствие демографического кризиса, так и оттока населения. Пока приезжающих на работу из-за рубежа немного, но их количество постоянно растет. В республике трудоустраиваются в основном граждане азиатских и закавказских государств: Китая, Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана, Армении [Белоусов 2008: 32].

Главной чертой внутриреспубликанской миграции является переезд жителей районов в столицу республики (г. Элисту), которая стала новым местом жительства для 1 768 чел. [Развитие демографических процессов... 2010: 26].

Основная часть прибывших в 2009 г. — это лица в трудоспособном возрасте (76,8 % всех прибывших и 79,9 % прибывших из-за пределов Калмыкии). Доля населения в трудоспособном возрасте в числе выбывших составила 76,8 %, в числе выбывших за пределы республики — 78,3 %. Наиболее мобильными из них являются лица в возрасте 20–39 лет [Развитие демографических процессов... 2010: 26–27].

Таким образом, для республики важно обеспечить регулирование миграционных процессов как внутри республики, так и внешних миграционных потоков. Особое значение имеет создание благоприятных условий для закрепления молодых специалистов, вернувшихся в места прежнего жительства. В условиях суженного режима воспроизводства населения важно сократить отток людей за пределы республики, особенно в трудоспособном возрасте.

С целью упорядочения миграционных процессов региональным властям следует реализовать механизм социальной технологизации, включающий в себя следующие группы мер социального управления:

1) социально-административные:

– создание и поддержка инфраструктуры, позволяющей мигрантам и предпринимателям, которые приглашают трудовых мигрантов, получать услуги и ресурсы (услуги переводчика, юридические услуги, социально-психологическую поддержку и др.);

– систематический федеральный и региональный мониторинг эффективности социального управления в сфере миграционных и этнокультурных процессов;

– мониторинг специальностей и профессий на рынке труда республики на фоне от-

тока местного населения трудоспособного возраста;

– обеспечение эффективной коммуникации и разрешение конфликтов на федеральном и региональном уровне, а также конфликтов частного характера;

2) социальные:

– создание достойных условий жизни для лиц, прибывающих на работу, обеспечение их полноценного участия в экономической, социальной и культурной жизни республики;

– создание условий для адаптации легальных мигрантов.

Одним из основных вопросов в разработке социальных технологий в управлении миграционными процессами является проблема толерантности. Говоря о степени толерантности к миграциям, необходимо учитывать, что она в целом относительно невысока среди всего российского населения. Об этом свидетельствуют данные, полученные известными исследователями Л. М. Дробижевой (Институт социологии РАН), В. А. Тишковым (Институт этнологии и антропологии РАН), А. Г. Асмоловым (МГУ) [Толерантность и культура... 2009: 216]. В связи с этим необходима разработка эффективной информационной политики по изменению установок в восприятии мигрантов принимающим обществом, которая бы включала:

– работу со СМИ: пропаганду ценностей благополучных межнациональных отношений, освещение деятельности этнокультурных организаций, рассказы о достойных представителях различных этнических общин, проведение бесед о положительных последствиях миграций (например о том,

что мигранты привносят этническое и культурное разнообразие в общество и являются серьезным демографическим и кадровым ресурсом);

– развитие взаимодействия общественных организаций, научного сообщества с этническими землячествами и религиозными институтами.

В заключение отметим, что каждый регион в условиях сложных социальных изменений должен разрабатывать новые направления управления социальными процессами, основанные на прочной базе научно обоснованных прогнозов, объективных экспертиз, непрерывно укрепляющейся информационно-аналитической и технологически обоснованной работы всех субъектов управления в регионе.

Литература

- Белоусов С. С. Международные трудовые миграции в Калмыкии в постсоветский период // Полиэтнический макрорегион: язык, культура, политика, экономика: тез. докл. Всероссийской науч. конф. (9–10 октября 2008 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. Ростов-на-Дону: изд-во ЮНЦ РАН, 2008. С. 32–35.
- Бокарева В. В. Социальные технологии в системе социального управления малым бизнесом: современное состояние и перспективы развития // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 6. С. 189–203.
- Прикладная социология: учебное пособие / под ред. д. э. н. проф. Ю. С. Колесникова. Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. 139 с.
- Развитие демографических процессов в Республике Калмыкия в 2009 году: аналитическая записка / Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия. Элиста, 2010. 37 с.
- Толерантность и культура межнационального общения: учебно-методическое пособие (для студентов высших учебных заведений). Краснодар: Просвещение — Юг, 2009. 307 с.

УДК 323.2
ББК 66

ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ (на материале анкетного опроса)

Б. В. Иджаева

Проблема политической активности молодежи приобрела на сегодняшний день актуальный характер. Многочисленные опросы ведущих социологических центров («Фонд общественного мнения», ВЦИОМ, Исследовательская группа «Циркон») отмечают отсутствие интереса к политическим процессам, происходящим в стране, «пассивное участие» в политической жизни и в целом аполитичность молодого поколения. В комплексе это приводит к неразвитости политической культуры и политического сознания молодежи. Трансформационные процессы последних двух десятилетий, перестройка экономической модели государства, непоследовательная политика и разрозненность действий местных властей в социально-экономической сфере общества повлекли за собой кризисные явления в области общественного понимания и политического доверия.

Политическая активность (или участие в политическом процессе) является одной из форм реализации политического интереса и представляет собой деятельность социальных групп и индивидов по реализации своих политических интересов [Общая и прикладная политология 1997: 653]. Активность, которая подразумевает не только политическое участие граждан в жизни страны, но и другие деятельностные аспекты — их гражданскую, а также социальную активность на самых разных уровнях, от семьи и школы, локального сообщества до общественных движений, гражданских инициатив и пр., — рассматривается как одна из важнейших характеристик постиндустриального общества [Зоркая 1999: 24]. Политическое участие неразрывно связано с процессом демократизации общества и

защиты интересов общественных групп на государственном уровне.

На уровень социально-политической активности влияет система психологических установок, которая включает три компонента: когнитивный, аффективный (эмоциональный) и поведенческий. Когнитивный компонент — это знания о политической системе, наличие интереса к политике; эмоциональный компонент — это чувства, испытываемые к политической системе (нравится — не нравится, доверяю — не доверяю); поведенческий компонент представляет собой готовность совершать определенные действия (участие/неучастие в голосовании, митингах и т. д.) [Алмонд, Верба 1992: 125–131].

Игнорирование проблемы «пассивного участия» и аполитичности молодежи приводит к нерешенности ряда проблем в этой социальной группе на государственном уровне. Поэтому особенно актуальными на сегодняшний день являются практические исследования, которые создадут основу для анализа активности этой социальной группы и предоставят возможность для выработки технологий включения молодежи в политический процесс. В рамках исследования данной проблемы Центром мониторинга общественного мнения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН в октябре 2011 г. был проведен опрос среди молодежи г. Элисты, целью которого явилось изучение отношения и степени доверия молодежи к политическим деятелям федерального, регионального и местного уровня.

В качестве индикаторов выступали категории, которые приведены в таблице 1:

Таблица 1. Основные категории социологического исследования

Категории	Установки	Индикаторы
Лояльность	Когнитивная	– оценка деятельности органов власти, политиков
	Эмоциональная	– степень доверия политическим деятелям
Участие	Поведенческая	– согласие участвовать в политических акциях, митингах, членство в общественно-политических организациях
Каналы информации		– источники получения информации

Исследование было основано на репрезентативной половозрастной выборке методом анкетного опроса. Отбор респондентов происходил случайно, но с соблюдением половозрастных критериев выборки. Выборка анкетного опроса квотная, включает пол, возраст и род деятельности. Основная сходная черта респондентов — это то, что все они жители г. Элисты Республики Калмыкия. Всего опрошено 200 чел.: студенты высших учебных и средне-специальных учебных заведений столицы республики в возрасте до 25 лет. Данная возрастная группа была выбрана исходя из следующих положений:

1. Молодежь в возрасте до 25 лет существенно отличается от группы от 26 до

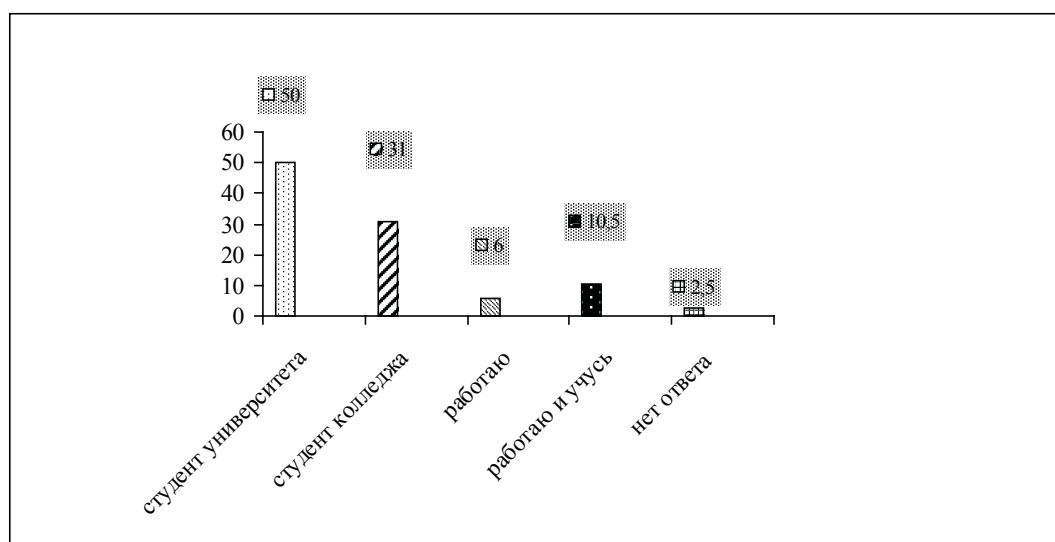
35 лет, поскольку личностное формирование происходило в постсоветскую эпоху при либеральной экономической модели экономики и вторичная социализация этой группы пришлась на период 2000-х гг. [Двадцать лет реформ ... 2011: 259–260].

2. Представители молодого поколения от 18 до 25 лет в силу возраста либо не имеют опыта голосования, либо прошли один электоральный цикл.

Были опрошены молодые люди в возрасте: 18–22 лет — 82 %; 23–25 лет — 17,5%, из них мужчины — 41,5 %; женщины — 56 %.

Респонденты распределялись по роду деятельности следующим образом:

Диаграмма 1. Распределение респондентов по роду деятельности (в %)

Одной из составляющих категорий политического участия является оценка деятельности институтов и органов власти. В анкете было предложено дать оценку деятельности федеральных, региональных и

местных органов власти по трем индикаторам: положительно, негативно и удовлетворительно. Этот индикатор показывает когнитивный элемент установок, дает сведения об оценке практической деятельности кон-

кретных политических институтов и органов власти. Полученные данные свидетельствуют о том, что в целом молодежь положительно оценивает деятельность местных и региональных органов власти. Примечателен факт положительной оценки деятельности мэрии г. Элисты: ее суммарная позитивная оценка (положительно и удовлетворительно) составляет 78 %. Также респонденты

положительно оценивают деятельность Главы Республики Калмыкия А. М. Орлова (75,5 %) и Народного Хурала РК (69 %). Действия федеральной власти также оценены позитивно: деятельность Президента РФ Д. А. Медведева получила положительную оценку у 62 % респондентов, Премьер-министра В. В. Путина — 54 %, Государственной Думы РФ — 71 % (см. таблицу 2).

Таблица 2. Оценка деятельности институтов и органов власти (в %)

Политические институты и органы власти	Положительная	Удовлетворительная	Негативная	Затр. отв./нет ответа
Мэрия г. Элисты	47,5	30,5	16	6
Глава РК А. М. Орлов	31	44,5	16,5	8
Народный Хурал (Парламент) РК	38	31	21	10
Президент РФ Д. А. Медведев	23,5	38,5	33,5	4,5
Премьер-министр РФ В. В. Путин	17,5	36,5	44	2
Госдума РФ	35	36	24,5	4,5

Эмоциональный компонент политической активности выражается в категориях отношения к объекту: нравится — не нравится, доверяю — не доверяю. Исследование показало высокий уровень доверия таким по-

литическим институтам, как Президент РФ и Правительство РФ. Наибольшим доверием в молодежной группе пользуются Президент РФ — 61,5 %, Правительство РФ — 52 %, Церковь — 47 % (см. таблицу 3).

Таблица 3. Уровень доверия/недоверия институтам/органам власти

Уровни власти/органы власти	Доверяю в %	Не доверяю в %
Президент РФ	61,5	20
Правительство РФ	52	28
Совет Федерации РФ	45,5	21,5
Государственная Дума РФ	39	31
Администрация Президента РФ	44,5	30
Совет Безопасности РФ	39	32
Общественная палата РФ	39	31
Милиция, суд, прокуратура	24	51
Армия	35,5	39,5
Профсоюзы	40	30
Церковь	47	23
Политические партии, движения	25	38
Общественные организации	42,5	32,5
Руководитель своего региона	32,5	37,5
Средства массовой информации	43,5	35,5
Банковские, предпринимательские круги	31,5	33

Результаты исследования позволяют установить взаимосвязь между эмоциональным отношением и поведением человека, т. е. уровнем доверия молодого поколения к государственным институтам и готовностью к действиям в защиту своих интересов. Треть опрошенных достаточно комфортно ощущает себя в современной политической системе и ответила, что их интересы достаточно защищены. Думает-

ся, что этот факт связан с высоким уровнем доверия Президенту РФ, Правительству РФ среди молодежи. Фиксируется «пассивное участие» в политической и общественной жизни. 22 % молодых людей будет обсуждать в Интернете актуальные проблемы с целью защиты собственных интересов. Показательно, что на активные действия в защиту интересов решается не более 10 % опрошенных (см. подробно таблицу 4).

Таблица 4. Что Вы готовы сделать в защиту своих интересов?

Варианты ответов		Ответы	
		Количество	В %
1.	Мои интересы достаточно защищены	77	30,3
2.	Буду активно обсуждать проблемы в интернете	56	22,0
3.	Буду лоббировать свои интересы через общественно-политические организации	23	9,1
4.	Выйду на митинг, демонстрацию	18	7,1
5.	Буду участвовать в забастовках, акциях протеста	10	3,9
6.	Если надо, возьму оружие, пойду на баррикады	10	3,9
7.	Ничего из перечисленного не буду делать	33	13,0
8.	Что другое вы готовы предпринять?	1	0,4
9.	Затрудняюсь ответить / нет ответа	26	10,2

Результаты исследования показали, что молодежь использует три главных источника получения информации о политическом процессе — ТВ, газеты и Интернет: на них указало более половины опрошенных. К числу существенных, на наш взгляд, источников следует отнести беседы и частные разговоры, значительна роль социальных сетей в обсуждении политической жизни общества.

Отметим, что газеты стали играть менее значимую роль, о чем свидетельствуют результаты опроса: только 13 % опрошенных получают информацию из газет. Телевидение по-прежнему является самым значимым источником информации о политическом процессе, но следует отметить в этой связи и роль Интернет-ресурсов, которая объективно возрастает (см. таблицу 5).

Таблица 5. Каналы получения информации

Варианты ответов		Ответы	
		Количество	В %
1.	В учебных заведениях	34	8,7
2.	В молодежных организациях	12	3,1
3.	В ходе разговоров с друзьями, однокурсниками, родственниками	31	7,9
4.	Из специализированной литературы	14	3,6
5.	Из передач по ТВ	141	36,0
6.	Из публикаций в газетах	51	13,0
7.	Из Интернета	61	15,6
7.1.	На блогах, в ЖЖ на политические темы	2	0,5
7.2.	На сайтах партий, общественных организаций	2	0,5
7.3.	В социальных сетях	26	6,6
8.	Не интересуюсь	18	4,6

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что молодежь в Республике Калмыкия в целом удовлетворена процессами, происходящими в государстве. Протестный потенциал достаточно низок. Это обусловлено высоким уровнем доверия основным политическим институтам и сознанием, что интересы этой социальной группы защищены. В целом складывается позитивная картина оценки действительности на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях. Такая ситуация не создает предпосылок для политической активности молодежной группы.

Необходимо отметить, что направление, по которому пойдет дальнейшее развитие России, будет зависеть не только от успешного хода социально-экономических

реформ, но и от того, насколько настроена российская молодежь к активному участию в них.

Литература

- Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992. № 4. С. 122–134.
- Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2011. 328 с.
- Зоркая Н. Политическое участие и доверие населения к политическим институтам и политическим лидерам. Мониторинг общественного мнения. 1999. № 1(39). С. 24–28.
- Общая и прикладная политология / под ред. В. И. Жукова; Б. И. Краснова. М.: МГСУ: Союз, 1997. 992 с.

УДК 316.354:351/354
ББК 60.54

РЕГИОНАЛЬНОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ КАК МЕХАНИЗМ ЭТНИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ (на примере Калмыкии)

Л. В. Намруева

Этническая проблема во многих национальных регионах страны стоит особенно остро в связи с происходящими в различной степени ассимиляционными процессами, утратой элементов этнической культуры, прежде всего языка как признака национальной самоидентификации. В начале 1990-х гг. региональные средства массовой информации активно включились в процессы сохранения и возрождения этнических культур, целенаправленно проводя политику формирования уважительного отношения к культуре всех народов, населяющих конкретный российский субъект. Телевидение, ставшее неотъемлемой частью современной жизни, ныне является одним из основных институтов этнической социализации, под которой понимается процесс передачи культурного опыта определенного этноса, его нравственных идеалов, установок, мировоззрения из поколения в поколение. Этническая социализация обеспечивает сохранность культуры народа, его основных когнитивных, эмоционально-ценностных и поведенческих образцов.

К сожалению, в России, в частности в Республике Калмыкия, масштабные исследования по изучению, анализу деятельности регионального телевидения, его взаимодействия с федеральным телевидением не проводились, хотя являются весьма востребованными.

Телевидение страны за последние два десятилетия стало развиваться в сторону коммерциализации тех или иных его структур, отрицательные тенденции развития которой связаны с разрушением общественного сектора, с эрозией национальной культуры, вымыванием из телеэфира культурно-познавательных передач в классическом виде, а также увеличением доли прямого или опосредованного импорта самых дешевых и некачественных продуктов (фильмов, сериалов, шоу, игр) [Минюшев 2009: 161]. В результате глобализационных процессов телевидение, особенно национальное, несет невосполнимые потери в сфере воспроизводства продуктов традиционной культуры. Анализируя современное телевидение, С. А. Васильев в работе «Отечественный телевизионный рынок: возникновение, ста-

новление и тенденции развития» в качестве основной тенденции выделяет регионализацию телевидения, происходящее в последние годы интенсивное появление и развитие местных телевизионных компаний, «рейтинги которых зачастую сопоставимы и даже превышают рейтинги центральных каналов» [цит. по: Лащук 2003: 187]. Рост влияния первых на формирование общественного мнения можно обнаружить и на калмыцком телевидении.

Более 40 лет назад было создано Калмыцкое телевидение, за этот период оно претерпело множество изменений, вышло на качественно новый уровень развития. В Калмыкии телевизионное вещание ведется на русском и калмыцком языках. Программы вне зависимости от языка вещания самые разнообразные: информационные и развлекательные, детские и взрослые передачи, документальное кино и др. Причем национальное вещание было не столько общественно-политическим, сколько художественно-этнографическим. Одна из главных задач Калмыцкого телевидения заключается в приобщении массовой аудитории к историческим национальным и, шире, общечеловеческим ценностям.

В 2005 г. на базе Калмыцкой государственной телерадиокомпании были образованы Филиал Всероссийской Государственной телерадиокомпании Гостелерадиокомпания «Калмыкия» и Государственное учреждение Калмыцкая телекомпания «Хамдан» («Вместе»). Одной из самых наболевших проблем Калмыцкого ТВ является то, что из-за технических причин жители отдаленных сельских районов республики (Октябрьского и Юстинского районов) не имеют возможности смотреть калмыцкие программы. Безусловно, это сказывается на отсутствии информированности населения этих районов о происходящих событиях в республике.

В середине мая 2011 г. республиканские средства массовой коммуникации сообщили, что Калмыкия включена во вторую очередь реализации федеральной целевой программы по внедрению в субъектах Российской Федерации цифрового телевидения. С его внедрением охват региона калмыцким телевидением составит 99,2 %, в настоящее время этот показатель не превышает 80 %. Современные телекоммуникационные технологии расширят возможности телевидения, позволят ему завоевывать новые ин-

формационные пространства, выполнять ответственные и важные общественно-политические, социальные и культурные задачи. Улучшится и качество трансляции, появится возможность транслировать на всей территории республики телеканал «Хамдан», который на данный период доступен лишь жителям Элисты [Сарангова 2011].

Региональное телевидение, традиционно находящееся близко к своему зрителю, более понятно ему, поскольку включено в повседневную жизнь, в каждодневные проблемы и заботы, связанные с бытом, работой и семьей. Его особое преимущество перед центральным телевидением состоит в том, что оно незаменимо как источник локальной информации. С начала 1990-х гг. местные телеканалы активно включились в возрождение традиций просветительского телевидения на новом уровне. Опираясь на опыт отечественного телевизионного просвещения, его гуманистическую направленность, учитывая требования нового этапа развития телевидения в стране, потребности современной телеаудитории, республиканское телевидение стало полноценным субъектом культурно-социализирующей деятельности.

Большая доля художественных и гуманитарных программ на калмыцком телевидении направлена на реализацию в республике культурной политики возрождения этнической культуры в целом и калмыцкого языка в частности. Такие программы телеканала «Хамдан», как «Беседы о буддизме», «Свет веры», «Люди, события, факты», «5 минут про ...», «Интервью недели», «Главное», «Прямая линия» способствуют успешной социализации молодых людей.

В данной статье представлен анализ результатов социологического исследования, проведенного весной 2011 г. Опросы позволили изучить отношение молодых людей к местному телевидению, их потребности и ожидания, а также предложения относительно увеличения интереса к нему молодой зрительской аудитории. В интервьюировании участвовало 102 молодых человека в возрасте от 18 до 29 лет. Большинство из них студенты калмыцких вузов.

Одна из задач этого исследования направлена на выяснение того, насколько продукция, предлагаемая региональным телевидением, соответствует культурной политике, ориентированной на возрождение национальной культуры и калмыцкого языка.

Внедрение единой сетки вещания ВГТРК на всей территории России способствовало усилению информационной направленности телевизионного вещания во всех региональных телекомпаниях, в том числе в национальных. В настоящее время акцент сделан на информационные жанры, они наиболее часто используются в региональных новостных программах. Информационные выпуски «Вести — Калмыкия» на канале «Россия 1» транслируются восемь раз на протяжении всего дня. Утренние (4 раза) и дневные (2 раза) выпуски занимают минимальный объем времени (4–5 минут на один выпуск). Поэтому такой емкий и оперативный жанр как видеорепортаж занимает преимущественное положение в новостной программе «Местное время. Вести — Калмыкия». Видеоматериал и тексты корреспондентов стали достаточно часто встречаться в региональных выпусках ГТРК «Калмыкия», это связано с сокращением времени информационного блока на русском языке. Ср.: длительность информационных выпусков «Вести — Калмыкия» приказом о режиме включения программ региональных филиалов ВГТРК в телепрограмму «Российского телевидения» в 2009 г. изменилась с 15 мин. (региональный блок 20.30–20.45) до 19 мин. (региональный блок 20.30–20.49), из них 5–6 мин. отводится коммерческой и социальной рекламе, анонсам. Информационные выпуски новостей на калмыцком языке в 16.30 занимают 25 мин. эфирного времени, из них 4 мин. отводится на рекламу.

Однако значительное сокращение эфирного времени, выделяемого для местного вещания на телеканале «Россия 1», привело к тому, что зрители лишились возможности смотреть культурно-просветительские программы калмыцкого телевидения на этом канале. Здесь функционирует только одна программа «Өрүни һарц», но ее трансляция идет дважды в неделю (вторник, четверг) в весьма неудобное, утреннее, время (09.05), когда большая часть зрителей находится на работе. Отрадно отметить, что творческие работники созданного в 2005 г. телеканала «Хамдан» («Вместе») в меру своих сил пытаются возместить этот недостаток. Жители республики смотрят его передачи на телеканале «Звезда» в специально отведенное время. Дневное транслирование начинается с 13.15 и завершается в 14.15, вечернее — с 18.30. до

21.00. «Хамдановцы» создают интересные проекты как на русском, так и на калмыцком языках. Среди них передачи, знакомящие с традиционной культурой, вероисповеданием калмыков и русских, — «Хальмг лит» («Калмыцкий календарь»), «Хонх» («Колокольчик»), «Свет веры»; программы, рассказывающие о судьбе калмыцкого языка «Төрсн келнэ заль» («Пламя родного языка»); историко-этнографические программы «Мини төрсн һазр» («Моя Родина»), «Документальная Калмыкия», «Седклин күр», «Оонин байр», «Сойлын зөөр», «Шин зэңг». Как видим, растущий с каждым годом интерес к изучению истории и культуры народа, своей малой родины молодое поколение могут удовлетворить благодаря передачам телеканала «Хамдан». Интервью с заслуженными деятелями искусства по проблемам сохранения и возрождения калмыцкой культуры часто можно видеть в рамках передачи «Прямая линия», которая также выполняет социализирующую функцию. Передача «Музыкальный подарок» получила широкое распространение на местном ТВ. Осенью 2011 г. появилась программа «Молодежь Калмыкии в лицах», в ней будут обсуждаться актуальные проблемы, волнующие молодых людей.

В начале 2011 г. в Калмыкии запущена новая телевизионная кампания «Сэн цаг» («Хорошее время»), главной задачей которой является пропаганда калмыцкого языка и культуры. Идея создания этого проекта принадлежит группе инициативных людей, неравнодушных к проблемам возрождения калмыцкого языка и культуры. Передачи «Сэн цаг» транслируются на телеканале «Домашний» в утреннее, вечернее и ночное время, они идут только на калмыцком языке. Первый выход компании в эфир, посвященный трагической дате — депортации калмыцкого народа в Сибирь и районы Крайнего Севера в 1943 г., состоялся 28 декабря 2010 г. под названием «Санлын өдр» («День памяти»).

Мощность передатчика позволяет смотреть программы «Сэн цаг» в радиусе 70 км от г. Элисты, столицы республики. Телепередачи канала быстро завоевали искреннюю любовь у зрителей, их ждут с большим интересом. Например, «Мана гиич» — гость студии; «Девяля» — детская программа; «Тод бичгин кичал» — уроки старокалмыцкой письменности; «Хальмгин

урн» — об известных людях Калмыкии. Телеканал постоянно транслирует видеоклипы музыкантов монголоязычных народов, что способствует знакомству широкой публики с современной музыкальной культурой родственных этносов.

Телеканал совместно с Министерством образования, культуры и науки республики готовит к выпуску проект «„Ик кичал“ — открытые уроки учителей калмыцкого языка». «Сэн цаг» планирует выпустить в эфир документальные фильмы об известных представителях калмыцкого народа Номто Очирове, Василии Хомутникове и другие разнообразные тематические передачи. Организаторы проекта стремятся показать, что, несмотря на утрату исконных традиций, у молодежи возрастает интерес к калмыцкой культуре. Программы «Сян цаг» популяризируют творчество и деятельность молодых людей, прекрасно владеющих калмыцким языком, кто дорожит бесценным наследием этнической культуры, кто бескорыстно готов оберегать, возрождать обычаи, традиционную религию калмыков. Отдельные передачи были посвящены новым молодежным организациям, основными направлениями которых стали развитие калмыцкой культуры и языка, возрождение этнических традиций. К примеру, Центр развития современной ойратской культуры «Тенгрин уйдл» («Млечный путь») объединил преподавателей, общественных деятелей, журналистов, всех, кого волнует судьба калмыцкого народа и его культуры. Центр организовал впервые в республике двухнедельный конный поход «Дорогой ойратов» на священную для калмыков гору Богдо, которая находится в Астраханской области. В каждом населенном пункте, посещенном по маршруту похода, были проведены различные акции, концерты, национальные игры. Активисты Центра регулярно выступают с лекциями «Психология победителя: основы ойратского духа», слушателями которых являются представители молодого и среднего поколений. Силами Центра создан «Ойратский клуб», в котором молодые люди общаются только на калмыцком языке. Члены клуба организовали бесплатные курсы обучения калмыцкому языку, издают полиграфическую продукцию (календари, буклеты), рассказывающие об известных представителях калмыцкой молодежи.

Активный член Центра, Элистана Бурвяшова, является постоянной ведущей

программ «Сэн цаг». Она популярный автор-исполнитель, в ее репертуаре более 60 песен, написанных на калмыцком и русском языках. За заслуги в патриотической деятельности Э. Бурвяшова награждена медалью «Патриот России». Своей деятельностью певица пытается пробудить интерес к изучению наследия предков, способствовать повышению этнического сознания молодых людей, стремится возродить в их душах патриотические чувства.

Концерты другой молодежной организации, «Иткл», состоящей из выпускников различных вузов страны, в том числе гг. Москвы и Санкт-Петербурга, постоянно транслируются на «Сэн цаг». Их объединяет желание возродить калмыцкий язык, духовность, традиции в молодежной среде, сформировать гордость за свой народ и его неповторимую культуру. Молодые люди организуют бесплатные концерты в калмыцкой столице и в районах республики, на которых звучат не только современные авторские песни, но и забытые народные мелодии. Они успешно проводят массовые конкурсы знатоков языка, традиционной культуры, в которых участвуют школьники, студенты различных учебных заведений г. Элисты. Создатели «Иткл», Виталий Боков и Адьян Убушаев, сочиняют слова и музыку современных песен на калмыцком языке, которые уже стали популярными в народе.

Представители этих двух организаций являются желанными гостями в программах калмыцкого телевидения, так как их творчество, взгляды, мировоззрение находят отклик у жителей разного возраста, но для юных телезрителей они уже стали образцом поведения, примером в жизни. Наш взгляд, участие таких молодых людей, лидеров молодежных организаций способствует развитию просвещения телеаудитории, приобщению зрителей к миру культуры и искусства, особенно молодежи.

Выход в эфир новых программ на калмыцком языке, безусловно, является проявлением происходящих сегодня в России процессов демократизации общества, но необходимо учитывать, что население, в том числе и титульное, в большинстве своем является русскоязычным, оно недостаточно или совсем не владеет калмыцким языком. Таким образом, в определенной степени происходит искусственное отстранение русскоязычного населения республи-

ки (здесь речь идет не только о русских, но и о представителях титульного этноса, не знающих калмыцкий язык) от этнической культуры. Результаты интервьюирования свидетельствуют, что более 15 % опрошенных молодых людей указали, что им не нравится, что местные программы идут на калмыцком языке, что подтверждает существование проблемы.

Калмыцкое ТВ (Филиал ВГТРК, «Хамдан») транслирует программы только собственного производства, оно почти не изменилось с советских времен и в немалой степени осталось просветительским. Имея слабое бюджетное финансирование, оно не может позволить себе показ концертов симфонической музыки, трансляцию театральных постановок, концертов народной музыки. Слабая материально-техническая база, недостаточно высокий уровень некоторых передач, отсутствие возможностей для ввода новых форм подачи материала может привести к тому, что местное ТВ может потерять своего зрителя. Такое развитие ситуации в сфере государственного регионального телевидения весьма нежелательно.

Одной из задач в исследовании было желание выяснить, какие программы предпочитают смотреть молодые жители Калмыкии, что в программе местного телевидения их привлекает больше всего. На вопрос «Вы смотрите местное телевидение?» были получены и отрицательные (21 %), и положительные (70 %) ответы. Около половины опрошенных (48 %) редко смотрит местное телевидение, 18 % — каждый день. Разброс ответов свидетельствует о неоднозначном отношении молодежи к региональному телевидению: ее многое не устраивает в калмыцком ТВ.

Абсолютным лидером по привлекательности телевизионной продукции являются информационные программы (48 %) и местные новости (21 %), которые позволяют быть в курсе происходящих в республике событий. Степень интереса к информационным программам не зависит от пола, рода занятий, этнической принадлежности молодых респондентов.

На вопрос «Что не нравится молодым телезрителям в деятельности республиканского телевидения?» были получены следующие ответы: реклама (21 % опрошенных отмечает ее непрофессиональное создание, низкое качество), 10 % респондентов не устраивает плохая подготовка ведущих,

отсутствие профессиональных журналистских кадров, 5 % отметили, что им не нравится небольшая по времени продолжительность вещания, малый объем информации, частый их повтор — 5 %. В единичных ответах зафиксировано, что респондентов не устраивает форма подачи материалов в художественно-просветительских программах, которая не меняется на протяжении долгих лет, маловыразительность, сильная растянутость скучных по содержанию передач. Безусловно, такие программы не интересны для молодежи и малопривлекательны для широкой публики. Выход в эфир качественных гуманитарных, в том числе культурно-образовательных передач на местных каналах, возможен, но всецело зависит от экономических возможностей: их отсутствие не дает журналистам полностью реализовать свой творческий потенциал.

Для привлечения к местным телепрограммам как можно большего количества телезрителей необходимо увеличение адресных передач, основанных на точном знании потребностей конкретной аудитории, в нашем случае молодежной. В этой связи регулярное проведение социологических исследований с целью выявления телевизионных предпочтений зрителей позволит повысить эффективность вещания и наиболее полно удовлетворить потребности телеаудитории.

Молодежные программы должны быть нескольких уровней в зависимости от возраста и интересов молодых людей. Телевидение должно привлекать ресурсы, находить новые способы, пути для социально-культурной адаптации детей и подростков в реалиях современной действительности. Для привлечения внимания школьников просветительские программы должны быть организованы в интересной, нестандартной, увлекательной форме, например игры, викторины, соревнования. Тематика проводимых мероприятий должна быть разнообразной: вопросы по истории родного края, природе, литературе, искусству, традициям и обычаям народов, населяющих регион, и многое другое. Если подобные передачи-конкурсы будут организованы в живой и яркой форме и начнут выходить в эфир регулярно и если в них будут принимать участие местные школьники при постоянном их расширении, то вскоре они смогут завоевать существенную часть молодежной аудитории [Лашук 2003: 190].

Для молодежи студенческого возраста востребованными являются спортивные, развлекательные программы. Например, периодически на телеканале «Хамдан» демонстрируются поединки Бату Хасикова, уроженца Калмыкии, завоевавшего чемпионский титул по версии WKA (Всемирной ассоциации кикбоксинга), кумира калмыцкой молодежи. Помимо того, что Бату именитый спортсмен, имеющий солидный список чемпионских званий, он является депутатом Народного Хурала Республики Калмыкия, лицом, которому народ доверяет. Б. Хасиков ведет большую работу по пропаганде здорового образа жизни среди молодежи, приобщению их к спорту и физкультуре. Показы чемпионских серий поединков Б. Хасикова несут и воспитательное значение: на его примере молодые люди видят, каких высот можно достичь своим кропотливым трудом, целеустремленностью и стойкостью.

Итак, телевидение Калмыкии является одним из основных механизмов этниче-

ской социализации молодежи республики, трансляции этнической культуры. В данной работе было проанализировано, какую роль играет региональное телевидение в воспитании молодого поколения, которое должно ценить богатое наследие предков, уважать интересы представителей других этнических групп. Было также рассмотрено, каким образом телевидение удовлетворяет познавательные интересы молодых людей, стремящихся знать историю своего народа.

Литература

- Лацук Е. Я. Региональное телевидение как механизм общекультурного просвещения и социализации (на примере деятельности регионального телевидения Бурятии) // Этносоциальные процессы в Сибири: тем. сб. / под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Новосибир. гос. ун-т, 2003. Вып. 5. С. 186–191.
- Минюшев Ф. И. Социология культуры: учебное пособие. 2-е изд., исправл., дополн. М.: КДУ, 2009. С. 159–162.
- Сарангова Л. Цифровое будущее // Известия Калмыкии. 2011. 13 мая.

УДК 159
ББК 60.54

О ЦЕННОСТНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ: ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ (по материалам социологических опросов)

Д. А. Шарманджиев

В процессе изучения проблем духовности и духовного потенциала личности в качестве важнейшей его составляющей выделяют ценности и ценностные ориентации. Именно в них человек находит ту основополагающую идею своего существования, которая и характеризует его духовный потенциал. Проблемы, связанные с человеческими ценностями, относятся к числу важнейших для любой из наук, занимающихся изучением человека и общества. Важнейших, прежде всего, в силу того, что ценности выступают интегративной основой как для отдельно взятого индивида, так и для любой малой или большой социальной группы, науки, культуры, и, наконец, для человечества в целом.

Наличие целостной и устойчивой системы ценностей в обществе основное условие

как внутреннего социального мира, так и мира международного [Леонтьев 1996: 6]. По утверждению П. А. Сорокина, «когда их [ценностей. — Д. Ш.] единство, усвоение и гармония ослабевают ... увеличиваются шансы международной или гражданской войны» [Сорокин 1994: 491].

Происходящие в последние десятилетия в нашей стране процессы трансформации всех сфер общественной жизни привлекали внимание многих отечественных исследователей. Говоря о процессах трансформации советского, а затем российского общества, известный социолог Н. И. Лапин выделяет три стадии: два основных периода (дестабилизация и остроконфликтный переворот) и третий, завершающий, период (стабилизация) [Лапин 2001]. В. В. Гаврилюк, Н. А. Трикоз, В. Т. Лисовский рассматрива-

ют динамику ценностных ориентаций в период социальной трансформации на основе так называемого «поколенного подхода».

В. Т. Лисовский утверждает, что кризис в российском обществе породил особый нетрадиционный конфликт поколений: «в России он касался философских, мировоззренческих, духовных основ развития общества и человека, базисных взглядов на экономику и производство, материальную жизнь общества. Поколение „отцов“ оказалось в положении, когда передача материального и духовного наследия практически отсутствует. В российском обществе налицо разрыв поколений, отражающий разрыв исторического развития» [Лисовский 2000: 20].

В Калмыкии также усилились процессы, способные нанести ущерб своеобразию калмыцкой культуры, уровню духовности в целом. Особенно симптоматично то, что молодое поколение калмыков — школьники и молодежь, — которое через десятилетие сменит нынешнее поколение взрослых, в подавляющем большинстве не знает своего родного языка. Происходит нивелирование ценностей национальной культуры и этикета.

В июле–августе 2009 г. Центром этносоциальных исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН был проведен социологический опрос, в том числе с целью изучения ценностных ориентаций жителей Калмыкии, в частности молодого поколения республики. В анкетном опросе участвовало 318 человек. Распределение по полу, возрасту, национальной принадлежности, наличию высшего образования и месту проживания в процентном отношении от выборочной совокупности выглядит следующим образом:

по полу:

- 40 % — мужчины;
- 60 % — женщины;

по возрасту:

- 5,3 % — респонденты до 20 лет;
- 28,1 % — респонденты в возрасте 20–29 лет;
- 21,8 % — респонденты в возрасте 30–39 лет;
- 27,1 % — респонденты в возрасте 40–49 лет;
- 17,7 % — респонденты в возрасте 50–59 лет;

по национальной принадлежности:

- 60,7 % — респонденты-калмыки;

- 34 % — респонденты русской национальности;
- 5,3 % — представители различных диаспор;

по наличию образования:

- 40,4 % — респонденты, имеющие высшее образование;
- 14,7 % — респонденты, имеющие незаконченное высшее образование;
- 33,3 % — респонденты, имеющие среднее специальное образование;
- 10,6 % — респонденты, имеющие среднее общее образование;

по месту жительства:

- 40,4 % — респонденты, проживающие в г. Элисте;
- 24 % — респонденты-жители райцентров;
- 17 % — респонденты-жители сел.

Был проведен анализ полученных результатов опроса, выражающих ту или иную степень корреляции с возрастом опрошенных.

Немаловажное значение для изучения ценностных предпочтений человека имеет исследование степени детерминированности его мировоззрения. Для этой цели респондентам было предложено сформулировать свое жизненное кредо, идеалы, убеждения и основу мировоззрения. Предлагались следующие готовые альтернативы, наряду с пустой графой, где респондент мог вписать свое собственное мнение на этот счет:

- 1) верю в свою судьбу; ничего не происходит случайно, что ни делается, все к лучшему;
- 2) надеюсь только на себя и свои силы; если не ты, то кто; я могу все; сделай себя сам;
- 3) живу по совести; соблюдаю заповеди своей религии, традиции моего народа.

Были проанализированы ответы жителей Калмыкии на этот вопрос и проведены корреляции с возрастной принадлежностью опрошенных. Молодые люди в возрасте 20–29 лет, а также респонденты, не достигшие двадцатилетнего возраста, чаще всего выбирали наиболее детерминированные суждения: «Верю в свою судьбу; ничего не происходит случайно, что ни делается, все к лучшему» и «Надеюсь только на себя и свои силы; если не ты, то кто; я могу все; сделай себя сам» (от 36 % до 48 % соответственно).

Значительное количество людей старших возрастных групп (40–

49 лет — 30,2 %; 50–59 лет — 26,8 %) выбрало ответ: «Жить по совести; соблюдение заповедей своей религии, традиций своего народа». Возможно, это объясняется тем, что в респондентах старшего поколения сильны традиционалистские настроения. Это предположение подтверждается и тем фактом, что лишь 5,9 % опрошенных юношеского возраста и 13 % от второй возрастной группы (20–29 лет) выбрали названную альтернативу.

Существенное значение для понимания ценностной картины мира человека имеет степень масштабности их мировидения, для исследования которой было предложено ответить на вопрос («Что для Вас в большей степени является окружающим миром?») и варианты ответов, среди которых также была свободная графа:

- 1) улица или дом, где живете;
- 2) окружающая Вас природа (степи, животные, деревья и т. д.);
- 3) город (село, поселок), где вы живете;
- 4) страна, где вы живете;
- 5) планета Земля;
- 6) Вселенная;
- 7) собств. ответ.

Первый вариант ответа был выбран преимущественно самыми молодыми респондентами — 23,5 %. Наибольшее число голосов получила альтернатива «Окружающая Вас природа (степи, животные, деревья и т. д.)» (39,3 % среди 50–59-летних

и 32,6 % у 20–29-летних). Ответ «Планета Земля» выбирали 30–39-летние (18,8 %) и 20–29-летние (18 %), и менее популярной она была среди 50–59-летних (3,6 %), подростков и юношей (5,9 %), 40–49-летних (8,1 %).

Помимо этих вопросов, было исследовано присутствие в ценностной картине мира жителей республики элементов прошлого, настоящего и будущего. Для изучения данного аспекта респондентам было предложено выбрать наиболее близкое им суждение: 1) окружающий мир — это прошлое, история. Настоящее — результат прошлого; 2) окружающий мир — это повседневная жизнь. Я живу сегодняшним днем; 3) для меня важнее, каким будет окружающий мир в будущем, после нас.

В целом во всех возрастных группах предпочтение было отдано двум суждениям: «Окружающий мир для меня это повседневная жизнь. Я живу сегодняшним днем» и «Для меня важнее, каким будет окружающий мир в будущем, после нас». Интересно, что респонденты юношеского возраста (до 20 лет) более других выбирали первую альтернативу (17,6 %) по сравнению с другими возрастными группами (12,5 % 50–59-летних и 10,5 % 40–49-летних). Вероятно, это объясняется тем, что у молодых людей этого возраста в значительной мере присутствует нарождающийся интерес к прошлому, к истории своего народа, своей страны (см. таблицу).

Скажите, какое из этих суждений наиболее близко вам?

Варианты суждений	возраст респондентов						Всего
	до 20 лет	20–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	нет ответа	
Для меня окружающий мир это прошлое, история, настоящее — результат прошлого	17,6 %	10,1 %	7,2 %	10,5 %	12,5 %	0 %	10,4 %
Окружающий мир для меня это повседневная жизнь. Я живу сегодняшним днем	47,1 %	42,7 %	43,5 %	47,7 %	57,1 %	0 %	46,9 %
Для меня важнее, каким будет окружающий мир в будущем, после нас	29,4 %	43,8 %	44,9 %	40,7 %	30,4 %	0 %	40,3 %

Немаловажное значение для понимания ценностных предпочтений человека имеет наличие у индивида морального образца или примера, для изучения которого в опросе 2008 г. респондентам был задан вопрос:

«Кто для Вас является образцом или примером в жизни?» (см. подробно [Шарманджиев 2009]). Результаты опроса показали определенное сходство в выборе морального примера между различными социальными,

этническими и демографическими группами: подавляющее большинство опрошенных (62,3 %) называли родителей в качестве образца. Как и в опросе 2008 г., четверть респондентов (24 %) не имеет жизненных идеалов или образцов вообще.

Что касается сравнения результатов двух социологических исследований (2008 и 2009 гг.) по изучению понятия «свобода», то здесь присутствует некоторое увеличение количества людей, выбравших утверждение «свобода — это то, без чего жизнь теряет смысл» (57,2 % в 2008 г. и 66,4 % в 2009 г.). Уменьшилось количество опрошенных, которые считают, что «главное — это материальное благополучие, а свобода второстепенна» (31,8 % в 2008 г. и 20,4 % в 2009 г.).

Несколько другие результаты показало сравнение ответов респондентов двух названных социологических исследований по вопросу «Что сегодня необходимо, чтобы добиться успеха в жизни?». Так, например, существенно увеличилось количество людей, выбравших такую ценность, как «деньги» в ряду важнейших инструментов для достижения успеха (40,6 % в 2008 г. и 63,5 % в 2009 г.). В то же время такая ценность как «хорошее образование» получила в последнем опросе всего 12,9 % в 2009 г. (20,4 % в 2008 г.).

Приведенные результаты социологических опросов свидетельствуют о некоторой коррекции ценностных ориентиров опрошенных, происходившей в период под влиянием ухудшающегося материального положения населения Республики Калмы-

кия вследствие мирового экономического кризиса и в силу ряда других объективных причин.

В ходе исследования особое внимание мы уделяли рассмотрению ценностных ориентаций молодежи Республики Калмыкия, «поколенческому» подходу в изучении проблемы. В этой связи следует отметить, что анализ ценностных ориентаций молодежи дает возможность выявить степень ее адаптации к новым социальным условиям и ее инновационный потенциал. От того, какой ценностный фундамент будет сформирован, во многом зависит будущее состояние общества.

Литература

- Леонтьев Д. А. Ценность как международное понятие: опыт многомерной реконструкции // Современный социо-анализ. Вып. IV. М., 1996. С. 5–19.
- Сорокин П. А. Причины войны и условия мира // Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994. С. 491–501.
- Латин Н. И. Инверсия доминантных процессов социокультурной трансформации и ее акторы // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / под ред. Т. И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 107–115.
- Лисовский В. Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. СПб.: СПбГУП, 2000. 508 с.
- Шарманджиев Д. А. Самоидентификация личности и некоторые ценностные предпочтения в картине мира жителей Калмыкии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 1. С. 56–59.

ЭКОНОМИКА

УДК 005.35

ББК У290.2

**МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА
В РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ****Э. И. Мантаева, В. С. Голденова, В. А. Чудидов*

В зависимости от сложившейся практики государственного регулирования существуют различные модели социальной ответственности бизнеса (далее — СОБ), которые в первую очередь рассматриваются в разрезе дилеммы: самостоятельно ли определяет бизнес меру своего вклада в развитие общества или официальные и неофициальные институты производят согласование общественных интересов, в

последующем трансформируемых в обязательные требования поведения бизнеса. В соответствии с решением дилеммы модель может считаться открытой или закрытой. При этом выделяются три основные модели СОБ: американская (открытая), европейская (закрытая) и британская (смешанная) (см. таблицу 1, составленной по: [Корпоративная социальная ответственность: управленческий аспект 2008: 50–51]).

Таблица 1. Сравнительный анализ моделей социальной ответственности бизнеса

Показатель	США	ЕС	Великобритания
Период возникновения	Начало XX в.	70-е гг. XX в.	80-е гг. XX в.
Основные формы социальной ответственности бизнеса	Программы и планы предприятий, направленные на улучшение условий труда и соцобеспечение работников	Разработка стандартов нефинансовой отчетности, внедрение их в практику и повсеместное распространение	Фонды социального инвестирования, социальное отношение к персоналу
Позиция гражданского общества	Активная	Недоверие к частному бизнесу	Средняя
Контроль	Общественный	Преимущественно государственный	Преимущественно общественный
Роль государства	Сотрудничество бизнеса с местным уровнем власти	Высокая степень вмешательства государства	Незначительное государственное вмешательство

Особенность американской модели СОБ заключается в том, что государство делегирует компаниям способ согласования своих интересов с интересами стейкхолдеров, т. е. активность в этом направлении иници-

ируется самими организациями, при этом предусматривается максимальная самостоятельность последних в определении своего общественного вклада. Модель подразумевает законодательное поощрение социаль-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Реализация социальной ответственности бизнеса на региональном уровне», проект № 11-12-08001а/Ю.

ных инвестиций¹ через налоговые льготы и зачеты.

Главными особенностями американской модели СОБ можно считать минимальное прямое вмешательство государства в деятельность бизнеса, регулирование на основе экономических стимулов. В то же время анализ исходных условий формирования американской модели СОБ показал, что первоначально сформировалась закрытая модель, характеризовавшаяся активной ролью государства в реализации социально ответственного поведения компаний (начало XX в.). Затем эта модель эволюционировала в открытый тип.

Европейская модель СОБ в гораздо большей степени регулируется государством: ее основой служат такие законодательно установленные рамки трудовой деятельности, как 35-часовая рабочая неделя, МРОТ, регулирование сверхурочной работы и т. д. Ситуация в области правовой ответственности характеризуется четко и глубоко проработанными правилами ведения бизнеса. Так, экономическая ответственность в США связана с передовыми принципами корпоративного управления (достойное вознаграждение и защита потребителя).

Ситуация в области юридической ответственности в первом случае характеризуется невысоким уровнем законодательно закрепленных правил поведения корпораций, а во втором случае — это четко и глубоко проработанные правила ведения бизнеса. Этическая ответственность компаний в США определяется уровнем поддержки бизнесом местного сообщества. В Европе высокий уровень социальной защищенности обеспечивается «принудительно» через высокие налоги. Понятие благотворительности понимается компаниями США достаточно широко и распространяется не только на сферы искусства, культуры, но и даже

на университетское образование, чего нет в европейских странах, где довольно тяжелое налоговое бремя послужило причиной того, что на государство переносится вся ответственность за финансирование данных направлений. Основными отличительными особенностями европейской модели являются пристальное внимание государства к социальным проектам бизнеса, инициативность бизнеса в создании социальных проектов, а также активное участие государства в развитии социальной ответственности компаний. Однако необходимо отметить постепенное изменение европейской модели СОБ в сторону открытой модели и ее все большее приближение к ней.

Британская модель СОБ сочетает элементы первых двух и при этом характеризуется значительной степенью вовлеченности государства и гражданских институтов в процесс согласования общественных интересов, а также поощрения и продвижения лучших практик реализации социально ответственного поведения. В целом для британской модели характерны следующие признаки: активное развитие сектора независимого консалтинга в области социальной ответственности, пристальное внимание со стороны финансового сектора к проектам в области СОБ (отмечается тенденция роста количества фондов социально ответственного инвестирования), повышенный интерес СМИ, большое количество и разнообразие учебных курсов в области СОБ. Активная роль государства в развитии СОБ проявляется в таких формах, как создание государственно-частных партнерств в образовательном секторе, поддержка инициатив в сфере СОБ через софинансирование проектов, предоставление налоговых льгот, продвижение инициатив по соответствию национальных стандартов международным и т. д. [Moon 2004: 58]. Роль британского правительства выражается в политике поддержки компаний, освещающих свою деятельность в социальной и природоохранной сферах и взаимоотношениях с персоналом. Целый ряд законодательных актов устанавливает льготный режим налогообложения для компаний, ведущих свой бизнес социально ответственно и придерживающихся прин-

¹ Под социальными инвестициями понимаются материальные, технологические, управленческие, финансовые или иные ресурсы компаний, направляемые по решению руководства на реализацию социальных программ, которые разрабатываются с учетом интересов основных внутренних и внешних заинтересованных сторон, в выгодных для общества сферах, в предположении, что в стратегическом отношении организацией будет получен определенный социальный и экономический эффект [Литовченко 2004: 5].

ципов деловой этики, особенно в вопросах использования энергии, вторичной переработки отходов производства и т. п.

В настоящее время прослеживается определенная тенденция движения британской модели СОБ в сторону все более открытой модели, что делает ее более приближенной к американской [Moon 2004: 62].

Таким образом, можно проследить определенную эволюцию моделей СОБ: от закрытой модели с активной стимулирующей ролью государства и применением прямых инструментов регулирования социальной ответственности компаний до открытой модели, характеризующейся преимущественным использованием косвенных инструментов экономической политики.

В «Докладе о социальных инвестициях в России» за 2004 г. отмечается, что общей тенденцией как для британской, так и для европейской модели СОБ является их очевидная скрытая форма с постепенным движением в сторону открытой модели [Литовченко 2004: 65].

Несмотря на многие негативные мнения по поводу необходимости развития СОБ, нельзя не заметить неоспоримые преимущества политики социально ответственного поведения, которые осознает бизнес в развитых странах и среди которых наиболее очевидными являются следующие:

- ✓ укрепление лидирующих позиций компаний по вопросу развития всеобщих принципов социального равенства в целях создания устойчивой экономики;
- ✓ совершенствование методов корпоративного управления и систем управления репутацией и брендами, повышения производительности труда и эффективности производства;
- ✓ управление финансовыми и нефинсовыми рисками за счет реализации активной позиции бизнеса по наиболее острым социальным проблемам;
- ✓ увеличение возможностей по привлечению квалифицированных и профессиональных кадров и их удержанию за счет материальных и моральных стимулов,

влияющих на производительность труда;

- ✓ формирование позитивного мнения инвесторов и финансовых институтов по резервам и потенциалу компаний;
- ✓ расширение возможностей по привлечению новых потребителей продукции и повышению их лояльности в конкурентной среде;
- ✓ создание устойчивых партнерских отношений с правительственными структурами, органами региональной и местной власти, местным сообществом, профсоюзами, институтами гражданского общества, средствами массовой информации;
- ✓ демонстрация примеров высокой гражданской и социальной ответственности перед государством и обществом;
- ✓ применение международных принципов и стандартов при составлении социальной отчетности, участие в международном разделении труда, международном бизнесе и бизнес-коммуникациях [Актуальные вопросы ... 2007: 7].

Следует отметить, что анализ государственной политики поддержки СОБ в разных странах показал, что имеются отличия по миссии, стратегии, целям, приоритетам и механизмам реализации (структурам государственных учреждений, занятых реализацией социально ответственного поведения бизнеса, центрам ответственности (на уровне центральной власти, регионов, местных властей), занятым общественным институтам). Классификация национальных политик поддержки социально ответственного поведения бизнеса приведена в таблице 2, составленной по: [The Changing Role of Government in Corporate Responsibility 2006].

Таким образом, каждое государство участвует в стимулировании социально ответственного поведения компаний исходя из национальных традиций, уровня развития институтов, а также баланса сил участников межсекторного диалога, участвующих в реализации принципов СОБ.

Таблица 2. Модели государственных политик по реализации социальной ответственности бизнеса в Европейском Союзе

Модель	Характеристика	Страны
Партнерская	Стратегия партнерства, которая разделяется всеми секторами в ответ на социальные проблемы, в том числе в области занятости	Дания, Финляндия, Нидерланды, Швеция
Бизнес в обществе	Политика мягкого вмешательства с целью стимулировать компании к участию в решении государственных проблем (предпринимательство и добровольные услуги)	Ирландия, Великобритания
Устойчивость и гражданство	Усовершенствованная версия существующего социального договора с акцентом на стратегию устойчивого развития.	Германия, Австрия, Бельгия, Люксембург, Франция
Агога (место собрания)	С целью достижения общественного консенсуса по социальной ответственности бизнеса, создание для обсуждения групп, отражающих интересы основных участников диалога.	Италия, Испания, Греция, Португалия

Что касается инструментов государственного регулирования СОБ, используемых в развитых странах, то их можно классифицировать следующим образом: жесткое регулирование, мотивация, убеждение, вовлечение в общественную деятельность (см. таблицу 3, составленной по работе Т. Брэдгарда «Социальная ответственность бизнеса между государственной политикой и политикой предприятия» [Брэдгард 2005]).

От программ жесткого регулирования в области регулирования СОБ отказались в силу сложности применения в условиях рыночной экономики. Все остальные ин-

струменты относятся к мягким формам и могут быть использованы при разработке политики государства в области СОБ. Программы экономической мотивации вызывают к экономическим интересам компаний. Программы убеждения представляют собой программы, побуждающие предприятия следовать социально ответственному поведению и апеллирующие к общим ценностям и нормам. Программы вовлечения — это программы по привлечению бизнеса к решению определенных проблем, заключающиеся в предоставлении консультационных услуг, возможностей по использованию определенной инфраструктуры и т. п.

Таблица 3. Инструменты государственного регулирования в области социальной ответственности бизнеса

Инструменты Программы	Регулятивные программы	Программы мотивации	Программы убеждения	Программы вовлечения в общественную деятельность
Доминирующий инструмент политики	Общие правила	Экономическая мотивация	Коммуникация	Организация
Позитивная мотивация	Разрешение Контракт Права	Субсидии Гранты	Распространение информации Поощрение Призывы	Расширение сферы общественных услуг
Негативная мотивация	Запреты Распоряжения Контроль	Налоги Штрафы Выплаты	Дезинформация Порицание Угрозы	Сокращение сферы общественных услуг
Средства контроля	Контроль на уровне поведения	Контроль на уровне мотивации	Контроль на уровне установок	Контроль на уровне предложения рабочей силы

Проблемы реализации	Сопrotивление со стороны тех, на кого ориентирована программа	Неопределенные последствия и проблемы координации	Низкая эффективность и невысокий уровень контроля	Успех зависит от привлекательности программ. Опасность избыточного или недостаточного инвестирования
---------------------	---	---	---	--

Разные типы политических стратегий подразумевают различные типы власти и контроля для регулирования поведения целевой группы:

- регулятивные программы опираются на законную власть и право разрешать или запрещать;
- программы мотивации используют денежные средства вознаграждения или наказания;
- программы убеждения поощряют или порицают;
- программы вовлечения в общественную деятельность расширяют или сокращают сферу социальных услуг.

За основу российской модели СОБ, сравнительно недавно начавшей свое формирование, на современном этапе необходимо взять закрытую (европейскую) модель, демонстрирующую определенный положительный опыт. В этой модели государство играет существенную роль в реализации социально ответственного поведения бизнеса, что способствует уменьшению политических рисков, снижению напряжен-

ности в обществе, созданию условий для нормального функционирования бизнеса и повышению рейтинга инвестиционной привлекательности российских компаний.

Литература

Актуальные вопросы развития социальной ответственности бизнеса. Позиция Комитета Ассоциации Менеджеров по корпоративной ответственности в 2007 году. М.: Ассоциация менеджеров, 2007. 40 с.

Брэдгард Т. Социальная ответственность бизнеса между государственной политикой и политикой предприятия // *Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры.* 2005. № 2. С. 51–70.

Доклад о социальных инвестициях в России за 2004 год / под общ. ред. С. Литовченко. М.: Ассоциация менеджеров России и Программа развития ООН, 2004. 80 с.

Корпоративная социальная ответственность: управленческий аспект: монография / под общ. ред. д. э. н., проф. И. Беляевой, д. э. н., проф. М. Эскиндарова. М.: КНОРУС, 2008. 504 с.

Moon J. CSR in the UK: an Explicit Model of Business — Society Relations // *Habish A., Jonker J., Wegner M., Schmidpeter R. (Eds.) CSR Discovery.* Germany: Springer, 2004. P. 51–72.

The Changing Role of Government in Corporate Responsibility: A report for practitioners / ESADE. Bocconi: Norwegian School of Management, 2006. 34 p.

УДК 330(075.8)

ББК 65.9

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНАХ

Т. В. Кудайназаров, К. В. Шураева

Экономическая устойчивость страны в целом, как и отдельного региона, возможна только при благоприятном экономическом климате, который в свою очередь достигается путем проведения эффективной инвестиционной политики. Можно сказать, что инвестиционный климат — это особая подси-

стема в институциональной экономической системе, которая призвана создавать предпосылки для наилучшего использования общественно-экономических отношений в развитии и научно-технологическом обновлении производительных сил общества через активную инвестиционную деятельность.

Так как инвестиции предполагают действия, результаты которых будут проявляться в течение длительного периода времени, то развитие и социально-экономическое положение региона в значительной мере зависят от правильной оценки прогнозируемых результатов инвестиций. Основным условием обеспечения возможностей экономического роста и расширенного воспроизводства является достижение достаточного уровня инвестирования при помощи средств инвестиционных проектов и программ.

Обострение вопросов, связанных с неравномерностью экономического развития отдельных территорий, которое обусловлено природными, историческими, демографическими и другими объективными различиями регионов, актуализирует проблему эффективного развертывания инвестиционных процессов на мезоуровне, что позволит осуществить поиск дополнительных резервов для интенсификации процессов регионального экономического роста, которые связываются, прежде всего, с активным научно-техническим и инновационным развитием.

Однако на сегодняшний день все еще не сформированы эффективные механизмы оценки, отбора и продвижения инвестиционных проектов на региональном уровне. Проблема определения критериев отбора инвестиционных проектов для поддержки на региональном уровне является первой из ряда стоящих перед региональными органами управления. В то же время эта проблема слабо проработана и не находит должного отражения в документах по региональной инвестиционной политике [Методические рекомендации от 21.06.1999 № ВК477; Приказ от 17.04.2010 № 173].

К числу наиболее распространенных и часто допускаемых ошибок при анализе эффективности инвестиционных проектов, относятся, например, некорректные оценки основных показателей эффективности инвестиционных проектов, критериев их отбора, учета инфляции, инвестиционных рисков, ставки дисконта по средневзвешенной стоимости капитала, налоговой защиты и др.

Специфической чертой проведения региональной инвестиционной политики является ее малая ресурсная база, в связи с чем приходится применять наиболее эффективные методы по приоритетным направлениям и более полно использовать законодательное и косвенное регулирование.

Регионы обладают значительным инструментарием для контроля инвестиционной деятельности с целью достижения главной задачи инвестиционной политики — создания необходимого уровня инвестиционной активности и эффективной направленности инвестиций [Чуб 2001: 82–87].

По состоянию на 1 января 2010 г. Правительством РФ утверждены 43 проекта общей стоимостью 1 426 546 млн руб. В случае успешной реализации региональных проектов произойдет развитие 25 видов экономической деятельности [Приказ от 31.07.2008 № 117].

Отраслевая структура представлена следующими секторами: строительство, нефтехимия, производство пищевых продуктов и непищевых изделий, электроэнергетика, сельское хозяйство, деревообработка, коммунальное хозяйство, предоставление услуг. Таким образом, развиваются не новые, а, скорее, традиционные для данных регионов виды деятельности; к тому же охват производств небольшой.

Реализация проектов проходит в 23 субъектах РФ шести федеральных округах (см. таблицу 1, составленную по данным утвержденных Правительством РФ паспортов проектов по состоянию на 2006 г. и 2009 г. соответственно [Приказ от 31.07.2008 № 117]). Лидерство по количеству проектов занимает Приволжский федеральный округ, однако на долю Центрального федерального округа приходится 47,3 % в структуре общей стоимости. Выбор Правительства в основном сделан в пользу развития депрессивных регионов (за некоторым исключением) и традиционных производств [Приказ от 31.07.2008 № 117].

Таблица 1. Структура региональных проектов 2006–2009 гг.
в разрезе федеральных округов и субъектов РФ

Федеральный округ (ФО)	Субъект РФ	Кол-во проектов	Общая стоимость (млн руб.)	Доля в ФО в %
Центральный ФО	Белгородская область Владимирская область Воронежская область Калужская область Смоленская область Тамбовская область Тульская область	7	49 405	47,3
Северо-Западный ФО	Республика Карелия	1	594	0,6
Южный Федеральный округ ¹	Республика Дагестан Ростовская область	2	8 357	8,0
Приволжский ФО	Пермский край Республика Башкортостан Республика Мордовия (два проекта) Республика Татарстан Ульяновская область (два проекта) Чувашская Республика	8	19 750	18,9
Уральский ФО	Курганская область	1	12 546	12
Сибирский ФО	Кемеровская область Красноярский край Омская область Томская область	4	13 689	13,1
Итого		23	104 341	100

В части финансирования проектов наблюдаются проблемы, выразившиеся в отставании фактического выделения средств от планового (в 2008 г. — 87 %, в 2009 г. — 69 %) [Приказ от 31.07.2008 № 117].

Долгосрочная программа развития Южного и Северо-Кавказского федеральных округов включает важнейшие направления развития, которые в первую очередь определяются такими преимуществами Юга России, как исключительно благоприятные климатические условия, выгодное географическое положение, высокий агроклиматический потенциал, уникальные рекреационные ресурсы и высокая степень обеспеченности трудовыми ресурсами. Мощный импульс развитию округа придаст также проведение Олимпийских игр в 2014 г. в г. Сочи.

В настоящее время в Калмыкии по-прежнему одно из ведущих мест в народном хозяйстве республики занимает производство сельскохозяйственной продукции.

Агропромышленный комплекс республики располагает значительной ресурсной базой, превосходящей потребности внутреннего рынка, имеет потенциальные ценовые и иные конкурентные преимущества на внутреннем и внешнем рынках по таким товарам, как мясо, шерсть, кожа [Постановление от 30.12.2008 № 465]

Правительство республики ведет последовательную работу по повышению инвестиционной привлекательности региона. В рамках продвижения инвестиционного потенциала региона Республика Калмыкия принимает участие в таких международных инвестиционных и экономических форумах, как Петербургский международный экономический форум, Международный инвестиционный форум в г. Сочи и др. Основная задача проводимой инвестиционной политики — улучшить социально-экономическую ситуацию, которая за последний период отличалась как неустойчивым, так и относительно стабильным положением в

¹ Указом Президента РФ Д. А. Медведева от 19.01.2010 из состава Южного федерального округа выделен Северо-Кавказский федеральный округ с центром в г. Пятигорск [Указ от 19.01.2010 № 82].

регионе: в настоящее время продолжается рост производства в сельском хозяйстве; увеличивается объем выполненных работ в строительстве; возрастают реальные доходы населения; повышается заработная плата; снижается уровень безработицы [Постановление от 30.12.2008 № 465]. В то же время несколько замедлились темпы роста в промышленном производстве, продолжается рост инфляции, обусловленный ростом цен на продовольственные товары. Предпринимательская инициатива направлена в первую очередь на перепродажу, а не на создание отраслей производства с высокой добавленной стоимостью.

Почти 470 млрд руб. потребуется для реализации планов экономического развития Калмыкии в период до 2020 г. Такие данные содержатся в стратегии социально-экономического развития республики, утвержденной Правительством Республики Калмыкия [Постановление от 30.12.2008 № 465].

В числе приоритетных направлений развития республики особо выделено направление на модернизацию сельского хозяйства и системы энергоснабжения путем реализации крупных инвестиционных проектов.

Стоит отметить, что выбор именно этих направлений обусловлен наличием ряда потенциальных возможностей республики.

Во-первых, Республика Калмыкия считается аграрным регионом, так как площадь сельскохозяйственных угодий составляет около 8 % пастбищ России (свыше 6 млн га); здесь сосредоточено 50 % мясного скота от общей численности поголовья России, при этом калмыцкие породы мясного скота отличаются уникальным генетическим потенциалом, высокой продуктивностью [Постановление от 30.05.2011 № 152]. Следовательно, Республике Калмыкия предстоит сыграть значительную роль в возрождении и создании специализированной отрасли мясного скотоводства России. Учитывая потенциал мясного животноводства республики, инвесторы проявляют особый интерес к этой сфере.

Во-вторых, поэтапно ведется политика превращения Калмыкии в регион с серьезным промышленным потенциалом, в частности осуществляются инвестиционные проекты в области геологоразведки и строительства сооружений и трубопроводных систем транспорта нефти и газа. Это привело к созданию в республике условий для раз-

вития нефтехимического производства [Постановление от 30.05.2011 № 152]. Кроме того, на территории республики реализуется инвестиционный проект «Строительство ветряных электростанций мощностью 150 МВт» чешской компанией «Фалкон Капитал». В реализации такого крупного проекта немаловажную роль сыграли благоприятные природно-климатические условия Республики Калмыкия, на территории которой можно будет создать генерирующие мощности, основанные на энергии ветра и солнца [Постановление от 30.05.2011 № 152].

В-третьих, Республика Калмыкия обладает большим транзитным потенциалом перевозки грузов в международном водном сообщении. В связи с тем, что Каспийский бассейн является естественным «шлюзом» между Европой и Азией, Калмыкия располагает отличными предпосылками для развития международных коммуникаций. В настоящее время в целях создания благоприятных условий для инвесторов, развития рынка инвестиций и обеспечения интересов субъектов инвестиционной деятельности в республике действует закон «Об инвестиционной деятельности в Республике Калмыкия, осуществляемой в форме капитальных вложений». Закон установил государственные гарантии прав субъектов инвестиционной деятельности, а также определил основные принципы и меры стимулирования инвестиционной деятельности [Закон от 06.01.2000 № 39].

Кроме того, в соответствии с законом «О налоговых льготах организациям, осуществляющим инвестиции в экономику Республики Калмыкия» инвестор уплачивает налог на прибыль организаций в части, зачисляемой в республиканский бюджет по ставке 13,5 %, и налог на имущество организаций по ставке 0 % [Закон от 10.06.2002 № 197].

Законодательством республики также установлены государственные гарантии Республики Калмыкия: гласность в обсуждении инвестиционных проектов, использование доходов, стабильность прав субъектов инвестиционной деятельности, обеспечение равных прав при осуществлении инвестиционной деятельности, право обжалования в судебном порядке любых решений и действий (бездействия) органов государственной власти, местного самоуправления и их должностных лиц, обеспечение защиты капитальных вложений.

В целях ускорения процессов наращивания инвестиций необходимо было объединить реальное финансовое участие как государства, так и частного капитала, в связи с этим был принят закон «О государственно-частном партнерстве в Республике Калмыкия», который касается взаимовыгодного сотрудничества в реализации социально значимых инвестиционных проектов, осуществляемого путем заключения и исполнения соглашений [Закон от 18.12.2008 № 59].

Необходимо отметить, что принимаемые органами государственной власти меры по повышению инвестиционной привлекательности Республики Калмыкия привели к росту объема инвестиций в экономику республики. Например, в 2010 г. объем инвестиций по сравнению с концом 1990-х гг. увеличился более чем в 12 раз и составил более 7 млрд руб. [Постановление от 30.12.2008 № 465].

Существенную роль в создании благоприятной инвестиционной среды и развитии инвестиционной деятельности играют Стратегия социально-экономического развития Республики Калмыкия на период до 2020 г. [Постановление от 30.12.2008 № 465], Концепция социально-экономического развития Республики Калмыкия на период до 2015 г. [Постановление от 30.05.2011 № 152].

Исходя из приоритетов развития агропромышленного комплекса будет строиться модернизированная инвестиционная политика Республики Калмыкия в топливно-энергетическом комплексе, транспортной инфраструктуре и туризме. Безусловно, в ходе реализации этих направлений основным моментом должно стать повышение эффективности инвестиций, поскольку от нее зависят не только темп, но и качество экономического роста. Реализация этих направлений создаст платформу для эффективного решения вопросов по увеличению инвестиций в экономику республики, а также необходимую инфраструктуру. Улучшение инвестиционного климата позволит решить такие задачи, как формирование конкурентной среды, пополнение рынка товарами и услугами, увеличение налоговых поступлений в бюджеты всех уровней, улучшение социального благополучия граждан.

Литература

- Закон Республики Калмыкия от 06.01.2000 № 39-II-3 (ред. от 28.06.2007) «Об инвестиционной деятельности в Республике Калмыкия, осуществляемой в форме капитальных вложений» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.10.2011).*
- Закон Республики Калмыкия от 10.06.2002 № 197-II-3 (ред. от 28.06.2007) «О налоговых льготах организациям, осуществляющим инвестиции в экономику Республики Калмыкия» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2011).*
- Закон Республики Калмыкия от 18.12.2008 № 59-IV-3 «О государственно-частном партнерстве в Республике Калмыкия» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.08.2011).*
- Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов (утв. Минэкономики РФ, Минфином РФ, Госстроем РФ от 21.06.1999 № ВК477) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.10.2011).*
- Постановление Правительства Республики Калмыкия от 30.12.2008 № 465 «Стратегия социально-экономического развития Республики Калмыкия на период до 2020 г.» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.minregion.ru> (дата обращения: 05.12.2010).*
- Постановление Правительства Республики Калмыкия от 30.05.2011 № 152 «Концепция социально-экономического развития Республики Калмыкия на период до 2015 г.» [Электронный ресурс] // URL: <http://portal.e-rk.ru> (дата обращения: 10.12.2010).*
- Приказ Министерства регионального развития РФ от 31.07.2008 № 117 «Об утверждении Методики расчета показателей и применения критериев эффективности региональных инвестиционных проектов» [Электронный ресурс] // URL: http://www.minregion.ru/invest_phound/invest_project (дата обращения: 14.09.2010).*
- Приказ Министерства регионального развития РФ от 17.04.2010 № 173 «Об утверждении Методики расчета показателей абсолютной и относительной финансовой устойчивости, которым должны соответствовать коммерческие организации, желающие участвовать в реализации проектов, имеющих общегосударственное, региональное и межрегиональное значение» [Электронный ресурс] // URL: http://www.minregion.ru/invest_phound/invest_project (дата обращения: 25.09.2010).*
- Указ Президента Российской Федерации от 19.01.2010 № 82 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13.05.2000 г. № 849» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rg.ru/2010/01/21/ukaz-dok.html> (дата обращения: 24.03.2010).*
- Чуб Б. А. Оценка инвестиционного потенциала субъектов российской экономики на мезоуровне / под ред. В. Бандурина. М.: Буквица, 2001. 227 с.*

**КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ***Е. В. Куркудинова, И. В. Авадаева*

В условиях глобализации и усиливающейся международной конкуренции во многих странах, в том числе и в России, повышение конкурентоспособности становится одним из приоритетных направлений. Регионы России по уровню социально-экономического развития неодинаковы, что свидетельствует об их различном вкладе в достижение высокого уровня развития страны. Главной причиной этому является использование различных конкурентных преимуществ. В связи с этим каждый субъект Российской Федерации может быть конкурентоспособным только в тех направлениях своего развития, где имеется необходимый экономический потенциал. При этом создание конкурентоспособных кластеров является одним из эффективных способов реализации своего экономического потенциала. На сегодняшний день данная проблема является одной из наиболее актуальных, поскольку анализ мировой практики показывает довольно высокую степень развития как передовых, так и развивающихся стран на основе формирования региональных кластеров. Правительство России также в качестве основного инструмента управления региональным развитием определило кластерный подход.

Несомненное влияние на появление и развитие теории кластеров оказали труды исследователей, работавших в различных областях экономической науки. Так, можно выделить теории размещения производства Й. Тюнена, В. Лаундхарда, А. Вебера, А. Леша и теории региональной специализации А. Смита, Д. Риккардо, Э. Хекшера и Б. Олина, которые уделяли большое внимание изучению факторов, объясняющих агломерацию разных секторов экономики в определенных областях, исследованию взаимосвязей между географической агломерацией и экономией от масштаба, специализации различных территорий на тех или иных видах и этапах производственной деятельности.

Развитие кластеров уходит своими корнями к работам А. Маршалла, посвященным изучению промышленных районов Англии XIX в. (см., например: [Маршалл 1993]). Он выделил три причины, по которым группы фирм определенной отрасли, расположенных рядом друг с другом, будут более производительными, нежели если бы они находились на том или ином расстоянии. Эти причины объединены в Маршаллианское триединство: рынок для квалифицированного труда, специализация поставщиков и обмен идеями.

Прежде всего, А. Маршалл указал на основное преимущество, появляющееся вследствие концентрации аналогичных фирм на определенной территории, — на возникновение развитого рынка для квалифицированной рабочей силы, в которой они нуждаются. Ученый считал, что работникам выгодно находиться там, где существует большой выбор работодателей. Это минимизирует риски, которые могут появиться в случае сокращения производства, увольнения, банкротства фирмы, а также создает дополнительные возможности для продвижения, что особенно важно для высокоспециализированной рабочей силы («...на всех стадиях экономического развития, за исключением самих ранних, локализованное производство извлекает большую выгоду из того факта, что оно создает постоянный рынок для квалифицированного труда. Предприниматели стремятся обращаться повсюду, где они могут рассчитывать на широкий выбор рабочих той специальности, какая им требуется, тогда как рабочие, подыскивающие работу, естественно, направляются туда, где, следовательно, можно надеяться найти рынок с высоким спросом на данный вид труда. Владелец изолированной фабрики, даже располагающий доступом к изобильному рынку неквалифицированного труда, часто испытывает большие трудности из-за нехватки квалифицированных рабочих какой-либо особой специальности; в

свою очередь и квалифицированному рабочему, выброшенному с такой фабрики, также нелегко найти себе работу» [Маршалл 1993: 352]).

Позднее некоторые исследователи стали отмечать, что формирование рынка для квалифицированного труда само по себе является формой кластеризации: представители одних и тех же профессий стремятся концентрироваться или кластеризоваться в определенных метрополиях.

Главный вклад А. Маршалла состоит в том, что он выявил синергетический эффект близкорасположенных предприятий, достигаемый за счет таких факторов, как беспрепятственный доступ к поставщикам, обмен знаниями и опытом, инновациями между предприятиями, а также наличие квалифицированных трудовых кадров, «выращенных» и обладающих знаниями специфики отрасли.

В начале 1980-х гг. интерес к концепциям промышленных районов А. Маршалла был возрожден группой итальянских экономистов во главе с Дж. Бекаттини, которые исследовали особенности развития итальянских промышленных округов¹ в «Третьей» Италии [Brusco 1982: 168]. Основной особенностью индустриальных районов является наличие закрытых социально-экономических отношений между организациями и предпринимателями, развивающимися совместно с адаптацией малых и средних независимых организаций, которые специализируются на одной стадии производственного процесса или на определенных конечных продуктах. Взаимоотношения между организациями в большинстве случаев строятся на кооперации и взаимных интересах, поэтому основные сети характеризуют индустриальные районы (социально-экономические и институциональные).

В середине XX в. взаимосвязанность регионального пространства, экономических агентов и инноваций получила освещение в работе Ф. Перру «Экономическое про-

странство: теория и применение» [1950]. В данном исследовании автор выдвигает концепцию «полюсов роста», в основе которой лежит эффект доминирования. Данный эффект демонстрирует, что для понимания экономического роста необходимо сосредоточиться на роли «движущих отраслей», т. е. отраслей, которые преобладают в силу своего размера, большой рыночной силы или роли ведущего производителя инноваций. Движущие отрасли (или даже отдельные фирмы) обеспечивают наиболее эффективное использование ресурсов, представляя собой полюса роста. Таким образом, под полюсами роста понимаются «компактно размещенные и динамично развивающиеся отрасли или предприятия, порождающие цепную реакцию возникновения и роста промышленных центров» [Меньшенина 2008: 14].

Позже Ж. Будвиль показал, что в качестве полюсов роста можно рассматривать конкретные территории (населенные пункты), а не только совокупности предприятий лидирующих отраслей. При этом конкретные территории будут выполнять функцию источника инноваций и прогресса в экономике страны.

Испанский ученый Х. Р. Ласуэн детализировал представления о полюсах экономического роста. Во-первых, полюсом роста может быть региональный комплекс предприятий, связанный с экспортом региона (а не просто ведущей отраслью); во-вторых, система полюсов и каждый из них в отдельности растут за счет импульсов, рожденных общенациональным спросом, передающимся через экспортный сектор региона; в-третьих, импульс роста передается второстепенным отраслям через посредство рыночных связей между предприятиями, а также географической периферии [Гранберг 2004: 90].

Теория полюсов роста была положена в основу региональных программ развития многих стран. Однако к середине 1970-х гг. эта теория стала подвергаться критике в силу частых отказов от директивного управления и постулируемой в ней центральной роли государственного регулирования. Особенно подвергались критике идея применимости теории полюсов роста к развивающимся странам, поскольку оказалось, что идеи развития, воплощенные в наиболее

¹ «Под индустриальным районом они понимали географически высококонцентрированную группу одноотраслевых организаций, которые работают прямо или косвенно на одном и том же конечном рынке, совместно используют ресурсы и знания настолько важные, что они формируют культурную среду и определенным образом связаны друг с другом конкуренцией и сотрудничеством, составляя социально-экономические сети» [Меньшенина 2008: 8].

развитых регионах, не всегда приемлемы в условиях менее успешных территорий.

Вопросы эффективной организации экономического пространства в региональной экономике рассматриваются также в теории формирования территориально-производственных комплексов (ТПК). Впервые такая теория появилась в СССР, прежде всего, для решения колоссальной по масштабу задачи производственного освоения огромных пустующих территорий на востоке страны. А. Г. Гранберг определяет ТПК как сочетание различных технологически связанных производств с общими объектами производственной и социальной инфраструктуры, имеющих производственную специализацию в масштабах межрегионального, национального и даже мирового рынков и являющихся типичной формой хозяйственного освоения новых территорий с богатыми производственными ресурсами [Гранберг 2004: 27]. Теория ТПК является составной частью общей теории размещения и территориальной организации производительных сил. В 1920-х и начале 1930-х гг. постепенно сформировались и нашли практическое воплощение многие положения организации производительных сил в пределах отдельных регионов. Теория ТПК появилась, потому что необходимо было «смягчить перекося» в сторону отраслевого подхода, господствовавшего в то время в системе управления народным хозяйством [Гутман 2002: 135].

В связи с кардинальной сменой политического и экономического режима в России современное «прочтение» ТПК связано, прежде всего, со сменой собственника на средства производства. Теперь «народное хозяйство» — это множество относительно самостоятельных субъектов, образующих сложные взаимосвязи с внешней средой.

Впервые о кластерах заговорили после публикации статьи М. Портера «Конкурентные преимущества стран» [1990], где ученый выдвинул теорию национальной, государственной и местной конкурентоспособности в контексте мировой экономики. В ее рамках кластерам отводилась ведущая роль. М. Портер понимает кластеры как «сконцентрированные по географическому признаку группы взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков, поставщиков услуг, фирм в соответствующих

отраслях, а также связанных с их деятельностью организаций (например, университетов, агентств по стандартизации и торговых объединений) в определенных областях, конкурирующих, но вместе с тем и ведущих совместную работу» [Портер 2000: 205].

В своей книге «Международная конкуренция» М. Портер описывает кластеры как результат воздействия четырех групп факторов, которые он объединяет в «ромб конкурентного преимущества»: факторные условия, условия спроса, родственные и поддерживающие отрасли, условия конкуренции и стратегия фирм. Четыре элемента ромба играют существенную роль в понимании того, почему кластеры более конкурентоспособны, чем отдельные фирмы [Портер 1993: 199].

Д. Якобс утверждает, что нет одного правильного определения понятия кластера, хотя различные определения важны и интересны. Он идентифицирует ключевые факторы, которые могут использоваться, чтобы дать дефиниции кластерам: принцип географического или пространственного объединения в кластеры для совершения экономической деятельности, горизонтальные и вертикальные взаимосвязи между отраслями промышленности, использование общей технологии, присутствие «ядра» (т. е. большой фирмы, исследовательского центра) [Jacobs 1996: 429].

Согласно определению С. Розенфельда, кластер представляет собой концентрацию фирм, способных иметь синергетический эффект в силу их близкого географического расположения и взаимозависимости, даже несмотря на недостаточно масштабное присутствие на данной территории [Rosenfeld 1997: 4].

По мнению российского исследователя А. А. Миграняна, кластер — это «сосредоточение наиболее эффективных и взаимосвязанных видов экономической деятельности, т. е. совокупность взаимосвязанных групп успешно конкурирующих фирм, которые образуют „золотое сечение“ всей экономической системы государства и обеспечивают конкурентные позиции на отраслевом, национальном и мировом рынках» [Мигранян 2002].

На наш взгляд, наибольший интерес представляет теория кластеров в работах американского ученого М. Энрайта, создав-

шего теорию регионального кластера, который понимался как промышленный кластер, где фирмы-члены находятся в географической близости друг к другу [Пилипенко 2004: 586]. Согласно теории М. Энрайта, конкурентные преимущества создаются не на национальном уровне, как у М. Портера, а на региональном, где главную роль играют исторические предпосылки развития регионов, разнообразие культур ведения бизнеса, организации производства и получения образования. Именно региональные кластеры нуждаются в целенаправленной поддержке государственных структур и исследовательских организаций.

Несмотря на возрастающую актуальность и практическую значимость, в экономической литературе не сложилось четкого определения понятия «кластер». Но тем не менее можно выделить следующие его существенные признаки на основе обобщения вышеперечисленных определений понятия «кластера»:

- наличие лидирующих фирм;
- географическая концентрация и близость участников кластера, обеспечивающие возможности для активного взаимодействия;
- функционирование кластера как формы сетевой организации деятельности экономических субъектов и агентов с целью выпуска конкурентоспособной на внешнем и внутреннем рынках продукции;
- наличие конкуренции внутри кластера.

В соответствии с выделенными признаками можно уточнить трактовку понятия «региональный кластер» как регионально-ограниченного объединения вокруг промышленного или научного центра, способствующего социально-экономическому развитию региона под воздействием синергетического эффекта.

Литература

- Гранберг А. Г. Основы региональной экономики: учебник для вузов. 4-е изд. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 495 с.
- Гутман Г. В., Мироедов А. А., Федин С. В. Управление региональной экономикой. М.: Финансы и статистика, 2002. 211 с.
- Корчагина Н. А. Кластерная политика — технология повышения эффективности управления компаниями. Астрахань: Астрахан. ун-т, 2009. 117 с.
- Маршалл А. Принципы экономической науки / пер. с англ.; под ред. С. М. Никитина: в 3-х тт. Т. 1. М.: Прогресс, 1993. 416 с.
- Меньшенина И. Г., Капустина Л. М. Кластерообразование в региональной экономике. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2008. 154 с.
- Мигранян А. А. Теоретические аспекты формирования конкурентоспособных кластеров в странах с переходной экономикой [Электронный ресурс] // Вестник Кыргызско-Российского Славянского ун-та: электр. журн. 2002 (URL: <http://www.krsu.edu.kg/vestnik/2002/v3/a15.html> (дата обращения: 25.11.2010)).
- Пилипенко И. В. Новая геоэкономическая модель развития страны: повышение конкурентоспособности с помощью развития кластеров и промышленных районов // Безопасность Евразии. 2003. № 3. С. 580–604.
- Портер М. Конкуренция / пер. с англ.; под ред. Я. Заблоцкого. СПб.: Вильямс, 2000. 475 с.
- Портер М. Международная конкуренция / пер. с англ.; ред., пред. В. Д. Щетинина. М.: Междунар. отношения, 1993. С. 156–157.
- Brusco S. The Emilian Model: Productive Decentralisation and Social Integration // Cambridge Journal of Economics. 1982. Vol. 6(2). P. 168–169.
- Jacobs D. Clusters industrial policy and firms strategy // A menu approach technology analysis and strategic management. 1996. № 8(4). P. 425–437.
- Perroux F. Economic space: theory and applications // Quarterly Journal of Economics. 1950. Vol. 64(1). P. 89–104.
- Porter M. The Competitive Advantage of Nations. New York: The Free Press, 1990. 648 p.
- Rosenfeld S. Bringing Business Clusters into the Mainstream of Economic Development // European Planning Studies. 1997. Vol. 5(1). P. 4–8.

УДК 504.75

ББК 26.23 (2Рос=Калм)

ДЕГРАДАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИКАСПИИ

Э. Б. Габунцина

В задачу настоящего исследования входит анализ ситуации связанной с деградацией земельных ресурсов, которая сложилась в регионе Северо-Западного Прикаспия в конце XX в. По многим показателям Северо-Западный Прикаспий может служить ярким образцом аридного пояса России. Он охватывает все природно-климатические зоны, включенные ЮНЕСКО (1977) в состав аридных территорий (см. таблицу 1, составленную по: [Петров 1994: 15]). Особенно сильно пострадали от опустынивания пастбища российского Прикаспия общей площадью 12,6 млн га (Астраханская и Вол-

гоградская области, Дагестан, Калмыкия, восточные районы Ростовской области и Ставропольского края).

В последние годы в исследуемом регионе усиливается аридность климата (снижение суммы осадков с 350–400 до 200–250 мм и изменение индекса аридности от 0,50 до 0,20), доля опустыненных территорий в сельскохозяйственных угодьях постоянно возрастает: 30 → 50 % (Волгоградская и Ростовская области, Ставропольский край), 60 → 80 % (Астраханская область, Дагестан, Калмыкия).

Таблица 1. Природно-административное деление
Прикаспийского региона России (млн га)

Административ- ный район	Природная зона						Всего
	степная	сухо- степная	полу- пустынная	пустынная	субтропи- ческая	горная	
Астраханская область	–	0,02	0,97	3,42	–	–	4,41
Волгоградская область	3,97	6,47	0,97	–	–	–	11,41
Дагестан	–	1,31	0,88	–	0,10	2,74	5,03
Калмыкия	0,24	2,18	2,93	2,24	–	–	7,59
Р-ны Ростовской области	0,72	1,62	–	–	–	–	2,34
Р-ны Ставропольского края	0,09	1,65	0,64	–	–	–	2,38
Чечня и Ингушетия	–	0,42	0,42	–	–	1,09	1,93
Всего	5,44	13,67	6,39	5,66	0,10	3,83	35,09
%	15,5	39,0	18,2	16,1	0,3	10,9	100,0

При этом увеличиваются индекс опустынивания (I_d) и степень опустынивания¹

¹ Индекс опустынивания (I_d) — это доля площади, пораженной той или иной формой деградации, в общей площади угодий по 100-балльной шкале. Степень опустынивания, или дезертификации,

(C_d) (см. таблицу 2). При слабой C_d урожайность растительности снижается на 5 %, а при средней и сильной — на 30 и 70 % соответственно [Габунцина 2002: 11].

(C_d) — это показатель падения продуктивности угодий из-за опустынивания.

Таблица 2. Аридность климата (I_a), средневзвешенные суммарные индексы опустынивания (I_o) и доля пастбищ различной степени опустынивания (C_o) в опустыненной площади, %

Административная территория	I_a	I_o	C_o		
			слабая	средняя	сильная
Республика Дагестан	0,20–0,40	116	29,5	32,0	38,5
Республика Калмыкия	0,19–0,50	102	32,1	34,3	33,6
Ставропольский край	0,26–0,65	88	43,2	32,8	24,0
Астраханская область	0,20–0,35	37	48,4	40,4	11,2
Волгоградская область	0,30–0,50	62	52,4	20,2	26,4
Ростовская область	0,30–0,50	60	67,2	17,8	15,0

В Республиках Дагестан, Калмыкия и Астраханской области сосредоточены земли сильного и среднего природного и вторичного засоления, произошедшего на фоне значительных солезапасов в почво-грунтах, которые представляют собой территорию, охваченную в прошлом водами Хвалынского моря. Эрозией охвачены главным образом предгорья и горные районы Дагестана, а дефляцией — северо-запад Дагестана, юго-восточные районы Калмыкии и Астраханской области. В Астраханской области этот показатель более низкий, что объясняется огромной демпфирующей ролью Волго-Ахтубинской поймы, принимающей и гасящей избыточную антропогенную нагрузку с прилегающих земель области. В хрупких же районах-гигантах Дагестана (Ногайском, Тарумовском, Кизлярском, Бабаюртовском) и Калмыкии (Лаганском, Черноземельском и Яшкульском) на площади около 3,2 млн га индекс суммарного опустынивания варьирует от 120 до 160 баллов, а на долю сильно- и среднедеградированных угодий приходится 46–69 % затронутой опустыниванием территории. Здесь находится, как известно, первая европейская пустыня, возникшая на месте черноземельско-кизлярского пастбищного массива [Субрегиональная нацпрограмма ... 1999: 73].

Вместе с тем возрастает абсолютная и относительная доля засоленных и дефлированных земель в опустыненных пастбищах. На юге региона массивы таких земель становятся командными средоуправляющими ландшафтами, усиливающими аридность регионального климата и эдафическую неполноценность почвогрунтов. В этих условиях агролесомелиорация не имеет альтернатив как средство подавления процессов

деградации и способ трансформации деградированных земель в продуцирующие лесопастбищные угодья.

В XX в. особенно динамично развивалась дефляция, стремительно охватившая Черные земли в современных границах Каспийского, Черноземельского, Юстинского и Яшкульского районов Калмыкии, самых опустыненных районов Европы. Из-за распашки и более чем трехкратной перегрузки овцами площадь опустыненных до стадии барханного сбоя пастбищ возросла здесь в 1950–1970-е гг. с 5 до 37 % [Субрегиональная нацпрограмма ... 1999: 86].

Довольно высокими темпами деградировали земли в районах развития орошения. В Дагестане, Калмыкии, Ставропольском крае и Волгоградском Заволжье после освоения мелиоративно непригодных территорий площадь засоленных поливных угодий и прилегающих к ним пастбищ в 1986–1996 гг. увеличилась на 3–10 % [Субрегиональная нацпрограмма ... 1999: 91].

Эрозионное опустынивание пастбищ наблюдается в основном на Приволжской возвышенности в западных районах Волгоградской области и на Ергенинской возвышенности в Калмыкии. Наиболее динамично оно проявилось до середины 1980-х гг.: прирост эродированных пастбищ в 1980–1985 гг. достиг в Волгоградской области 2,4 % в год, а в 1985–1995 гг. он сократился до 0,4–0,5 % в год [Субрегиональная нацпрограмма ... 1999: 97].

Следует отметить регион Северного Кавказа (Республика Дагестан, Ставропольский край, Чеченская Республика), который в 1994–1996 гг. испытал и продолжает испытывать на себе последствия военных

действий, сказавшиеся на разрушении и деградации почвенно-растительного покрова, значительном загрязнении токсическими веществами [Субрегиональная нацпрограмма ... 1999: 121].

Рассмотрим особенности деградационных процессов отдельно по районам Северо-Западного Прикаспия.

Ростовская область. Это крупнейший и экономически важный регион Юга России, где отрасль сельского хозяйства представлена преимущественно зерноводческим и скотоводческим направлением с развитым производством подсолнечника, овощей и плодов. К характерным особенностям области, обусловленным географическим положением, кроме высокой плотности населения, относятся рост крупных городских агломераций с развитой промышленностью и транспортом, уникальный сельскохозяйственный потенциал. Высокие антропогенные нагрузки привели к значительному ухудшению состояния практически всех природных комплексов и активизации процессов деградации окружающей среды.

Но главным достоянием области являются ее почвенные и земельные ресурсы. В структуре почвенного покрова основную долю (57,9 %) занимают черноземы при толщине плодородного слоя до 1,5 м. Растительный покров относится к двум зонам: степной и сухостепной [Цвылев, Кириленко 1995: 17].

Благодаря своим ценным природным ресурсам донские степи к настоящему времени оказались трансформированным ландшафтом. Распашка их началась с середины XIX века. Сегодня сельскохозяйственные угодья (пашня, многолетние насаждения, сенокосы и пастбища) занимают 8,5 млн га (84,6 % территории области), в том числе пашня 6,1 млн га (60,1 %). Площади земель природно-заповедного фонда чрезвычайно малы и занимают менее 0,1 % от общей площади области [Цвылев, Кириленко 1995: 36].

Одной из важных экологических, экономических и социальных проблем области является опустынивание. Общая площадь земель, подверженных процессам опустынивания, составляет около 0,8 млн га. Наиболее актуальна эта проблема для аридных территорий юго-восточных районов области (Дубовский, Заветинский, Зимовниковский, Орловский и Ремонтненский), находящихся в соседстве с Республикой Калмыкия

и представленных сухими степями и полупустынями на темно- и светлокаштановых почвах, в различной степени засоленных. Опустынивание развивается здесь в результате деградации растительного покрова, ветровой и водной эрозии, засоления и заболачивания почв, дегумификации, техногенной деградации (в отдельных местах). Все это привело к снижению общей биопродуктивности экосистем, что в свою очередь обусловило сокращение кормозапаса пастбищ и их почвозащитной роли, стабильное снижение урожайности сельхозкультур, ухудшение условий жизни людей и повышение рискованности сельскохозяйственного производства [Цвылев, Кириленко 1995: 52].

Астраханская область. По данным государственного земельного кадастра, к концу XX столетия были образованы обширные площади засоленных земель — 1,1 млн га, с солонцовыми комплексами — 0,7 млн га, переувлажненных и заболоченных земель — 0,6 млн га. Дефляционно-опасные земли занимают 2,1 млн га, из них дефлировано — 0,7 млн га [Субрегиональная нацпрограмма ... 1999: 124].

В настоящее время сельскохозяйственные земли наиболее уязвимы при антропогенном вмешательстве. Около половины их охвачено активным опустыниванием, а остальная часть потенциально опасна в этом отношении из-за постоянной подверженности засухам и эрозии. Падает плодородие почв, идет их прогрессирующее иссушение. Наиболее выраженными деградационными процессами для территории области являются: засоление 29,6 % от общей площади земель сельхозназначения, осолонцевание — 25 %, переувлажнение и заболачивание — 11,3 %, дефляция — 10,6 % [Субрегиональная нацпрограмма ... 1999: 140].

Экологическая ситуация, сложившаяся на пастбищных землях области, вызывает особую тревогу, чрезмерная нагрузка и практика переложной системы земледелия привели к развитию процессов депрессии степных фитоценозов и опустыниванию территорий области. В настоящее время из 2,6 млн га пастбищ эрозиоопасные земли занимают 1,4 млн га, в том числе дефлированные 0,4 млн га, незакрепленные пески составляют 0,5 млн га. Средне- и сильно сбитые кормовые угодья занимают 1,2 млн га. Продуктивность пастбищ снизилась с 10–15 ц/га до 1–5 ц/га. Исчезают цен-

ные кормовые растения, которые замещаются вредными и ядовитыми растениями, эфемерами и однолетками. Так, в Наримановском и Лиманском районах они занимают более 20 % площади [Субрегиональная нацпрограмма ... 1999: 135].

Наряду с пастбищными «черными землями» на территории области, сформировались опасные очаги опустынивания в Харабалинском, Енотаевском, Красноярском, Наримановском и Лиманском районах, где деградированные кормовые угодья занимают около 50 % [Субрегиональная нацпрограмма ... 1999: 151].

Если степные районы области подвержены дефляционным процессам, то зона западно-подстепных ильменей оказалась в критической ситуации из-за осложнений гидрогеологического режима в этом районе и отрицательного антропогенного воздействия [Субрегиональная нацпрограмма ... 1999: 157].

Волгоградская область. Основу почвенного покрова составляют светло-каштановые почвы и солонцы, значительная часть которых занята естественными пастбищами. Здесь площадь пашни достигает 20 % и представлена более продуктивными каштановыми и лугово-каштановыми почвами в комплексе с солонцами до 20–30 % [Петров 1999: 4].

Сенокосные угодья расположены преимущественно по естественным лиманам и большим впадинам, где развиты лугово-лиманские почвы разной степени заболачивания и слитизации. В полупустынной части Волгоградской области сосредоточена большая часть орошаемых земель (50 %), используемых для возделывания кормовых и овощных культур [Петров 1999: 7].

Сильные засухи на территории области, которые провоцируют и ускоряют опустынивание земель, а также податливость почв дефляции и эрозии, засоленность почвогрунта определили причины проявления процессов опустынивания земель. Всего на территории области подвержено опустыниванию около 4 тыс. га сельхозугодий [Петров 1999: 11].

Степень охвата опустыниванием сельхозугодий области по состоянию на 1995–1996 гг. составила 8 786,2 тыс. га. Суммарный индекс опустынивания основной массы земель определяется в пределах 25–75 баллов [Петров 1999: 14].

На территориях, затронутых опустыниванием, усиливается чувствительность сельскохозяйственного производства к меняющимся метеорологическим условиям, при этом возрастает риск, обостряется социально-экологическая обстановка. В результате опустынивания уничтожается потенциал почвенного плодородия, сформировавшийся в ходе природных процессов и многовековой земледельческой практики, падает эффективность капитальных вложений в аграрную сферу, при этом возрастает рискованность всех отраслей сельскохозяйственного производства. Все это порождает множество социально-экономических и демографических проблем не только в очагах и ареалах опустынивания, но и на прилегающих территориях.

Наиболее важным аспектом в определении последствий опустынивания является оценка снижения продуктивности земель, затронутых деградацией, эталоном служит шкала бонитетов сельскохозяйственных угодий по зонам и видам угодий, оцененных в кормовых единицах (к. ед.).

Потери годичной продуктивности сельхозугодий в результате опустынивания составили в Волгоградской области по пашне 3 443, пастбищам 1 471, сенокосам 130 тыс. ц. к. ед. (всего 5 044 тыс. ц. к. ед.) [Петров 1999: 17].

Республика Дагестан. Территория Республики Дагестан с ее многообразием почвенно-климатических условий резко отличается от других областей и краев Северного Кавказа. Это обусловлено, прежде всего, вертикальной зональностью, сильной расчлененностью рельефа, воздействием Каспийского моря и прилегающих к нему пустынных равнин.

В настоящее время из общей территории республики 5,03 млн га сельхозугодьями занято 3 353,6 тыс. га (66,5 %), из них пашня занимает 464 тыс. га (9,2 %), многолетние насаждения 76,6 тыс. га (1,5 %), естественные кормовые угодья 2 810,4 тыс. га (50 %), леса и кустарники 9 %, песчаные массивы 6,6 %. Почвенный покров неоднороден по качеству и плодородию, 52 % подвержены водной и ветровой эрозии, 38 % засолены в различной степени, 60 % территории республики получают осадков менее 400 мм в год, а 25 % территории — менее 300 мм [Субрегиональная программа... 1999: 186].

По данным учета на 1 января 1997 г., сельскохозяйственные угодья Республики

Дагестан, подверженные водной и ветровой эрозии, занимают более 2 млн га (или 60 %), в том числе 1,2 млн га подвержены ветровой эрозии (61 % слабо, 27 % средне и 12 % сильно) [Субрегиональная нацпрограмма ... 1999: 186].

За период 1986–1996 гг. площади земель, подверженных водной эрозии, не изменились. Одновременно увеличилась на 174 тыс. га площадь земель, подверженных ветровой эрозии [Субрегиональная нацпрограмма ... 1999: 188].

Эрозия почв является наиболее опасным процессом, вызывающим деградацию, разрушение почвенного покрова и наносящим невосполнимый ущерб земельным ресурсам, окружающей среде и народному хозяйству.

Отсутствует надлежащий контроль за системой использования пастбищ со стороны землеустроительной, зооветеринарной и агрономической служб и местных администраций, имеют место случаи распашки пастбищ и возделывания на них овощных и бахчевых культур [Субрегиональная нацпрограмма ... 1999: 189].

Состояние Черных земель и Кизлярских пастбищ, занимающих 30 % территории Республики Дагестан и являющихся зоной отгонного животноводства для 17 районов республики, вызывает серьезную тревогу в связи с неблагоприятной экологической обстановкой в этом регионе. 78,5 тыс. га превращены в открытые пески, 33 % земель классифицируются как земли умеренного опустынивания, 41 % подвержен сильному опустыниванию и 8 % — очень сильному. Около 60 % пастбищ сбито в средней, сильной и очень сильной степени, 24 % засорены вредными ядовитыми травами, 71 % подвержены эрозии [Субрегиональная нацпрограмма ... 1999: 194].

Непоправимый вред пастбищам приносит нерегулируемый выпас скота. Перегрузка пастбищ в зависимости от зоны колеблется от 1,5 до 5 раз и более. Не соблюдаются сроки выпаса скота в соответствии с Генеральной схемой по борьбе с опустыниванием Черных земель и Кизлярских пастбищ [Габунщина 2010].

Республика Калмыкия. Природно-климатическая аридизация обусловлена географическим положением территории Калмыкии в условиях средних широт, подвержен-

ностью влияния азиатского антициклона, формированием резко-континентального климата. Атмосферная засуха способствует образованию суховеев (90–120 дней в год), при пыльных бурях сила ветра достигает 15–25 м/сек, температура воздуха поднимается до +35,5 °C, относительная влажность воздуха падает до 10–20 %, что ведет к разрушению песчаных слабозадернованных почв [Габунщина 2002: 5].

Среди природных факторов, определяющих опустынивание, необходимо учитывать и геологическое прошлое, которое обусловило широкое распространение солончаков, песчаных массивов, слабую дренированность, близкое залегание соленых грунтовых вод.

Во второй половине XX столетия степи Калмыкии в полной мере ощутили на себе устрашающие последствия трансформации сельскохозяйственных земель и в первую очередь пастбищ. Механизм опустынивания земель интенсивно заработал с начала 1960-х гг. [Габунщина 2002: 10]. Отказ от сезонного использования пастбищ и переход к их круглогодичному стравливанию; резкое увеличение поголовья скота без учета возможностей пастбищ; развитие орошаемого и богарного земледелия привели к ветровой эрозии и образованию развеваемых песков. В конце 1980-х гг. плановая нагрузка на пастбища по отношению к фактической урожайности увеличилась в 4 раза [Габунщина 2002: 14]. Такие действия совпали с циклом аридизации климата, что привело к нарушению хрупкого баланса взаимосвязей природы и человека.

Кроме того, в последние десятилетия в республике резко увеличилось воздействие таких антропогенных факторов, как рост засоленных и заболоченных земель на орошаемых и подтопляемых территориях, распашка, значительная техногенная нагрузка, которые ведут к разрушению «хрупкой» аридной экосистемы, превращению ее в песчаную и галофитную пустыни [Ташнинова 2000: 105].

Таким образом, сильное воздействие разнообразных антропогенных факторов на фоне жестких природных условий, ранимости и нестабильности экосистем Северо-Западного Прикаспия привело к сокращению площадей природных кормовых угодий, деструкции растительности,

эрозии и засолению почв, снижению продуктивности угодий, а на отдельных территориях — к полному изъятию земель из сельскохозяйственного оборота, превращению участков в бросовые земли. В настоящее время на территории Северо-Западного Прикаспия находится единственная в Европе пустыня, где более 80 % пастбищ сбиты и деградированы, а их продуктивность за последние 25 лет снизилась в 1,5 раза [Петров и др. 1996: 16].

Захватив огромные территории российского Прикаспия и резко сократив агроресурсный потенциал земли, деградационные процессы на неопределенно долгое время создали множество социально-экономических и демографических проблем в регионе, усилили экологическую и геополитическую напряженность не только в очагах и ареалах деградационных процессов, но и на соседних территориях.

Литература

- Габунцина Э. Б. Адаптивное лесохозяйственное природопользование в российском Прикаспии: автореф. дис. ... на соиск. учен. степ. д-ра с-х. н. Волгоград, 2002. 49 с.
- Габунцина Э. Б. Особенности развития сельского хозяйства Республики Калмыкия в переходный период // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 2. С. 92–97.
- Петров В. И., Зюзь Н. С., Кулик К. Н. Концепция адаптивного лесохозяйственного природопользования в аридной зоне. Волгоград, 1996. 32 с.
- Петров В. И. Опустынивание сельскохозяйственных угодий на юге России // Повышение продуктивности и охрана аридных ландшафтов. М.: РАСХН, 1999. С. 17–19.
- Субрегиональная национальная программа по борьбе с опустыниванием для юго-востока Российской Федерации. Волгоград, 1999. 313 с.
- Ташинова Л. Н. Красная книга почв и экосистем Калмыкии. Элиста: АПП «Джангар», 2000. 213 с.
- Цвылев Е. М., Кириленко З. А. Деградация почвенного покрова и опустынивание кормовых угодий Ростовской области. Волгоград: ВНИАЛМИ, 1995. С. 202–204.

ОБОБЩАЮЩИЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ КАЛМЫКИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

Результатом серьезной, многолетней работы калмыцких историков стал фундаментальный трехтомный труд «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней» (Элиста: Изд. дом «Герел», 2009. Т. 1. 848 с.: ил. Т. 2. 840 с., ил. Т. 3. 752 с., ил.). Предыдущая обобщающая работа по истории Калмыкии вышла более сорока лет назад (Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 480 с.; Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. М.: Наука, 1970. 430 с.). Рецензируемый труд заметно отличается от предыдущей работы не только значительно выросшим объемом, используемой источниковой базой, но и содержанием и подходами в освещении актуальных проблем и вопросов.

Стремясь к комплексному анализу истории Калмыкии, авторы избрали три магистральных исследовательских направления. Одно состоит в изучении прошлого территории, на которой располагается Республика Калмыкия в ее современных границах. Перед читателями вереницей проходят народы и культуры, сменявшие друг друга на протяжении столетий в широкой полосе приволжской степи. Другое — история калмыцкого народа, формирование которого началось в период средневековья в Центральной Азии, где в тесной связи с историей монголов разворачивалась его этническая предыстория. Третье — история культуры Калмыкии, которой совершенно правомерно уделено значительное внимание и посвящен отдельный том. Трехвекторный анализ материала позволяет представить историю и культуру республики как единый процесс, имевший свои истоки в южнороссийском и монгольском средневековье, проанализировать эволюцию калмыцкого народа вплоть до новейшего времени.

Еще одной особенностью работы является проблемное изложение истории со стремлением представить развитие научных взглядов на прошлое республики и ее народа. Этому способствуют обстоятельные вводные историографические и источниковедческие очерки к каждому тому, характеризующие состояние и перспективы

исследований по истории и культуре Калмыкии. Они не только дают представление о воззрениях отдельных ученых, но и свидетельствуют, как историография Калмыкии и калмыцкого народа вписывается в исторический и культурный контексты своего времени, как эти воззрения отражаются на современной исторической мысли.

К проблемным вопросам, получившим освещение в первом томе, относится этногенез калмыков. Вопросы этногенеза всегда относились к наиболее сложным историческим проблемам, поскольку письменных источников по этим проблемам сохранилось крайне мало: одни сложны для критики и герменевтики, другие — допускают еще более неоднозначную интерпретацию. Особая сложность анализа этногенеза калмыков связана с тем, что данный процесс происходил в условиях развитого феодального общества с глубокой государственной традицией и высокой культурой, способной к восприятию буддизма с его сложной философией. В то же время это было кочевое общество с его исключительно устойчивыми социальными и хозяйственными традициями. Выводы авторов о том, что этногенез калмыков был связан с консолидацией западных монголов начиная с XV в. в особую ойратскую народность, а с XVII в. обособление части ойратов привело к их самостоятельному развитию, получили глубокое обоснование.

Не менее сложной проблемой в истории калмыцкого общества, как и других кочевых средневековых сообществ, является характеристика сущности достигнутого ими общественного строя. Отмечая, что специфика кочевых сообществ с трудом вписывается в концепцию исторического процесса, созданную на анализе европейского материала, авторы не отрицают сложившихся в историографии объяснительных моделей для процессов развития центральноазиатских кочевых сообществ на основе формационной метатеории. В то же время обращается внимание на специфику такого феодализма по сравнению с феодализмом в оседлых обществах средневековья, проявившуюся в способе реализации феодальной собственности на

землю посредством распоряжения знатно кочевьями и пастбищами. Устойчивость родовых отношений, из которых к XVII в. вырастала общественная структура с основой в виде индивидуальной семьи-оома [Т. 1: 222], также обозначена как социальная особенность подобных сообществ. Повидимому, имеются серьезные основания для вывода о том, что такой общественный строй в значительной мере предопределял традиционализм и застой в развитии калмыцкого общества на протяжении длительного времени.

Процесс вхождения калмыков в состав России показан с учетом всей его сложности и противоречивости, без стремления к идеализации, отличавшей ряд предыдущих исследований. В рецензируемом издании обосновано, что калмыки в середине XVII в. добровольно вошли в состав России, образовав в 1670–1680-х гг. собственное государство — Калмыцкое ханство. По оценке авторов, отношения между Россией и ханством носили федеративный характер. Указано в связи с этим на противоречивую роль русских властей в формировании калмыцкой государственности, подчеркивается, что Русское государство было «повивальной бабкой при рождении не слишком желанного ребенка» [Т. 1: 350], которым и стало Калмыцкое ханство. Это дает основание представить общее устройство России XVII в. как сложную систему, в которой по отношению к сюзерену-царю на окраине страны существовал ряд вассальных образований, а Калмыцкое ханство было одним из них. Подчеркивается, что русское правительство поддерживало ханов в борьбе за политическое единство калмыков, поскольку с единой ханской властью было легче иметь дело, чем с отдельными властителями улусов, более склонными к самостоятельным действиям, а то и к прямым грабегам русских подданных.

В обобщающем труде детально прослежены сложные явления военно-политической истории ойратов, связанные с войной против монголов, внутренними междоусобицами и образованием Калмыцкого ханства, с деятельностью тайши Дайчина, тайши Мончака и крупнейшего из калмыцких властителей — Аюки, добившегося признания за собой ханского титула. Отражены особенности воинской службы калмыков и их участие в войнах, которые вела Российская империя, а также в подавлении народных движений при Аюке. Несколько большего внимания

заслуживает такое важное явление истории калмыков второй половины XVIII в., как откочевка в 1771 г. в Джунгарию во главе с наместником Убаши [Т. 1: 427–431].

Правомерно обращено внимание на участие ставропольских, оренбургских и уральских калмыков в Пугачевском восстании, при этом указано, что предводителями восставших калмыков были представители знатных фамилий. Это свидетельствовало о продолжении кризиса в отношениях между калмыками и имперскими властями, вызвавшего откочевку 1771 г. Интересно раскрыты вопросы истории калмыков в составе российского казачества. Представляется, что до сих пор нет ответа на вопрос о причинах неодинакового отношения к традиционному для калмыков буддизму в Войске Донском и в других казачьих войсках. Так, если донские казаки-калмыки оставались в своем большинстве буддистами, а миссионерская деятельность православного духовенства по отношению к ним не отличалась активностью, то в других казачьих войсках правительство уделяло существенное внимание христианизации казаков-калмыков, исповедовавших буддизм, достигая в этом определенных успехов.

Значительное внимание в работе уделено сложным процессам, имевшим место в Калмыкии на протяжении XIX в. Обращено внимание на развитие экономической и социальной структуры калмыцкого общества, на роль русских переселенцев в распространении у калмыков новых отраслей хозяйства. Вместе с тем авторами справедливо указано на наличие определенных противоречий между переселенцами и калмыками по земельному вопросу [Т. 1: 595].

Главным предметом изучения во втором томе стали сложные и драматические события, пережитые Калмыкией вместе со всей страной в конце XIX–XX вв., включая две мировые и Гражданскую войны, несколько революций, реформы, острые кризисы и другие грандиозные потрясения. Авторам в полной мере удалось «вписать» историю Калмыкии в контекст общероссийских социально-экономических и политических трансформаций, не раз сопровождавшихся радикальной сменой общественного строя. Раскрыть многие «белые пятна» истории Калмыкии позволило использование большого массива различных источников, включая рассекреченные в 1990-е гг. документы. Значительная часть из них была выявлена в

архивах непосредственно в процессе подготовки рецензируемой работы и впервые вводится в научный оборот.

В фундаментальном труде исследованы особенности ликвидации крепостничества в Калмыкии в процессе подготовки и принятия реформы 1892 г., давшей толчок для модернизации калмыцкого общества. При характеристике социально-экономического развития на рубеже XIX–XX вв. главное внимание закономерно уделено животноводству как ведущей традиционной отрасли хозяйства калмыков, но также рассматривается состояние земледелия, рыболовства и ремесла.

Общественно-политическая ситуация в Калмыкии в начале XX в. отразила специфику революции 1905–1907 гг. в национальных окраинах России. Важнейшим потрясением для России стала революция 1917 г., первоначально воспринятая многими калмыками сравнительно спокойно. Однако вскоре Калмыкия превратилась в зону активных боевых действий между различными противоборствующими силами, стремившимися использовать ее территорию и ресурсы в собственных интересах.

События Гражданской войны в регионе и процесс втягивания донских калмыков в конфликт рассмотрены достаточно подробно. Особый интерес представляет вопрос о вступлении калмыков в казачество как поиске собственного варианта выхода из сложившейся ситуации. Следует отметить, что, излагая рассматриваемые сюжеты на принципиально новой эмпирической основе, порой авторы используют прежнюю терминологию, в частности, характеризуя противников большевиков как «контрреволюционеров» или «белоказаков». Между тем уже сам приводимый материал свидетельствует о том, что Гражданская война выходила далеко за рамки дихотомического противостояния революционеров и контрреволюционеров.

В рецензируемой работе раскрываются последствия «военного коммунизма», влияние новой экономической политики и форсированного строительства социализма на развитие Калмыкии. Авторы показали глубокие преобразования в автономии в 1920–1930-е гг., связанные с переходом от кочевого к оседлому образу жизни, изменением самого способа хозяйствования (с кочевничества на стационарный). В отличие от работы советских историков в рецензируемом труде раскрываются и трагические события развития Калмыкии в советский период: го-

лод и раскулачивание, партийные чистки и массовые политические репрессии.

На основе новых материалов в работе рассматриваются такие традиционные для отечественной историографии сюжеты, как участие населения Калмыкии в боевых действиях и различных патриотических инициативах в годы Великой Отечественной войны. Всесторонне раскрыт вклад калмыцкого народа в дело достижения победы, показаны трагизм запоздалой эвакуации летом 1942 г., прошедшей с большими потерями, коллаборационизм части населения и особенности организации сопротивления захватчикам.

С учетом результатов последних исследований Н. Ф. Бугая, К. Н. Максимова, В. Б. Убушаева и других современных историков описаны депортация калмыков в 1943 г. и ее трагические последствия. Резко критикуя данную репрессивную акцию, оценивая ее как проявление политики геноцида, авторы в то же время не сводят причины принудительного выселения к субъективным факторам в отличие от ряда других региональных исследователей, обращающихся к теме депортаций советских народов. Подчеркнутое стремление оставаться на объективных позициях, опираться в своих выводах на исторические источники, прежде всего на официальные документы, характеризует в целом рассматриваемую работу.

В меньшей степени в ней оказались раскрыты вопросы пребывания калмыков на спецпоселении. Обращает на себя внимание, что эти сюжеты вообще относятся к сравнительно малоизученным проблемам в калмыцкой историографии. Между тем представляется достаточно перспективным осмысление данных вопросов на основе не только рассекреченных официальных документов, но и источников личного происхождения, позволяющих понять особенности выживания калмыков в ссылке, механизмы их адаптации к непривычным для себя природным и социальным условиям, а также отражение данных событий в исторической памяти народа.

Последний раздел второго тома содержит описание развития автономии после возвращения и реабилитации калмыков, восстановления республики. Главное внимание в нем уделено политическим и социально-экономическим преобразованиям в Калмыкии в 1960–1990-е гг. Так, достаточно подробно с приведением конкретных фамилий показаны изменения в составе депутатского корпуса

республики. Но почти ничего не говорится о жизни «рядовых» жителей республики, их мыслях и чувствах, социальных ожиданиях и возможностях их реализации — не менее актуальных проблемах, интерес к которым возрастает в современной зарубежной и российской историографии. В то же время в обобщающем труде раскрываются проблемы развития Калмыкии в пространстве нового российского федерализма, трудности перехода республики к рыночным отношениям.

Завершающий том, в подготовке которого приняло участие наибольшее количество авторов, вообрал в себя вопросы истории культуры Калмыкии. Особенности материальной культуры показаны через характеристику повседневного быта калмыцких скотоводов, типов жилища, интерьера, костюма и пищи, декоративно-прикладного искусства, военного дела и его эволюции в XVII–XIX вв. Все это позволило раскрыть особенности хозяйственно-культурного типа калмыцкого кочевого общества. Значительное внимание уделено и различным аспектам духовной культуры: народным знаниям в системе жизнеобеспечения калмыков, фольклору, включая, разумеется, героический эпос «Джангар» как важнейший памятник культуры, а также ойратско-калмыцкой письменности, музыке, изобразительному искусству и народным играм.

Авторы приходят к достаточно взвешенным оценкам трансформации культуры Калмыкии, отмечая как ее позитивные, так и негативные стороны: ликвидацию неграмотности и разрушение традиционных устоев, формирование национальной интеллигенции и вторжение процессов вестернизации и глобализации в современных условиях.

Специальный раздел посвящен религии в истории Калмыкии. В нем рассмотрены буддийские верования и соответствующая им обрядность, включая реликты шаманства и почитания животных, представления о происхождении мира, небесных светил, о человеке и душе. Несомненно, положительную роль в освещении данных сюжетов сыграло использование, наряду с официальными документами, полевых материалов. Глубокое обоснование в работе получил вывод об огромной роли буддизма в жизни калмыков. В утверждении буддизма, а также в распространении письменности и грамот-

ности среди калмыков значительную роль сыграла деятельность выдающегося просветителя калмыцкого народа Зая-пандиты [Т. 1: 218–219], но о его деятельности говорится немного. В качестве самостоятельного сюжета в коллективном труде рассматривается христианизация калмыков. Раскрывается и религиозная жизнь переселенческой Калмыкии.

В рецензируемом труде показана роль просветителей в развитии образования в Калмыкии, формирование системы светского и организация религиозного образования до революции 1917 г. Выделены характерные черты и основные направления создания советской школы, осмыслены ее судьба в годы Великой Отечественной войны и послевоенное время, зарождение и становление высшей школы, деятельность научных учреждений Калмыкии. В работе также нашли свое отражение вопросы возникновения и развития профессиональной культуры, литературы и печати, изобразительного искусства и архитектуры, здравоохранения, физкультуры и спорта.

Самостоятельную ценность представляют вспомогательные указатели: именной — ко всем томам, хронологический — к первым двум и терминологический словарь — к третьему тому. Публикуемые списки использованных источников и литературы представляют собой настоящие библиографические справочники по истории и культуре Калмыкии. Положительной оценки заслуживает и общее качество полиграфии издания, включая значительную часть приводимых в нем иллюстраций. К сожалению, надписи и обозначения на части карт в первом и втором томах практически не читаются, что лишает целесообразности их публикации в подобном виде и не соответствует общему достаточно высокому уровню фундаментального труда.

В целом представленная работа выходит далеко за рамки историографического события регионального масштаба. На фоне появления в последние годы различных сепаратистских и этнически окрашенных версий отечественной истории обращает на себя внимание стремление его авторов показать Калмыкию неотрывной частью России. Несомненно, что рецензируемый труд будет востребован не только профессиональным сообществом, но и широким кругом читателей.

*Е. Ф. Кринко, д-р ист. наук,
Н. А. Мининков, д-р ист. наук, профессор*

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

С 20 по 23 сентября 2011 г. состоялся Международный научный симпозиум, посвященный 70-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, в рамках которого были проведены две Международные научные конференции: «Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие» и «„Джангар“ и эпические традиции народов Евразии: проблемы исследования и сохранения». Проведение представительного форума ученых в Республике Калмыкия стало важным событием в научной жизни регионов Юга России.

К юбилею Института было приурочено выездное заседание Президиума ЮНЦ РАН, на котором был обсужден широкий круг вопросов, связанных с развитием науки в южнороссийском регионе. С основным докладом «Роль науки Калмыкии в развитии Южного федерального округа РФ» выступил Председатель Президиума ЮНЦ РАН, акад. Г. Г. Матишов. Состоялось обстоятельное обсуждение актуальных задач, стоящих перед учеными региона;

Целью научной конференции «Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие» являлось выявление актуальных проблем изучения историко-культурного наследия и современного состояния народов Юга России, определение эффективных путей их решения, укрепление международного и регионального научного сотрудничества. В работе конференции приняли участие более 120 ученых из академических институтов и высших учебных заведений научных центров РАН, Южного федерального и Северо-Кавказского федерального округов, а также востоковеды из Кыргызстана, Абхазии, Японии, Австрии, Германии, Монголии, КНР и др.

В рамках конференции проведены:

- круглый стол «Народы Юга России: стратегия взаимодействия и проблемы безопасности»;

- школа молодых ученых по теме «Вклад молодых ученых в инновационную деятельность: проблемы и пути их решения».

Участники конференции подчеркнули важность, актуальность и перспективность проведенной конференции и пришли к выводу о необходимости дальнейшего объединения усилий в изучении проблем социально-экономического и культурного развития народов России, перспектив гражданского общества и его трансформаций, взаимодействия и взаимовлияния различных народов и культур, в том числе в аспекте укрепления межнациональных отношений.

В работе Международной научной конференции «„Джангар“ и эпические традиции народов Евразии: проблемы исследования и сохранения» приняло участие около 50 ученых, в том числе фольклористы институтов РАН, зарубежные ученые-джангароведы, преподаватели вузов. Целью конференции являлись обобщение опыта изучения эпического наследия, обсуждение теоретических и практических вопросов эпосоведения, проблем сохранения и изучения героического эпоса «Джангар», внедрения информационных технологий в эпосоведческие исследования и др. География конференции охватила все страны, где бытует героический эпос «Джангар», — Россию, Китай, Монголию.

В ходе обсуждений и дискуссий участниками конференции было отмечено, что величайший памятник культуры калмыцкого народа «Джангар» еще не нашел соответствующей оценки со стороны федеральных и региональных властей, мировой науки и общественности. В рекомендациях был предложен ряд мер по дальнейшей популяризации эпоса «Джангар» как духовного наследия Российской Федерации: активизировать работу по подготовке материалов для включения калмыцкого героического эпоса «Джангар» в список объектов нематериаль-

ного наследия народов Российской Федерации и в список Всемирного наследия нематериальной культуры ЮНЕСКО от Российской Федерации; разработать теоретические и методологические принципы создания информационного портала, а также создать базы данных по жанрам фольклора, в том числе по героическому эпосу «Джангар», объединить усилия ученых Юга России по созданию академической серии «Памятники фольклора народов Юга России» и др.

В рамках симпозиума 23 сентября 2011 г. состоялся Круглый стол «Отечественное и зарубежное ойратоведение: состояние и перспективы развития», посвященный 5-летию со дня образования Центра по изучению истории, культуры и языка ойратов «Тод номын гэрэл» и 70-летию КИГИ РАН. В заседании приняли участие члены общественной организации «Тод номын гэрэл» д. и. н. Н. Сухэбаатар, д. ф. н. Б. Тувшинтогс, ученые КИГИ РАН, преподаватели КГУ, ученые из Китая, Австрии, Японии и др. В выступлениях были освещены научные изыскания по истории, культуре и языку ойратов, проводимые в России, Монголии и КНР. Отмечалось, что за 5-летний период сотрудничества между КИГИ РАН и «Тод номын гэрэл» была проделана большая работа: проведены 2 совместные международные экспедиции и 2 международные научные конференции, осуществлены 2 научных издательских проекта. В ходе работы круглого стола были обсуждены перспективы дальнейшего сотрудничества и взаимодействия в деле изучения историко-культурного наследия ойратов между учеными Калмыкии и Монголии.

В ходе симпозиума состоялась презентация коллективного научного труда «Том «Калмыки» серии «Народы и культуры» (23 сентября 2011 г.), в которой приняли участие ученые и преподаватели учебных заведений республики и научных институтов РАН, в том числе ответственные редакторы тома (д. и. н., проф., заведующий Центром азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН Н. Л. Жуковская и д. и. н., заместитель директора КИГИ РАН Э. П. Бакаева), а также ученые из зарубежных научных центров.

9 сентября 2011 г. в Доме Правительства Республики Калмыкия состоялась презентация коллективной монографии «История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг.», в которой приняли участие более 120 человек: ученые, преподаватели учебных заведений республики, учителя школ, представители государственных органов власти, общественных и религиозных организаций. Монография посвящена одному из сложных и практически не исследованных периодов в истории отечественного буддизма и является первой обобщающей работой по этой теме. Презентация книги прошла в форме конструктивного диалога ученых и учителей-практиков, участвующих в реализации на территории республики пилотного проекта по преподаванию курса «Основы религиозных культур и светской этики». Авторами дан краткий очерк истории распространения и функционирования одной из мировых религий среди российских народов. В коллективной работе приняли участие ученые их всех «буддийских» республик: д. ф. н. С. Ю. Лепехов, д. ф. н. Ц. П. Ванчикова (Бурятия); У. П. Бичелдей, д. и. н. Н. В. Абаев (Тува); д. ф. н. Т. М. Садалова (Алтай); к. п. н. Н. Г. Очирова, д. и. н. Э. П. Бакаева (Калмыкия).

24 ноября 2011 г. состоялась Республиканская научно-практическая конференция «Жизнь и деятельность Н. Очирова», посвященная 125-летию со дня рождения видного общественно-политического деятеля, ученого-гуманиста и просветителя Номто Очировича Очирова. В работе конференции приняли участие ученые КИГИ РАН, КГУ, члены Калмыцкого общественного благотворительного Фонда культуры «Наследие» им. Н. Очирова, представители Правительства РК, Министерства образования, культуры и науки РК, студенты и учащиеся учебных заведений республики, учителя и преподаватели, студенты и преподаватели Невинномысского института экономики, управления и права. Доклады и выступления были посвящены жизни и деятельности Номто Очирова, его роли в сохранении и изучении эпоса «Джангар», проблемам современного калмыцкого фольклора и др.

ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Археологические экспедиции

В сентябре археологами Института проведен ряд научно-изыскательских (разведывательных) археологических работ на территории районов Республики Калмыкия:

- в Ики-Бурульском районе на месте подключения Ики-Бурульского группового водопровода к Северо-Левомукумскому месторождению подземных вод (30 августа — 6 сентября 2011 г.).
- В Приютненском и Целинном районах Республики Калмыкия в рамках охранного археологического обследования по проекту «Прокладка волоконно-оптического кабеля в рамках проектирования и строительства волоконно-оптической системы передачи (ВОСП)» (8–21 сентября 2011 г.).
- В Яшкульском районе Республики Калмыкия в рамках охранного археологического обследования по проекту «Прокладка волоконно-оптического кабеля в рамках проектирования и строительства волоконно-оптической системы передачи (ВОСП)» (22–27 сентября 2011 г.).

Примечательно, что, работая по проектам охранного археологического обследования, археологи обнаружили следы так называемых исторических построек. Так, при работе в Ики-Бурульском районе республики на южном склоне реки Шаред были обнаружены следы зданий. Учитывая наличие на одной из построек черепицы, предполагается, что это здание могло принадлежать

хурулу. В сведениях о хурулах Манычского улуса XIX и начала XX в. упоминается Раши-Донроб малый хурул, являвшийся родовым для калмыков-бурулов. Этот хурул, по сведениям тех же источников, был кочевым: летом располагался на урочище Шаред, зимой — на Маныче. Археологами установлено точное место расположения буддийского монастыря XIX в.

Фольклорные экспедиции

Научные сотрудники отдела литературы, фольклора и джангароведения, письменных памятников и буддологии совершили экспедиционные выезды в Кетченеровский, Приютненский и Октябрьский районы республики для сбора рукописных памятников, полевых материалов. В ходе работы были описаны частные коллекции письменных памятников в п. Ульдючины, п. Заливной, п. Ики-Бухус, собран полевой фольклорный материал в с. Заливной Кетченеровского района.

Экологические экспедиции

Экологами Института проводились экспедиционные выезды в рамках выполнения работ по изучению пространственно-временной эволюции аридных экосистем Черных земель и Прикумской равнины Калмыкии с использованием геоинформационных систем (ГИС). Структура ГИС содержит сведения об изменении площадей открытых песков и солончаков на исследуемой территории.

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

В рамках продолжающихся исследований по проекту «Поселения в степи. Изучение образа жизни и хозяйства древнего населения волго-манычских степей» Институт совместно с Археологическим Ландесамтом Земли Шлезвиг-Гольштайн проведены геофизические исследования в Городовиковском и Кетченеровском районах республики.

В ходе выполнения данного проекта в августе 2011 г. в Археологическом центре Ландесмузея Земли Шлезвиг-Гольштайн, Евразийском Отделении Германского Археологического Института прошел научную стажировку младший научный сотрудник КИГИ РАН Э. А. Кекеев.

В рамках совместного проекта КИГИ РАН и Института языка и литературы АН Монголии издана в 2011 г. научная монография Э. У. Омакаевой «Типология моделирующих членов предложения в калмыцком и монгольском языках в свете глагольно-актантной теории».

КИГИ РАН и Центр по изучению истории, культуры и языка ойратов «Тод номын гэрэл» (Монголия) в сентябре 2011 г. подготовили очередной том серии «Библиотека Ойратика» на монгольском языке в г. Улан-Батор, в который вошли научные статьи ученых Института.

В июне 2011 г. ученый секретарь КИГИ РАН, к. ф. н. Е. В. Бембеев по приглашению

ученого-монголоведа, д. и. н., проф. Т. Улан посетил Северо-Западный университет национальностей г. Ланчжоу (провинция Ганьсу, КНР), где провел консультации по исследовательскому проекту «Письменные памятники XVII–XVIII вв. по истории ойратов на „Тодо бичиг“».

В течение года проводились консультации и обмен научной информацией с зарубежными коллегами из Казахстана, Монголии, Германии, США, Китая, Венгрии, Японии и др.

Научные сотрудники Института приняли участие в ряде международных научных конференциях за рубежом:

- Международная научная конференция, посвященная 100-летию независимости Монголии (проведена Посольством Монголии в Венгрии и Венгерской академией наук 20–22 апреля 2011 г., г. Будапешт, Венгрия);
- X Международный конгресс монголоведов (8–14 августа 2011 г., Улан-Батор, Монголия);
- Международный симпозиум «Герой и сказитель. Трансформация в устной литературе монгольских народов и их соседей» (23–28 октября 2011 г., г. Дюссельдорф, Германия, Севернорейнская Вестфальская академия науки и искусства);
- Международный научный симпозиум «Ойраты: вопросы истории и этнографии в новом свете» (6–7 ноября 2011 г., г. Осака, Япония);
- Международная научная конференция, посвященная 90-летию Института письменности и 50-летию Института языка и литературы Академии наук Монголии (21–24 ноября 2011 г., Улан-Батор, Монголия).

ПОДГОТОВКА КАДРОВ И ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ

В 2011 г. в очной аспирантуре Института обучалось 9 человек по трем специальностям — 07.00.02 «Отечественная история», 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (калмыцкий язык)», 10.02.22 «Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (монгольские языки)». В ноябре 2011 г. в ос-

новную очную аспирантуру на конкурсной основе зачислены 4 человека, окончили очную аспирантуру 4 человека.

С июня по декабрь 2011 г. научную стажировку в Институте этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая прошла научный сотрудник сектора этнологии, к. б. н. Н. В. Балинова.

Е. В. Бембеев
канд. фил. наук,
ученый секретарь КИГИ РАН

ИСТОРИЯ

Кукеев Д. Г. К вопросу о новых тенденциях в современной китайской историографии по Джунгарскому ханству

Статья посвящена освещению работ китайских исследователей Джунгарского ханства. Автор пытается выявить специфические черты концептуального подхода историков Китая, который применяется учеными при анализе истории Джунгарского ханства.

Ключевые слова: современная китайская историография, XVIII век, ойраты, Джунгарское ханство, концепция «великого единения».

Тепкеев В. Т. Первые контакты калмыков с органами управления и населением Астрахани в начале 30-х годов XVII века

Статья посвящена первым контактам калмыков с органами управления и населением Астрахани в начале 30-х гг. XVII в. На основе новых архивных материалов автор в данной статье пытается проследить хронологию событий в развитии русско-калмыцких отношений в районе Астрахани.

Ключевые слова: Дайчин, Хо-Урлюк, Астрахань, тайша, воевода, калмыки, ногайцы, шерт, русско-калмыцкие отношения.

Максимов К. Н. Донские калмыки в составе казачьих полков в походах и войнах России в начале XIX века

Статья посвящена описанию участия калмыков в составе донских полков в войнах, которые вела Россия в начале XIX в. вместе с антифранцузской коалицией против наполеоновских войск, а также с Османской империей и Швецией.

Ключевые слова: Франция, Россия, Турция, Швеция, война, сражения, Наполеон, Павел I, Александр I, Войско Донское, донские казачьи полки, калмыки.

Команджаев А. Н., Мацакова Н. П. Правительственная политика по отношению к калмыцкой знати во второй половине XIX века

Статья посвящена анализу основных направлений и результатов правительственной политики по отношению к калмыцкой знати во второй половине XIX в. Эта политика была составной частью административно-политического курса правительства в Калмыкии в рассматриваемый период. Ее целью была интеграция калмыцкого общества в российское общественное устройство, в том числе путем ограничения прав и привилегий калмыцкой знати, что было достигнуто реформой 1892 г.

Ключевые слова: политика, реформа, права, привилегии, унификация, национальная элита.

HISTORY

Kukeev D. Towards New Tendencies in Modern China Historiography about Dzungar Khanate

The article is devoted to the researches of the Chinese historians' activities, which are researching the history of Jungar Khanate. The author tries to reveal the specific features of the Chinese historians' concepts, which used by the scientists on the Jungar Khanate history's study.

Keywords: modern Chinese historiography, 18th century, the Oirats, Jungar khanate, «the great unity» concept.

Tepkeev V. First Contacts of Kalmyks with Public Authorities and Population of Astrakhan in the Beginning of the 30-s of XVII Century

The article is devoted to the first contacts of the Kalmyks with government bodies and population of Astrakhan in the early of 30-s of the XVIIth century. Basing on new archival materials in this article the author tries to trace the chronology of events in the development of the Russian-Kalmyk relations in the region of Astrakhan.

Keywords: Daichin, Kho-Urlyuk, Astrakhan, Tayisha, governor, Kalmyks, Nogays, shert, Russian-Kalmyk relations.

Maksimov K. Don Kalmyks in the Cossack Regiments in Campaigns and Wars of Russia in the Beginning of XIX Century

The article is devoted to the description of participation of the Kalmyks in the body of Don regiment in the wars waged by Russia at the beginning of the XIX century with anti-French coalition against Napoleon's army, with the Ottoman Empire and Sweden.

Keywords: France, Russia, Turkey, Sweden, war, battles, Napoleon, Paul I, Alexander I, Don Army, Don Cossack regiments, Kalmyks.

Komandzhaev A., Matsakova N. Government Politics towards Kalmyk Nobility in the Second Part of the XIX Century

The article is devoted to the analysis of the main directions and results of government politics to the Kalmyk elite in the second half of the 19th century. This politics was a part of the administrative and political course of government in Kalmykia of that time. The purpose of this politics was an integration of Kalmyk society into Russian social organization, attained by limitation the Kalmyk elite's rights and privileges during the reform of 1892.

Keywords: policy, reform, rights, privileges, unification, national elite.

Мацакова Н. П. Общественный строй калмыков в XIX веке: историографический аспект

Статья посвящена анализу точек зрения и мнений о характере общественного строя калмыков в XIX в. различных исследователей дореволюционного, советского и современного периодов. Значительное внимание при анализе этой темы автор уделяет трактовке монголо-ойратских законов 1640 г.

Ключевые слова: общественный строй, феодализм, кочевники, сословие, социальная структура.

Убушаев Е. Н. Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи в Калмыкии (1920–1930-е гг.)

В статье рассматривается процесс создания крестьянских комитетов общественной взаимопомощи в Калмыкии. Автором описаны основные направления их деятельности и роль в социальной политике Советского государства.

Ключевые слова: социальная политика, крестьянские комитеты общественной взаимопомощи.

Волосухина Н. И. Денежная реформа 1922–1924 гг.: проблема формирования бюджета (на материалах губерний Нижнего Поволжья)

В статье анализируется сложный процесс восстановления бюджетной системы в первые годы советской власти, когда финансовая система государства была фактически разрушена. Необходимо было срочное проведение денежной реформы, что было невозможно без осуществления ряда мероприятий, одним из которых безусловно являлось формирование бездефицитного бюджета.

Ключевые слова: новая экономическая политика, финансовая политика, денежная реформа, бюджет.

Бадугинова М. В. Роль «красных кибиток» в системе охраны здоровья населения Калмыкии в 1927–1931 гг.

Статья посвящена истории возникновения «красных кибиток» и их вкладу в развитие системы здравоохранения Калмыкии. В работе дана оценка лечебно-профилактической и санитарно-гигиенической деятельности «красных кибиток» в деле охраны здоровья населения Калмыцкой области в период 1927–1931 гг. Автором используются ранее не введенные в научный оборот архивные материалы.

Ключевые слова: «красные кибитки», история здравоохранения Калмыкии, Калмыкия в 20-х годах XX в.

Сартикова Е. В. Религиозное образование у народов Поволжья в начале XX века

В статье рассматривается образовательная политика России среди народов Поволжья в начале XX в., которая осуществлялась посредством религиозного просвещения. Конфессиональное многообразие в крае порождало различные подходы к просвещению мусульман, буддистов и др. Государство и церковь внедряли систему Н. И. Ильминского через миссионерские школы, сыгравших положительную роль в просвещении нерусских народов Поволжья.

Ключевые слова: Поволжье, религиозное образование, образовательная политика.

Matsakova N. Social System of the Kalmyks in the XIX Century: Historiographical Aspect

The article is devoted to the analysis of the different opinions about character of the Kalmyk social system of the 19th century in the pre-revolutionary, soviet and modern periods. Considerable attention is paid to the interpretation of Mongol-Oirat laws of 1640.

Keywords: social system, feudalism, nomads, estate, social structure.

Ubushaev E. Peasant Committees of Social Mutual Aid in Kalmykia (1920–1930)

The article deals with the process of creation of the peasant committees of social mutual aid in Kalmykia. The author describes the principal directions of their activity and role in the social politics of the Soviet state.

Keywords: social policy, peasant committees of beneficial assistance.

Volosuhina N. Monetary Reform of the 1922–1924: Problem of Forming Budget (based on materials of Guberniyas of the Lower Volga Region)

The article discusses the difficult process of restoration of the budget system in the first years of the Soviet governance, when the financial governmental system was practically ruined. It was necessary to perform a monetary reform, which was impossible without a number of actions, one of which, undoubtedly, was the formation of deficit free budget.

Keywords: new economic policy, financial policy, currency reform, budget.

Baduginova M. V. Role of «Red Kibitkas» in Healthcare System of Population of Kalmykia in the 1927–1931

The article is dedicated to the history of the appearance of «red kibitkas» (nomadic wool tents) and their contribution to the development of healthcare system of Kalmykia. The article gives estimation to the general health, sanitary and hygienic activity of the «red kibitkas» for the national healthcare in the Kalmyk region in 1927–1931. The author uses the archive material that has not yet been put into scientific use.

Keywords: «red kibitkas» (nomadic wool tents), the history of the Kalmyk healthcare, Kalmykia in 1920-s.

Sartikova E. V. Religious Education of the Peoples of the Volga Region in the Beginning of the XX century

The article describes the educational politics of Russia among the peoples of Volga Region in the beginning of the XX century which was carried out by means of religious education. Confessional variety in the region derived the various approaches to the education of Moslem, buddhists, etc. The state and church inculcated the system of N. Ilminskiy through missionary schools, played the positive role in education of non-Russian peoples of Volga Region.

Keywords: Povolzhye, religious education, educational politics.

Федин С. А. Частное предпринимательство и борьба государства с ним в 1945–1953 гг. (на материалах Нижнего Поволжья)

В статье анализируются основные тенденции отношения государства к частному предпринимательству в послевоенный период на примере Нижнего Поволжья, где главными видами частнопредпринимательской деятельности являлись организация мелких кожевенных, чувячных и других производств, а также судостроение. Прокуратура, партийные органы провели решительную борьбу с частником. Однако автор пришел к выводу, что, несмотря на очень жесткое законодательство, властям так и не удалось уничтожить нелегальные способы производства и товарооборота.

Ключевые слова: частник, лжеартель, кооперация, уголовное законодательство.

Виноградов С. В. Рыбная промышленность Волго-Каспийского бассейна в 1918–1991 гг. (опыт анализа эффективности партийно-государственного руководства отраслью)

Статья является результатом изучения истории рыбной промышленности Волго-Каспийского бассейна в советский период (1918–1991), т. е. с момента национализации отрасли и до распада Советского Союза. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что упадок рыбной промышленности в регионе в конце XX и начале XXI в. наступил в результате сознательных управленческих решений, приведших к нарушению экологического баланса и положивших рыбные богатства края на алтарь индустриализации.

Ключевые слова: рыбная промышленность, Волго-Каспийский бассейн, ловец, партийно-государственное управление.

Марзаева М. Б. Русская православная церковь Калмыкии (1990–2010 гг.)

В статье рассматривается процесс православного возрождения в Калмыкии. Определены этапы развития современного православия в республике, отмечаются особенности становления православной епархии Калмыкии.

Ключевые слова: возрождение православия, Элистинская и Калмыцкая епархия, религиозные организации, паломничество по святым местам.

Самбуудавая М. Становление многопартийной системы в современной Монголии

В статье рассматриваются актуальные вопросы истории Монголии, связанные с процессом формирования многопартийной системы в конце XX в., победой демократической революции в Монголии весной 1990 г., принятием Конституции Монголии 1992 г., имевшем большое значение в демократизации современного монгольского общества.

Ключевые слова: Монголия, конституция, МНРП, МДС, демократия, перестройка, демократическое движение.

Fedin S. Private Enterprise and Fight of the State in the 1945–1953 (on the materials of the Lower Volga Region)

The paper analyzes the key trends state's attitude towards private enterprise in the postwar period, with examples of areas of the Lower Volga region, where the main types of private business were an organization of small tanneries, chuvyachnyh and similar industries, and shipbuilding. The prosecutor's office, party authorities took decisive struggle against privateers. That was the aim of the legislative acts. However, the author concluded that the authorities have failed, despite the very stringent legislation to destroy the illegal methods of production and trade.

Keywords: owner-driver, lzharteli, cooperation, criminal legislation.

Vinogradov S. Fishing Industry of the Volga-Caspian Bassin in the 1918–1991 (analysis of the efficiency of the Party and State control over the industry)

The article presents the result of studying the history of fishing industry of the Volga-Caspian basin in the Soviet period (from 1918 to 1991), that is from the moment of nationalization of industry and up to the Soviet Union disintegration. Having carried out the research the author makes the conclusion that the decline of fishing industry in the region in late 20th – early 21st centuries came as a result of conscious management decisions which resulted in disruption of the ecological balance and put the fish wealth of the region on the altar of industrialization.

Keywords: fishing industry, the Volga-Caspian basin, fisherman, party and state control.

Marzaeva M. Russian Orthodox Church of Kalmykia (1990–2010)

The article discusses the process of the Orthodox revival in Kalmykia. The author defines stages in the development of contemporary Orthodoxy in the republic, marks peculiarities of formation of the Orthodox Diocese of Kalmykia.

Keywords: Orthodox revival, Diocese of Elista and Kalmykia, religious organizations, pilgrimage to holy places.

Sambuudavaa M. Formation of Multiparty System in Modern Mongolia

The article deals with the actual problems connected with process of multiparty system development in Mongolia in the end of XX century, victory of democratic revolution in spring of 1990 and adoption of Mongolian Constitution of the 1992 having considerable importance in the democratization of modern Mongolian society.

Keywords: Mongolia, Constitution, MPRP, MDU, democracy, perestroika, democratic movement.

АРХЕОЛОГИЯ

Кольцов П. М. Тюркский период в этнической истории Северо-Западного Прикаспия по данным археологии

В статье рассматривается тюркский период в контексте этнической истории Северо-Западного Прикаспия на основе археологических данных. Считается, что вследствие нестабильности этнической обстановки в восточноевропейской степи выявить довольно сложно, какие племена и в какое время проживали на территории Северо-Западного Прикаспия. Однако на основе анализа данных археологических раскопок удалось установить, что в период с конца IV в. и до 30-х гг. XIII в. население в регионе состояло из остатков сармато-аланских племен и пришедших вместе с гуннами народов тюркской этнической общности (акациры, басылы, огоры, савиры, печенеги, огузы, половцы и др.).

Ключевые слова: племена, переселение народов, сарматы, тюрки, гунны, Прикаспий, археологический материал.

ЭТНОЛОГИЯ

Бакаева Э. П. Калмыки-цаатаны: к проблеме происхождения этнической группы и этимологии этнонима

Статья посвящена проблеме происхождения этнической группы *цаатн*, представители которой проживают в Калмыкии и Монголии. Рассматриваются основные версии этимологии этнонима. Показано, что в этногенезе цаатанов, вероятно, принимали участие тюркские этнические группы.

Ключевые слова: западные монголы, ойраты, калмыки, цаатаны, тувинцы, этнонимы, этимология, сакральные маркеры.

Бичеев Б. А., Кукеев А. Г. О религиозных представлениях древних тюрков и монголов

Статья посвящена проблеме выявления системообразующих элементов религиозной картины мира монголов и алтайцев на основе анализа трансформационных и стабилизационных факторов их традиционных верований.

Ключевые слова: центрально-азиатский религиозный комплекс, тенгрианство, монголы, алтайцы.

Манджиева Б. Б. Традиционные способы сидения калмыков (по полевым материалам)

Статья посвящена описанию традиционных способов сидения калмыков в зависимости от возраста и социального положения.

Ключевые слова: поза сидения, сказитель, сидящий, нормы этикета, запреты.

ARCHEOLOGY

Koltsov P. Turkic Period in the Ethnic History of the North-West Caspian from Data of Archeology

The article considers the Turkic period in the context of history of North-West Caspian region based on the data of archeology. It is considered that in consequence of instability of the ethnic situation it is rather difficult to reveal what tribes and when lived on territory of North-West Caspian region. However based on analysis of data of archeological excavations it is possible to find out that at the time since the end of the 4th century till the 30-es of the 13th century the population in the region consisted of the remains from sarmat-alan tribes and those peoples of the Turkic ethnic group (akatsiry, basily, ogory, saviry, pechenegy, oгуzy, polovtsy), who came together with the Huns.

Keywords: tribes, transmigration, Sarmats, Turks, Huns, Caspian region, archeological material.

ETHNOLOGY

Bakaeva E. Tsaatan Kalmyks: towards One Problem of Origin of the Ethnic Group and Ethymology of the Ethnonim

The article is devoted to the problem of the origin of the Tsaatan ethnic group whose representatives live in Kalmykia and Mongolia. The basic versions of etymology of the name of this ethnic group are considered. It is shown that in the formation of Tsaatan Kalmyks Turkic ethnic groups took part.

Keywords: western Mongols, Oirats, Kalmyks, Tsaatan, Tuvinians, ethnonymes, etymology, sacral markers.

Bicheev B., Kukeev A. About Religious Ideas of the Ancient Turkey and Mongols

The article is devoted to the problem of exposure of the system forming elements of the religious world view of the Mongols and the Altays based on analysis of the transformation and stabilization factors of their traditional beliefs.

Keywords: The Central-Asian religious complex, Tengri, Mongols, Altays.

Mandzhieva B. Traditional Ways of Sitting of Kalmyks (based on field material)

The article is dedicated to the description of the traditional ways of sitting in accordance with age and social status.

Keywords: pose of sitting, storyteller, sitting, etiquette rules, bans.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Команджаев Е. А. Правовой статус калмыцкой знати в XIX веке

На основе привлечения российских нормативно-правовых актов и литературных сведений автор рассматривает эволюцию правового статуса калмыцкой знати в XIX в. По мнению автора, сословная структура калмыцкого общества, хотя и имела свои особенности, претерпела значительное правовое урегулирование в XIX в. в связи с интеграцией в общероссийскую систему.

Ключевые слова: калмыки, сословная структура, правовой статус, нормативно-правовые акты.

Лиджеева К. В. История становления и развития до-революционного патентного права в России

В статье анализируются первые нормативно-правовые акты патентного законодательства, появившиеся в период Российской империи в XVIII–XIX вв., которые легли в основу современного патентного права России.

Ключевые слова: изобретение, манифест, открытие, патент, патентное право, привилегия, патентное право, положение, Сенат, указ.

Лиджеева К. В., Насунова Б. Б. Правовое положение автора как субъекта интеллектуальных прав

В статье рассматривается правовое положение автора, его соавторов и правопреемников как субъектов интеллектуальных прав в Российской Федерации на основе действующего законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: автор, авторское право, Верховный суд, Гражданский кодекс, законодательство, правопреемники, произведение, соавторы, субъект, физическое лицо.

Буринова Л. Д. Конституционно-правовые основы субъектного парламентаризма и его особенности

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования парламентов субъектов Российской Федерации. На основе анализа статей Конституции РФ обосновывается необходимость организации законодательной власти в регионах и описываются ее особенности. Обращается внимание на то, что недостаточная политическая активность равно как отсутствие экономической самостоятельности большинства российских регионов есть следствие слабости и незавершенности внедрения демократических начал и элементов парламентаризма в субъектах РФ.

Ключевые слова: парламентаризм, парламент, политика, государство, законодательная власть, суверенитет, демократия.

JURISPRUDENCE

Komandzhaev E. Legal Status of the Kalmyk Nobility in the XIX century

The author considers the evolution of the legal status of the Kalmyk nobility in the XIX century on the basis on the using the Russian normative-legal documents and literary information. To the author opinion, the class structure of the Kalmyk society had its own peculiarities, but had meaningful changes of the legal settlement in the XIX century because of the integration in the Russian national system.

Keywords: Kalmyks, the class structure, the population's legal status, the normative-legal documents.

Lidzheeva K. History of Formation and Development Pre-revolutionary Patent Law in Russia

In the article the first regulatory legal acts of the patent legislation which have appeared in the Russian empire in the XVIII–XIX centuries which have laid down in a basis of formation of a patent right of Russia are analyzed.

Keywords: invention, manifesto, opening, patent, a patent right, privilege, a patent right, position, Senate, decree.

Lidzheeva K., Nasunova B. Lawful Position of Author as a Subject of Intellectual Law

The article considers the legal position of the author, his collaborators and successors as subjects of intellectual property rights in the Russian Federation on the basis of existing legislation and enforcement.

Keywords: author, copyright, Supreme Court, Civil Code, legislation, assignees, product, co-authors, the subject, individual.

Burinova L. Constitutional and Legal Basis of Subject Parliamentarism and its peculiarities

The questions of the legal regulation of parliaments of subjects of the Russian Federation are examined in the article. On the basis of analysis of the articles of Constitution of the Russian Federation the necessity of organization of legislative power in regions is grounded and its features are described. Attention is drawn to the fact that the lack of political activity as well as the lack of economic independence of the majority of the Russian regions is a consequence of the weakness and incompleteness of the implementation of democratic principles and elements of the parliamentarism in the Russian regions.

Keywords: parliamentarism, parliament, politics, state, legislative power, sovereignty, democracy.

Кекеев Б. А. Принятие Степного Уложения (Конституции) Республики Калмыкия и начало деятельности Народного Хурала (Парламента) РК в 1993–1995 гг.

В работе рассматриваются вопросы развития парламентаризма в Республике Калмыкия и отражен переход представительной власти Республики Калмыкия к новому — Народному Хуралу (Парламенту) РК. Впервые исследованы новые законодательные инициативы Народного Хурала (Парламента) РК по важнейшим вопросам общественной и политической жизни республики.

Ключевые слова: развитие парламентаризма, Народный Хурал (Парламент) Республики Калмыкия, переходный период, законодательные инициативы.

Kekeev B. Adoption of Stepnoe Ulozhenie (Constitution) and Beginning of activity of Narodnyy Khural (Parliament) of RK in the 1993–1995

The paper deals with the development of parliamentarism in the Republic of Kalmykia, and reflects the transition of the legislative branch of the Republic of Kalmykia to Narodnyy Khural (Parliament) of the RK. The new legislative initiatives of the Narodnyy Khural (Parliament) of the RK on the major issues of social and political life of the republic are investigated for the first time.

Keywords: development of parliamentarism, Narodnyy Khural (Parliament) of the Kalmyk Republic, transitional period, parliament's initiatives.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Рассадин В. И., Трофимова С. М. Сравнительное исследование звукового строя языка дербетов Калмыкии и Монголии

В статье в сравнительном плане исследуются фонетические системы языков дербетов Калмыкии и Монголии. Рассмотрены вокализм, консонантизм, особенности образования долгих и неясных

гласных, поведение звуков в потоке речи. Выявлены общие черты фонетики языка дербетов Калмыкии и Монголии и отличия в языке дербетов Монголии, развившиеся под халхаским влиянием.

Ключевые слова: звуковой строй, вокализм, консонантизм, общедербетский, дербетский говор Калмыкии, дербетский говор Монголии.

LINGUISTICS

Rassadin V., Trofimova S. Comparative Research of Sound Structure of Dörbet Languages of Kalmykia and Mongolia

The article provides a comparative research of phonetic systems of the Dörbet languages of Kalmykia and Mongolia. Vocalism, consonantism, peculiarities of long and unclear vowel formation, sound behavior in a talkspurt are being dealt with. There have been outlined common features of phonetics of the Dörbets of Kalmykia and Mongolia and differences in the language of Mongol Dörbets that developed through Khalka influence.

Keywords: sound structure, vocalism, consonantism, common Dörbet, Dörbet dialect of Kalmykia, Dörbet dialect of Mongolia.

Бадгаев Н. Б. Основные проблемы сравнительного изучения лексики монгольских языков: история вопроса и перспективы исследования

В данной статье автор попытался обобщить результаты лексикологических исследований по калмыцкому языку и выявить проблемы системного описания эволюции калмыцких слов, обусловленной как внутренними закономерностями развития самой системы, так и внешними условиями развития калмыцкого языка.

Ключевые слова: лексика, монгольские языки, сравнительно-исторический метод, история вопроса, перспективы.

Badgaev N. The Main Problems of the Comparative Study of Mongolian Languages' Vocabulary: Background and of research prospects

In this paper the author attempted to summarize the results of Kalmyk studies on lexicology and identify systemic problems of the evolution of Kalmyk words, due to both internal laws of the system and the external conditions of the Kalmyk language development.

Keywords: vocabulary, Mongolian languages, the comparative historical method, background, perspectives.

Очирова Н. Ч. Об устаревшей лексике в калмыцком художественном тексте (на материале прозы К. Эрендженова)

Статья посвящена выявлению основных тематических групп устаревших слов в идиостиле К. Эрендженова. В ходе анализа материала исследования было выявлено, что использование писателем устаревшей лексики выступает в качестве основного стилистического приема создания определенного колорита эпохи, исторической картины быта калмыцкого народа.

Ключевые слова: калмыцкий язык, устаревшие слова, историзм, архаизм, художественный текст, идиостиль К. Эрендженова.

Ochirova N. About the Out-of-dated Lexicon in the Kalmyk Artistic Text (based on material of K. Erendzhenov's prose)

The article is devoted to the revealing of identifying the main thematic clusters of outdated words in K. Erendzhenov's prose. In analyzing the research material has been found, that the using of outdated lexicon by author is a basic stylistic way of creation of certain color of epoch, historical picture of mode of life of Kalmyk people.

Keywords: Kalmyk language, out-of-dated words, historicism, archaism, artistic text, K. Erendzhenov's idiosyncrasy.

Монраева Э. М. Антропотопонимы Синьцзяна (на материале географических названий Баингол-Монгольского и Бортала-Монгольского автономных округов)

В статье рассматриваются антропотопонимы Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Выявленные автором антропотопонимы свидетельствуют о том, что в топонимии Синьцзяна антропонимы широко используются для образования географических названий.

Ключевые слова: топонимика, топонимика Синьцзяна, антропотопоним.

Омакаева Э. У. Категориальный аппарат современного калмыцкого синтаксиса и семантики в свете функциональной теории

В статье рассматривается общая стратегия изысканий в данной области монголистики как переход от общеторетического осмысления синтактико-семантических категорий к их конкретному функциональному описанию на материале типологически мало используемого современного калмыцкого языка в сопоставлении с другими языками монгольской группы и, шире, алтайской семьи, а также с привлечением данных русского языка как языка иной типологии и языка описания. Проведенное исследование открывает перспективы дальнейшей, более детальной разработки вопросов, связанных с синтаксисом и семантикой высказывания.

Ключевые слова: синтаксис, семантика, категория, модель, функционализм.

Радионов А. В. Функционирование вокативов в семейном дискурсе (на примере ойратского и английского языков)

В статье рассматриваются средства адресации, функционирующие в семейном дискурсе. Сбор материала проводился при помощи интервьюирования. Делается попытка сравнительного анализа вокативов на примере английского и малоизученного ойратского языков.

Ключевые слова: термины родства, вокатив, апеллатив, английский язык, ойратский язык.

Куприянова С. К. Калмыцкие паремии о речевом поведении в свете современной лингвопрагматики

Статья посвящена изучению особенностей коммуникативного поведения калмыцкого этноса, отраженных в паремиологических единицах данного языка. Паремии, являясь национальными стереотипами, определяют речевое поведение коммуникантов, что влияет на выбор коммуникативных стратегий и тактик (стратегий дистанцирования или сближения). Вместе с тем паремии отражают универсальные правила речевого поведения, максимы Г. Грайса и Дж. Лича.

Ключевые слова: паремия, коммуникативное поведение, максимы Г. П. Грайса и Дж. Лича, позитивная и негативная вежливость П. Браун и С. Левинсона.

Monraeva E. Antropotoponyms of Xinjiang (based on material of geographical names of Baingol-Mongolian and Bortala-Mongolian Autonomous Okrugs)

This article considers antropotoponyms of Xinjiang Uygur Autonomous Region of China. The revealing by author antropotoponyms show that in the toponymy of Xinjiang proper names are widely used for the formation of geographical names.

Keywords: toponymies, toponymy of Xinjiang, antropotoponym.

Omaeva E. The Category Apparatus of Modern Kalmyk Syntax and Semantics in Light of Functional Theory

The article deals with the overall strategy of research in this area of Mongolistics as a transition from the general theoretical understanding of syntactic and semantic categories to their specific functional description on the material of modern Kalmyk language in comparison with other languages of the Mongolian group and, more broadly, of the Altai family, as well as with data of the Russian language as a language of different typology and as a language of description. This study opens up prospects for further, more detailed analysis of issues associated with the syntax and semantics of the utterance.

Keywords: syntax, semantics, category, model, functionalism.

Radionov A. Functioning of Vocatives in the Family Discourse (based on Oirat and English language)

The article deals with address terms that function in family discourse. The material was collected through means of interviewing. There is made a tentative attempt of comparative analysis of vocatives in English and still underresearched Oirat languages.

Keywords: kinship terms, vocative, appellative, English, Oirat.

Kupriyanova S. Kalmyk Paremiology of Speech Behavior in the Light of Present-Day Linguopragmatics

The article is devoted to the researching of peculiarities of communicative behavior of the Kalmyks reflected in paremiological units of this language. Being national stereotypes, paremiology determine the participants' communicative behavior (distance and convergence strategies). However, they reflect the universal rules of verbal behavior, G. Grice's and G. Leech's maxims.

Keywords: paremia, communicative behavior, G. P. Grice's and G. Leech's maxims, P. Brown and S. Levison's positive and negative politeness.

Куканова В. В. Лейтмотив «Метаморфозы» в поэтических произведениях Р. М. Ханиновой

Статья посвящена анализу лейтмотива «метаморфозы» в поэтических произведениях Р. М. Ханиновой, русскоязычного поэта Калмыкии. Выявлены при помощи семантико-стилистического анализа текстов стихотворений структурные элементы данного лейтмотива и ряд других семантических доминант, тесно связанных с его реализацией.

Ключевые слова: Р. М. Ханинова, цикл «Метаморфозы», лейтмотив, семантическая доминанта текста, картина мира, межкультурная коммуникация.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ханинова Р. М. Об антропологической поэтике русской прозы 1920-х гг.

В статье рассматриваются некоторые аспекты антропологической поэтики русского рассказа и русской повести 1920-х гг. на примерах произведений Б. А. Лавренева, А. Н. Толстого, С. Д. Кржижановского. Исследованы понятия «революционного трансвестизма» и офтальмологической топофилии, которые определяют роль и место женщины на войне, визуальный код телесности персонажа, способствующий обнаружению или исчезновению персонального «счастливого пространства».

Ключевые слова: антропологическая поэтика, «революционный трансвестизм», офтальмологическая топофилия.

Очирова Э. Б. Ёорял в сборнике М. Хонинова «Байрин дуд»

В статье выявляются жанровые традиции ёоряла в ранней лирике Михаила Хонинова, в частности, в первом стихотворном сборнике «Байрин дуд» («Песни радости»). Стихотворения включают элементы традиционного ёоряла и «шин ёоряла», которые свидетельствуют о большом внимании поэта к калмыцкому фольклору.

Ключевые слова: фольклор, стихи, традиция, благопожелание (ёорял), «шин ёорял».

Зумаева Д. Ю. Проблема нравственной памяти в повести О. Л. Манджиева «Дорога в один дун»

На основе анализа повести О. Л. Манджиева «Дорога в один дун» дается попытка выяснить, как через этноментальность и утверждение самоценности национального мира писатель выходит в пространство общечеловеческих ценностей.

Ключевые слова: память, предки, народные представления, заповедь, связь поколений.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Убушиева Д. В. Текстологический анализ песен из репертуара сказителя Мукебюна Басангова

В статье освещаются текстологические вопросы, появившиеся при подготовке материала из репертуара сказителя Мукебюна Басангова для тома Свода калмыцкого фольклора.

Ключевые слова: архив, фонд, запись, текст, перевод, текстология, эпос, сказитель.

Kukanova V. Leitmotif «Metamorphosis» in the Poetic Texts of R. M. Khaninova

This article is devoted to the analysis of leitmotif «Metamorphosis» in the poetic texts of R. M. Khaninova who is Russian-speaking poet in Kalmykia. There are revealed structural elements of the given leitmotif and a number of others connected with its realization by the means of semantic-stylistic analysis of poetic texts.

Keywords: R. M. Khaninova, cycle «Metamorphosis», leitmotif, semantic dominant, world-view, intercultural communication.

LITERATURE

Khaninova R. On Anthropological Poetics of Russian Prose of the 1920-s

Some aspects of anthropological poetics of the Russian stories and narrations by B. A. Lavrenov, A. N. Tolstoy, S. D. Krizhizhanovsky are considered in the article. It has been investigated that «revolutionary transvestism» and ophthalmologic topophilia reveal the role and place of women in the war, define the visual code of character's corporality making it easy for finding or missing of a desired place.

Keywords: anthropological poetics, «revolutionary transvestism», ophthalmologic topophilia.

Ochirova E. Blessing (yoryal) from «Songs of Joy» by Mikhael Khoninov

The paper identifies the genre traditions of blessing (yoryal) from the early lyrics by Mikhael Khoninov, particularly in the first verse collection «Bayrin dud» («Songs of Joy»). The poems include the elements of traditional yoryal and new yoryal. They characterize the attention of the author to the Kalmyk folklore.

Keywords: folklore, poems, tradition, blessing (yoryal), «new yoryal».

Zumaeva D. The Problem of Moral Memory in O. L. Mandzhiev's Story «Doroga v Odin Dun»

There is an attempt to reveal on the basis of the analysis of O. Mandzhiev's story «Doroga v Odin Dun» how through ethnomentality and the statement of self-value of the national world the writer leaves in space of universal values.

Keywords: memory, the ancestors, the people's view, the commandment, connection of generations.

FOLKLORISTICS

Ubushieva D. Textual Analysis of Songs from Storyteller Mukabjun Basangov's Repertoire

The article deals with the textual issues which have appeared during preparation of the material from repertoire of storyteller Mukabjun Basangov for the Kalmyk folklore.

Keywords: archive, fund, record, the text, transfer, textual criticism, the epos, the storyteller.

Горяева Б. Б. Сюжет «Волшебник и его ученик» (AT 325) в калмыцкой сказочной традиции

В статье рассматривается международный сюжет «Волшебник и его ученик» (AT 325) в калмыцкой сказочной традиции. На основе анализа различных сказок сделан вывод о том, что данный сюжет используется в фольклорной традиции калмыцкого народа в качестве рамочного обрамления.

Ключевые слова: калмыцкая сказочная традиция, волшебная сказка, обрамляющий сюжет.

Goryaeva B. Plot «Wizard and his Pupil» (AT 325) in Kalmyk Fairy-tale Tradition

The article deals with the international plot «The Wizard and his Pupil» (AT 325) in the Kalmyk fabulous tradition. There is revealed that this plot is used as a frame story in folk tradition of the Kalmyk people on the analysis of different fairy-tales.

Keywords: Kalmyk fairy tradition, fairy-tale, framing story.

Михайлова Н. Д. Художественные особенности калмыцких народных благопожеланий

Статья посвящена описанию художественных особенностей калмыцких народных благопожеланий, занимающих значительное место в этносфере калмыков.

Ключевые слова: благопожелания, жанр, информант, художественно-поэтические особенности.

Mihajlova N. Art Peculiarities of the Kalmyk Blessing

The article is dedicated to the description of the art peculiarities of the Kalmyk blessing occupying a considerable place in the ethnosphere of the Kalmyks.

Keywords: blessing, the genre, the informant, artistic, poetic features.

СОЦИОЛОГИЯ

Бадмаева Н. В. Применение социальных технологий в управлении миграционными процессами в регионе: к постановке проблемы

Статья посвящена проблеме технологизации процесса управления регионом. В ней рассматриваются возможности применения социальных технологий в управлении миграционными процессами в регионе.

Ключевые слова: регион, социальные технологии, технологизация, миграционные процессы.

SOCIOLOGY

Badmaeva N. Usage of Social Technology in Management of Migration Processes in Region: towards the raising of a Problem

The article is devoted to the problem of technologizing of management process of region. It discusses the possibilities of application of social technologies in the management of the migratory processes in the region.

Keywords: region, social technologies, technologization, migration processes.

Иджаева Б. В. Измерение политической активности городской молодежи (на материале анкетного опроса)

Статья посвящена проблеме политической активности молодежи. В ней рассматриваются данные социологического исследования, проведенного Центром мониторинга общественного мнения КИГИ РАН в целях изучения отношения и степени доверия молодежи к политическим институтам и органам власти федерального, регионального и местного уровней.

Ключевые слова: молодежь, политическая активность, политическое участие, политическое доверие.

Idzhaeva B. Measuring of Political Activity of Urban Young People (based on questionnaire)

The article is devoted to a problem of political activity of youth. There is considered the data of the sociological research conducted by the Center of monitoring of public opinion of Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences with the purposes of the researching of attitude and degree of trust of youth to political institutes and authorities of federal, regional and local levels.

Keywords: youth, political activity, political participation, political trust.

Намруева Л. В. Региональное телевидение как механизм этнической социализации (на примере Калмыкии)

В статье проанализированы история развития регионального телевидения и его роль в воспитании личности молодого человека. Автор приходит к выводу, что телевидение Калмыкии является одним из основных механизмов трансляции калмыцкой культуры, этнической социализации молодежи республики.

Ключевые слова: этническая социализация, институт социализации, молодежь, регион, культура калмыцкого народа, региональное телевидение, ассимиляционные процессы.

Namrueva L. Regional TV as a Mechanism of ethnic socialization (based on Republic of Kalmykia)

The article analyzed the history of development of regional television and its role in the personality education of young man. The author concludes that television of Kalmykia is one of basic mechanisms to translation of the Kalmyk culture, ethnic socialization of youth of republic.

Keywords: ethnic socialization, institute of socialization, youth, region, culture of Kalmyk people, regional television, assimilatory processes.

Шарманджиев Д. А. О ценностных представлениях населения Республики Калмыкия: поколенческие предпочтения (по материалам социологических опросов)

В статье рассматриваются ценностные представления населения Калмыкии в контексте мировоззренческих позиций личности на материале социологических опросов. Автор также сопоставляет отдельные компоненты ценностной картины мира разных возрастных групп жителей республики.

Ключевые слова: ценности, мировоззрение личности, молодежь, культура.

Sharmandzhiev D. About Valuable Ideas of Population of Republic of Kalmykia: Generation Preferences (based on materials of sociological survey)

In the article the value representations of youth of the Republic of Kalmykia in the context of the ideological positions of the identity on the basis of the results of polls are considered. The author also compares the individual components of value-world picture of different age groups of population of republic.

Keywords: values, outlook identity, youth, culture.

ЭКОНОМИКА

Мантаева Э. И., Голденова В. С., Чудидов В. А. Модели взаимодействия государства и бизнеса в реализации социальной ответственности

В статье анализируются существующие модели социальной ответственности бизнеса, классифицированные в зависимости от роли государства в регулировании социально ответственного поведения компаний, даются рекомендации о возможности применения моделей в условиях российской экономики.

Ключевые слова: модели социальной ответственности бизнеса, государственное регулирование социальной ответственности бизнеса.

ECONOMY

Mantaeva E., Goldenova V., Chudidov V. Models of Interaction of State and Business in Realization of Social Responsibility

In the article existing models of social responsibility of the business, classified depending on a role of the states in regulation of socially responsible behavior of the companies are analyzed; recommendations about possibility of application of models in the conditions of the Russian economy are made.

Keywords: models of social responsibility of business, state regulation of social responsibility of business.

Кудайназаров С. В., Шураева К. В. Особенности формирования инвестиционной политики в регионах

В статье рассматриваются особенности формирования инвестиционной политики в регионах, определяющих основные направления и динамику преобразований в экономике. Актуальность темы обусловлена необходимостью теоретико-методологического обеспечения эффективности оценки региональных инвестиционных проектов, что является приоритетной научно-практической задачей, имеющей важное народнохозяйственное значение.

Ключевые слова: инвестиции, регион, политика, проекты, экономика.

Kudajnarov S., Shuraeva K. Peculiarities of Forming of Investment Politics in Regions

The article considers the peculiarities of forming investment politics in region defined the main trends and dynamics of changes in the economy. The actuality of the theme is conditioned by necessity of theoretic and methodological providing of efficiency of evaluation of regional investment projects theoretic and practical task which has important national economy value.

Keywords: investment, regions, politics, projects, economics.

Куркудинова Е. В., Авадаева И. В. Кластерный подход в развитии экономики региона: теоретический аспект

В статье рассматриваются теоретические аспекты формирования региональных кластеров. Авторами анализируются различные подходы к развитию кластерной теории. Неоднозначность содержания и большое количество трактовок понятия кластера обусловили необходимость на основе эволюционного и сравнительного анализа теоретических положений уточнить экономическую сущность регионального кластера.

Ключевые слова: региональная экономика, кластер, кластерный подход, конкуренция.

Kurkudinova E., Avadaeva I. Cluster Approach in Development of Economy of Region: Theoretical Aspect

The theoretic aspects of forming regional clusters are considered in this article. The authors analyze the main approach of the cluster's theory. The ambiguousness of maintenance of one term and a great number of interpretations of the concept «cluster» stipulated the necessity of clarification of the economic essence of the regional cluster on the bases of evolutionary and comparative analysis.

Keywords: regional economy, cluster, cluster approach, competition.

ЭКОЛОГИЯ

Габунщина Э. Б. Деградационные процессы в Северо-Западном Прикаспии

Статья содержит сведения по деградации земельных ресурсов в регионах Северо-Западного Прикаспия: Астраханской, Волгоградской, Ростовской областях, Республиках Дагестан и Калмыкия. Приводятся данные по географии опустынивания, изменению индекса аридности климата, степени дезертификации, а также показатели падения продуктивности угодий.

Ключевые слова: деградация, аридность, опустынивание, эрозия, угодья.

ECOLOGY

Gabunshchina E. Degradation Processes in the North-Western Pricaspiy

The article contains data on degradation of ground resources in regions of the North-Western Pricaspiy: the Astrakhan, Volgograd, Rostov oblasts, Republics of Dagestans and Kalmykia. The data on desertification geography, change index of aridity a climate, degree desertification, and also indicators of falling of productivity of lands is cited.

Keywords: degradation, aridity, desertification, erosion, lands.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Авадаева Инна Владимировна — кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономической теории Калмыцкого государственного университета. E-mail: avadaeva80@mail.ru.

Бадгаев Николай Боктаевич — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: kigiran@elista.ru.

Бадмаева Ноган Вячеславовна — младший научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: kigiran@elista.ru.

Бадугинова Маргарита Владимировна — аспирант отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: madarin@mail.ru.

Бакаева Эльза Петровна — доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: ebakaeva@yandex.ru.

Бичеев Баазр Александрович — доктор филологических наук, доцент, заведующий отделом письменных памятников и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: kigiran@elista.ru.

Буринова Лидия Дадуновна — кандидат исторических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Калмыцкого государственного университета. E-mail: burinova08@mail.ru.

Виноградов Сергей Вадимович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и архивоведения Астраханского государственного университета. E-mail: dissovetdm@yandex.ru.

Волосухина Наталия Игоревна — ассистент кафедры истории и архивоведения Астраханского государственного университета. E-mail: dissovetdm@yandex.ru.

Зумаева Дельгир Юрьевна — младший научный сотрудник отдела литературы, фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: delgir-82@mail.ru.

Габунщина Эмма Борисовна — доктор сельскохозяйственных наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: kigiran@elista.ru.

Inna Avadaeva — Ph. D. of economics, senior lecture of Department of Economic Theory of the Kalmyk State University. E-mail: avadaeva80@mail.ru.

Nikolay Badgaev — Ph. D. of philology, research worker of the Linguistics Department at the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: kigiran@elista.ru.

Nogan Badmaeva — junior research worker of the Department of Social, Political and Ecological Studies at the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: kigiran@elista.ru.

Margarita Baduginova — post-graduate student of the History and Archeology Department at the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: madarin@mail.ru.

Elza Bakaeva — Ph. D. of history, Deputy Director of the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: ebakaeva@yandex.ru.

Baazr Bicheev — Ph. D. of philosophy, associate professor, Head of the Written Monuments and Buddhology Department at the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: kigiran@elista.ru.

Lidia Burinova — Ph. D. of History, associate professor of the Department of Civil Law and Process of the Kalmyk State University. E-mail: burinova08@mail.ru.

Sergey Vinogradov — Ph. D. of history, professor, Head of Department of History and Archives Studies of the Astrahan State University. E-mail: dissovetdm@yandex.ru.

Nataliya Volosuhina — assistant of the Department of History and Archives Studies of the Astrahan State University. E-mail: dissovetdm@yandex.ru.

Delgir Zumaeva — junior research worker of the Literature, Folklore and Dzhangar Studies Department at the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: delgir-82@mail.ru.

Emma Gabunshchina — Ph. D. of agriculture, leading research worker of the Department of Social, Political and Ecological Studies at the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: kigiran@elista.ru.

Голденова Виктория Сергеевна — кандидат экономических наук, ассистент кафедры экономической теории Калмыцкого государственного университета. E-mail: victoriapol@rambler.ru.

Горяева Баира Басанговна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературы, фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: baira79@yandex.ru.

Иджаева Баира Владимировна — младший научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: kigiran@elista.ru.

Кекеев Байр Анатольевич — аспирант кафедры гражданского права и процесса Ставропольского государственного университета. E-mail: bairrr@mail.ru.

Кринко Евгений Федорович — доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН. E-mail: krinko@mail.ru.

Команджаев Александр Нармаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Калмыцкого государственного университета. E-mail: ak.narma@mail.ru.

Команджаев Евгений Александрович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права Калмыцкого государственного университета. E-mail: komandzhaev@mail.ru.

Кудайназаров Тимур Владимирович — аспирант кафедры экономической теории Калмыцкого государственного университета. E-mail: timur-k@yandex.ru.

Куканова Виктория Васильевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: vika.kukanova@gmail.com.

Кукеев Адьян Геннадьевич — младший научный сотрудник отдела письменных памятников и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: kigiran@elista.ru.

Кукеев Дорджи Геннадьевич — младший научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: kigiran@elista.ru.

Viktoriia Goldenova — Ph. D. of economics, assistant of the Department of Economic Theory of the Kalmyk State University. E-mail: victoriapol@rambler.ru.

Baira Goryaeva — Ph. D. of philology, senior research worker of the Literature, Folklore and Dzhangar Studies Department at the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: baira79@yandex.ru.

Baira Idzhaeva — junior research worker of Department of Social, Political and Ecological Studies at the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: kigiran@elista.ru.

Bair Kekeev — post-graduate student of the Department of Civil Law and Process of the Stavropol State University. E-mail: bairrr@mail.ru.

Evgeniy Crinko — Ph. D. of history, Deputy Director of the Institute of Social, Economic and Humanitarian Studies at the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences. E-mail: krinko@mail.ru.

Alexander Komandzhaev — Ph. D. of history, professor, Head of Department of Russian History at the Kalmyk State University. E-mail: ak.narma@mail.ru.

Evgeniy Komandzhaev — Ph. D. of jurisprudence, associate professor, Head of Department of Theory of State and Law at the Kalmyk State University. E-mail: komandzhaev@mail.ru.

Timur Kudaynazarov — post-graduate student of the Department of Economic Theory at the Kalmyk State University. E-mail: timur-k@yandex.ru.

Viktoria Kukanova — Ph. D. of philology, research worker of Linguistics Department at the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: vika.kukanova@gmail.com.

Adjan Kukeev — junior research worker of the Written Monuments and Buddhology Department at the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: kigiran@elista.ru.

Dordzhy Kukeev — junior research worker of the History and Archeology Department at the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: kigiran@elista.ru.

Куприянова Сагара Кимовна — ассистент кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета. E-mail: ksaglr@yandex.ru.

Куркудинова Екатерина Владимировна — ассистент кафедры экономической теории Калмыцкого государственного университета. E-mail: ekurkudinova@gmail.com.

Лиджеева Кермен Викторовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Калмыцкого государственного университета. E-mail: lidzheeva_79@mail.ru.

Максимов Константин Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: kigiran@elista.ru.

Манджиева Байрта Барбаевна — кандидат филологических наук, заведующий отделом литературы, фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: mbbairta@yandex.ru.

Мантаева Эльза Ивановна — доктор экономических наук, профессор, проректор по экономике и инновациям Калмыцкого государственного университета, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления и права Калмыцкого государственного университета. E-mail: mantaeva08@rambler.ru.

Марзаева Марина Борисовна — младший научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: marzaeva_marina@mail.ru.

Мацакова Наталья Петровна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, межкультурной коммуникации и регионоведения Калмыцкого государственного университета. E-mail: matsakova_NP@mail.ru.

Мининков Николай Александрович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой специальных исторических дисциплин и документоведения Южного федерального университета. E-mail: mininkov@aaanet.ru.

Михайлова Надежда Довжеевна — начальник отдела науки и развития регионального образования Министерства образования, культуры и науки Республики Калмыкия. E-mail: monrk@mail.ru.

Saglara Kupriyanova — post-graduate student of the Department of General and Comparative Linguistics at the Moscow State Linguistic University. E-mail: ksaglr@yandex.ru.

Ekaterina Kurkudinova — assistant of Department of Economic Theory at the Kalmyk State University. E-mail: ekurkudinova@gmail.com.

Kermen Lidzheeva — Ph. D. of jurisprudence, associate professor, Head of Department of Theory of State and Law at the Kalmyk State University. E-mail: lidzheeva_79@mail.ru.

Konstantin Maksimov — Ph. D. of history, professor, Head of the History and Archeology Department at the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: kigiran@elista.ru.

Baira Mandzhieva — Ph. D. of philology, Head of the Literature, Folklore and Dzhangar Studies Department at the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: mbairta@mail.ru.

Elza Mantaeva — Ph. D. of economics, professor, Vice-Principal of Economics and Innovations of the Kalmyk State University, Head of the Department of State and Municipal management of the Kalmyk State University. E-mail: mantaeva08@rambler.ru.

Marina Marzaeva — junior research worker of Department of Social, Political and Ecological Studies at the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: kigiran@elista.ru.

Nataliya Matsakova — Ph. D. of history, lecturer of the Department of Foreign languages, Intercultural Communication and Region Studies at the Kalmyk State University. E-mail: matsakova_NP@mail.ru.

Nikolay Mininkov — Ph. D. of history, professor, Head of the Department of Special Historical Disciplines and Document Studies of the Southern Federal University. E-mail: mininkov@aaanet.ru.

Nadezhda Mihaylova — Head of the Department of Science and Development of Region Education of the Ministry of Education, Culture and Science of Republic of Kalmykia. E-mail: monrk@mail.ru.

Монраева Эльзята Михайловна — ассистент кафедры иностранных языков для гуманитарных специальностей Ростовского государственного экономического университета. E-mail: Zyaka85@yandex.ru.

Намруева Людмила Васильевна — кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: kigiran@elista.ru.

Насунова Баина Борисовна — ассистент кафедры теории государства и права Калмыцкого государственного университета. E-mail: baina_nasunova90@mail.ru.

Омакаева Элара Уляевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: elomakaeva@mail.ru.

Очирова Нина Гаряевна — кандидат политических наук, доцент, директор Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: kigiran@elista.ru.

Очирова Нюдля Четыровна — младший научный сотрудник отдела языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: ochir.nudlya@mail.ru.

Очирова Элеонора Борисовна — старший лаборант кафедры русской и зарубежной литературы Калмыцкого государственного университета. E-mail: lit@kalmsu.ru.

Радионов Андрей Владимирович — ассистент кафедры зарубежной филологии Калмыцкого государственного университета. E-mail: voinodarov6.85@mail.ru.

Рассадин Валентин Иванович — доктор филологических наук, профессор, директор Научного центра монголоведных и алтаистических исследований Калмыцкого государственного университета. E-mail: rassadin17@mail.ru.

Самбуудаваа Мандах — соискатель кафедры истории России Калмыцкого государственного университета. E-mail: kigiran@elista.ru.

Сартикова Евгения Викторовна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: sartikova_evgeniya@mail.ru.

Elzyata Monraeva — assistant of the Department of Foreign Languages for Humanitarian Specialties of Rostov State Economic University. E-mail: Zyaka85@yandex.ru.

Ludmila Namrueva — Ph. D. of Sociology, associate professor, senior research worker of the Department of Social, Political and Ecological Studies at the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: kigiran@elista.ru.

Baina Nasunova — assistant of the Department of Theory of State and Law at the Kalmyk State University. E-mail: baina_nasunova90@mail.ru.

Ellara Omakaeva — Ph. D. of philology, associate professor, Head of Linguistics Department at the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: elomakaeva@mail.ru.

Nina Ochirova — Ph. D. of politology, associate professor, Director of the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: kigiran@elista.ru.

Nudlya Ochirova — junior research worker of Linguistics Department at the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: ochir.nudlya@mail.ru.

Eleonora Ochirova — senior laboratory assistant of the Department of Russian and Foreign Literature at the Kalmyk State University. E-mail: lit@kalmsu.ru.

Andrey Radionov — assistant of the Department of Foreign Philology of the Kalmyk State University. E-mail: voinodarov6.85@mail.ru.

Valentin Rassadin — Ph. D. of philology, professor, Director of Scientific Centre of Mongolian and Altaic Studies at the Kalmyk State University. E-mail: rassadin17@mail.ru.

Sambuudavaa Mandach — post-graduate student of the Department of Russian History at the Kalmyk State University. E-mail: kigiran@elista.ru.

Evgeniya Sartikova — Ph. D. of history, associate professor, senior research worker of the History and Archeology Department at the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: sartikova_evgeniya@mail.ru.

Тепкеев Владимир Толтаевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: tv75@mail.ru.

Трофимова Светлана Менкеновна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского и общего языкознания Калмыцкого государственного университета. E-mail: trofimovasm@mail.ru.

Убушиева Данара Владимировна — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник отдела литературы, фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: bib.danara@yandex.ru.

Убушаев Евгений Николаевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России Калмыцкого государственного университета. E-mail: ubushaev@mail.ru.

Федин Сергей Альбертович — кандидат исторических наук, докторант Астраханского государственного университета. E-mail: fedserg62@mail.ru.

Ханинова Римма Михайловна — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Калмыцкого государственного университета. E-mail: rhaninova@mail.ru.

Чудидов Владимир Александрович — соискатель кафедры экономической теории Калмыцкого государственного университета. E-mail: chudidov23@mail.ru.

Шарманджиев Дорджи Адьянович — кандидат педагогических наук, научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: kigiran@elista.ru.

Шураева Кермен Владимировна — кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономической теории Калмыцкого государственного университета. E-mail: kemash@mail.ru.

Vladimir Tepkeev — Ph. D. of history, senior research worker of the History and Archeology Department at the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: tv75@mail.ru.

Svetlana Trofimova — Ph. D. of philology, professor of the Department of Russian and General Linguistics at the Kalmyk State University. E-mail: trofimovasm@mail.ru.

Danara Ubushieva — Ph. D. of philology, junior research worker at the Literature, Folklore and Dzhangar Studies Department at the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: bib.danara@yandex.ru.

Evgeniy Ubushaev — Ph. D. of history, senior lecturer of the Department of Russian History at the Kalmyk State University. E-mail: ubushaev@mail.ru.

Sergey Fedin — Ph. D. of history, doctoral student of the Astrakhan State University. E-mail: fedserg62@mail.ru.

Rimma Khaninova — Ph. D. of philology, associate professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature at the Kalmyk State University. E-mail: rhaninova@mail.ru.

Vladimir Chudidov — post-graduate student of the Department of Economic Theory of the Kalmyk State University. E-mail: chudidov23@mail.ru.

Dordzhy Sharmandzhiev — Ph. D. of pedagogics, research worker of the Department of Social, Political and Ecological Studies at the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: kigiran@elista.ru.

Kermen Shuraeva — Ph. D. Of economics, senior lecture of Department of Economic Theory of the Kalmyk State University. E-mail: kemash@mail.ru.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН» принимает к печати авторские рукописи по приоритетным направлениям фундаментальных исследований РАН в области гуманитарных наук, а также рецензии, хронику, персоналии, ранее нигде не публиковавшиеся.

Журнал входит в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК** для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по направлениям (редакция 17.06.2011):

- история;
- юриспруденция;
- филология;
- экономика.

Материалы принимаются в электронном виде в редакторе Word, набранные 14-м шрифтом через полуторный интервал (все поля по 2,5 см), объемом не более 0,7 п. л. При наборе необходимо использовать стандартную гарнитуру шрифта TimesNewRoman. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи с перечнем подрисуночных подписей. Литература должна быть затекстовая в алфавитном порядке. Страницы обязательно должны быть пронумерованы.

К материалу прилагаются следующие документы: 1) аннотация на русском и английском языках (с обязательным переводом названия статьи, объемом не более 10 строк); 2) ключевые слова (не более 20) и их перевод на английский язык; 3) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень; ученое звание; направление работы; должность (с указанием полного названия кафедры вуза или структурного подразделения исследовательского института); рабочий адрес и телефоны; адрес электронной почты; 4) внешняя рецензия на статью; 5) ББК и УДК; 6) договор (бумажный вариант договора с личной подписью в двух экземплярах).

Редакция отправляет предлагаемые к изданию рукописи на независимое научное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикуемых материалов. Рукописи не возвращаются, редакция не вступает в переписку по поводу отклоненных материалов. Перепечатка опубликованных в журнале материалов допускается только по согласованию с редакцией.

Материалы могут быть отправлены простой корреспонденцией, заказным письмом (358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8), электронной почтой (vestnik.kigiran@gmail.com).

Правила для авторов, Положение о рецензировании, а также договор опубликованы на сайте Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (www.kigiran.com/articles.php?cat_id=8).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ВЕСТНИК
Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

№ 2, 2011

Сдано в набор 19.12.2011. Подписано в печать 26.12.2011. Формат бумаги 60х84 $\frac{1}{8}$.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 25,5. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Учредитель и издатель:
Учреждение Российской академии наук
Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН

Отпечатано в КИГИ РАН (358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8).

Индекс 10236

ISSN 2075-7794. Вестник Калмыцкого института
гуманитарных исследований РАН